

Борис РЯБУХИН

ВЫХОД В НЕБО

Рассказы. Очерки
Драматическая поэма.

Москва

2005

P2
P98

Рябухин Б.К.

Выход в небо: Рассказы. Очерки. Драматическая поэма. -- М.: , 2005. — с.,
1 л. портр.

Борис Рябухин - автор восьми очерковых и десяти поэтических книг. В его новую книгу «Выход в небо» вошли рассказы и очерки о людях, верных своему предназначению, а так же - драматическая поэма «Император Иван», которая завершает трилогию исторических хроник в стихах, рассказывающих о смутах в России XVII – XVIII вв.

Две предыдущие хроники - “Степан Разин” и “Кондрат Булавин” отмечены международной литературной премией имени Николая Тихонова.

Без объявл.

P2

ISBN

© Рябухин Борис Константинович, 2005 г.

РАССКАЗЫ

ДОБРОЕ ИМЯ

Рассказ

Через переднее стекло видавшего вида газика солнце било прямо в глаза парню лет тридцати, одетому по-городскому в темно зеленую водолазку, коричневый вельветовый пиджак и джинсы. Он о чем-то разговаривал с молодым рыжим шофером в темно-синей спецовке. На заднем сидении подпрыгивали от тряски этюдник и спортивная сумка с надписью «Олимпиада-80».

Газик пылил по грунтовой дороге вдоль широкого поля спелой пшеницы, раскинувшейся с одной стороны до пестрой полосы леса, а с другой - до голубой ленты реки Медведицы, зыбко уходящей далеко за горизонт.

Но вот небо нахмурилось от наползающей на солнце тучи - и мир вокруг стал темно-сизым.

...И пассажиру показалось, что посередине откоса, маячащего впереди, он увидел себя, четырнадцатилетним подростком, державшимся за куст терновника и упирающимся босыми ногами в осыпающийся уступ глины. Надо было быть довольно смелым, чтобы вот так, бесшабашно, висеть над обрывом, над редкими вершинами прижавшегося к откосу ольховника. В свободной руке подросток держал перочинный нож и расчищал свежеврезанные в глине большие буквы дорогого, видимо, ему имени "ЛИЛЯ". Ветер подхватывал глину с ножа, и она осыпалась, попадая в глаза, нос, губы, отчего он морщился, часто моргал и крутил головой, но занятия своего не оставлял...

От этих воспоминаний пассажир газика тоже непроизвольно морщился и крутил головой, что вызвало недоумение на лице косившегося на него шофера. Стрижи носились низко над дорогой, царапая с лету крылышками землю.

- К дождю, - сказал шофер.

Но пассажир не откликнулся, продолжая воспоминания.

...Он видел, как над ним с громким чириканьем носились встревоженные стрижи, боясь, что он позарился на их гнезда в норах, которыми был утыкан крутой обрыв.

- Держись, Ванек, мы здесь! - услышал он голос деда и, вскинув голову, увидел его развевающуюся рубашку и встревоженные лица своих друзей Лили и Дениса.

- Ванечек, миленький держись! - причитала худенькая Лиля, прижимая свою косу к груди.

- Как ты туда попал? - с испугом спросил коренастый Денис, торопливо снимая тенниску.

- Что вы кричите? - возмутился Ванек. - Кто вас звал? - с отчаянной досадой крикнул он. - Я сам вылезу.

- Не двигайся, не вылезешь, - сказал как можно спокойнее, чтобы не пугать внука, дед, разматывая веревку. - Иду с бахчи, а он висит. Я скорей помочь звать.

Веревка стала спускаться с края обрыва, и Ванек увидел напряженное лицо и руку лежащего на краю обрыва Дениса.

- Не возьму вашу веревку, - упрямылся Ванек. – Идите отсюда! - разозлился он, попытавшись сам подняться вверх по уступу.

Но глина под его ногами стала осыпаться, и куст, за который он держался, затрещал.

- Ой, мамочка! - пискнула Лиля.

- Стой, Ванек, - крикнул дед.

Ванек испуганно прижался всем телом к откосу и попытался воткнуть нож перед собой в глину, но эта опора была ненадежной, глина осыпалась под ножом.

А веревка до Ванька немного не доставала.

- Короткая, дед Степан, - сообщил Денис, все больше свешиваясь головой вниз, чтобы поглубже опустить веревку. – Держите меня!

- Держим, держим, - успокаивал его дед. - Это все ты, Лиля! - сказал он в сердцах.

- А что я? - глухо отозвалась она.

- Вылезу без вас, - упрямо сказал Ванек, стараясь лучше опереться ногами об уступ.

Вдруг глина отслоилась и с шумом полетела вниз, а ноги Ванька повисли над обрывом. Он судорожно вцепился в куст, терновник угрожающе затрещал, нож выскользнул из руки, и Ванек лихорадочно стал цепляться второй рукой за отверстия нор. Стрижи еще сильнее загалдели, подлетая так близко, что задевали его крыльями.

- Ой! Он сейчас сорвется! - завизжала Лиля. - Помогите, он сорвется!

- Цыть! - прикрикнул на нее испуганный дед Степан. - Держись,

внучек, держись, милай, хоть зубами держись! Вниз не смотри.

Весь бледный, Ванек замер, распластавшись на откосе и боясь шелохнуться. Пот грязными струйками стекал с его обсыпанного глиной лица.

- Хватайся! - услышал он крик Дениса и увидел над головой конец веревки.

Куст все больше гнулся под тяжестью его тела и трещал, глина осыпалась под вцепившимися в нору пальцами, силы покидали Ванька и ладони разжимались.

Все замерли.

Какое-то мгновение Ванек загнипнотизированно смотрел на конец веревки, но не шевелился.

- Хватайся, балда! - вывел его из оцепенения натужный крик Дениса, сильно перегнувшегося через край обрыва.

И Ванек схватился за веревку, зажмурил глаза.

...Открыв глаза, пассажир вытер ладонью пот со лба и с облегчением откинулся на спинку сидения.

Впереди за крутояром показалась деревня с кирпичными и деревянными домами, коровниками, силосными башнями, элеватором.

Газик проехал мимо дорожного столба, на указателе которого была надпись «д. Петропавловка».

...Но пассажир, погрузившись опять в воспоминания, видел сейчас деревню такой, какой помнил с детства - без кирпичных домов, с соломенными крышами, одним коровником, без элеватора. И чем ближе подъезжал он к этой деревне, тем выше поднимался над ней расположенный на холме дом с непомерно высоким подпольем, что придавало этому дому вид гордый, благородный, летящий...

Сколько себя помнил, Иван рисовал этот дом на холме. Дом Федора. Почему он был привязан к нему? И не только он. С войны этот дом стоял заколоченным. Вся семья Федора погибла. Каким же надо было быть этому человеку, чтобы к его даже заколоченному дому тянулось несколько поколений сельчан?

По тому, как прямо держались стены, как ровно лежала крыша, было ясно, что дом построен ладно и крепко. Но развалившаяся труба, заколоченные досками широкие окна и дверь, повалившийся плетень - все говорило о том, что дом этот давно стоит без хозяина...

Газик ехал по направлению к холму по деревенской улице. У ворот

копошились в траве куры. Во дворах раскачивались мальвы и подсолнухи. В огородах люди отрывались от работы и провожали машину любопытными взглядами.

- Целый месяц памятник делали! - с осуждением сказал шофер, покосившись на пассажира, но тот не откликнулся.

Газик пропылил мимо холма.

.... Ивану показалось, что в клубах пыли он увидел опять себя, тем же подростком в комбинированной курточке на узких плечах, рисующим огрызком карандаша в потрепанном альбоме возвышающийся перед ним заколоченный дом Федора.

- Только рисунки и останутся, - услышал Ванек голос, обернулся и увидел деда Степана. – Эх, люди!

Деду было лет шестьдесят, но выглядел он намного старше. Редкие его волосы, брови и усы были белыми, как будто обсыпаны мукой. Тонкая длинная шея почернела, как и лицо, от солнца. Спина ссутулилась. На нем была не застегнутая овчинная безрукавка, из-под которой вылезла длинная холщевая рубашка. Перекрученные на тонких ногах ветхие брюки обвисли. Ботинки, надетые на босу ногу, были разбиты.

- Ну, че уставился? - спросил дед, нашарил в кармане табакерку, понюхал табачку, чихнул. - Не хватает, вишь, бревен для коровника. Вот кому-то и взбрело в башку дом разобрать!

- Дом Фёдора? - наконец отозвался Ванек. - Как же так?

- А вот так! - развел руками дед. – Я им говорю: "Што, леса нельзя купить? Чай, на аванс перешли, разбогатели». Дак председатель ни вкакую. Мол, не тебе об этом доме печаловаться. И опять полицаем в нос ткнул... И инженер - умный мужик, а туда же...

Дед, прихрамывая, стал подниматься на холм. Ванек - за ним.

- А другие? Не заступились?

- Заступились – расступились! - махнул рукой дед.

Они подошли к дому Федора.

- Не хотят поперек председателя иттить, - сетовал дед. - Все равно, мол, брошенный стоит... Вот эти я вырезал, - тронул он длинными широкими пальцами наличник на забитом окне. – Годков, чай, тридцать назад. Дом-то молодой ишшо.

- Вся деревня строила, - уточнил Ванек.

Дед что-то ответил, но Ванек не слушал. Перед его глазами, как наяву, встала запомнившаяся по рассказам картина.

...У недостроенного коровника на траве расположились кружком пообедать деревенские плотники. Были здесь и подростки. Ели картошку с рыбой. Пили молоко. И заслушались все бабу Груню.

Хоть баба Груня была и стара, и морщиниста, но худенькое ее тело, темные живые глаза и косичка вокруг седой головы делали ее моложавой, даже в мешковатом вельветовом платье и ичигах. Она стояла в центре круга на траве и рассказывала в лицах, как строили дом Федора.

- Мне тада лет пятнадцать было, как сичас Лильке, - кивнула она на внучку, от чего та засмуцалась и отбросила косу за спину. - Я че могла? Молодая. Глину месила с кизяками. Прыгаем вот так, - приплясывала она худыми ногами, - а глина - чав, чав, чав... Ну, че? Ноги мерзнут. Осень, холодать стало. Зубами вот так стучим. А я возьми и крикни: "Девчонки, танцуй!" Как припустимся! Ну, че? Молодость! Кровь горячая. Я платок с головы сорвала, махнула, да частушки стала жарить:

Как у милова мово

Аккуратненькой носок.

Восемь курочек садитца,

А девятый - пяташок!

- Все ржут! - рассмеялась баба Груня. - А мой Степан злится. Про его аккуратненькой носок... - Вдруг баба Груня на мгновение помрачнела. - Все - кать не верится, што сердце тады обманулось в Степане... Да и Витьке с Сашкой он помог сбежать от немцев... - Но облачко грусти с лица бабы Груни быстро сошло. - Ну, че? Пою, а сама на Степана зыркаю. Мужики венец выравнивают, подняли - а Степан кирпичи подкладывает под угол. Я, дуреха, возьми и крикни под руку: «Палец не придави!» А он обернулся - да мне в пику: «А ты горло не застуди, пташечка!» Ну, че? Отвлекся, да не успел кирпич путем подложить - мужики венец опустили. Степан с досады стал кирпич ногой подбивать. А он возьми, да раскрошись. Ему, бедному, ногу-то краем венца и придавило. На все жизнь охромел.

...Страх и боль за деда, у которого нога застряла под венцом, были до того велики, что Ванек вскрикнул - и видение пропало.

- Ты че? - удивился дед, сидя на крыльце с дымящей самокруткой.

- Вспомнил, как тебе ногу отдавило, - кивнул Ванек на вывернутый ботинок деда.

- Жалостливый! - потеплел лицом дед и, помолчав, опять стал рассуждать. - Мол, деревня строила - деревня и ломает... Конечно, и

коровник нужен. Здесь бревна хорошие. И задарма... Эх, люди! Раньше дружнее жили. Лучше были...

- И сейчас хорошие! - возразил Ванек. - И Лиля, и Денис...

- Хорошие-то они хорошие... Памяти нет! - дед встал и подошел к углу дома. - Здесь каждый венец имя имеет. Второй - Витькин, - дотрагивался дед рукой до торца бревна. - Третий – Сашкин, четвертый... Да че там? - махнул он рукой. - Война всех сожрала. А венцы стоят. Память о добром...

- А у первого венца твое имя? - неуверенно, но с надеждой спросил Ванек.

- О себе не говорят, - смутился дед.

- Что же делать? - потрогал торцы венцов Ванек.

- Што делать - што делать? - поник дед Степан. - Видно, ничиво... Не к добру мне нонче этакий сон приснился... - уселся он опять на крыльцо. - Хошь расскажу?

- Ну Расскажи, - нехотя согласился Валек.

- Вижу, так ятно, дом Федора, - начал рассказывать дед. - Опять живой, светлый, веселый. В него Федор только въехал из землянки. Вокруг народ. Ворота настезь. - Он кивнул на покосившийся столб от ворот. - А с крыльца спускается Федор. Огромный, бритый наголо. На рушнике - хлеб, соль. За ним - все пять его сынов. Степан - с гармошкой, Иван - с книжкой, Денис - с кнутом, Борис - с удочкой, а Яшка, самый меньшей, - с куклой. А им навстречь мы, всей деревней. И кто - што несет... Ведь че этот Еж Ежович задумает - вынь да положь. Настырный, казак бумажная душа, тудыть его в кочан!.. И Денис - весь в него...

- Так я и не нарисовал дом Федора масляными красками, - перебил деда Ванек. - Ты все собирался с пенсии купить, а сам пропиваешь. - Потупился он обиженно. - А пенсию мне за отца платят. - Выпалив эти слова, он устыдился и отвернулся.

- Укорил! - растерялся дед. - Выходит, я в нахлебниках у тебя?.. Это нечестно. А кто не честный, тот и не добрый. Себя не уважает... Даже баламутка Лида - и та честно торгует.

- Дед, не надо так! - прижался виновато к нему Ванек. - Прости, дед!

- Че? Я задарма на бахче ургучу? - оттолкнул старик внука. - Да за полочки мне дают. Уважать надо людей, Ванек. Даже плохих есть за что уважать.

- Ну не нужны мне масляные краски, - опять прислонился Ванек к обиженному деду. - Я и карандашами хорошо рисую.

- Хорошо рисую, - с сожалением сказал обмякший дед, взял альбом с

крыльца, стал листать страницы, на которых были нарисованы этюды заколоченного дома на холме. - Где ж ты хорошо рисуешь? Дом-то у тебя неживой.

- Что есть, то и рисую, - пожал плечами Ванек.

- Эх, ты... Что есть?! - бросил самокрутку в траву дед Степан. - Ты вот нарисуй, как я во сне видел... В город тебе надо - учиться на художника... А не за Лилькой ухлыстывать...

- Я от тебя не уеду. А то тебя заклюют.

- Не заклюют! Мы за себя постоим, - распетушился было дед, но быстро потух. - А трудно стоять за себя... Эх, Федор, Федор! Дом снесут - и будто снова тебя похоронят...

- Ванек, сколько ты можешь этот дом рисовать? - раздался голос Дениса над головой Ванька, склонившегося над альбомом.

- А тебе-то что? - хлопнув альбом, обернулся Ванек и увидел Лилю и Дениса со связкой капканов в руке.

- Лучше пошли с нами, - улыбнулась ему Лиля.

- Сусликов ловить? - пряча глаза от ее ласкового взгляда, спросил Ванек.

- А что? Они же вредители, - улыбнулся Денис, и его узкие карие глаза стали совсем щелочками. - А за них деньги дают.

Лиля взяла Ваньку и Дениса за руки, увлекая их за собой.

- Мы с Денисом уже пятьдесят шкурок сдали на целых двадцать рублей, - затараторила она. - Ой, кажется, слепой дождь! - протянула она ладонь под капли начинающегося дождя под лучами еще не закрытого тучей солнца.

- Бежим, а то суслики в капканах намокнут, - крикнул Денис и помчался в степь. - Шкурки пропадут.

- Ты с отцом лишь о погоде думаете! - крикнул Ванек ему вслед, пряча альбом под курточку.

Тот остановился, обернулся с виноватой недоуменной улыбкой на мокром от дождя лице, что-то сказал.

Но его слова заглушила шумная ватага ребятишек, которые бежали с холма босиком по мокрой полыни и весело кричали:

Дождик, дождик, нуще!

Дадим тебе гущи,

Маслицем помажем,

Никому не скажем.

- Живодер! - сказал Ванек, когда ребяташки были уже далеко.

- А ну? Что ты сказал? - вернулся неожиданно Денис.

- Что слышал! - пошел ему навстречу Ванек, сжав кулаки.

- Вы что? Петухи! - растерянно смотрела то на одного, то на другого Лиля.

- С тебя бы содрать шкуру, как бы ты себя чувствовал?! - замахнулся на Дениса Ванек.

- Че тянешь? Че тянешь? - увернулся от кулака Денис и оттолкнул Ванька.

- Перестаньте, дураки! - прикрикнула на них Лиля, прижав косу к груди.

- Чекнутый! - отошел от Ванька разозлившийся Денис. - Ты думаешь, я не знаю, почему ты взелся? Из-за, нее! - кивнул он на Лилю.

- Ладно. Приткнешься! - презрительно смерив друга обиженным взглядом, Ванек отвернулся и пошел прочь.

Дождик перестал...

... Ванек вернулся домой на закате.

Старый его дом был покрыт соломенной крышей, не обшит, не покрашен. Единственным его украшением были резные наличники на окнах. Ванек закрыл за собой калитку, заглянул по пути в саманный хлев. Там у верстака дед Степан выпиливал полочку для рушника. По стружкам под верстаком ходили куры.

- Пришел? - отвлекся от работы дед, обернувшись к Ваньку. По его лицу было видно, что он под хмельком. - Умывайся, сичас будем вечерять. Я два арбуза с бахчи принес...

По пояс раздетым, вытираясь полотенцем, Ванек вошел из сеней в переднюю. Эта единственная в доме комната была тесной, захлавленной по-холостяцки, по все же красивой.

И вся красота шла от большой жар-птицы, собранной из узорчатых фанерных кусочков. Жар-птица была подвешена к потолку около окна на улицу.

Перед другим окном у той же стены стояла лавка, к ней был придвинут стол, покрытый клеенкой. На столе - арбуз, нарезанный хлеб, накрытый полотенцем чугунок, тарелки, стакан и начатая поллитровка мутной бражки. Луч заката заливали пестрое лоскутное одеяло на железной кровати, русскую печку, посудник, горбатый сундучок, полку с

книгами, рушник, свисающий с резной полочки, па которой стояла икона Николая Угодника.

Ванек повесил полотенце на вешалку в темный угол, где стояла на полу глиняная корчага ведра на два. Он открыл крышку, заглянул в корчагу, поморщился от запаха и закрыл.

- Ты че туда лазишь? – прикрикнул на Ванька вошедший в дом дед. - Мал ишшо!

- Да я и взрослым не буду пить эту гадость, - отошел от корчаги к столу Ванек. - Станешь алкашем, как дядя Леня!..

- И не пей, и правильно. Эт я свой век испортил. - Дед накладывал в тарелки кашу из чугунок. – Ну, садись, повечерим. Небось, наголодался за день? - Он налил себе в стакан бражки, выпил одним махом, поморщился. - Ух, тудыть ее в кочан, перестояла.

...Арбуз оказался белым и Ванек ел его с неохотой.

- А ты сольцой его посыпь, сольцой - так вкуснее, - посоветовал дед, доедая кашу.

- Давай другой взрежем, а этот выбросим.

- Эка, ты какой! Выбросим. Нешто еду можно выбрасывать? - покачал головой рассердившийся дед.

- И что ты такой жадный? - обиделся Ванек... - Как Денис.

- Забыл, как жмых ели? - дед опять выпил бражки. - Нет, я не жадный. В лагере научился почтению ко всякой еде.

- А как в лагере живут? - смущенно спросил Ванек. - Никогда не расскажешь.

- Это не для детей, - помрачнел дед Степан... - Как бы ты к врагу относился?

- Я бы его ненавидел? - выпалил Ванек и осекся, увидев, как сник дед.

- Вот так и мне жилось... Много было всякого...

- Дед, а правда ты двоим партизанам помог бежать от немцев? – спросил Ванек.

- Правда, - ухмыльнулся дед. - Дак в это никто не поверил... Я тады сам всем доказывал, оправдывался перед немцами, мол, заснул на карауле, а они мена оглоушили и деру...

- Пойдем завтра на рыбалку, - предложил Ванек.

- Пойдем, - ответил дед, размышляя о своем. - Долой из деревни: не хочу глядеть, как дом Федора ломать будут.

... После ужина они сидели на пороге своего дома, смотрели на закат и пели:

Однозвучно гремит колокольчик,

И дорога пылится слегка,

И уныло по ровному полю

Разливается песнь ямщика...

У деда был еще крепкий голос, тенор, а у Ванька - мальчишеский дискант. Получалось ладно. Дед долго держал последние ноты мелодии. Ванек тоже пел в охотку, улыбался тому, что у них с дедом так складно получается, и тому, что мальчишки повисли на плетне, и их головы торчали, как перевернутые для просушки крынки.

Напротив их дома бабка в пуховом платке подозрительно долго развешивала белье и, заслушавшись, уронила на землю мокрую наволочку.

В соседнем огороде прислушивался к пению дедок, делая вид, что пропалывает грядку.

Даже замедлил шаг пастух в драной овчине, забыв про стадо коров, возвращающихся с пастбища.

... Уже сгустились сумерки, когда Ванек, осторожно подкравшись к дому Федора, залег в кустах и стал наблюдать за Лилей и Денисом, которые сидели на крыльце у заколоченной входной двери.

- Смотри, смотри! - воскликнула Лиля, задрав голову к небу. - Спутник летит.

- Где? - посмотрел на небо Денис.

- Вон там. Да не туда смотришь, - повернула она его голову в нужном направлении. - Видишь?

- Во шпарит!

Ванек тоже посмотрел туда, куда показала Лиля. Над ним раскинулось темное, почти безоблачное небо с яркими крупными звездами, которые, как мошки, вились вокруг полыхающей Луны. Но спутника он не увидел...

- Опять получишь, - услышал он голос Лили. - Тише, тут кто-то есть.

- Да никого нет, - нетерпеливо шептал Денис. - Ванька бы не отпихнула.

- Дурак... Подожди! Точно, кто-то идет.

К дому Федора, пошатываясь, хромал дед Степан.

- Чего ему здесь надо ночью? Денис, я боюсь!

- Прячься! - Денис увлек Лилю в лопухи, и Ванек едва успел откатиться от них подальше.

Дед подошел к крыльцу, побряхтывая сел на ступеньку, стал закручивать самокрутку.

- Так-то вот, Федор. Пришел я с тобой проститься, - хрипло заговорил дед, - Взбрело, вишь, председателю сломать твой дом на коровник, тудыть его в кочан! - Дед шмыгнул носом. - Я, конечно, Федор, за тебя заступился. Да чиво там! Я им не указ. Сам знаешь, пять годков отсидел денек к деньку за полицаю... - Дед запнулся, помолчал. - Дак какой из меня, хромого, полицаи? Ну сам посуди!.. Продукты охранял для них, мородеров... Подвел ты меня, Федор. - Он опять шмыгнул от слез. - Назначил, а сам погиб. Все вы погибли. И некому меня оправдать. Других, вон, после культа оправдывали. А меня - некому. И Ваньку за меня достается...

- Как такой добрый дед полицаем стал? - шепнула Лиля.

- Тише ты! - хрустнул веткой Денис. Но дед ничего не слышал и продолжал свою горестную речь.

- Только твой дом, Федор, - свидетель моей невиновности. - Он постучал по стене дома. - Эта, как ее? Слово птичье... Алиби. А свидетеля того хотят порешить. - Дед опять зашмыгал носом, цедя самокрутку. - Плачешь не плачешь, а прошлого не переиначишь. Полицай - вот мое доброе имя... Нет, Федор, я на тебя не в обиде, што хожу с поганым клеймом, тудыть его в кочан! Сам знаешь, как я им продукты охранял - вас же и кормил. И сичас стараюсь жить по-доброму. Разве что рюмашку лишнюю пропушшу. Доброта все осилит...

- Скажи отцу... - требовательно зашептала Лиля, - упроси дом не ломать! Мать попроси! Она - учительница, объяснит...

- Сказал, что ль чиво? - прислушался дед. - Ды как ты можешь говорить, Федор, с глиной во рту?.. Хороший ты был мужик. Одно слово - учитель!

...Над притихшей водой реки Медведицы повисла прозрачная пелена. Солнце было где-то далеко за землей, и его свет едва тронул горизонт ровным сиянием. Птицы еще не проснулись. Спал даже ветер и не беспокоил обмякшие листья ветлы и ольхи.

Только не спали на берегу двое! Ванек и дед Степан. Несколько длинных составных удилиц покоились перед ними на воткнутых в ил рогатинах. Дед сидел па скамеечке у кромки воды в овчинной безрукавке и соломенной покорезенной шляпе. Ванек в фуфайке расположился поодаль на корточках. Между ними стояла баночка с червями.

- Вот смотри, - говорил дед, - тихая вода, будто в ней и жизни нет. Но вдруг поплавок кто-то задергает - а там рыба. Значит, жизнь там есть, только ее не видно... Так и дом Федора. Вроде, он заколочен и никто там не живет, а меж тем жизнь там есть... Есть!

Дед насторожился, притих, и вправду, у него заклевало на одной из удочек.

- Дед, скажи честное святое, что ты никого не предал, когда был полицаем! - смущенно попросил Ванек.

- Честное святое, не предал! - серьезно ответил дед. - Самое страшное дело - предательство. Потому меня партизаны не убили, да и в деревне не тронули...

- Ну вот, я же говорю Денису... - подсек сазанчика Ванек, снял его, трепыхающегося, с крючка. - Попался, голубчик! Смотри, какой лопушок, - показал он деду в надел на кукан, полный сазанчиков.

- А ты не ябедничай на Дениса - это тоже маленькое предательство, - урезонил Ванька дед.

- Я же только тебе... Дед, и ради конспирации не предал?

- Ни боже мой! - достал деревянную табакерку дед и понюхал табачку. - Я, Ванек, за продукты у немцев отвечал. Урожай соберут - и в амбары, а я - сторожу. И еще это... слово такое мудреное - экспроприировал. По старому - оброк. Дак старался у тех больше взять, кто, знаю, немцев ждал. А партизаны у меня эти продукты потихоньку брали... иногда.

- А были такие, кто немцев ждали? - удивился Ванек.

- Были... Недобитки. - Дед плавно поднял удилище, рыба сорвалась. - Ах, тудыть ее в кочан? Ушла. А хороша была. - Поправив червя, он опять закинул удочку... - Они-то после войны на меня же из мести и показали...

- А кто?

- Не скажу... Кто старое помянет, тому глаз вон.

- А вступился кто-нибудь?

- Баба Груня пыталась... - Дед закурил самокрутку. - Ты у нее тада жил. Мать умерла у тебя, а у меня титьки нет молоком тебя кормить... Так у нее ты и остался.

- Добрая она, баба Груня, - просветлел Ванек.

- Добрая. Поэтому ее и не послушали... Мы ведь с ней хотели пожениться, да война развела... Вот таким и дома Федора не жалко...

- И сейчас живы, кто немца ждал?

- Есть такие... у кого нутро нечувствительное, - уклонился дед от

прямого ответа и помолчав, продолжал. - Я ночь не спал, все думал, как спасти дом. Вы бы, молодежь, може, че придумали. Для школы какой кабинет...

- А что ребята могут сделать?

- Што?.. Вон молодежь целину поднимает. На три-четыре годочка вас постарше... А вы хужей што ли?

... Утро уже разгоралось, когда Ванек подошел к дому Стоцветовых, держа в руке полкукана рыбы, и стал заглядывать в щель плетня.

Во дворе Лиля ломала сухие ветки кустов терновника, отбрасывая то и дело назад свою толстую косу. В открытую дверь летней саманной кухни было видно, как баба Груня жарила в печке блины. На базу наводил порядок Леня, отец Лили, высокий, худой, мелколицый детина. Зыркнув по сторонам, он достал из-за бочки четвертинку водки, отпил, понюхал рукав спецовки и спрятал бутылку в то же место.

- Леня, иди закусывать! - спугнул его голос бабы Груни.

Из дома прошла на кухню Нюра, мать Лили, привлекательная женщина с очень пухлыми щеками и большим ртом. Лиля, с охалкой хвороста, тоже пошла на кухню, за ней – и Леня, прикрыв за собою дверь.

Ванек подошел к летней кухне и в нерешительности остановился, прислушался...

- Че председатель такой злой сичас, прямо рвет и мечет? - спросила баба Груня, раскладывая блины по тарелкам.

- Да трактористов все пугает, - кивнула на Леню Нюра. – Много простоев.

- И будут простои, - отозвался Леня, поливая блин каймаком, пожаловался: - Хлеб вон какой густой – молотилка не выдерживает, ломается...

- Че эт? – недоумевала баба Груня. – Чай гуще – лучше...

- А! – отмахнулся Леня и пояснил: - А то сама не знаешь. Хлеб редкий – комбайн быстро идет, больше га запишут. Вот и скажи, на кой лях мне густой хлеб? Прстоишь, а потом минимума три кило на трудодень не получишь...

- Ты кричи громче! – кивнула на Лилю Нюра. – Быстрей на ВДНХ пошлют. А то и вообще на три буквы. А то еще не все против тебя, только инженер?

- Ишь, как рассуждает! – возмутилась баба Груня. – А другие колхозники как получат? О людях не думаешь?

- Учите, учите! – огрызнулся Леня. – А что я в дом принесу?
 - Тоже мне, герой труда! – не унималась баба Груня. – Так ты, оказывается, прошлый год тоже га накручивал?
 - Пропьешь больше? - наклонилась к мужу Ньюра и отпрянула. - Уже с утра пораньше хватил? А клялся инженеру бросить.
 - Ну, пап, мам? - урезонила родителей Лиля.
 - А тут ишшо дом Федора! - вздохнула баба Груня.
 - Коровник-то надо строить, - отозвался Леня. – Хорошую породу взялись выращивать. Астраханскую.
 - Могли бы лес приобрести? - сказала Ньюра.
 - Что же ты, бухгалтер, не приобрела? – язвительно спросил Леня. – За глаза говоришь так, а при нем: "Хорошо, Иван Иванович!.. Будет сделано, Иван Иванович!"» - Он встал, отошел к маленькому столику у печки, захламленному радиодеталями, и стал ковыряться в разобранном радиоприемнике.
 - Из-за тебя в глаза лезу! – повернулась к нему обиженная Ньюра. – Чтоб человеком стал, как все Стоцветовы.
 - Давайте наши бревна отдадим, - подала голос Лиля. – Все равно лежат. Может, и другие дадут...
 - Ну ты выдумашь, внучка! - улыбнулась баба Груня.
 - На кой лях сдался вам этот дом? - отвлекся от дела Леня. - С лесом прошляпили - так вот хороший выход, все равно пустой, глаза мозолит. И пусть эти два чудака людей не баламутят.
 - Ишь ты какой быстрый! - взвилась баба Груня. - Чужак ты и есть чужак. Там, чай до войны, расстрели ее горой, хорошие люди жили. Учитель Федор Федорович был первым человеком в деревне. Да пять сынов каких воспитал! Не тебе чета, хоть и хотят тебя в Москве показывать... Все погибли. Дом – он как память о них.
 - Дед Степан вчера даже плакал, с домом прощался, - смущенно сказала Лиля.
 - Поди, сам на этот дом зарился, - отмахнулся Леня.
 - Ну че болташь? - прикрикнула на зятя баба Груня. - Он свое отдаст...
- В это время скрипнула дверь, и в кухню вошел Ванек.
- Здравствуйте! - сказал он тихо, не глядя на притихших Стоцветовых. - Баб Грунь, я вам свежей рыбки принес, вы любите сазанчиков.
- Он положил рыбу на лавку и быстро вышел.

- Спасибо, сынок, - сказала ему вслед баба Груня.
- Он слышал, - донеслись до Ванька слова Лили.
- Да от доброго дела не отказался, - громко сказала баба Груня...

... Ванек сидел на траве у холма и рисовал дом Федора. Получалось по-новому. На его эскизах дом оживал. Рисуя открытое настежь окно, Ванек представлял взвившуюся от ветра занавеску и слышал доносившиеся из дома звуки музыки. Рисовал струйку дыма над трубой - и чудилось ему, как в доме звенят посудой, шаркают скамейками. В нарисованную открытую дверь он видел стоящие в сенях ведра с водой и лежащее на полу коромысло, слышал залиvistый смех...

- Ванек, а зачем у тебя окна открыты? - спросил подошедший Денис.
- Не мешай! - раздался за спиной голос Лили.

Ванек захлопнул альбом и швырнул его на траву.

- Ты чего? – подняла альбом Лиля и взяла подмышку.
- Не злись! – дружелюбно улыбнулся Денис. – Мы бревна нашли...

... По широкой деревенской улице веселая ватага подростков несла три бревна. Ванек, Лиля и Денис, пригибаясь от тяжести, возглавляли шествие. Им помогал Борька, мальчишка лет восьми в майке и трусах.

- По зернышку, по бревнышку... - кричал один парень.
- Выкатывай бревна, кому не жалко! – вторил ему другой.
- Вы где стащили, греховодники? – крикнула им из-за плетня бабка в пуховом платке.

- Не волнуйся, бабуся, свое несем, - успокоил ее чернявый подросток.

- Знаю я вас! - погрозила им в след бабка.
- Точно, отца спросила? - забеспокоился Ванек.
- Одно отец дал, другое у бабы Груни выклянчила, - улыбнулась ему довольная Лиля.

- Если размочить, на два коровника хватит! – засмеялся чернявый. Ребята дружно прыснули.

- А дед Егор зажал, - сказал, отдуваясь, Денис. – Скупердяй!
- Как ты! – обернулась к нему Лиля.
- У него нутро нечувствительное, - заключил Ванек.
- А я не жадный, пожалуйста! – похвалился Борька.

- И мой отец даст, - уверил Денис обиженным тоном...

У недостроенного коровника ребят нагнала продавщица Лида. Это была дородная крупная женщина. Большие ноздри ее большого носа раздувались от отдышки. Шестимесячная завивка на голове растрепалась. Светлая кофточка вылезла из-под фартука.

- Вы что бревна стащили? – накинулась она на ребят.

Те побросали бревна на землю и остановились в растерянности.

Первой нашлась Лиля:

- Два – мои.

- А это? – указала Лида на бревно у ног Ванька.

- Нам Борька сказал, что можно... - ответил Денис.

- У нас же их много, - робко оправдывался Борька.

- Ах, ты, дрянь паршивая! – сорвала Лида с себя фартук и стеганула Борьку по спине.

Тот что есть духу рванул от матери в сторону деревни. За ним разбежались и подростки, кроме неразлучной тройки.

- Хочешь меня по миру пустить? – кричала вслед сыну разгоряченная Лида. – Я – все в дом, все в дом! А ты из дома бревна тянешь?.. С жуликами связался? Меня позоришь?..

- Мы же для дела взяли, - пытался оправдаться Ванек.

Лида обернулась к нему и, уперев руки в боки, заголосила:

- Для дела? Для какого дела? В тюрьму захотел, как твой дед?

Подбежав к ним, поодаль остановилась бабка в пуховом платке.

- Воры бесстыжие! – крикнула она, задохнувшись от бега.

- Мы не воры! – откинула косу за спину Лиля.

- Да, правда, Борька разрешил, - сказал Денис.

- Борька разрешил?! – передразнила его Лида. – Хозяин нашелся!.. А тебе не стыдно? Еще сын учительницы!..

- Теть Лид, - разозлился Ванек, - жалко вам бревна, так назад возьмите. Другие дадут.

- Возьмите? - взвилась Лида. - Сам неси!..

-

... Солнце вышло из-за облака и осветило лицо Лиды. И Ванек увидел, какая она красивая. Статная, высокая женщина стояла перед ним на залитой солнцем траве. Ее большие глаза были широко раскрыты, курчавые волосы развевались на ветру, белые руки тянулись к нему...

- Че уставился? - смутилась Лида.

- Вы красивая... - невольно признался Ванек.

- Нечего! Ты мне зубы не заговаривай... Красивая... Чудик!..
Несите!..

... С понурым видом Ванек, Денис и Лиля тащили бревно опять по той же улице. Бабка в пуховом платке, проводив это унылое шествие, остановилась около своего плетня. Бабы с мотыгами, возвращающиеся с прополки глазели на них.

- Попались, птенчики? – дружелюбно усмехнулась конопатая пожилая колхозница. – Она быстро с вас стружку снимет.

- Несите-несите! – ворчала идущая поодаль Лида. – Дом чужой бережет! А имя свое не бережет. Жулик!.. Разбери свой дом, да отдай на бревна!.. А не мародерничай...

Ребята молчали, только морщились от тяжести.

- Весь в своего деда-мародера! – распалялась Лида. – Тот в войну, говорят, все село обобрал. Полицай проклятый!

- Не смейте так про моего деда! - крикнул с вызовом Ванек. - Он у тех брал, кто ждал немцев.

- Да ты и сам, поди, от немца... - сорвалось у Лиды с языка, и она замолкла, видимо, поняла, что переборщила.

- Врете! - бросил Ванек свой конец бревна. Лиля и Денис отскочили, и бревно упало на землю. - Мой отец погиб под Берлином!

- Эх, как вы так можете? – отвернулась от Лиды возмущенная Лиля.

- Это вы от злости, что ваше бревно взяли! – сказал с вызовом Денис.

- Нечего мне мораль читать! Сопляки еще! Несите! - прикрикнула на них Лида. – И не тебе, музыкант, меня корить, - обратилась она к Денису. – Сдачу, небось, десять раз пересчитаешь...

- Отнесем ей, - предложил Ванек ребятам, взявшись за конец бревна. – А то это нечестно...

... Дед Степан помешал деревянной ложкой уху в котле, подвешенном за проволоку над костром, обжигаясь, попробовал, вытер белые усы рукавом рубашки, крикнул:

- Готова. Хороша, тудить ее в кочан!

К камышовому навесу ветхого полевого стана, под которым стояли врытые в землю стол и лавка, подошел нахмуренный Ванек. Резче означились на его широком лбу две поперечных морщины.

- Пришел? - повернулся к внуку дед, заметил его мрачный взгляд, но не подал виду. – Как раз ушица готова. Может, сам выберешь арбуз? Вон там, - показал дед ложкой в сторону драного пугала, чем-то похожего на него же. – Там ранние, поди, поспели.

Ванек, ни слова не говоря, поплелся за арбузами, цепляясь босыми ногами за редкие подсохшие петли ботвы, и не замечая этого...

Пока Ванек резал арбуз, дед плеснул воды из алюминиевой плошки на доски стола, тщательно вымыл их и посыпал крупной солью. Разложил на соль вынутую из котла разварившуюся рыбу, разлил половником уху в алюминиевые чашки.

- Хороший выбрал арбуз, молодчина.

- Дед?.. – оторвался от рыбы Ванек.

- Че? – дед налил себе в кружку бражки из поллитровки.

- Давай разберем свой дом и отдадим на коровник, - предложил Ванек, отпивая из чашки уху.

Дед от изумления даже не выпил поднесенную ко рту бражку и поставил кружку на стол.

- Ишь ты какой? – усмехнулся он доброй усмешкой.

- Да это тетя Лида сказала, - уточнил Ванек. - А, может, правда?.. А себе землянку выроет, как Федор Федорович.

- Я бы, Ванек, на землянку согласился, дак ты мал ишшо, - рассуждал дед. – Будешь в ней зимой мерзнуть. А говоришь потому, што не живал в ней... Отпадает землянка...

- Я-то проживу, - вздохнул Ванек. – Отпадает... У тебя ревматизм. И безрукавка не помогает. По ночам стонешь.

- А ты по ночам спи и не слушай! – выпил дед бражку и принялся за рыбу.

- Мы... - нерешительно начал Ванек, - подговорили ребят по бревну из каждого дома взять. А тетя Лида кричит – жулики!

- Час от часу не легче! – всплеснул руками дед. – Стыду головушке!.. Што ж ты имя свое доброе не бережешь?!

- И тетя Лида так сказала...

- И правильно. Ведь дорожке доброго имени ничего нет! – помрачнел дед Степан... - Мне вон каково? Так полицаем в нос и тычут!

- А что она говорит, что я от немца?! – дрогнул голос у Ваньки. – Позорит!..

- Не могла она так сказать. Она баламутная, но не злобливая. Ты че-

то не понял, - успокоил дед. – Все знают, что твой отец приходил домой после ранения. И моей Капке наказал, чтобы сына ему подарила. А то, говорит, мужиков мало на земле остается из-за этой проклятой войны, тудить ее в кочан!

- Давай, дед, это все бросим, - нерешительно предложил Ванек. – И Денис так говорит...

- Ну, брось! – рассердился дед Степан. – И чист будешь... А я не боюсь за правое дело постоять!.. А Дениса – че слушать? Он за отца...

Дед понюхал табачку, Ванек принялся за арбуз.

- Не во мне здесь дело, и не в тебе, - размышлял вслух дед. – А в памяти и уважении к хорошим людям. Они ради нас жизни не пожалели. Я вон жил среди них – и самому хорошим хотелось быть.

- Ну что ты можешь сделать? – отчаялся Ванек.

- Што сделать?.. Maybe, и правда, свой дом отдать, а в дом Федора пока переехать?

- А дядя Леня... - смутился Ванек.

- Мне, maybe, жить осталось всего ничего... - перебил его дед, о чем-то напряженно думая.

- Не надо так говорить!.. - ткнулся омраченный Ванек в плечо деда. – Пойдем откроем – и будем жить...

- Тоже отпадает... - вздохнул дед, - Обвинят: получше, мол, захотел устроиться... Нет! Давай так откроем... Штоб и тени корысти не было, - решительно поднялся с лавки дед. – Его хотят сломать, а мы откроем!..

- Молодчина! – просиял Ванек. – А то дядя Леня сказал, что ты на этот дом сам заришься...

- Давайте сначала окна откроем, - предложил Ванек.

Он поддел топором доску, прижимающую закрытые ставни крайнего окна дома Федора, раздался треск.

- Как бинты снимаем.

- Выдумщик ты, Ванек! Скажешь тоже! – отбросила назад косу Лиля, вытаскивая гвоздь клещами.

- Я уже открыл, - крикнул Денис от двери.

- Здесь каждый венец имя имеет! – наклонился к уху Лили Ванек...

- Вы че дом открываете? – подошел к ним сутулый старик с всклокоченной бородой. – Неужто хошь здесь поселиться, Степан? Не дай бог такого соседа!

- Успокойся, дед Егор, не поселюсь, - обиженно отозвался дед Степан, вскрывая второе окно.

- Самоуправцы!.. Счас пойду председателю скажу, - засеменял дед Егор мелкими шажками к центру деревни.

- Ябедничай, - махнул рукой дед Степан. – Не бойся, огород Федора у тебя не отыдем...

Из темных сеней ребята вошли в переднюю комнату. И перед ними предстала картина разгрома: сломанная железная кровать, куча разбросанных бумаг, изъеденных мышами, испорченный диван с торчащими пружинами, перевернутые, разбитые стол и лавки, раздавленный приемник... Все было покрыто пылью и паутиной.

- Я себя чувствую так, словно уже здесь был, - тихо сказал Ванек. – Давно. Будто меня здесь допрашивали фашисты. Убили, а я воскрес и пришел...

- Хватит городить! - остановил его помрачневший дед Степан. - Давайте лучше наведем порядок, пока засветло.

- У них здесь штаб был? - спросил Денис.

- Какой там штаб – штабишко, презрительно поморщился дед Степан.

... В дом вошла бабка в пуховом платке.

- Што вы здесь самовольничаете, греховодники? – огляделась она по сторонам. – Опять за воровство? – Она выхватила из рук Ванька ухват и направилась к выходу.

- Ты че потащила? – остановил ее дед Степан.

- Свое беру! – обернулась с порога бабка. – Сама Федору отдавала.

- Отдавали, зачем назад забираете? – спросил Ванек.

- Тебе отдать? – передразнила его бабка, – все одно ломать будут, а в хозяйстве сгодится.

- Не будут ломать! – нахмурился дед Степан. – Положь. Я тебе лучший ухват удружу.

- Мне чужого не надо, - выскочила бабка с ухватом на улицу.

- Унесла-таки! – горестно ухмыльнулся дед.

- Вот вредная! – возмутилась Лиля, собирая веником хлам в угол.

- Была бы вредная, не давала, - заступился за бабку дед Степан.

- А вы че сюды доски принесли? – с порога спросила вошедшая баба Груня.

- Дак дом стосковался по хозяйской руке. Ответшал. Надоть кое-што подправить, - ответил дед, помогая ребятам наводить порядок.

- Ты на этот дом не зарься, Степан! – прикрикнула на него баба Груня. – Может, ты и чист душой, но здесь тебе не место!

Дед печально усмехнулся. Баба Груня стала помогать Лиле.

... В комнату вошла полная женщина в сарафане и белой кофточке.

- Что вы тут делаете, ребята? Кто вам разрешил? – строго спросила она.

- Убираемся, Светлана Михайловна, - ответила Лиля, собирая бумажки в угол.

- Иди сей час же отсюда! – схватила Светлана Михайловна за руку Дениса. – Шутишь? А вдруг здесь мины?!

- Не пойду! – упирался Денис. – Хочешь, чтобы я друзей предал?

- Будя вам, Светлана Михайловна! Какие мины? – успокаивал ее дед Степан, сколачивая побитый стол. – Тут все пере проверено было...

- Еще учительница! А дом учителя хочешь сломать! – отошел от матери Денис.

- Поговори у меня! – смутилась Светлана Михайловна.

- Как же у них приемник работал, когда здесь проводки нет? – удивилась Лиля, разглядывая побитый приемник.

- От движка, наверное? – предположила Светлана Михайловна, разглядывая необшитые, затянутые паутиной бревна стены.

- Надо Лене отдать. Ишшо этого брахла у него не было, - отнесла баба Груня приемник к порогу. Дед Степан покосился на приемник, но ничего не сказал.

- Какая пузатая керосиновая лампа! – показал Денис на пыльную лампу с разбитым стеклом.

- Ишшо покойница мать, царствие ей небесное, отдала эту лампу погорельцу Федору. – Баба Груня взяла лампу и поставила рядом с приемником. – Тада вся деревня вешши для него собирала. Кто – што.

- А вы не растаскивайте! – не вдержал дед Степан.

- Как музей деревни?.. – улыбнулась Светлана Михайловна.

- И право! – поддержала ее баба Груня и поставила лампу на стол, покосившись на занятого диваном деда Степана.

Ванек и Денис чем-то гревели в сенях.

- А его хотят сломать, - обратился к Светлане Михайловне дед Степан. – Несправедливо это! Объяснить не могу, а чую, несправедливо...

- Ну, ребята не понимают – вы-то должны понять! – возмутилась та. – Коровник-то важнее. Для колхоза, не для себя Иван старается. Все равно

дом уже сколько нет никому не нужен. Стниет понапрасну. А тут смотри, какой лес пропадает?!

- Да, хорош!.. Бревно к бревну, сухое, жучком не тронутное, - постучал дед по звонкой стене пальцем.

- Делу послужит, чем так-то пропадать, - сказала Светлана Михайловна. – Ведь Ивану за коровник такого строгача влепят!..

- А вот, скажи, Светлана, - остановил ее дед Степан. – А почему за столько лет этот дом не растащили по бревнышку по дворам?

Светлана Михайловна замялась, задумалась.

- Какое-то уважение к Федору и его дому, наверное...- подыскивала она слова.

- Кукла! – нашла Лиля за печкой тряпочную куклу.

- Ой, да это же моя кукла! – изумилась Светлана Михайловна, взяв осторожно старую куклу. – Моя Анисья. Яша, младший сын Федора, все прятал мои куклы.

Она и не заметила, как испачкала пыльной куклой свою белую кофточку на груди.

Лиля смотрела на учительницу с восторгом.

- Помнишь, как в школе вас дразнили с Яшей - «жених и невеста, тили-тили тесто»? – улыбалась баба Груня. Но вдруг спохватилась. – Ну, хватит воспоминаний! Пошли отсюда! Дед Егор за председателем побежал. Народ на Степана подстрекает...

- Ремни какие-то, - вбежал из сеней Денис с пучком старых ремней. За ним – Ванек.

- Что это они здесь? – спросил он деда.

- Арестованных ремни... - пояснил нахмурившийся дед Степан. – Они

их в ту комнату запирали, - навалился он плечом на дверь у печки.

Все притихли.

В это время дверь подалась, распахнулась и оттуда вылетела с шумом большая сова.

Все вскрикнули от неожиданности.

Попав на свет, сова заметалась по комнате и от этого казалась еще больше. Она ударилась в разбитое оконное стекло - раз, два... И только с третьего раза наконец вылетела на улицу, залитую предзакатным светом, шарахнулась в сторону от шагающих к дому возбужденных людей и пропала из виду за недалекой рощицей.

Первым в комнату размахисто вошел гололобый мужик в сапогах и властным голосом приказал:

- Выметайтесь!..

... Ваньку снился тревожный сон. Будто жар-птица встряхнула своими фанерными крыльями и превратилась в большую сову. Ванек вскочил с кровати в одних трусах и стал выгонять сову в распахнутую дверь, размахивая этюдником, из которого рассыпались тубики маслянных красок. Но сова металась по слабо освещенной комнате, смахнула с полки его альбом с рисунками, опрокинула и разбила глиняную корчагу, и брага разлилась по полу. А сова выбила окно и тяжело вылетела наружу в ночь...

Ванек положил этюдник на стол и пошел к кровати. Но вдруг увидел посреди комнаты сидящего на табурете деда Степана в мешковатой форме немецкого полицая.

- Собирайся, пойдешь со мной в штаб, тудить тебя в кочан! – сказал с улыбкой дед Степан.

- Ты что? Предал меня! – испугался Ванек, прячась за печку.

- Я давно за тобой слежу, - жестко сказал дед. – Ты все подслушиваешь, подсматриваешь, а потом передаешь в лес Федору. Собирайся живо, шпион!

- А что с бабой Груней? – спросил Ванек, надевая штаны и куртку.

- Она уже там, - ухмыльнулся дед. – Все там будете! Поизголялись надо мной, хромым костылем, - и будя! Пришел и мой черед. Пошли!

- Дед, но ты же сам говорил, что предательство – самый большой грех! – обернулся в дверях Ванек.

- А ты не шпионь! Это тоже предательство, - вытолкнул его дед Степан во двор...

Рассвет только начинался. Первый проблеск озарил дом на холме. Ванек оглянулся. Дед Степан тоже смотрел на рассвет, опершись на ружье. Ванек быстро толкнул деда, так, что он упал, и рванулся бежать.

- Стой, тудить тебя в кочан! – кричал дед за спиной Ванька. – Стой! Стрелять буду!..

Но Ванек устремился к крутояру. Сильно отталкиваясь ногами от земли, он взлетал над дорогой и какое-то время летел, потом опять отталкивался и опять летел...

А где-то недалеко за ним раздавались шаги бегущего деда.

- Христом богом прошу, стой! – умолял он. – Счас как пальну из ружа, будешь знать, как от деда бегать!

- А я тебе верил! – с досадой крикнул Ванек и полетел с обрыва крутояра, туда, где волновались короткие вершины редкого ольховника.

Пролетая, он успел заметить написанные на откосе крутояра крупные буквы «ЛИЛЯ». А потом от страха, что падает, зажмурил глаза...

... Ванек очнулся в кровати и с испугом стал озираться по сторонам. Слабое предрассветное мерцание освещало спокойно висящую на леске у окна жар-птицу. Деда в комнате не было. Ванек встал и начал одеваться...

- И чиво устроили такой трам-тарарам? – внес из сеней шипящую сковородку дед Степан и подошел к столу, где Ванек мял концом скалки вареную парную картошку в блюде. – Лиля-то какая боевая!..

- Эх, люди! – вздохнул Ванек. – А некрасивые люди, когда ругаются, правда, дед? Особенно этот гололобый инженер...

- Чиво уж красивого! Мат-перемат! – обливал дед картошку жареным салом с луком из сковороды. – Себя не уважают!.. А ведь сами неплохие. Тот же дед Егор, первый он начал помогать погорельцу Федору.

- Дед Егор?! – удивился Ванек.

- Чай, сосед!.. Да и плотник отменный, не чета мне...

- А есть венец его имени?

- Он оконные рамы связал...

- Дед, а и правда, в доме Федора жизнь есть! – начал завтракать Ванек.

- Кака же? – налил себе бражки дед.

- А сова!?

Дед ухмыльнулся.

- Сова... А ремни? А лампа? А кукла?.. Вся ранняя жизнь деревни тама... И право, музей деревни...

Выпив бражки, дед принялся за картошку со шкварками...

За окнами затормозил газик.

- Не чай, главный гость пожаловал? – заглянул дед в окно.

В переднюю вошел председатель колхоза Иван Иванович. Это был крепкий полный мужик, лет сорока, невысокого роста, с заметным брюшком. Серый костюм в полоску сидел на нем мешковато. Крупная голова казалась еще больше из-за стрижки под бобрик. Мясистое лицо с густыми белесыми бровями выражало крайнее недовольство.

- Здравствуйте вам! – сказал председатель. – Не приглашаешь в гости, так я сам...

- Здорово, председатель! – засуетился дед, доставая тарелку и кружку из посудника. – Такой почетный гость! Садись к столу, закусим. Бражки хошь?

- Кто ж с утра пьет? – буркнул Иван Иванович, сев на скамейку около входной двери. – Я уж с солнышком позавтракал... Какая у тебя жар-птица роскошная! Наслышался, а не видал...

- Дак, може, у тебя дело какое? – хитро спросил дед Степан.

- А ты не знаешь? – сразу завелся председатель. – Дурочку валяешь! Не о квадратно-гнездовом способе пришел с тобой поговорить... В общем, так, Степан, - пошел в атаку председатель, - если коровник к зиме не успеем достроить, ты будешь виноват! По корове каждому в переднюю распределяю. – Он двумя руками показал на середину комнаты. – Вот и будете их приглашать к столу.

- Та-ак! Гости... - протянул дед. – Я бы свой дом отдал...

- А ты?

- А я к Федору... Временно. Мне до смерти немного, а Ванек потом построится, как женится... Дак боюсь, укорят в корысти...

- И укорят! – вскочил со скамейки председатель. – Твои бревна – гнилье! Шашель поточил... Ты че вымудряешься? Старый дед, а ума нет. Светлана с сердцем слегла! Ребят взбаламутил! Коровника нет! – распаялся он. – Где я тебе сейчас бревна возьму? Все, кончилось мое терпение! Снимаю тебя с бахчи! Все одно шляешься по деревне, да бражку попиваешь. А грач все арбузы поклевал... И аванса лишу в этот месяц. Я на тебя управу быстро найду!.. Пусть Ванек пока бахчу стережет. Нечего картиночки рисовать, когда в колхозе страда!..

- А ты че здесь распетушился, председатель? – вспылил дед Степан, распрямив грудь. – Сопляк ишло - со старым так разговаривать. Бражка! Картиночки! Тебе како дело? Вон твой Денис одну гамму третий год пиликает, ажны баян надорвался, - я ничиво не говорю? А он , - указал дед на притихшего испуганного Ванька, - он художник! Ишь, раскричался!.. Мы-то с дедом Егором по очереди бахчу сторожим... А грач клюет, потому што арбуз нонче хороший уродился. От тебя вон ружа не допросишься! Было бы ружо, пальнул – и грачей твоих нет! А пугалом да палкой их не запужаешь...

Председатель даже сел от такого натиска деда Степана.

- Хозяин, тудыть тебя в кочан! – подошел к нему вплотную дед Степан. – Не мог с весны лесу добыть в районе? На живой дом позарился!.. Тут каждое бревно добрая рука трогала!.. Память о людях, которые

погибли! Че, забыл? – Дед обернулся к Ваньку. – А он, фыр – и готово! Сломать!.. Изговнять!.. Нельзя так, Иван!.. – обратился он опять к председателю.

- Ты мне антимонии не разводи! – разозлился председатель и опять вскочил на ноги. – Память, она и есть память! А что дом? Куча бревен! Не учи – ученые! Ты пойди его лес, пробей в районе! Хорошо МТС трактор выделила. Хоть вздохнули этим летом... И не тебе меня корить! Я ее, войну-то, во век не забуду, когда по окопам с матерью прятались от фашистских бомбежек. Пока ты здесь полицаем...

- Не смейте так говорить на деда! – сорвался с места Ванек, сжав перед собой кулаки.

Дед сразу обмяк, скособочился, сел на лавку. А председатель осекся, понял, что сказал при ребенке лишнее, отвернулся от Ванька и пошел к порогу:

- Хотя ты свое отсидел... Ну, в общем спасибо на угощении!.. Будем ломать! И точка! – хлопнул дверью и вышел.

- Ишшо сяду, а не дам дом ломать! – крикнул ему вслед дед Степан, но уже не так бойко. И заплакал.

- Не расстраивайся, опять будет сердце болеть, - прижался Ванек к поникшему деду.

- Сломают!.. – вздохнул тот. Но вдруг смахнул слезы и решительно поднялся с лавки. – Не дам! Пошли!..

...По дороге их нагнала возбужденная Лиля.

- Бригадира за отцом послали. Иван Иванович велел трактором стащить крышу, а потом завалить стены, - выпалила она.

- Голова! – хмыкнул дед Степан. – Не одного бревна целым не останется.

- Да отец не согласится. Вот увидите, - затараторила Лиля. – Я как узнала, побежала к Светлане Михайловне. Говорю: «Давайте музей Федора Рубашкина откроем!» Это я ночью придумала...

- Идея! – оживился Ванек.

- Она за сердце держится. Сначала не поняла, - продолжала тараторить Лиля. – Мы с Денисом ее убеждали-убеждали... А потом она говорит: «Прав, прав дед Степан! Не надо такой памятный дом ломать. Поэтому его до сих пор никто и пальцем не тронул». Бревен мы уже много набрали. Да в колхозе «Заря» займем... Она говорит: «Тогда уж партизанский музей открыть! У нас много их погибло» Представляете, встала с постели и пошла в правление, уговаривать Ивана Ивановича!..

- Не уговорит, - не верилось Ваньку.
 - Почему знать? Она, чай, депутат! Тоже власть имеет... - прибавил шагу и от этого стал сильнее хромать дед Степан. – Да ишшо учительница!..
 - Музей – это здорово! Молодчина! – с благодарностью посмотрел на Лилию покрасневший Ванек.
- А ты спрашивал, што вы можете?! – напомнил внуку дед.
 - Она говорит: «А вы идите ремонтировать», - опять затараторила Лилия, отбросив косу назад. – Денис побежал за ребятами, а я – за вами.
- Идите, я сейчас! - повернул на центральную улицу Ванек.
- Куда тебя понесло? - крикнул ему вслед дед Степан...

... Газик стоял у правления колхоза «Искра».

Ванек осторожно вошел в сени. Дверь в кабинет председателя была, как всегда, приоткрыта. И Ванек прильнул к щели. Он увидел сидящую на табурете Светлану Михайловну и восседающего крепко на венском стуле с телефонной трубкой в руке председателя.

...- Навязали нам эти валки! – говорил Иван Иванович в трубку. – А у нас что ни день – дожди. Хлеб мокнет в валках, не то что сохнет... Оставшийся уберем обычным комбайном... И отвечу! Дам план – после отвечу!.. – Он бросил всердцах трубку на рычаг и обратился к Светлане Михайловне:

- Что еще ты мне голову морочишь?.. Ребята бревна собирают!..
- А я говорю, нужно подождать с домом Федора, - твердо сказала Светлана Михайловна. – Ведь почти все уже против...
- Оставь нас! Нам надо посоветоваться... - обратился председатель к бухгалтеру Нюре, сидящей за другим столом.

Та перестала считать на счетах, положила ручку на канцелярскую книгу и встала.

- Может, другого послать, Иван Иванович? – заискивающе просительно сказала она. – Обозлятся на Леню – и инженеру лишний повод затормозить его на выставку...
 - Разберемся, - буркнул председатель.
- Нюра вышла из кабинета, чуть не столкнувшись у двери с Ваньком.
- Ох, чуть не зашибла! Вечно ты, Ванек, как шпион, подслушиваешь. Нехорошо так! – шепотом сказала она и вышла на улицу.

- Иван, останови Леню! – настаивала Светлана Михайловна. – Ведь он согласился, чтобы выслужится. Помешался на этой выставке... Если не остановишь, я поставлю вопрос на сельсовете!..

- Ставь! – кипятился Иван Иванович. – А коровник недостроенный стоит!..

- Ну это же не выход. Давай в районе объясним. Может, подбросят леса?

- Что ты им объяснишь? – показал на телефон Иван Иванович. – Что?.. Что бывший полицейский устроил в колхозе саботаж?..

Первым порывом Ванька было выбежать из сеней, но у порога он остановился, пересилил обиду и опять вернулся к приоткрытой двери.

Послышалось далекое тарахтение трактора.

- Они там чинят, – сказала Светлана Михайловна.

- Кто распорядился? – возмутился председатель.

- Я распорядилась!

- Ты что тут командуешь?

- И покомандую! Не Степан, а ты всю деревню перебаламутил! Покомандую, раз ты не умеешь!

- Тогда садись на мое место! – председатель стукнул стулом об пол. – И решай все вопросы! О коровнике, валках, кукурузе, силосе, сенаже, кормах...

Трактор тарахтел уже совсем рядом.

- И сяду! Сяду!.. Если не отменишь своего дурацкого решения, я... я не знаю, что сделаю!

- Вот именно, не знаешь!.. – председатель распахнул дверь, прикрывшую отскочившего Ванька, выбежал на улицу и крикнул, перекрывая тарахтение трактора:

- Леня, трос захватил? Стащи эту рухлядь на землю к едрене фене!.. Да ты никак опять пьяный?..

- Все будет в ажуре! – крикнул Леня из кабины, и трактор поехал.

- Звоню в райком!..

- Не дури!.. – последнее, что успел слышать Ванек, выскочив из правления, и что есть духу помчался к холму, обгоняя трактор...

... Когда Ванек прибежал к дому Федора, здесь уже собрался народ. Дед Степан, Лиля, Денис, баба Груня, подростки стояли поодаль от остальных.

Трактор медленно приближался к холму. За ним бежал Борька и другие мальчишки, угрожающе бросаясь в него камышинками. Попадая в гусеницы, камышински ломались и отскакивали. Леня, высунувшись из кабины, погрозил им кулаком.

Люди переговаривались между собой. До Ванька долетали отдельные фразы:

-... Че годный дом ломать?.. Сгодился бы под чего... Такой председатель!.. И коровник нужен... Ломать – не строить, душа не болит!... А есть ли у него душа!.. Че-то зашшитники приумолкли...

- А у меня душа болит! Мне память о Федоре, дорога! – услышал Ванек рядом тревожный голос деда Степана и обернулся.

- Ишь, сам хотел сюды влезть! – крикнула ему бабка в пуховом платке.

- Надо бы рамы снять. Ишшо хорошие, - вздохнул дед Егор.

- Да чем ломать, отдали бы мне под магазин, - сокрушалась Лида.

- Как отец мог согласиться?! – с горькой досадой сказала бабе Груне расстроенная Лиля.

- Напился – вот и согласился. Пусть только попробует! – пригрозила она сухим кулаком.

- Отец боится выговора, - пытался оправдаться Денис.

- Выслуживается, подхалим! – громко сказала конопатая пожилая колхозница...

Ванек не выдержал и побежал навстречу поднимавшемуся на холм трактору. Лиля, Денис и подростки – за ним.

- Стой!.. Стой!.. Стой!.. – кричали они в разнобой.

Леня высунулся из кабины и махнул рукой:

- Лиля, марш домой!

- Папа, как ты мог?! Как ты мог?! – закричала Лиля звонким, срывающимся голосом и, расплакавшись, сошла с дороги.

Ванек, не понимая себя, бежал прямо на трактор и продолжал кричать:

- Сто-о-ой!

Леня резко затормозил и трактор заглох. Ванек встал на его пути, почти рядом.

- Куда лезешь? Жить надоело? – ругался Леня, высунувшись из кабины и нервно дергая рычаги, чтобы завести двигатель.

- Не надо ломать, дядь Лень! Не надо! – просил подбежавший Денис.

- Твой же отец велел!.. – с досадой обрушился на Дениса обозленный Леня, и его голос потонул в шуме заработавшего двигателя.

Трактор медленно тронулся с места. Ванек попятился, но с дороги не сходил.

- Прочь! Задавлю! Чудик! – рывками притормаживал трактор Леня, ожесточенно отмахиваясь от него свободной рукой.

- Стой, алкаш, хуже будет! – бросил в кабину ком земли чернявый подросток.

- Я те покажу, алкаша! Уши оборву! – крикнул ему из кабины все более мрачнейший Леня.

- Ракурочим твой трактор! – крикнул ему дискантом Борька.

- Куда лезешь, дрянь паршивая?! – оттащила его за шиворот подбежавшая Лида. – Не срамись, Ленька! – крикнула она вслед трактору.

- Прочь с дороги, щенок! – заорал Леня на отступающего Ваньку перед медленно ползущим трактором.

- Папа, остановись! Задавишь! – сквозь слезы просила Лиля.

- Стой! Тудыть тебя в кочан! – крикнул подошедший дед Степан, бросив на дорогу телогрейку, которую трактор подмял своими гусеницами. – Не пушшу! Ишшо сяду, а не пушшу! – трусил дед, прихрамывая, за трактором. – Стой, сукин сын!

- Ленька, глуши! – махала с обочины дороги запыхавшаяся от бега баба Груня. – Стой, окаянный, расстрели тебя горой!

Люди обступили трактор с трех сторон, что-то кричали Лене, возмущенно размахивали руками...

А Ванек все пятился перед трактором и методически повторял, как заклинание:

- Стой!... Стой!... Стой!...

... И вот уже трактор показался ему громыхающим танком со свастикой, и надвигался на него огромной зловещей громадой.

Но откуда-то выскочил газик, из него выбежал председатель, и тишину прорвал его резкий властный приказ:

- Сто-о-ой!..

Танк остановился и... выстрелил.

Ванек обернулся – и на его глазах дом Федора взлетел на воздух и плавно развалился на куски...

- Ты настоящий, настоящий герой! – подскочила к Ваньку, обняла и поцеловала его заплаканная Лиля...

... - Это мне?! – с изумлением спросил Ванек, увидев на столе раскрытый этюдник с тюбиками масляных красок.

- Тебе, а то кому же? – счастливо улыбался дед Степан, стоя у окна. – Поздравляю тебя с днем рождения, внучек!

Ванек наклонился над этюдником, потрогал его пальцами и стал с благоговением рассматривать, постепенно светлея лицом и наполняясь восторгом. Потом кинулся к деду на шею:

- Молодчина! Спасибо!

Но тут Ванек заметил, что дед стоит в одной рубашке.

- А где твоя безрукавка? – оглядел он с беспокойством комнату. – Ее нигде не видно. Пропил?

- Обижаешь! Не пропил, а продал, - виновато улыбнулся дед. – В Ильинском, вчера...

Ванек все понял и сильно огорчился.

- Ты лучше бы жар-птицу продал, - отошел он от этюдника.

- Дак рази можно этакую красоту продавать?! – воскликнул дед... - Это ж счастье!

- Какое счастье? – не понял Ванек, глянув на жар-птицу.

- Беречь красоту – в этом счастье, - объяснил дед. – Кто бережет красоту тот хороший человек!.. А плохой, он красоту не понимает, вот и не бережет.

- Выходит, я плохой? – обиделся Ванек.

- Ты ишо глупый! – обнял его улыбающийся дед...

- А какой день рождения? – спохватился Ванек, опять любуясь этюдником. – У меня еще не скоро...

- А как же? Сегодня вы все именинники – партизанский музей открываете, - напомнил дед.

- Ой, ведь сегодня воскресенье! – кинулся Ванек к сундуку, открыл его и стал доставать свой парусиновый костюм, сандалии, черный костюм деда, его большие ботинки...

- Може, мне не ходить? - сконфузившись спросил дед, медленно поднимаясь с табурета.

- Как же не ходить? – удивился Ванек. – Ты ж там все сделал, как было у Федора!..

Пока Ванек одевался, дед порылся в сундуке и достал перевязанный платком сверток. Развернул его и разложил на столе пожелтевшие, потертые на сгибах бумаги, документы, облигации, фотокарточки...

- Что это ты? – наклонился над столом Ванек.

- Дак вот у всех вы фотокарточки спрашивали... а у меня не спросили, - с обидой в голосе тихо сказал дед, перебирая старые фотографии.

Ванек виновато посмотрел на деда, не зная, что ответить, и промолчал.

- Это наша семья, - показал дед на семейную фотографию, на которой стояло и сидело много народу. – Только один я... Вот этот, гололобый пацан, - ткнул он мизинцем в самого маленького мальчишку.

- Не похож, - серьезно сказал Ванек.

- Конечно, не похож! – улыбнулся дед. – Столько лет прошло?! – И продолжал показывать других. – Это братья, сестры... это мать... Всю жизнь полемойкой на людей ургучила. А мы друг по дружке заботились... А вот отец, усатый... Больно я любил, как он усами щекотался. И соленый был – на соляных приисках работал, возле лимана... Я так и норовил с его руки соль слизнуть...

- Дед, а что ты все время мне рассказываешь и рассказываешь? – неожиданно спросил Ванек.

Дед вскинул на него добрые, грустные глаза и после короткого молчания ответил:

- А кому ж мне ишло рассказывать? Никто, окромя тебя, со мной не поговорит...

- А это, смотри, Федеор Федорович с кем-то в обнимку, - перевел тему разговора смутившийся Ванек. – Давай ее тоже отнесем в дом, повесим!

- Дак это со мной... - после замешательства признался дед.

- С тобой? – удивился Ванек.

- Со мной не повесишь... - вздохнул дед.

- А давай тебя отрежем... - предложил Ванек и осекся, увидев, как сжался дед от обиды, и затуманились его опухшие глаза.

- Дак моя рука на его плече останется... - только всего и сказал он дрожащим голосом, медленно увязал сверток и сунул его в сундук.

Ванек отвернулся к окну, остановив взгляд на жар-птице.

Вдруг его осенило.

- Дед, в дом Федора каждый что-нибудь принес... - мялся Ванек. – Давай мы отнесем жар-птицу!.. Пусть красота будет для всех!.. И от тебя что-то будет!.. Денис – и тот ведро дал...

Дед Степан растерянно глянул на внука, и на его лице отразилась жалость расставания с жар-птицей и радость за добрую душу внука.

- Ну, возьми, отнеси, - наконец сказал он.
- А ты разве не пойдешь? – встревожился Ванек.
- Не пойду! – твердо ответил дед. – Не хотят меня – кланяться не буду...

... Сельчане вереницей шли к дому Федора. Одеты они были по-праздничному. Некоторые – в казацкой донской одежде, и даже с какими-то старинными медалями. Их лица выражали торжественность и неподдельный интерес. А навстречу им выходили из дома просветленные, задумчивые, притихшие колхозники...

Ванек нес в руках завернутую в марлю жар-птицу. Люди косились на сверток, некоторые перешептывались...

Вытерев ноги о вязанный круглый коврик, Ванек вошел в сени. Здесь процессия приостанавливалась, дожидаясь своей очереди пройти в комнату.

Сени имели вполне жилой вид. На табурете стояло ведро с водой, покрытое фанеркой, на которой лежал черпак. Рядом с ним висел рукомойник над тазом. На полках слева стояли чугушки, кастрюли. Под полками лежали поленья дров. На стене висели косы, пила, конская сбруя, сети, коромысло. С другой стороны сеней, у окна с ситцевой занавеской, стоял ларь, покрытый клеенкой. На нем сияла начищенная до блеска керосинка, лежали кухонный нож, спички...

Войдя в комнату, Ванек загляделся на открывшееся ему зрелище.

Сельчане медленно проходили справа налево мимо стоящего у окна сундука, мимо прислоненных к глухой стене лавок, дивана, этажерки с книгами, на верхней полке которой стоял приемник, мимо стоящих между окнами на улицу стола и лавок, мимо железной кровати с начищенными до блеска шариками на узорных спинках и покрытой тканевым одеялом...

А по стенам были развешаны фотографии в резных рамках, сгруппированные по несколько штук в каждой. На них улыбались и жмурились, стеснялись и замирали от напряжения, старались скрыть страх или бравовали храбростью пожилые и молодые деревенские люди. Многие из них были в форме воинов Красной Армии...

Сельчане показывали на фотографии заскоруждыми пальцами, грустно улыбались или тихо хмурились, вздыхали или пускали слезу,

переговаривались друг с другом и отходили, уступая место идущим сзади...

- А это бывший председатель, - показала баба Груня Ивану Ивановичу на висящую над ремнями в общей рамке фотографию мужика в круглых очках, похожего на сову. - Чуть он, милай, от нас отъехал - и в бой окурат угодил. Ну, че? Плохо видел, его тут же и убило насмерть.. - всхлипнула она.

- Не плачь, мать! Вон тебе, партизанке, какой нынче почет! - показал Леня на вложенную в ту же рамку фотографию молодой бабы Груни.

- Скажешь ишшо! - отмахнулась от него она с довольной улыбкой...
- А этот, - показала она на висящую в отдельной рамке фотографию гололобого человека в косоворотке, с крупными чертами лица, - это наш командир Федор Федорович Рубашкин. Хозяин!.. Здесь все так сделали, как при нем было до войны.

- Молодцы ребята! - приласкала Светлана Михайловна стоящего рядом с ней Дениса.

- Получше обелиска получилось! - подытожил Иван Иванович... - И на коровник, слава богу, лес нашли...

- А ты че на пороге стал, герой? - громко спросила Ванька принараженная и оттого похорошевшая Лида.

- Вот принес сюда... - пересохшим от волнения голосом ответил Ванек, снимая марлю с жар-птицы.

- Ишь ты! - улыбнулась довольная баба Груня.

Присутствующие обступили Ваньку с одобрительным гулом.

- Это хорошо! - взял жар-птицу Иван Иванович и поставил ее на сундук. - Красотища-то какая!

- Вот еще снимок Федора Федоровича, - протянул Ванек фотографию. - Надо повесить...

- Нельзя! - глянув на фотографию, нахмурилась баба Груня. - Степану здесь не место!

- А я повешу! - с вызовом сказал Ванек, встал на лавку и воткнул фотографию в рамочку.

- Тебе сказали, нельзя?! - сдернула Ванька с лавки рассерженная Лида, вырвала из рамки фотографию, порвала ее и швырнула к печке.

- Он не виноват! - задыхаясь крикнул Ванек и кинулся на пол, собирая обрывки фотографии. - Что вы наделали?!.. Он партизан кормил!..

- Ребенок-то причем? - возмутилась Светлана Михайловна.

- И Федора Федоровича порвали! - крикнула Лиля.

- А нам от мужиков из-за таких только фотокарточки и остались! - заголосила конопатая пожилая колхозница.

- Не виноват он, не виноват! – причитал со слезами с пола Ванек.

- А, может, и не виноват?! – ответила колхознице баба Груня. – Стала бы я любить в молодости такого! Витьку-то с Сашкой отпустил к партизанам!..

Поднялся шум. У каждого было неизбежное горе войны, и сейчас, в этом деревенском музее, оно прорвалось наружу.

... Ванек вскинул голову, сидя на корточках, и увидел, как от криков исказились знакомые лица сельчан: волоокое – Лиды, морщинистое – бабы Груни, птичье – Лени, мясистое – Ивана Ивановича, широкоскулое – Дениса, крючковатое – бабки в пуховом платке, курносое – Лили, пухлое - Нюры, совиное – Светланы Михайловны, шарообразное – инженера...

До Ванька доходили только отрывки фраз....

... - Ишь, полицаю хотел повесить!..

... - Цирк, да и только!..

... - Ванечек, что с тобой?...

... - Забирай свою фанеру и катись отседова!..

...И вдруг на глазах Ванька, над этими искаженными возмущением лицами, махая резными крыльями, медленно полетела по комнате жар-птица. И от ее взмахов лица преображались – становились удивленными, добрыми, солнечными... Но вдруг жар-птица с маха ударилась о край печки, отбилась камень, которым замуровано отверстие печурки, разбилась – и обломки рухнули на пол...

Ванек кинулся к жар-птице:

- Она разбилась! – закричал он.

Все в комнате замерли.

Лиля первой пришла в себя, подбежала к открывшемуся отверстию печурки и заглянула туда.

- Здесь что-то есть! – сказала она, доставая жестяную коробку из-под чая.

- Клад?! – крикнул дед Егор.

- Дай-ка сюда, - подошел к Лиле Иван Иванович, взял коробку, открыл ее, достал сложенные в несколько раз листки бумаги и развернул.

Все обступили председателя, и он начал читать:

- «Протокол общего собрания колхозников колхоза «Искра» Ильинского района. Четвертого февраля тысяча девятьсот сорок второго года. Присутствовало шестьдесят семь человек. Повестка дня. Организация партизанского отряда и выборы командования отряда. Слушали товарища Рубашкина, который указал на необходимость организации партизанского отряда в тылу врага с целью подрыва его мощи и уничтожения его техники, живой силы, складов и так далее, чем оказать большую помощь нашей героической Красной Армии в деле скорейшего разгрома немецких захватчиков-извергов...»

Ванек резко вскочил с пола – и тут же у него сильно зашумело в ушах – и все поплыло перед глазами: и куски разбитой жар-птицы, и что-то читающий председатель, и обступившие его люди, и фотографии на стенах, и лампочка под потолком...

Но вот все постепенно остановилось, шум в ушах пропал, и откуда-то издали стал нарастать голос Ивана Ивановича.

-... Еще документ. Читаю: «Приказ по штабу партизанского отряда «Мститель». Для разведывательных целей в деревне Петропавловка Ильинского района оставить в строгой секретности гражданина Белова Степана Федоровича, которому надлежит вступить в отряд немецкой полиции и передавать партизанскому отряду «Мститель» разведанные о состоянии, положении, движении противника, его силах, его ближайших замыслах и планах. Связь с отрядом держать через связного Спешилова Геннадия Ивановича. Начальник штаба партизанского отряда Федор Рубашкин.» Печать, подпись.

- Разведчик! Мой дед – разведчик, – закричал как оглашенный сквозь слезы радости обезумевший от счастья Ванек.

- Я же говорила всегда, што он не виноватый! – старалась перекричать поднявшийся шум баба Груня со слезами на глазах.

- Стойте! – закричала бабка в пуховом платке. – А, может, Степан подложил эту цидулку в печурку?.. Он тут давно топчется!..

Все опять притихли. Ванек в растерянности остановился у порога.

- Э, нет! – сунул бабке под нос бумагу Иван Иванович. – Печать!.. А бумага сколько лет пролежала, вот-вот рассыпется?.. Тут любая экспертиза подтвердит!

- Ну и давай на спертизу, - буркнула старуха. – А може, и правый он, горемыка... - Бабка в пуховом платке махнула рукой и отвернулась.

Все облегченно вздохнули и опять зашумели.

- Я верил, верил! – закричал Ванек и пулей выскочил из комнаты...

... Подбегая к своей калитке, Ванек увидел нетерпеливо поглядывающего в окно деда Степана в черном костюме.

Под ноги Ваньку попала всполошившаяся курица, он споткнулся о нее, чуть было не упал, влетел во двор, напрямиком, по грядкам, промчался к порогу и, запыхавшийся, вбежал в комнату.

- Дед, ты – роазведчик! – бросился он на шею встревоженному деду. – Твое доброе имя – разведчик! Мы узнали!.. Это все Лиля!...

- Какой разведчик? – удивился дед.

- Жар-птица нашла документы отряда!.. В доме Федора!.. Ура! - заплясал Ванек по комнате, увлекая за собой деда. – Пойдем скорей! Все ждут!..

- Подождут! – остановил его дед. – Постой ты, постреленок!.. Што ты ерунду мелешь? Как жар-птица нашла? Каки документы?

- Жар-птицу как бросят! Она как полетит! Как ударится о печурку! Кирпич как отвалится! А в печурке – приказ командира Федора Рубашкина!... Ты – разведчик! – выпалил Ванек, перевел дух и... расплакался. – Теперь тебя не будут тыкать полица-а-ем!

- Ну что ты плачешь, дурачек?! – усадил его дед на кровать и сам тяжело сел рядом. – Я и так знал, что я разведчик... - И сам расплакался... - Главное, самому знать, какой ты!..

- Зна-ать! – протянул сквозь рыдания Ванек... - А в лагере, думаешь, хорошо сидеть?..

- А че в лагере? Не знали, - причитал дед. – А кто знал - погибли, и Генка Спешилов – первый... Ну вот и слава богу!.. Теперь и помереть можно, - облегченно вздохнул дед, вытерев ладонью слезу со щеки. – Налей-ка мне бражки! На радости ноги отнялись.

- Сейчас! – кинулся Ванек с кружкой в темный угол, поставил ее на пол, открыл крышку, схватил за одну ручку глиняную корчагу, хотел наклонить, но... не удержал. Корчага выскользнула из рук, глухо ударилась об пол и разбилась. Вся бражка разлилась по полу.

Ванек в испуге отпрянул, глянув на деда. Но тот улыбался ему на кровати сквозь стоящие в глазах слезы.

- Ничего... Теперь мне она не больно нужна, тудыть ее в кочан!

- Баба Груня обрадовалась, что ты не виноват! – сказал Ванек. – И другие – тоже.

- Ах, люди! – просиял дед... - Рады в хорошем убедиться.

- А я тебе всегда верил! – смущенно признался Ванек. – И Лиля!

Дед Степан прижал Ваньку к себе и погладил по курчавой голове.

- Давай с тобой нашу любимую на радостях споем, - предложил дед.

И они запели, стар и мал, во весь голос:

Однозвучно гремит колокольчик

И дорога пылится слегка,

И уныло по ровному полю

Разливается песнь ямщика...

... Солнце выглянуло из-за тучи – и мир засиял всеми летними красками. Газик выехал из деревни навстречу желтому солнцу, синему небу и зеленой траве.

Недалеко от дороги дети пасли телят. Ребята ели большие куски красного сочного арбуза и смотрели на машину...

Впереди у дороги, на возвышении, покоилось деревенское кладбище, с каменными и деревянными крестами в простеньких оградках, заросших высокой жирной полынью. С края кладбища в изголовье свежей, еще не поросшей травой, могилы белел конусный обелиск с красной звездой на шпиле.

Поровнявшись с ним, газик остановился. Парень в вельветовом пиджаке и джинсах вышел из машины с этюдником и спортивной сумкой, хлопнул дверцей кабины – и машина уехала...

Звонко голосили в траве кузнечики. Парень подошел к могиле и уставился грустно на надпись на обелиске:

Белов Степан Федорович

1900-1979

Буквы расплылись у него перед глазами. Рука невольно разжалась – и сумка с этюдником повалились на траву.

- Он просил похоронить его под звездой, - сквозь звенящую тишину донесся голос Лили. – Вот мы и поставили...

Парень медленно перевел взгляд на жестяную звезду. Она сияла расплывчатым красным огнем...

- Все ты!.. – опять послышался голос Лили.

- Что я?!.. – вздохнул парень. – Доброта все осилит!..

В этот момент конопатый подросток в комбинированной курточке на худеньких плечах осторожно положил на могилу маленький венок, из поникших ромашек.

- Хороший был человек дед Степан!.. – послышался голос Дениса.

Парень обернулся и с благодарностью посмотрел на пополневшую Лилю, возмужавшего Дениса и прижавшегося к ним конопатого подростка.

- Зайдешь к нам, Ванек? – с надеждой спросила Лиля, откинув назад тяжелую косу.

Иван ласково кивнул ей.

И с грустью посмотрел, как пошли они по дороге, туда, где на холме возвышался над деревней дом Федора...

А потом снова повернулся к могиле своего деда.

... И на его глазах веночек распался, цветы ожили, и вся могила поросла крупными ромашками. А над ней затихало пение деда Степана и маленького Ваньки:

... Однозвучно звенит колокольчик

И дорога пылится слегка.

И замолк мой ящик, а дорога

Предо мной далека, далека.

1979 год

В ГЛИНЯНОМ ГОРОДЕ

Рассказ

"Ну, здравствуй!

Долго же ты молчал! А всё-таки интересно тебе, как я живу, как сложилась моя судьба. Но я не пойму, или это приятное участие в моей судьбе, или простое любопытство. Скорей всего - второе, в первое не верится - ведь ты мне сделал немало зла. Боишься меня и не хочешь, чтобы повесть оборвалась? Ну что ж, начало повести было не слишком хорошее, каково будет продолжение, а? Ты что же, перешёл на повести? А как же твои стишки? Или поэзию вон из души?

Интересуешься, как я живу. Да так, ничего, можно сказать, хорошо.

По-прежнему учительствую, и воспитываю свою дочь Маринку. Как видишь, никакой маски.

А как ты? Вот ты-то надел на себя маску.

Что ж ты умирать собрался? Что с тобой было? Зачем умирать? Живи, всем чертям назло.

Молодец, преуспеваешь, я всё «холостая» хожу, а ты уж дважды успел жениться. Шустрый! Кто же она? Не Ирка же. Москвичка, наверное? Живёшь в Москве или в Раменках? У нас сейчас брат Виктор едет в Москву. В научно-исследовательский институт по холоду. Выполняет дипломную работу, весной защита. Не знаем, как устроится с жильём.

Где ты работаешь? В области поэзии или холода?

Обидно! Напоминаешь мне своё отчество, не думай, у меня память хорошая, я не забыла, что ты Тарасович, не забыла и твои стишки. Как там...

Скучаем мы, любя, в разлуке долгой,

А долгие для вас и год, и день.

Летите, чувства, до низовий Волги

От подмосковных милых деревень.

Помнишь, это было еще на заре нашей любви.

А сейчас мы здорово постарели, и можно подумать, что и повесть-то уже оборвалась. Остался пустой интерес. Не так ли? Я не права? Конечно, через столько лет интересно было бы узнать, как сложились наши судьбы.

У тебя ещё есть дети?

Что ж, напиши о себе. Интересно!

Людмила».

"...Это было ещё на заре нашей любви".

Поезд пришел на рассвете. Я не соскучился по Астрахани. Но всё равно обрадовался этому зелёному куполу вокзала. У него такое же татарское лицо, как у сонных встречающих. Меня не встречали, я хочу быть сюрпризом. "А что, если прямо с вокзала махнуть к Люське? И не заходить домой, к матери? - Я даже удивился первой своей самостоятельной мысли. - Пусть думает, что я ещё в Москве. И не надо ни разрешений, ни объяснений!»

С поезда - на поезд! Что заставило меня проехать мимо родного дома? Предчувствие свободы: некому следить за моими вольностями?

Поезд шёл в Махачкалу. В вагоне много плетёных корзин и сундуков. Пахнет курагой, яблоками, всем базаром. Настоящие Большие Исады. Я даже вижу их фруктовую пестроту, слышу их разноязычный галдёж, чувствую их кисло-сладкий дух с привкусом мокрой пыли. С мальчишек я хожу за продуктами на этот главный базар - Большие Исады, торгуюсь с пожилыми татарками, чтобы выгадать себе на мороженое, и приведи меня

туда с закрытыми глазами – определю, куда попал.

Вот и разъезд четырнадцатого километра. Мне выходить. Поезд затормозил, запыхавшись, остановился. Чуть я успел спрыгнуть, как состав покатился вперёд. Ну, приехали. Зачем я здесь, кому я нужен?

Душный август. Даже ветер парной, теплый. Степь сухая, обгорелая, только мелкая белесая полынь еще борется за жизнь с палящим солнцем. Но холмы уже облысели.

Я иду по рассыпчатой глиняной дороге, на конце которой плавится под солнцем саманный посёлок. Приникли к земле маленькие мазаные домики. Среди них возвышается единственное больше белое здание клуба, как бы напоминая, что дом духовный всегда выше дома телесного. Раньше над жильём выделялись церкви, сейчас - дома культуры. А цель одна: насытить душу человеческую.

По письмам я знаю, что Люся работает в этом большом доме. Она приехала сюда по распределению культпросвет училища. Когда мы познакомились, меня раздосадовало, что эта внимательная, начитанная девушка, учится в культпросвет училище. Мне казалось, это заведение для людей недалёких, а точнее порхающих. Может быть, поэтому я и потянулся потом к ней, чтобы помочь выбраться ей на более интересное дело.

Познакомились мы благодаря моему другу Толе. У этого чёрнявого увёртливого парня пронзительные серые глаза. Такие глаза не раз смотрели в лицо отчаянью, беде и, наверно, смерти. Но это уже другая история. Толя видел людей насквозь, особенно молоденьких девушек. Он их сравнивал с маленькими прозрачными рыбками, которые плавают в нашем воздушном аквариуме. Благодаря своей самоуверенности Толя часто попадался сам, как рыбка на крючок. Толя познакомил меня со своей девочкой Люсей, потому что я плохой рыболлов и у меня обычно не клюёт.

Ей было восемнадцать. Она была в платье кирпичного цвета, со стоечкой, что очень шло её высокой шее и круглому украинскому лицу в конопушках. Я почему-то на этот раз смело пригласил её на танец. Площадка в парке бала похожа на муравейник, и нас прижали друг к другу. Люся вздрагивала, продолжая улыбаться, а я что-то рассказывал ей из смешных случаев, которые произошли со мной в жизни. Первая робость знакомства прошла, а симпатии я не стыдился, потому что её не было. Я дышал свободно, кружился легко, смело умничал и все тянул её за руку на каждой танец. А она опять не успевала пригласить на танец подружку, с которой пришла. Толя был снисходителен ко мне до конца: уводил эту худую подружку (ох, уж эти неудачницы, которые отравляют досуг счастливым подругам!), они отплывали в противоположный угол танцплощадки. Толя, я знаю, развлекая партнершу, нес несусветную чепуху, которая была его основным козырем обольщения девушек. Я не умею говорить такие глупости, язык не поворачивается показать себя

дураком, а о серьёзных вещах с чужим человеком не просто разговоришься. Вот почему, по мнению Толи, я был плохим ловцом девиц.

Вечер кончился. Потушили свет, стали закрывать решетчатые ворота танцплощадки. Толпы завсегдатаев нехотя вываливались на чёрную прохладную аллею. Так выгоняют табуны в ночное.

Мы шли по лунной дорожке на сыром асфальте аллеи. Парк "Аркадия" остывал от людского тепла. Мы удивлялись, каким сказочным в затихающей ночи выглядит наш старый деревянный театр, весь в кружеве резьбы, в теремках, флюгерах и лесенках. Когда-то он был построен без единого гвоздя, стоял крепко, на весёлом месте. И казалось, не старел, а теперь сдал, как те живые, молодящиеся старики, у кого всегда песня на губах, но однажды перехворают, и сразу станет видно, сколько им лет.

Столетний парк, чуть подсвеченный редкими лампочками фонарей, чистая всему улыбающаяся девушка, внезапно ожившая во мне тяга к женской ласке, - все это настроило меня на лирический лад. Я взбежал по наклонному стальному стержню опрокинутого разрушенного дискобола и стал читать свои стихи. А Люся и Толя улыбались, протянув ко мне руки, готовые поддержать меня, когда я терял равновесие и начинал махать руками, как птица подрезанными крыльями. Они делали вид, что не знали, чьи это стихи, а я жалел, что не выучил до конца наизусть стихи любимых поэтов. Я вообще ничего в жизни не учил наизусть, только знакомился, только старался понять, и, разобравшись в премудрости, получал от этого удовольствие. Не учил я не только из-за лени, ещё я боялся чужих истин, чтобы не повторять их, я пытался сочинять свои стихи. Может быть, это учило меня самостоятельно мыслить? Как же я ошибался! Теперь-то я учу стихи, и знаю, какое это душевное богатство.

Мы посадили Толю на трамвай, потом я проводил Люсю до ее квартиры и вернулся домой пешком необыкновенно поздно. Мама не спала. Она начала сразу отчитывать меня:

- Ну, спасибо, сынок, успокоил мать под старость. Какая порядочная девушка будет гулять с парнем до трёх часов ночи?

- Не смей так говорить о человеке, которого ты даже не видела! - это вырвалось у меня так неожиданно для нас обоих, что мы не поверили своим ушам. Так поэзия жестоко перешла в прозу. Мама не простила этих слов ни мне, ни Люсе. А я с этой ночи почувствовал себя взрослым.

Я почувствовал себя наедине с собой. Так же, как путник, идущий в безлюдье. Так же, как чувствую я себя сейчас, пока иду по голой степи, пока еще не поравнялся с первой мазанкой глиняного города. Вот я поравнялся с первыми домами - и теперь опять от кого-то зависим. От мнения этих людей в выцветших на степном солнце сизых одеждах. От этого нещадного солнца выцветает даже белое бельё и превращается в сизое. Только лица, руки и ноги местных жителей становятся густо коричневыми на весь год, на всю жизнь

Прохожие с деревенским любопытством разглядывают нового человека в чёрном костюме, белой рубашке, с чемоданом в наклейках, почти не загоревшего, с крупными кудрями, курносый носом и с татарским разрезом глаз. И у меня такое ощущение, как будто я пришел в незнакомую компанию, и, увидев друга, быстро направился к нему, стараясь не замечать любопытных взглядов. А друг этот – Люська. Вон она бежит ко мне навстречу.

«Здравствуй Саша!

А, теперь ты обвиняешь меня в том, что я тебе изменила, что я забыла тебя. Вспомни сначала своё отношение ко мне. Сначала женился один раз, теперь женился вторично, и, наверно, ты любишь её, если решился жениться. А сам пишешь, я тебя берег, я тебя всегда помнил. Зачем же такое противоречие чувств, любить одну, а жениться на других. Я ведь ни за кого не вышла замуж; если уж я люблю одного, то за другого никак не могла выйти. Как же ты мог пойти на такое примирение со своими чувствами?! Ведь ждут же другие люди; ждут даже тогда, когда нечего ждать. И всё-таки ждут. Почему же у тебя такой «пожар»? Или ты хочешь, чтобы весь мир валялся у твоих ног? Ведь даже собака, и та бросает своего хозяина, если он изо дня в день пинает её. А ты?.. Ты помнишь свои первые два письма, ты даже не позволил себе снизить до того, чтобы написать моё имя рядом со словом "здравствуй". Наверно, боялся унизиться. А еще, мне кажется, ты хотел свою жизнь устраивать так, как хотелось бы тебе, как твоя душа пожелает. А Люська будет у меня "про запас", на всякий случай, где бы я ни был, когда бы я ни пришёл к ней, эта дверь для меня будет всегда открыта. Значит, я должна никогда не думать о своей жизни, а ждать тебя: "то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет". Ждать год, ждать два, ждать восемь лет (ведь с того дня прошло уже, шутка ли сказать, восемь лет), и не знать: а что будет, может, придёт, а может, и нет. На это не согласится даже самая плохая женщина. Так я тоже не могу.

Для меня восемь лет прошло, как один день. Как будто вчера были все эти встречи. Не могу забыть, как ты приехал в совхоз «Астраханский». Как мы бежали тогда навстречу друг к другу, забыв обо всем окружавшем. Как жаль то юное невинное чувство, как било бы отрадно вернуть его. Я забываю, что ты был ко мне злым, несправедливым. Я помаю тебя таким, каким был тогда в совхозе, и всюду остаёшься для меня таким добрым, любящим, внимательным, или, как выразился ты, добрым малым. Тогда, я знаю, ты, действительно, любил меня. Сашка, Сашка, зачем же мы тогда расстались? Мы были бы самой счастливой семьёй, у нас не получилось бы так, как с Ирккой,

Откровенно, мне было приятно получить твое письмо, от него пахло чем-то таким далёким, но приятным, что заставило вновь

пробудиться чувствам. А такие, как те первые два письма, лучше никогда не читать и не получать, ехидные, злые, колючие. От них портится настроение, их даже читать больно. Если б и это письмо было другим, я б не ответила тебе. На злые письма я больше не хочу отвечать. Чтобы ждать ответа, надо писать человеческие письма, чтобы они не обижали другого. Как ты считаешь, я права? По-моему плохие письма вообще нечего писать, лучше просто молчать и ждать, когда будет настроение.

Ты хочешь проверить мои чувства, чтобы я написала тебе, но ведь лучше всяких слов тебе скажут все эти восемь лет. Ни какими словами не выразить всё то, что проплыло через эти годы... И все годы я храню всё то чистое и светлое, что связывало нас. Это ты и сам должен был чувствовать. То первое чувство, оно всегда со мной, и никто не сможет заглушить его. На то оно и называется «первым»... Ты не забыл еще мой бал, в честь окончания техникума? Это было в июне 61-го года. А затем я провожала тебя в Москву, потом твои стихи из Москвы. Ты говорил, что в каждой встречной девушке ты видишь меня. А сейчас?

Все твои стихи живут во мне, и я с удовольствием читаю их своим девчонкам. Для меня лучшими стихами останутся твои поздние стихи. Особенно те, которые ты сейчас мне посылаешь. Они – не такие, как все. Больше всего мне нравится

Тайная вечеря

*Руины туч очерчивает ночь.
Такая тишь – канун тревожной вести.
В заре и светочам сиять невмочь.
И гибнут горные стада созвездий.*

*Ужели зыбкое мерцание влачит
Последний луч избытого свеченья?
Ужель заря навеки разлучит
Подлунный мир и звездные теченья?*

*Хоть рассияйся солнце – я слепей!
Отрадны ли слепые поклоненья?
Тревожно жду художницу теней:
А вспыхнут вновь созвездья озаренья?*

Это стихотворения я выучила наизусть.

Я знала, что когда-нибудь, встретив других, ты поймёшь, что я лучше их, и всё равно будешь искать меня и, наконец, найдёшь навсегда. И дни нашего юного чувства опять «вспыхнут вновь созвездьем озаренья», ещё с большей силой, проверенной годами. Потому что дороже первого чувства нет ничего на свете.

Ну, вот и всё.

Л.

«Ты не забыл ещё мой бал?..»

Твой бал был твоим святым праздником. Ты сначала даже не подозревала этого. Ты была одета во всё белое, как невеста. А я - неосторожный насмешник - подшутил над твоим пышным бантом на неприличном месте. Наверно, этот бант был твоим украшением, а стал твоей обидой. Но ты всегда весёлая, а весёлые быстро прощают. Я - собственник, я танцевал весь вечер только с тобой. Выпускной бал. Ты получила назначение в село, но не догадывалась, какое назначение тебе готовила эта ночь. Конечно, ты помнишь больше подробностей, потому что ты прощалась со студенческой жизнью, ты уходила из дома, где оставляла множество привязанностей. А я был в гостях. Зато я помню, что было потом, у меня дома.

Мы сели в такси, помахав цветами твоим завистливым подружкам. Когда я назвал шоферу свой адрес, ты затихла, и твоё лицо окаменело. Так быстро, что улыбка не успела раствориться, да так и осталась, как маска. Ты прижалась ко мне, готовясь сдавать экзамен на зрелость. Моей матери дома не было, ты знала, что она ночует нынче у подружек после первомайских праздников. Нам предстояло остаться в эту ночь наедине со своей чувственной и любопытной молодостью. Нет, нет. Я замолчу. Нельзя говорить о том, какие тайны открыли мы в эту майскую ночь. Просто на рассвете из моего деревянного подслеповатого домика тайком от людей вышли какие-то взрослые люди, очень похожие на нас, и ушли по бульжной мостовой навстречу новому дню.

Я не принес тебе счастья, может быть, поэтому тебе удалось сохранять ко мне свою привязанность так много лет. Ты бы ожесточилась рядом со мной, потому что я всё приношу в жертву своему творчеству. Я не подобен тому человечку, которого ты носишь под сердцем - не девять месяцев, а девять лет, - не стыдясь этого. Поэтому я не могу быть твоим сыном, тем более твоим мужем. Единственное, что у меня остается, - это быть твоим любимым.

Но и это - только до встречи. Ты задумывалась когда-нибудь, какое сморщенное чужое лицо будет у твоего любимого при встрече через пятнадцать лет? А через тридцать? Ты испугаешься его, ты отшатнёшься от этого полного с залысинами и выцветшими, как истлевшие угольки, глазами, мясистым носом человека. И это станет похоронами любви. А посторонний человек все удивленно будет тебя спрашивать: «Вы - Люся? Неужели вы - Люся?" И, наверное, сморгнет слезу. Ты увидишь ее, как она покатится по давно проложенному руслу глубокой морщины к губам. И глянув на провалившийся сухой рот, ты не узнаешь когда-то пухлые губы,

которые не умели целовать, и поэтому были тебе так дороги. Бойся встречать меня, чтобы не потерять.

Но вот я снова в твоём селе. Ты покормила меня рисовой кашей. Мы сидели за столом президиума на сцене. И это было, как в театре. И мы волновались, как дебютанты, хотя все зрители клуба спали в своих мазаных домах. Наши поцелуи пахли свежим рисом. Всё было так естественно: объятия, реплики, признания, - так не получается ни у одного артиста. Ты принесла для меня свежую простынь и расстелила её на пыльном клубном диване. Попрощалась со мной, вышла, закрыла клуб на замок и убежала.

Из разбитых окон клуба потянуло степной прохладой. Мне стало зябко. И вдруг ты укрыла меня своими тёплыми руками. Я даже и не заметил, когда ты подошла, и не слышал скрипы дверей запасного выхода в зрительном зале. Я казался себе большим-большим и держал у груди маленькую девочку, которая светилась в темноте, как луна в темно-синем окне. Только дорожка от лунной девочки была горячей, и, угодив на неё, я растворялся в этом тепле всем своим существом. Ты выскользнула из моих рук, побежала на середину комнаты в своей розовой шёлковой рубашке, сквозь которую просвечивала маленькая гибкая женщина. Я кинулся за тобой, прижал эту живую красоту, всё во мне на миг запело, завертелось, я почувствовал себя существом высшим.

И вдруг все пропало. "Что с тобой?" - " Не знаю, мне кажется, здесь кто-то есть". Больше я ни разу не испытывал такого чувства. Тёмные окна стали голубеть. Кто-то, совсем рядом, шептался и возился. Шорох шёл из-под пола. Я посмотрел вниз. Там, в щели озорно заглядывали мальчишки. Непрошенные гости притихли, как мыши, заподозрив, вероятно, что их обнаружили. Что видели эти малыши, когда они пришли сюда? Я покраснел. А потом, будто ничего не случилось, пошёл навстречу любопытным взглядам, боясь наступить на эти глаза. Мальчишки всполошились и выпорхнули с шорохом из-под дома.

Позавтракав в столовой, мы разошлись по своим делам. Люсю ждали дела в библиотеке, а я решил поговорить с комсомольским вожаком о превратностях клубной работ в селе. В правлении я показал своё удостоверение внештатного корреспондента областной молодёжной газеты парторгу совхоза. Женщина средних лет, с обветренным деревенским лицом, неотвязным пристальным взглядом, возмущенно критиковала какого-то нашего корреспондента, который вопиюще неправильно расхвалил в газетной публикации пьяницу чабана.

- Он бросил отару на попечение мальчишки, пьёт, пропадает в городе, развалил семью... А о нём пишут, что это - передовик, что получил по сто ягнят от каждой овцематки. Был когда-то передовиком, - спохватилась парторг, - мы его захвалили, он теперь и гуляет гоголем, а овец забросил. В этом году в отаре большой падеж. А ваш корреспондент

написал о нём сначала в районную газету, мы ему позвонили, поругали его за ошибку, а он всё слово в слово переписал в областную газету. Куда же это годится?

Я обещал разобраться, когда приеду в Астрахань. А сейчас хотел бы узнать, почему сельский клуб в таком плачевном виде. Не мыты окна, стекла разбиты, мебель поломана. Какой-то грязный диван да выщербленный от забивания козла стол, да истертые лавки вдоль грязных стен. ДО СИХ ПОР ВИСИТ ПЛАН работы за старый год, а в этом году не жизнь - сплошные танцы.

- Вечером вернётся с поля секретарь комсомольской организации, с ним и разберётся, - отрезала парторг. - Я могу сказать только одно, ребята не активные. Да сейчас и отдохнуть-то некогда, в разгаре полевые работы. Мы в свое время, голодные-холодные, и при коптилках веселились. Смехом да песней сыты были. Какой план работы клуба, если зав клубом у нас сбежал? Послали его в город, учиться на баяне. Он выучился за совхозный счет - и был таков. А нового никак не допросимся.

Вечером пришли измазанные степной работой ребята. Комсорг-шофер, как не устал, а отвечал на вопросы корреспондента с готовностью, душу выкладывал, отчаянно жестикулируя.

- Нет, ребята хорошие, подготовили агитбригаду. Нужен аккомпаниатор. Пошли к директору. А он, - комсорг на секунду превратился в маленького пухленького юркого директора совхоза: - «Я выучил вам баяниста? Куда вы его справили? А теперь пляшите под труля-ля». Так бригада и распалась. Да и комсорг-то я без году неделя. Кончим работы - все будет.

Ребята сонно улыбались, медленно хлытали себя от комаров ивовыми ветками. Они все наладят, а сейчас спать.

Зажужжал движок, вспыхнул в окнах тусклый свет. Мы с Люсей встретились далеко в степи, откуда не видно мазанок, укрывшихся за остывающим розовым от голой глины холмом. Мы лежали в траве полыни, ветер отгонял от нас комаров и нахлынувшее на нас тепло наших тел. Мы растворились в ночной степи и больше не вернулись оттуда.

От всего этого осталась пожелтевшая вырезка из газеты в моем альбоме, короткая статья, в которой я осуждал директора, парторга и самих ребят, за то, что никому просто нет дела до хорошей жизни, и все пытаются кого-то обвинить в равнодушии. В этой же статье описан заброшенный клуб, где между строчек, в столбе лунного света явилось мне теплое видение юной женщины и разбудило меня от младенческого сна.

Из всего лета выветрились будние дни. Я жил только в субботу и воскресенье. Мы приходили в старый парк «Аркадия», катались на чертовом колесе, на лодках-качелях, кружились на танцах, смеялись в комнате кривых зеркал, и однажды ты сказала, что я буду отцом.

«Что ты сказала?!»

Как объяснить начинающей молодой волшебнице, которая почувствовала в своем теле начало новой человеческой жизни, что этого зародыша надо убить? Да это все равно, что прервать гения на гребне экстаза, все равно, что прервать бога в разгар творения мира. А я даже не мог для себя объяснить, почему я не хочу быть отцом. Сейчас я бы попробовал растолковать, что не имею права данное мне свыше вдохновение растрачивать на мирную и счастливую семейную суету. Это как самосожжение. Но я живу в обществе, я должен подчиняться его законам и предрассудкам. Если я не буду работать, меня будут судить за тунеядство и за уклонение от оплаты алиментов на содержание моего ребенка. Да, да, я пытался создать семью. У меня есть маленькая девочка, которую разлучили с нехорошим папой. Я не могу жить без стихов, а они не могут прокормить меня. Потому что они пока еще тихо звучат, а люди и без того глухи. Я должен научиться озвучивать свои мятущиеся мысли, а мне надо работать ради хлеба, ради моей дюймовочки. Но пока нет на земле такого приюта для душевнобольных, где бы гениев или одержимых величием предоставили своим музам и отказались судить их жизнь по земным законам. Вот сколько бы я нагородил глупых слов, чтобы отречься от семейного счастья. Но мне было только двадцать лет, я написал только двадцать стихов и мог связать в них только двадцать слов.

Ты поняла, какой я подлец. Ты взяла справку из больницы, в которой говорилось, сколько месяцев твоему обреченному чуду. Ты махала этой справкой перед моим ночным лицом, и твои глаза налились отчаянием, испугом и слезами. Я целовал их, как ребенок целует свою плачущую мать, и сам боялся за тебя, за себя, за наших родителей. Я не хотел, чтобы ты нечаянно из-за меня стала бесплодной, как сухая акация у нас во дворе, которую все собираются спилить. Я боялся, что никогда не смогу стать поэтом.

Вот я стал вырывать у тебя эту справку, эту досрочную похоронку. Мы сцепились, кусая и выкручивая друг другу руки. Листок бумаги разлетелся на кусочки. Мы обнялись, как перед казнью, и ты сама произнесла приговор: «Завтра я пойду и лягу под нож». Какую ночь мы пережили?! Нет, исстрадалась ты, а я бал зевакой у лобного места.

В больницу я приносил тебе фрукты. Каждый день. Вместо твоей матери. Она знала, что ты сейчас в своей библиотеке, в совхозе. Она писала тебе письма и уже целую неделю тревожно ждала ответа.

Она вся изболелась, когда в этот раз отправляла тебя в совхоз. Что-то недоброе чувствовало материнское сердце. Она бестолково суетилась, все причитала. Не плохо ли живется у старой татарки, не пристают ли с ухаживаниями деревенские мальчишки? При этих словах она поворачивала к себе лицо дочери и долго высматривала в нем девичьи тайны от матери. Поезд тронулся, и мать расплакалась, за окном побелела печальная дочь. «Мама, мама, не спасешь ты меня от позора, не посоветуешь мне, как

наказать блудню за мою боль, за мое вырезанное из тела материнство».

А в больнице всем нравился молодой муж. «Вон твой кудрявый топчется, вставай, полюбуйся». А придуманный муж боится заглянуть в провалы зеленых глаз своей несостоявшейся супруги.

«Перетерпела, теперь будете оба осторожней. А погулять-побегать еще надо, желтки еще».

А девочка гладит своего мучителя, греются пальцы в черных вихрах, похудел весь, избегался. Сколько лекций пропустил - выгонят из института, не посмотрят на таланты твои, как же дальше будем?

Хочется рассказать, сколько страха, стыда и боли перенесла из-за мальчишеской трусости этого косолапого медвежонка с глазами-бусинками. Но нет, надо смолчать. Все поймется позже, а не поймется, так припомнится.

Ты не удержалась потом, в пылу отчаянной злобы на себя и на меня. Ты высказала мне все, в криках, в письмах, во снах. Да так вдохновенно, что я вижу эту ночь, я переживаю ее вместе с тобой.

Поезд остановился на первом полустанке Кутум. Ты вышла на перрон, если можно так назвать крохотный домик в одну комнату с лавкой у стены. В нашем плане было все продуманно. Мама проводит тебя в совхоз. Но ты сойдешь на первом же полустанке. Вернешься в город. Ляжешь в больницу. А потом вернешься в село.

Дверь то и дело распаивалась от порывов осеннего ветра. И темная ночь врывается в комнату, шелестя и обдувая лицо воздушным темно-серым платьем. Маленькая юная беззащитная женщина ежилась на станционной скамейке. Было жестко, холодно и страшно. Ведь рядом ни души. Только один человек в целом ночном мире знает, где она. Вернее, обязан знать. Ему мягко и тепло на кровати, на пуховой огромной перине, поэтому он давно забылся и спит.

Она встала, взяла грязную урну брезгливо двумя пальцами. Прижала ею скрипящую дверь, стараясь не смотреть в пугающую черную степь. Но только улеглась на скамью, как раздался страшный стук, запахнулась от ветра дверь, и с металлическим грохотом урна покатила под ноги испуганно вскочившей девушки.

Ветер и одиночество не дали ей задремать до рассвета. А какие страхи приходили в эту поникшую в горе голову. Вряд ли они могли осуществиться, до того они были невероятны.

В шесть часов утра пришел первый автобус. Он увез ее в город, туда, где ждали еще большие испытания, по сравнению с которыми прошедшая ночь была легким испугом.

Я ни как не могу понять, что толкнуло тогда тебя на мост? Не хотела же ты броситься с него на рельсы под поезд. Это не в твоём характере. Я пришел, как мы договаривались, на вокзал, что бы проводить тебя в роддом, но тебя не было несколько часов, как несколько вечностей. Что

могло с тобой произойти? Не сошла с поезда, а проехала прямо в совхоз? Но ты не могла обнадежить, ты бы просто все высказала мне в лицо и оставила за собой право выбора. Рассказала все матери? Но этим можно ее убить. Я курил жесткие сигареты, переборщил, и дым колом стоял у меня в горле.

А обиженная мной девушка смотрела на меня издали, облокотившись на перила моста, и думала о моей трусости, о ночном страхе, о нашем будущем ребенке, которого она непременно оставит в живых. И тогда у нее будет свой, родной, такой же кучерявый и курносый мальчишка, которому ничего не остается делать, как любить ее, свою мать.

А потом ты собралась с духом и пошла ко мне на встречу. В рыжем выгоревшем пальто, с поднятым воротничком, в косынке в фиолетовых турецких огурцах, завязанной под горло, в простых в рубчик, как носят девочки, чулках. Ты подошла ко мне с лицом, полным какого-то светлого укора, и сказала: «Я видела тебя с моста, какой ты жалкий». Мы пошли к набережной.

В это время Красная набережная отвечала своему названию. Река горела от рассвета и выплескивала тени от шевелящихся волн на траву отлогих берегов. Густая пыльная зелень обагралась этой холодной тенью. А быть может, у меня воспалились глаза от бессонной ночи?

Ты вошла в здание под удивительно скромной вывеской «Родильный дом». Я виновато смотрел тебе вслед через стекло двери. Красивое здание, и эта дверь, были выполнены в стиле модерн. Я робко подошел ближе к окнам и услышал жужжание роя маленьких людей, которым разрешили появиться на свет. Душераздирающий крик выдавился из кирпичной стены где-то на втором этаже. У меня пробежали по телу мурашки. Я шкурой ощутил свою подлость...

«Здравствуй, Саша!

Видишь, долго я никак не могла собраться ответить тебе. Хотя твое последнее письмо на главпочтамт я получила еще в июне. И, возможно, причиной такого долгого молчания, именно, оно – и есть. Потому что оно мне не понравилось. Не помню точно к чему, но было у тебя там такое выражение «брат на иждивение». Нет, Саша. Это – унижительно и для того, и для другого. А особенно для мужчины, если он - есть мужчина. Даже я, женщина, как нас считают, слабый пол, и то никогда не согласилась бы на такое жалкое существование. Я уважаю равноправие, и во всем, даже в семейной жизни, хочу, обязана, вносить свою лепту наравне с мужем. Да и к чему об этом говорить? Ты требуешь к себе сострадания, не так ли? А в чем? Не ты ли сам сделал все так, как есть сейчас? Так стоит ли?.. Ведь это вызывает только жалость, а она быстро пройдет. Ведь это не любовь. И тогда будет страшно, когда не останется ни чего. И ты это понимаешь. Об этом твое стихотворение

На вокзале

*Прощанье... Прошлого наук печальный...
В тенетах липких душу потрошит,
На палец тычет перстень обручальный,
Одни печали в сердце ворошит...*

*Гудок – рывок – и крылья на свободе.
А прошлое все гонится в слезах.
Раскаянье в душе заколобродит,
А новь развеет отпылавший прах.*

Да, у нас с тобой нет будущего. Нас связывает только наше юное прошлое, такое нежное, чистое, неповторимое и непорочное. Нам жаль, что оно ушло. И ничего не оставило нам взамен, мы рады бы вернуть его или повторить. Но, увы! Мы уже не те. Я везде говорю «мы, мы», потому что вижу, и ты думаешь также.

Я не знаю тебя сейчас, какой ты. Я узнаю тебя только по письмам, да и те не всегда мне нравятся. А почему? В них нет откровения твоего, ты скрываешься под панцирем, и предпочитаешь оставаться инкогнито, как ты сам однажды выразился. А я это очень чувствую. Я получаю от тебя письма, а представляю тебя таким, каким ты был раньше, особенно в совхозе «Астраханском». В той же белой рубашке, в костюме цвета морской волны, улыбающийся, юный, милый, с глазами-бусинками, так любяще смотрящими на меня и не лгущими. Помню наши бессонные ночи, которых нам всегда не хватало, чтобы долюбить друг друга до конца. Я помню, как мы были счастливы. Но все глаголы стоят в прошедшем времени. Вот так, Сашка! Я не знаю, чем можно оправдать твое не откровение со мной – ни о себе, ни о своей семье. Может, ты мне объяснишь сам?

Ну вот, пока, все. Скоро еду на работу.

Пиши.

До свидания.

Людмила».

Костюм был не черным? А цвета голубой волны? Ну что же, значит, я выглядел живописнее в этом глиняном городе из желтых саманных домиков.

... Я приходил к тебе в больницу каждый день. А надо мной надвигалась гроза с другой стороны. Я был студентом. Тем студентом, который спит на лекциях и усваивает только то, что успеет уловить между третьим и четвертым сном. Один преподаватель в институте понял, что я никогда не буду инженером. Он понял это раньше меня, моей матери, моих

защитников из деканата, моих друзей по аудитории, понял и пользовался малейшей возможностью, чтобы доказать мне и всем остальным, что я должен искать себе другое дело. Но он был злой человек по натуре. Он выгонял меня с экзаменов с пустым местом в зачетке. На первом же курсе он сказал мне: «Из вас не получится инженера», - и повторил это, когда я сдавал технологию металлов в шестой раз, имея по остальным предметам все четверки. Он все-таки поставил мне тройку, видимо, его подкупила моя настойчивость. И даже сказал на прощание: «Вы, наверное, на старших курсах со мной и здороваться не будете?» – На что я ответил совершенно искренне: «Обязательно буду». – И каждый раз, встречая этого преподавателя в коридорах института, я подчеркнуто учтиво нараспев приветствовал его: «Здра-а-встуйте!»

За это и поплатился на четвертом курсе, когда неожиданно преподавателя курса «Станки и инструменты» перевели в другой город, и практику по станкам принимал у студентов мой «крестный отец», как называли его мои однокурсники, сочувствуя моему первому крещению. Он встретил меня, широко улыбаясь, как старого знакомого. Высказал удивление, что я дотянул ляжку до четвертого курса и тут же вlepил мне двойку. Тот же результат я показал на второй попытке. Третий провал грозил переводом на первый курс, так как следующие за нами потоки студентов учились по новой производственной программе, с которой мне могли предложить ознакомиться.

А я был весь захвачен нашей трагедией, в которой ты участвовала как улыбающаяся жертва, как будто ты была рада, что можешь хоть что-то сделать ради меня. В то же время твоя улыбка явно говорила мне: ну ничего, успокойся, не казни себя, не так уж было и больно, ты же этого не хотел, раз ошиблась, надо отвечать, больше не будем. Эта улыбка была благодарностью и за мою заботу – почти муж, заботливый и не стыдится, на виду у абортниц, заботиться о своей жертве. А потом ты уехала в свое село. А я продолжал ходить после учебы на практику, от которой зависело мое дальнейшее пребывание в институте. Мы писали отчет с одним парнем, который перевелся с вечернего отделения на дневное. Его тоже звали Сашей. Он хорошо играл в шахматы, держался очень гордо, несмотря на свой маленький рост, страшную худобу и стеклянный правый глаз. Половину отчета составил я, половину он. Вернее, он меня обманул. За два билета на вечер в пединститут он обещал сделать мне технологическую карту, а сам ее не сделал. И когда подошло время экзаменоваться, предложил мне списать свою карту. А почти весь отчет он составил по моим черновикам. При декане нас уличили в плагиате и спросили прямо – кто у кого списал. И Саша объяснил, что я все у него позаимствовал. Тогда мне пришлось сказать, что мы составляли отчет вместе по одной теме. Декан не стал устраивать следствия, к большому сожалению «крестного», а дал нам новую работу. И я ее выполнил с таким

прилежанием, что, не спрашивая, придирчивый преподаватель поставил мне тройку.

Перед праздником 7 ноября (в этот день я родился) мне прислали телеграмму. Я вернулся из института, и мать, очень хмурая и настороженная, вручила мне бланк. «Празднику приехать не могу сдаю библиотеку Люся», - прочел я и ужаснулся. Ведь мать не знала о нашей дружбе. Разговор на чистоту не состоялся, встретив мое упорство, мать обиделась и затаилась. А я «взял командировку в газете», так я объяснил матери свою поездку в село. Видимо, она догадалась, куда я поехал в «командировку» на свой день рождения.

На полустанок я приехал ночью. Кого-то встречала машина трехтонка. Мы все, сколько нас сошло с поезда, попрыгали в кузов. Я плюхнулся в сено, попав спиной между двух стальных ног какого-то деревенского парня в ватнике, не смотря на тепло. Хотел приподняться, но машина тронулась с места, и я опять свалился, выпадая из своего пиджака и плаща. Пока я выкарабкивался, подпрыгивая вместе с машиной на ухабах, трехтонка подкатила к ночному селу. Я выпрыгнул вместе с какой-то женщиной в начале центральной улицы. Женщина была явно навеселе, сегодня уже отмечали завтрашний праздник. В темноте она показалась мне старой, но довольно молодым срывающимся голосом она объяснила мне, где снимает комнату библиотекаря, и я, поблагодарив, пошел к четырнадцатому от края саманному дому, где в окне горел свет.

Улица была такой темной, что этот свет казался очень ярким. Но когда я подошел к дому и постучал в окно, то увидел через стекло в комнате зажженную керосиновую лампу.

- Кто там, чего надо? – крикнула за стеклом татарка в старушечьем платке, загорюничав грудью и животом свет от лампы. Я спросил:

- Здесь живет Люся?

- А-а, Люся, - затараторила татарка, открывая крошечную форточку, в которой не могло уместиться и половины лица, - здесь, здесь, живет здесь. А сейчас она у Поповых, в компании праздник пошла справлять. Это деревянный дом на нашей улице, он один деревянный, вон его видно отсюда, - и татарка высунула из форточки старую корявую руку и помахала ей в неопределенном направлении. Я посмотрел наугад влево, и мне показалось, что вдали за плетнями на другой стороне улицы стоит высокий забор. Но света не увидел.

Что-то не понравилось мне в голосе этой старухи, как будто она посмеялась про себя надо мной. С тяжелым чувством я побрел к этому забору. По мере того, как приближался к нему, я стал различать свет через щели забора. Слышалась музыка. Я толкнул калитку. Дверь дома в глубине двора была открыта. Из нее лился электрический свет, и доносилась немудреная танцевальная музыка. В открытые двери виднелся накрытый стол, слышались девчоночьи голоса.

Вдруг из двери выскочила девчонка.

- Заходите, заходите, - радушно протянула она. - Вы к кому?

Я попросил вызвать Люсю, библиотекаря. Девчонка убежала в комнаты, а я остался у крыльца. Из дома послышались возгласы: «Приглашай его сюда, у нас парней не хватает» - «Я уже приглашала».

Вышла Люся. Она спустилась с крыльца, боком встала, подняв высоко голову, осмотрела меня, как смерила. И как-то жалобно спросила:

- Что приехал? Я же послала телеграмму. – Потом опустила голову, и после долгой паузы попросила: - Давай с тобой расстанемся. Я хочу забыть тебя. За мной ухаживает другой, я с ним здесь на празднике... Мне хорошо без тебя.

Она все распалась, голос ее начал дрожать, я молчал, и это было для нее укором. Наконец, она почти крикнула:

- Знаю я, для чего ты приехал. Поиграешься со мной - да и был таков, а мне опять под нож.

Я как очнулся от этих слов. Я держал руки в карманах плаща и сразу осознал, что правая рука сжимает контрацептин, который я купил в аптеке, ужасно смущаясь и краснея за свою молодость. Девушка аптекарь, выдавая заказ, казалось, тоже смутилась, глядя на порозовевшего парня.

- Не стой раздетая на ветру, простынешь, - сказал я Люське и вышел на чужую улицу чужого села в день моего рождения, когда мне исполнилось двадцать лет.

Ночевал я в доме колхозника. Меня приютил у себя, в своей половине дома, на своей кровати сторож этого неприятного заведения. Я помог его сынишке второклашке решить задачи, рассказал ему сказку о любви. Ночью я слышал запах духов на перине – ими побрызгали простыни.

«Здравствуй, Саша!

Ты избегаешь всегда признаваться мне в своих сокровенных чувствах, но только по твоим поступкам я могу догадываться о них. Хотя гораздо приятнее о них услышать, чем догадываться. А вот я не могу признаться. Я хотела встретиться с тобой, ведь мы так давно не виделись. Какой ты стал? Но поезд шел поздно ночью и я, конечно, не смогла придти, тем более что мы живем не так близко от станции.

Когда ты позвонил мне, я в это время вела урок в 5 классе. И когда мне сказали: из Астрахани, я не подумала, что ты, хотя знала, что в октябре ты обещал приехать, я подумала о папе, он в это время у нас болел. И толком мы ничего не поговорили, в учительской было полно народа, и, конечно, я не могла сказать ничего лишнего.

Я знаю, что ты ждал меня в городе, ждал в Ашулуке. Но, Саша, если ты так хотел меня видеть, что же ты не заехал в Тамбовку, хоть на денек, это же мимо?! Я думала, ты догадаешься.

Да, был такой случай увидаться, поговорить, и мы его упустили. Когда-то теперь увидимся? Возможно, на зимние каникулы? Или тогда летом, я собираюсь в Ленинград, а в Москве будет пересадка. Вот тогда и встретимся. А пока – до встречи.

Напиши, как ты провел отпуск в Астрахани, долго ли был здесь. Я сейчас приехала на праздники в город. Вот видишь – как? Я приехала – тебя нет. О, злой рок судьбы!

Пиши на Тамбовку. Буду ждать. Хочу знать, получишь ли ты это письмо.

С приветом, Людмила.

Если не возражаешь, припишу...

целую тебя.

Как там поется?

Я встретил вас, и все былое...

Получил ли ты мою телеграмму?»

Ты знала, что я ждал тебя в городе и был даже уверен, что ты прилетишь. «Сивка-бурка, вещая каурка, встань предо мной, как лист перед травой!» И ты встанешь предо мной. Но годы меня обманули. Кончилась сказка любви. Мне так хочется верить, что ты пришла в ту темень на станцию Ашулук. Меня не было в этом поезде. У меня случился сердечный приступ, и я лежал, не двигаясь, и думал только об одном: «Сердечко, милое, поработай еще!» И оно старалось мне помочь. А ты растерянно прошла по вагонам, не веря, что я мог обмануть. И не нашла меня. И никогда не найдешь. Я сам себя всю жизнь ищу.

Ты знала, что я ждал тебя в городе. Как же это все-таки случилось, что тебя, которую я не любил, и которая мне изменила, я начал ждать?

О, это был целый подвиг, который совершала ты ради ... Я думаю, я все время думаю, ради чего? Ради любви? Или ради победы над волей мужчины? Но ты говорила, что все перенесла и не жалеешь об этом, ради любви. Пусть будет по-твоему. Но что именно ты совершила?

... Прошел год. Пришла зима. Я забыл о Люське. Точнее я не думал о ней каждый день. Но я оправдал себя, как обманутого в лучших чувствах человека. Но однажды я встретил ее. После вечера в институте. В лотерее я выиграл сережки и румяны. Мне было смешно. А ребята меня подзуживали: «пригодится!..» И вдруг на улице я столкнулся с ней.

- Некуда румяны деть? – спросила она. «Откуда она знает, что у меня в кармане?» - подумал я. – Я знаю каждый твой шаг, я давно слежу за тобой. Это ты меня забыл, а я тебя не забыла...

Она все говорила и говорила, где я бывал, что смотрел в кино, с какими девушками встречался. И шла рядом. И была чужой. Наверное,

такое чувство испытываешь рядом со следователем, который ведет твое дело. Меня всего передернуло от этой отчужденности. Я резко оборвал ее:

- Не ходи со мной, я больше не хочу тебя знать и не хочу тебя подводить под нож. Все! Люби других! – повернулся и заторопился в другую сторону.

Я не привык оглядываться. Долго слышал за спиной ее шаги. Тайное преследование закончилось, началось открытое преследование. Вечером меня всегда сопровождала теперь моя «живая тень», как я обозвал Люську. Только я выходил из дома, она подходила ко мне и просила выслушать ее. Выслушать и простить. Я знал наизусть все ее доводы, все ее объяснения в любви. Я просил оставить меня в покое, и по-хорошему, и грубо. Однажды даже сосквернословил и дал ей повод меня же и пристыдить. «Не идет тебе ругаться, неестественно у тебя это получается». У меня все неестественно. Три года курю, и каждый считает своим долгом сообщить мне, что мне «не идет курить».

«Тень» отступает на несколько шагов от меня, и сколько бы и куда бы я ни ходил в этот вечер, спиной чувствовал ее взгляд, слышал в топоте нескольких пар ног ее каблуки. Меня это стало бесить. Только оглянись - и увидишь ее виноватое лицо. «Как тебе не жаль своего самолюбия? Неужели у тебя нет девичьей гордости? Да если бы ты мне даже нравилась, только за это я выкинул бы тебя из памяти», - говорил я ей. Она не просто за мной ходила, но время от времени давала о себе знать, чтобы я не забывал свою «живую тень». Ей даже понравилось это мое выражение.

Такими, наверное, бывают мазохисты, мученики. Этот фанатизм самоунижения меня даже пугал. Она пряталась в нашем дворе темными вечерами, и жильцы стали поговаривать, что у нас во дворе что-то неладное творится. Стыдно признаться, она пряталась от наших жильцов в сарайчике-туалете во дворе. Запиралась там и следила в щель, не вышел ли ее ненаглядный. Как это все мерзко!

Однажды утром во дворе я увидел возмутительную картину. Весь забор, мои двери, частокол палисадника и асфальтовый двор были исписаны мелом. Только три слова: «Отдай мое фото». Кто просил, я сразу догадался. Вечером, как только попала на глаза моя «живая тень», я заставил ее все стереть и выбросил ее фотографии, которые валялись у меня в старых бумагах.

Но преследование продолжалось. Я не мог не замечать этих попыток! Отчаявшись, она как-то ночью стала бросать в меня булыжники, которыми была крыта мостовая нашей улицы. Я швырнул этот булыжник ей в ответ, чуть не попав ей в бок. До чего же может дойти человек в ярости! Это самое первое, что осталось в нас от животных, причем хищных животных.

Но вот наступление расширилось до пределов. Прихожу я домой после очередного экзамена. Уставший и голодный. В нашей зале какая-то женщина сидит на краешке стула у двери, за столом моя мать, на спинке

дивана – Люська. Женщина с мокрыми глазами, мать со строгим озабоченным лицом, Люська опустила голову. Что же это такое, очная ставка?

- Садись, сынок, порадовал же ты свою мать, вырастила себе на позор. Обидел девушку и в кусты?

- Она изменила мне.

- Она из-за тебя, рискуя жизнью и потомством своим, на четвертом месяце в больницу легла, - громко стала выговаривать мне пожилая женщина. - Вот что, Саша, женись на Люсе. Ты ее начал, ты и кончай. Куда она теперь такая пойдет? – Люськина мать залилась слезами.

- Жениться ему еще рано, да и ей тоже рано семьей обзаводиться. Я своего сына не оправдываю, но и вашей дочери спуску давать не хочу. Вы знаете такую поговорку: «Сучка не захочет...» - Я вскрикнул про себя: «Мать, что ты говоришь!»

О чем они говорили эти две матери, что они пытались доказать друг другу и нам с Люськой, чем они могли нам и себе помочь? Все, что могли, мы сделали сами. Сами любили, сами потеряли чистоту наших чувств. А может быть, не потеряли? «Женись!.. Женись!..» - долетали до моего сознания слова чужой женщины.

- Отчим ее, узнает – убьет, да и меня выгонит! - причитала она.

Люська молчала. Я ссылался на измену, а сам не верил в свое оправдание, не верил, но боялся женитьбы.

- Чем я гарантирован, что она не изменит мужу?..

В нашем дворе делали ремонт. Жильцов выселили, и дом стоял без обшивки, весь в стружках и в разбросанных досках. Окна смотрели пустыми глазницами во двор. По ночам там с воем дрались кошки и носились, как угорелые, друг за другом. Неуютным стал этот дом, в каждой опустевшей квартире приостановилась живая жизнь.

Мы с Толиком однажды заметили, что дверь в первой квартире этого дома открывается сама как-то неестественно. Вроде не такой сильный ветер, чтобы так резво двигать толстую односторчатую входную дверь. Решили, что там кто-то прячется. Наверное, забрались воры. Сговорившись, мы зашли на веранду дома с обеих сторон и стали подкрадываться к первой квартире. Дверь в этот момент стала открываться...

- Что ты тут делаешь? – спросил Толик. Он проник в квартиру из окна, выходящего на веранду. Никто не ответил. Я подбежал к Толику. Рядом с ним стояла Люська.

Все во мне вскипело. Она еще не успокоилась! Я, оскорбленный ее изменой, уставший от ее постоянных преследований, опозоренный перед матерью ее «сватовством», я не мог стерпеть больше, я готов был убить ее. Я схватил ее за пальто – и пуговицы посыпались на черный пол.

- Убирайся! – шипел я. - Убирайся, пока я тебя не прибил! – Я потащил ее к открытому окну, вырвал у нее сумочку и вышвырнул на улицу, я ударил ее по щеке влажной ладонью и стал подталкивать ее на подоконник.

- Прыгай на улицу, к чертовой матери, чтобы духу твоего здесь больше не было! – Что еще я шипел в ее белое от страха лицо, которое я почти не различал от злобы? Толик преградил путь к окну и стал меня успокаивать.

Она заплакала и выбежала из разоренной комнаты. Какое-то время она всхлипывала на лавочке у нашей калитки. Потом, как ужаленная, побежала по улице. Толик увидел ее из открытого окна, где мы все еще стояли. Он выбежал за ней.

Вернулся он нескоро. «Она побежала к кладбищу, я догнал ее у первых могил. Она кинулась на землю. Я стал ее уговаривать, еле успокоил. Тебя самого-то надо успокаивать...»

О чем он говорит? Как я посмел?..

«Здравствуй, Саша!

Саша, как хорошо, что ты мне написал. И написал именно такое письмо. Это, пожалуй, лучшее из всех твоих писем, которые я получила от тебя после нашего расставания. Не считая, конечно, первых писем из Москвы, еще тогда, на заре нашей юности. Если бы ты всегда писал мне такие письма. Но, к сожалению, ты не можешь так, тебе обязательно надо укунить меня чем-то, насмеяться, показать, на сколько умен ты и на сколько глупа я, или просто съязвить. Если это новая черта твоего характера и подобным образом ты относишься ко всем, может, даже и к себе, то мне тогда не стоит так «бурно» реагировать на подобные выходки. Но если это только по отношению ко мне, то мне очень неприятно, потому что я этого не заслужила. И потом, нас связывает большое прошлое, и как чувствую, и тебе оно тоже дорого, и где-то, в каком-то уголке сидит в тебе, как во мне это прошлое. Ни ты, ни я не в силах забыть его.

А ты внимателен! Я, действительно, очень волновалась, когда вдруг по телефону услышала тебя. Представляешь, даже если б кто-то сказал мне, что ты позвонишь, я бы не поверила. И потом, я не думала, что ты относишься ко мне настолько не плохо, что бы позвонить мне. Может, я опять ошибаюсь?! А?! И все-таки я не плакала, а просто в учительской было полно учителей, и я больше слушала тебя, чем говорила. Иначе я не могла. Я хотела многое сказать тебе, но так, чтобы слышал ты один. А урок я обязана была довести до конца, но я им дала самостоятельную работу. А потом я долго от тебя ничего не получала, и думала – все, конец. Несмотря на все неприятности, мне иногда хочется получить от тебя весточку, что ты жив, что ты работаешь и т. д. Если мы встретимся летом (я думаю, не

раньше), то это будет интересная встреча, так мне кажется.

Ты пишешь, я уже не та: я не нашла тебя. Я просто не смела, я боюсь быть к тебе слишком назойливой. Вспомни, тебе это было противно. Вот и сейчас я боялась этого же. Ведь я не знаю твоих мыслей, твоих желаний, хотел ли ты видеть меня, или это было только любопытство? Ты хочешь увидеть меня, чтобы проанализировать, насколько я постарела? И все? А для большего ты не хочешь меня видеть? Или ты не так выразился? А в том, что я постарела, не сомневайся. Сколько я хлебнула в своей семейной жизни, хватило бы и на твою долю. Считай, что ребенка я вырастила сама. Сейчас Марина у мамы в Астрахани, а я здесь одна. Скука, все на каникулах. Писала планы на второе полугодие, а тут письмо от тебя, вот и решила сразу ответить. Вечером с девушками собираемся в кино. «Угрюм-река», первая и вторая серии. Вот так почти каждый день. А с понедельника опять уроки, тут уж скучать некогда, только вертись. Почему ты не пишешь мне о своей жизни? Только - о жизни вообще, как в стихотворении

Спираль жизни

*Там у цветов прорезались раздумья.
Пронзителен прощальный аромат.
Из стороны лазурной эмигрант,
Я растерял цветочное безумье.*

*Здесь птицы онемели в клетках страха,
И фонари свергают звездный свет.
На побегушках у судьбы – скелет
Усовершенствует рецепты праха.*

*И солнечным сиянием агоний
Венчаются затмения души.
И гений в какофонии машин
Выуживает призрачность гармоний...*

*Но концентрат эмоций и познаний
На горних высях превратился в мед.
Я возвращаюсь в юность – в детство – в плод,
Чтоб возродиться после наказаний.*

Я эти стихи дала ребятам из класса почитать. Они рот открыли от удивления. Спрашивают, кто написал. А я только сегодня узнала кое-что о твоей работе. Значит, «холод» ты бросил окончательно. А как твоя семья, дом? Ты мне, кажется, писал, что женат. Все так же живешь в Раменках,

или перебрался в Москву? Почему ты боишься писать о себе? А меня просишь. Если будешь ты откровенным, и я буду писать о себе больше и интереснее.

Ну, вот и все. Спасибо за все поздравления и письма.

Пиши мне чаще, мой милый Сашка!

Ты не обидишься, если я так тебя буду звать?

До свидания. Люда».

Неужели она не врет, и у меня, действительно, растет дочь? Этому страшно поверить. Страшно потому, что я уже плачу за содержание моей дочери от первой жены. Растет моя безотцовщина. Очень похожая на меня. Но мать оберегает ее от моей любви. И девочка боится меня, как любого чужого дядю.

Моя новая жена ревнует меня к дочери, которая живет в Астрахани. Мать все говорит, думай о новой семье, а то и здесь будет разлад. А вырастит ребенок, сам решит, кто из родителей прав. Разве в этом вопрос, кто прав? Сам я воспитывался и вырос без отца. И только сейчас стал с ним переписываться. А тут от одной сироты стало две сироты?

И первая моя жена была подранком, не хотела знать бросившего семью отца. Иринка, Ирёнок... Как только я увидел ее в профкоме нашего института, сразу почему-то решил, что она будет моей женой. Она играла Луизу в студенческом театре.

«Коварство и любовь», - объявлял я со сцены Харабалинского клуба, потом замешкался и добавил, - Шекспир. Показывает студенческий драматический театр». Режиссер театра, старичок с трясущимися, но вожделенными руками, чуть меня не прибил за мое невежество. Перепутал Шиллера с Шекспиром. Сибирский валенок с начесом! Но спектакль прошел хорошо, приезжих студентов сельчане приняли тепло. А я окончательно влюбился в мою Луизу и жалел, что ни бог, ни старичок-режиссер не дали мне сыграть Фердинанда. А ведь я когда-то мечтал о сцене, даже играл, багровея от смущения, когда весь школьный зал скандировал: «Бис Румянцеву!»

Когда приближался день свадьбы, любовь моя к Ирине наткнулась на серьезное испытание. Я опять встретил Людмилу. Она знала все. Даже больше меня. Как и все мои знакомые и родные, она отговаривала меня от женитьбы на этой, как они все выражались, «девице». Мне всегда было противно и больно слушать такие слова. «У меня от тебя девочка, - сказала Людмила. – Я все скрывала, чтобы не отпугнуть тебя окончательно. Но может, это тебя остановит от неверного шага». Я знал, я был уверен, что Люська лжет. Мне так хотелось верить, что все это обман. Я бежал от Люськи, со злостью буркнув: «Оставь меня. Все ложь».

Я приближался к дому Ирины, а в голове вертелись слова: «... Чтобы

не отпугнуть тебя окончательно». Но эти мысли перебивали мажорные стихи, которые я сочинил своему Ирёнку:

*Очнитесь, очнитесь, весенние чащи,
От тяжести долгого зимнего сна!
Сегодня я счастлив, вы слышите, счастлив!
Сегодня опять наступает весна...*

Дверь мне открыла хмурая мать Ирины. Раздеваясь, я почувствовал настороженную тишину в доме. Я вошел в комнату Ирины и увидел там Люську. Что еще она натворила!?

- Сейчас же уходи отсюда, - сказал я ей насколько можно спокойнее.

- Она пришла ко мне – и пусть остается, - возразила мне заплаканная Ирина.

От меня она кое-что знала о Людмиле. Теперь знала все из слишком откровенных уст. Кровь горела у меня на лице.

- Если ты не уходишь, уйду я, - бросил я в лицо виновато улыбающейся и в то же время торжествующей Людмилы и выскочил в переднюю, схватился за пальто...

- Не уходи, держись! - шепнула мимоходом будущая теща. Ирину, как я узнал позже, она успокоила своей житейской мудростью: «Раз парень попался, значит, телок»...

Но Люська не давала о себе забывать. Ее черная шуба маячила на другой стороне улицы, где мы, молодые, временно поселились у тети. Иногда она длинной палкой стучала в окно нашей комнаты, выходящее в глухой двор. Но самое печальное, присутствие Люськи было в самих нас. Ирина ревновала меня к прошлому, а я невольно их сравнивал, не желая этого.

Уехав по распределению в Алтайский край, мы избавились понемногу от этого преследования, но разная внутренняя духовная жизнь, первые трения двух сближающихся с трудом людей, неопытность обоих, привыкших жить за мамочкой, нужда из-за того, что Ирина не работала, а я, молодой специалист, получал пока мало, и, наконец, трудности с новорожденной дочкой, все это отдаляло, а не сближало нас друг с другом.

Мы решили вернуться домой, в Астрахань. Теща уверяла мою мать, что если мы вернемся, то семья распадется. Моя мать не поверила этому и помогла нам вернуться. И мы разошлись.

Жалею ли я об этом? Ведь я сам воспитывался без отца. Да жалею, жалел, и буду жалеть. Я не оформлял развод. Один вернулся на Алтай. Посылал своей девочке деньги, но это ли нужно ей? Ей нужен отец. Пытался ли я что-то изменить? Да, пытался. Ирина решила сама отвечать за судьбу ребенка, совсем сбросив меня со счетов. Но я остаюсь отцом своей Таньки. Плохим, заплутавшимся, но никогда ее не забывающим

отцом. Расти, моя девочка, набирайся ума и доброты, мы еще встретимся с тобой. Не надо только никого обвинять, как написал мне мой отец, когда я сам нашел его, - мы были молоды и потому натворили много глупостей. А может, и не встретимся, ведь Ирина так и не захотела больше видеть своего отца.

«Здравствуй, Саша!

Большое спасибо за поздравление. Особенно мне понравились твои слова надежды на встречу. Но когда я получила конверт, я думала, что в нем будет и письмо. Но, увы! Ты не пишешь ничего о своей жизни. Но почему? Почему ты избегаешь этой темы, упорно обходишь ее стороной? Возможно, я слишком любопытна, но это порок всех женщин. А тем более мне интересна твоя жизнь, как она сложилась именно у тебя. Ты никогда не жалел о тех днях нашей встречи, о том, что мы расстались с тобой? Скажи мне, ты счастлив без меня? С другой? У меня порой бывают минуты, когда мне так хотелось бы вернуть все, что было. И порой мне кажется, что если б мы тогда не расстались, мы были бы более счастливы, чем сейчас. И еще я хочу тебе сказать, что все-таки первое чувство остается на всю жизнь. Иногда вот так, оставшись одна, завалюсь на тахту и полностью предаюсь воспоминаниям о тех деньках. И все опять волнуется во мне: и радость, и печаль, и счастье, и горе. А у тебя не бывает такого? И все это, наверное, оттого, что человек, действительно, не может, чтобы не любить, пусть даже это будет в прошлом. Было бы здорово, если б мы смогли летом встретиться. Я думаю, что у меня будет такая возможность съездить в Москву, если ты, конечно, поможешь мне с жильем, что бы остановиться где-нибудь на несколько дней. Как ты, не против? Ведь что бы это осуществить, нужно желание с обеих сторон, а если одна сторона этого не желает, то ничего не выйдет, как бы не старалась другая сторона. Поэтому я и спрашиваю: ты не против?

Напиши мне, как твои дела дома, на работе? Что ты пишешь сейчас? Хотелось бы прочитать твои новые стихи. Последнее стихотворение было

Заступник

*Над сгорбленным сознанием моим
Дамоклов меч подвесил лжец проворный.
С щитом иль на щите, но не покорный,
Я выйду из соревнования с ним.*

*И правдолюбец – старый пилигрим
Судьбу мою на верный путь направит.
Но знаю, никогда он не потрафит,
Посмей слукавить я иль увильнуть.*

*Он маску лжи тот час с меня сорвет
И, нагишом, представит на смех маскам.
Израненным эмоциям и ласкам,
Как Прометей, я потеряю счет.*

*И пилигрим, единственный мой спутник,
Откажется мне струпья врачевать.
А друг и недруг будут корчевать
Во мне святую заповедь: «Заступник».*

*Какая ж наименьшая из бед?
И душит маска и гнетет спаситель!
Не дремлет только вечный искуситель,
Чаруя свой трепещущий обед.*

Сними свою «маску» и пооткровенничай со мной. У меня все хорошо. На работе – особенно. Сейчас провела сбор ко Дню Советской Армии со своим классом, мы с таким успехом выступили, что нас пригласили в клуб, и мы дважды давали концерты. Сейчас готовим вечер к 8 марта. Ребята готовят банкет для девочек и опять номера художественной самодеятельности: мальчишки наденут сарафаны и будут петь потешные частушки.

Сама я хожу в клуб, мы сейчас такую самодеятельность там организовали, даже по телевизору нас показывали, в район ездили. А сейчас на носу женский праздник, готовим песни, даже соло (но я сейчас совсем охрипла), готовим бальные танцы и миниатюры. Как видишь, дома я не сижу, вся в котле общественной жизни, одна макушка выглядывает. Но вот для души, для сердца так ничего и нет. И поэтому часто вспоминается прошлое, но не то, что плохое, это как-то стерлось, забылось, а хорошее, что так и не забывается.

Ну вот, много написала. Устанешь читать.

Пиши мне. До встречи летом. Так хочется увидеть тебя, поболтать.

Ты не обидишься, если я напишу тебе «целую»? А я хочу тебя поцеловать, и не только на бумаге, а наяву.

Саша, целую тебя. До свидания. Пиши мне, не забывай меня.

Людмила».

Вспоминаю ли я наше «хорошее»?

Когда я жил с Ириной, то вспоминал. Мало того, она просила меня рассказать какой-нибудь эпизод из нашей с Людмилой жизни. Мы сиделись рядом, и я рассказывал какую-нибудь грустную историю нашей любви. Мне казалось, что получается рассказ, который могут даже напечатать. А

Ирина слушала, и я все не мог понять, зачем она просит меня рассказывать то, что, должно быть, причиняет ей боль? Может, она хотела оценить, насколько я любил Людмилу, или старалась догадаться, не горит ли еще этот огонек в моем сердце, или училась любить меня? Но эти рассказы, конечно, всегда оканчивались ссорой. И, тем не менее, я опять соглашался рассказывать новую историю. Может быть, потому, что сам хотел понять, была ли у нас настоящая любовь, или Люська меня все время пыталась заставить поверить в существование нашей любви.

Я и сей час вспоминаю нашу обыкновенную, но дорогую нам обоим историю в часы одиночества, когда чувствую, что меня не понимает моя жена. Нет, я не сравниваю их, они не сравнимы, я просто вспоминаю свою юность.

Я вернулся с Алтая поэтом. Не потому, что я стал лучше писать, просто стихи стали моей потребностью, вторым дыханием, и я решил посвятить всего себя поэзии. В маленьком районном городке, расположенном ни к селу, ни к городу в Алтайской степи, мои стихи признали и редакционные работники, и читатели. Я печатался в городской газете каждую субботу, выступал по радио и по телевидению. Меня узнавали на улице. В общем, первый парень на деревне. С ребятами из литературного объединения мы читали свои стихи в школах, в драматическом театре, в райкоме комсомола.

Альманах «Алтай» выпустил подборку наших стихов. И это, казалось мне, была моя последняя публикация. Я понял, до чего бездарны были мои стихи. А хороших еще не умел написать.

Я тосковал по дочке. «Вот об этом пиши, - сказал мне местный поэт, - о своей семейной трагедии. Попробуй подняться над своей бедой, чтобы стихи тронули и других, чтобы твое горе воспринимал каждый, как свое». Но я не мог писать об этом. И ударился в философию, увлекшись восточными поэтами-мудрецами.

Я вернулся в Астрахань. Ходил по январскому городу в шапке со спущенными ушами, полушубке из овчины и в кирзовых сапогах. Так, как привык ходить на Алтае. Но в южном городе это выглядело странно.

Люська первой узнала, что я вернулся, раньше, чем жена, с которой я медлил разводиться, надеясь на перемирие. Мне и самому почему-то хотелось увидеть Люську. Разбирало любопытство, забыла она свою любовь или нет. Всю зиму она не решалась показаться близко около меня, хотя я чувствовал, что моя «живая тень» где-то поблизости.

Я побывал у своей жены. Двухлетняя девочка бегала по комнате, стесняясь чужого дяди. Мне кажется, я сидел на электрическом стуле, так все горело и билось у меня во всем теле. Было сказано несколько общих слов. Жена ушла в соседнюю комнату, дав понять, что перемирие не состоится, теща разговаривала с дочкой Танечкой, но все ее слова

предназначались, конечно, мне и смысл их был один – укор. Я ушел, и твердо уже знал, что из семьи ничего не получится.

Разве я мог предполагать тогда, что всю жизнь буду об этом сожалеть. И не потому, что мне потом было хуже. У меня уже была новая семья. После этого рокового свидания с женой меня потянуло к кому-нибудь. Все равно к кому. Но мне это только казалось, что все равно. Я слишком разборчив и недоверчив, чтобы быстро сблизиться с девушками. Уж тем более я не знал, что у меня от постоянной сидячей работы тайно созревает аденома предстательной железы. И это, наверное, меня разводило с любимыми женщинами больше всех стихов.

А тогда я сам нашел Люську.

В институте, который я кончил, был вечер поэзии. Мы пришли на этот вечер со своими стихами. Мы, это я и мой друг Вадим. Вечер был с фуршетом. Мы сидели за столиком, пили вино, читали переводы французских стихов и чувствовали себя на десять голов выше присутствующих, которые читали самодельные стихи и нашумевшие стихи модных поэтов. Захмелев, я вызвался прочесть, как и другие выступающие, свои переводы, из скромности умолчав, это мои переводы.

*Спи спокойно. Ведь дым – это все,
Если правда, что все – это дым.*

Читал я стихотворение Роллина «Трубка поэту». А в зале было шумно. Никого мое чтение не трогало. Я сел разобиженный. Вадим подтрунивал надо мной: «Бисер рассыпал». Господи, какие мы были гордые? Как индюки.

Вдруг я получил записку на салфеточной бумаге. «Чьи переводы вы читали, свои?» Это была Люська. Я старался ее не замечать. Но сейчас я понял, что только и думал, как заговорить с ней. Начались танцы. Я пригласил ее. Она стала стройнее, мягче, женственней. Достаточно было несколько слов, чтобы наши отношения возобновились.

Мы стали встречаться. Все опять было таинственно. Вернее, тайно. Она приходила ко мне домой, и вечером уходила, так чтобы, возвращаясь поздно с работы, моя мать не могла встретить ее у нас. Людмила по-прежнему хотела стать моей женой. Она уверяла меня, что лучшей я не найду, ради меня она поступила в институт на факультет иностранного языка. Как только она его кончит, уйдет из библиотеки и станет учителем в школе. Так же, как и моя мать. Итак, по образованию она сравняется со мной, чтобы мне не было за нее стыдно. Она стала читать стихи, даже полюбила некоторых поэтов. И мне будет о чем поговорить со своей женой. Она читала мне на память Пастернака, Есенина. Ну, чем, чем она мне не пара? А я и сам не знал, чем. Может, она не достаточно умна? Или я ее не люблю? Я же ищу встречи с ней. Уже прошло пять лет, как мы знаем друг друга. И ведь это первая любовь.

Пришло лето. После работы я ехал за город. На пути в тот же автобус

садилась она. Мы делали вид, что не знаем друг друга. Сходили мы на последней остановке и шли в лес, если эти редкие рощицы, эти вѣтлы над речкой, можно назвать лесом. Мы купались в нагретой за день воде. Загорали на закатном солнце, целовались и мяли цветы. Было очень легко на душе, мы возвращались по прохладному вечернему асфальту в город, пока нас не догонял автобус. Я выходил раньше. Она улыбалась мне на прощанье.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды в шалаше она не сказала мне, что ждет ребенка. Все сразу восстало у меня в груди против нее. Ведь мы договорились, что никто не посягнет на свободу другого. Вернее, она не может рассчитывать на брак. Но какая женщина, обладая мужчиной, не надеется заполнить его в мужья? Я разозлился, и встречи наши прекратились.

«Здравствуй, Александр!

Получила от тебя поздравление. Спасибо тебе за внимание и за хорошую твою память. Ведь это только так кажется, что все было недавно. А если посчитать, то уже прошло десять лет с той поры. Даже самой не верится, десять лет!.. Это значит, что мы на десять лет постарели и поумнели. А вот память человеческая хранит все: и хорошее, и плохое. И снова, и снова хочется получить весточку из того далекого далека. И опять пахнет тем знакомым ароматом, как будто это самые душистые цветы. Немного лирики. Но без нее нельзя, иначе душа покрывается плесенью. Так что я тоже, как ты, обеими руками «за», за то, чтобы хоть редко, хоть в неделю раз получать весточку от тебя, и понять, что некий Румянцев живет и здравствует и иногда вспоминает некую меня. А хорошо бы было просто когда-нибудь встретиться, посидеть за столом и о многом-многом поболтать. Все надежды остаются на лето, и чем черт не шутит, встретимся. Пиши, как живешь, как твой малыш, как его зовут? ... Александрович?

У меня все в порядке, есть любящий и очень ревнивый муж, что мне даже нравится. Свой дом, свой сад, но без свекрови – она умерла. Значит, я так и есть «маленькая хозяйка большого дома». Помнишь Паолу? Работать я устроилась в школе, веду английский. Тяну почти две ставки, ну а прибыль, соответственно, в чулок. Это, конечно, шутка.

Ну, вот, на сегодня все.

До свидания.

С приветом, Людмила».

Приближался новый год. Мой друг приехал из столицы с невестой. Сыграли свадьбу. Свадьба была еврейской, потому что мой друг и невеста евреи. Меня поразило больше всего то, что за столом не пели. Друг был недоволен патриархальными традициями своих родственников. И немного

потанцевав под магнитофонные записи, мы, молодые, удрали на улицу. Было морозно, и когда мы пели, от нашей компании шел густой пар.

Молодожены пригласили меня на встречу Нового года. «Приведи девушку, будем праздновать вчетвером». Но у меня нет знакомой девушки.

Люська опять встала на моем пути. Она подошла ко мне на улице. «А почему бы ни пригласить ее?» - мелькнуло у меня. Поэтому я не оттолкнул ее, а выслушал. Она приглашала меня в компанию своих знакомых. «Чтобы там нас и обручить?» - спросил я у нее. И предложил свой вариант.

Все было чудесно. Елка с игрушками, шампанское, хорошие музыкальные записи. Ребята очень тепло встретили мою знакомую. Мы пели украинские песни, танцевали в полумраке, прыгали зайцами вокруг елки, надевали маски. Я, конечно, был медведем, друг - лисицей, а девчата – зайцем и поросенком. Мы вышли на улицу и веселили себя и прохожих. Но вот все устали. Вернулись домой, легли спать. С Люськой творилось что-то неопишное. Она вся горела, вся трепетала. И я поддался этому властному чувству бушующего огня. Мы не спали всю ночь. Мы были одним дыханием, одним порывом. Это была лебединая песня нашей любви. Вот в такую ночь совершается великое таинство на земле – зарождение нового человека. И он зародился.

Но я все забыл. Я даже удивился, когда спустя три месяца меня встретила Люська и сказала, что я скоро буду отцом. Мне до того опротивели все ее угрозы родить от меня ребенка и этим обязать меня жениться на ней, что я отшатнулся от нее с каким-то омерзением. Я оскорбил ее, как только можно больнее: «Я не знаю, чей это ребенок, потому что с Нового года вот уже три месяца я не видел тебя». И Люська решила дать бой этому «лицемерному скромнику», этой «самой невинности».

На работе, в проектно-институте шло собрание нашего отдела. На нем решался вопрос о присуждении звания ударника коммунистического труда. Мой руководитель предложила мою кандидатуру. Характеристика была дана самая, что ни на есть, отличная. Я справлялся с нормой, был редактором стенной газеты, заводилой на вечерах отдыха, писал стихи. Вопрос был заранее решен в мою пользу. И каково же было изумление всех присутствующих, когда парторг института отклонил мою кандидатуру, сославшись на мою моральную неустойчивость. Поступила жалоба от девушки, что я поддерживал с ней связь до тех пор, пока она не забеременела. Как будто ушат холодной воды вылили на меня, мою начальницу, моих друзей.

Один я только знал о жалобе Люськи. Она обратилась в комитет комсомола, где я был одним из членов. На бюро комитета ее жалобу хотели отстранить, как бездоказательную, но потом решили создать комиссию. Люська просила пойти к моему другу или вызвать его. Он должен сознаться, что она встречала со мной Новый год. Я это отрицал, чтобы не

давать распространиться склоке и в дом друга. За Люську вступилась ее заведующая библиотекой.

На бюро комсомола устроили очную ставку. Возбуждение такого дела в первую очередь компрометировало Люську. Но она пошла на все. Против меня было только одно: «нет дыма без огня». «Если она всегда тебя обманывала и шантажировала, как ты говоришь, - сказала заведующая, - зачем ты подошел к ней на вечере поэзии? Она так старалась тебя забыть после того, как чуть живая вернулась из больницы. Мы ее осудили, но мы ее и поддержали, и радовались, что она забывает тебя. Но ты все сломал, пригласив ее на танец. Зачем?» У меня был один только ответ: «Хотел убедиться, что все забыто, что больше она меня не будет преследовать».

Весь расчет был на показания друга. Но он, и глазом не моргнув, сказал, что первый раз видит эту девушку, и, слушая ее, надеется, что видит в последний раз. Это был страшный удар. Люська не ожидала, что такая несправедливость возможна на земле. Она даже вскрикнула, слезы буквально брызнули у нее из глаз. Мне самому было мерзко. Но я утешал себя только одним, скажи друг правду, я все равно не женился бы на Люське, зачем обманывать человека всю жизнь, всю жизнь уверять его в том, чего нет. А эта ложь сразу отсечет все узы, связующие нас. Комиссия решила, что Людмила ведет недостойный образ жизни, а мне поставили на вид, так как я причастен к «этому» образу жизни. И зачем я подошел к ней на этом злосчастном вечере?

После этого скандала как-то подошел ко мне один товарищ на работе. Завел разговор о Люське, и вдруг без всякого перехода сказал мне, глядя в глаза: «А все-таки ты ее любишь». Я промолчал. Да я сам толком не знал этого.

Но бой не кончился. Я получил повестку в суд. Люська грозила на бюро, что подаст на меня в суд. Еще тогда все, даже заведующая, уговаривали ее не делать этого. Я узнал, что по закону эти дела суд не рассматривает. Но Люська сумела сплутовать и уговорить судью вызвать меня и поугатать. Как ни был я убежден, что всё - за меня, на суд шел с тяжелым сердцем. Судья татарин сразу сказал, что эти дела суд не рассматривает, но попросил рассказать Люську и меня о наших взаимоотношениях. Люська рассказала все, что только можно говорить вслух, это, наверное, и настроило против нее судью. Мне не осталось ничего добавить, единственное, что я сказал существенного, что никогда не обещал ей жениться, так как все время она мне лжет или шантажирует меня. Сначала она мне изменила, в чем сознается, потом она мешала мне жениться, отговаривая мою будущую жену. Она говорила, что у нее от меня ребенок, она не дала устроить нам комсомольскую свадьбу. Она преследовала меня. Это в какой-то степени определило наши взаимоотношения с женой, и мне трудно было сколотить крепкую семью. Сейчас она тоже ведет нечестную игру, надеясь меня взять на испуг. Да, я

не признался и на суде, что была та Новогодняя ночь. Я стоял, как на раскаленных углях, но все мое будущее толкало меня говорить: нет, нет. Я знал, что не такая нужна мне подруга жизни. Встречу ли я ее, это другой вопрос. Судья не защищал меня. Он прекрасно понял, какой я. «Надо беречь свою честь, - сказал он ей. – Никто не совершал над вами насилия, вы это сами говорите. Поэтому ничем помочь вам не могу. Прежде всего, помогите себе сами. И если он такой плохой, как вы только что здесь описали, оставьте его. Не знайтесь больше с ним».

Мы вышли из суда. Я выскочил, как ошпаренный. Как не крути, все было сказано и на мой счет. Как противен был я себе! Люська догнала меня со слезами на глазах и сказала: «Ты теперь совсем не будешь со мной разговаривать?» Я только прорычал в ответ.

«Милый, милый, Сашка! Здравствуй! У меня сегодня два счастья. Получила письмо от мужа, он уезжал в длительную командировку, первое письмо, - это одно счастье, и сегодня же я получила письмо от тебя, такое теплое, такое мягкое, что мне просто захотелось закричать на весь мир. Если вдруг... когда-то я не стану получать от тебя писем, поверь, мне сразу станет скучно. Вот теперь и суди, какое значение отводится твоим письмам. И сейчас я не знаю временами, что для меня важнее: увидеть тебя или просто получить от тебя вот такое простецкое теплое письмо. Конечно, мы давно не виделись, так давно, что уже получаем удовольствие от писем! Но... не теряем надежды на встречу. А раз в наших душах горит или, как ты выразился, «тлеет уголек», встреча будет, будет обязательно, я знаю, я верю. Это у меня уже что-то вроде, как у Маяковского, помнишь: «Я знаю, город будет» - встреча будет. Как это близко и как перекликается! Мы с тобой должны встретиться – обязательно. Потому что я этого очень хочу.

Хотя я и боюсь этой встречи. На это есть свои, я бы сказала, серьезные причины, и самая-самая – это наша старость. И я боюсь, что буду слишком стара. Не такая приятная моя жизнь. Она сделала меня намного хуже, чем могла бы сделать при других обстоятельствах. Появились лишние морщинки. Но разве им объяснишь, что они рано посетили меня, могли бы и подождать. И потом смогу ли я вести себя с тобой достойно? Порой с тобой бывает трудно разговаривать, особенно, когда ты сам создаешь такую трудность. А, в общем, все - за будущую встречу. Я думаю, что уж этим летом мы свидимся. Саш, а ты не боишься своей жены? Хотя зачем я об этом спрашиваю, у меня ведь тоже есть муж. Но ты знаешь, когда я пишу тебе, я забываю об этом, мне кажется, что у меня его нет, и твоя жена мне тоже кажется сном или легендой. Странное чувство, не правда ли? У тебя не бывает такого?

Ну, вот и все. До свидания, Александр. Пиши мне. С приветом, Люська, как ты меня всегда зовешь. Кстати, учти, это мне не очень

нравится. Больше мне нравится – Людмила. Саша, это шутка. Всего тебе хорошего. Помнишь это свое стихотворение

Поцелуй

*Разбередил расплыв снегов
Запал нещадных откровений.
Мы бросили на снежный кров,
Творя законы притяжений.*

*И рысь крови не превозмочь
Нам раскаленными губами.
Приличья отлетали в ночь
Оторопелыми звездами.*

*Нас месяц кинулся разнять,
Как мальчик, испугавшись тайны.
Но что за счастье – упразднить
Каноны выходкой случайной!*

*Наметом тело веселя,
Мы смяли вдруг... любовь. Святую!
Нас тут же сбросила Земля
И завертелась вхолостую.*

1976 год

ВЫХОД В НЕБО

Рассказ

Сергей узнал Речицкое поле. Здесь началась его московская жизнь. Поле было похоже на астраханскую степь. Даже пахло родной выжженной полынью.

- Мы проехали Быково? - удивленно глянул Сергей на сухопарого таксиста.

Тот рывком остановил машину, вышел, с досадой хлопнув дверцей.

Встречный «жигуленок» плаксиво затормозил, чуть не наехав на бабку в черном платке, медленно переходившую шоссе.

Она улыбнулась Сергею.

Таксист подошел к «жигуленку».

- Это Речицы... круг порядочный... - слышал фальцет хозяина «жигуленка» расстроенный Сергей.

- Проскочили, едрена-матрена, - крикнул вернувшийся парень и стал круто разворачивать «Волгу». - Не бойсь, - процедил он сквозь зубы, - за круг заплачу.

- Все возвращается на круги своя, - сказал раздумчиво Сергей и увидел, что таксист покосился на него в недоумении. Сергей тоже удивился, не узнав свой голос.

Самолет оторвался от земли. И она, потеряв равновесие, накренилась, закачавшись, словно буй на большой волне.

«Как душа оторвалась от тела», - екнуло под сердцем.

Такое же ощущение было сегодня утром, когда судья сказала:

- Соглашайтесь на развод. Все равно жизни не будет.

Жизни не будет.

На падающей земле взгляд выхватил куст берез. Все стволы от одного корня.

Семья!

Внутренняя дрожь Сергея потонула в зыбкой тряске набирающего скорость лайнера.

Повис между небом и землей... Колокольчик бьется...

Что-то говорила по радио с поддельной приветливостью стюардесса.

А в голове толкалась, как в невесомости, горькая мысль начатого давно стихотворения:

Как плохо - мы бежим домой.

Как больно - вскрикнем: «Мама!»

Сколько же таких мертворожденных стихотворений!

- Утощайтесь!

Тягостная дрема отпустила - и Сергей открыл глаза. Близко, у самого лица увидел стаканчик с «минералкой» на подносе.

Писаная красавица. Такой же херувимчик, как Люся.

Сергей взял «минералку» и отвернулся к иллюминатору.

Снега облаков ослепили глаза. Вот где прячется зима. Она никогда не уходит. Она лишь поднимается сюда и ждет своего часа сковать морозом землю. Так и смерть.

Взгляд упал на надпись «Запасный выход».

Открыть бы его сейчас и... покататься по этому снежному полю на лыжах. Провалишься... и будешь лететь-лететь... Может, тогда и вырастают крылья?

А если бы мою семейную драму сыграть на этих солнечных облаках? Как бы все показалось ничтожным на таком чистом, бесконечном просторе!..

- Сыграем партию? - предложил сидящий слева медноволосый парень.

- Со мной неинтересно, - покосился Сергей на миниатюрные магнитные шахматы на откинута столике. - Я не знаю, куда и чем ходить.

- Тогда вам трудно жить, - сверкнул глазами сосед. И его большой крючковатый нос покраснел от самодовольной улыбки.

Парень стал играть сам с собой.

Голубой снег таял на красных розах, серебрился в сиянии витрин.

Канун весны. Нарядные люди на фосфоресцирующей улице.

Предстоящее свидание. На душе праздник.

- Сколько? - спросил Сергей долговязого грузина.

Грузин гаркнул такую сумму за штуку, что Сергей даже отскочил.

Ничего себе! Он привык в Астрахани покупать цветы букетами. А здесь за один цветок столько же платить надо.

Однажды в день рождения первой жены Ирины принес домой целую охапку роз. Расставил по всем углам комнаты. Сам радовался своему размаху, думал удивить. Но Ирина после очередной ссоры еще не оттаяла.

- Сколько шипов! - съязвила, выпучив глаза.

А мать, увидев так много красных роз, расплакалась.

«Зачем расцвела ты, несчастная роза? - зазвучала в памяти песня бабушки Анисьи. - Зачем сорвана ты жестокой рукой?..»

Какая-то женщина в вельветовом пальто недоуменно оглянулась, и Сергей смущенно прервал пение.

А может, и вправду у него жестокая рука?

Москва - не Астрахань.

Он еще потоптался поодаль от букетов. В кармане - только на три цветка, полполучки.

«Пусть захлебнется алиментами!» - раздался издалека раздирающий душу крик бывшей тещи Веры Васильевны.

А ведь она его, вроде, уважала.

Хоть три цветка купить. Не пойдешь же на свидание с одной розочкой, как дурачок. Да это и примета - к одиночеству.

- А дешевле? - Сергей протянул грузину все деньги, тот замотал головой. - Три, подтверже бутоны.

Губы на холенном молодом лице пренебрежительно скривились. Это не Шота Руставели.

Достав из баула целлофан, он встряхнул три розы. От них разлетелся снежный пух. Один лепесток упал на припорошенный асфальт. Капля крови.

Ну и букет! Как нести эти три розочки? Стыд какой-то.

И Сергей спрятал цветы под пальто.

А может, и не грузин. Чувствует себя хозяином нашей жизни. Торговцы, вон из храма!

Бабушка Анисья пускала за гроши вот таких же ялдыжей в заднюю половину дома... По пять-шесть человек. В черных замызганных одеждах, небритые, расхаживали они во дворе, садились прямо на землю разбирать подгнившие в дороге яблоки, груши, абрикосы. От кислой терпкости фруктов текли слюнки. Но Сергей не подходил близко - еще подумают, что он просит.

Женщины в черных шаялях взваливали огромные мешки на спины и уходили со двора на базар - Большие Исады. Мужчина даже калитку не придержит. Идет впереди них налегке. А вечером жены варили баранину - душистую, аж в горле першило до слез. Через щель прикрытой двери из своей половины дома Сергей видел, как женщины, сидя на полу, делали из кукурузной муки хинкалы, бросали их в кипящий котел на керосинке. А кукурузную муку опять завязывали в черном мешочке и прятали в ларь. Кто возьмет! Потом ялдыжи ели куски дымящегося мяса, слизывая жир с черных пальцев, и запивали бульоном из металлических плошек, и заедали хинкалами. А женщины за дверью в сенях ждали, что останется, чтобы доесть.

Тоже семья!

А без семьи - еще хуже. Сергей пожил бобылем. Как мать не старалась скрасить его московскую жизнь, быть холостяком не только трудно, но и оскорбительно. И Сергей упорно искал невесту.

Как-то мать прислала из Астрахани со знакомой проводницей поезда пирожные-орешки. Она любила печь. И бабушка была такой же мастерицей. Свое печево всегда дешевле купленного.

Хотя и говорят, что пироги в доме - от нужды.

Хрустально вазы положить орешки, как бывало в астраханском доме, у Сергея в Москве еще не было, а глиняная разбилась. И вспомнил он, о старой бабушкиной большой глубокой тарелке.

Он достал тарелку и начал мыть ее горячей водой. Вдруг почувствовал, что какой-то давно забытый запах от нее пошел. У Сергея

был обостренный нюх, особенно, когда бросал курить. И каждый запах напоминал какую-нибудь картину из прожитого. А этот никак не мог вспомнить.

Сергей и места своего жительства в столице мог узнать с закрытыми глазами по запаху. Может, в прежней жизни и собакой приходилось быть. Да и эта жизнь от собачьей мало чем отличалась.

В это время Сергей остановился на Большом Каменном мосту. Загляделся, задумавшись, в воду Москвы-реки.

Здесь пахнет приторным шоколадом от кондитерской фабрики “Красный Октябрь”. Интересно, почему ее не переименовали сейчас в “Белый Октябрь”?

Помнил Сергей и запах в районе Первой Хуторской улицы. Там снимал однокомнатную квартиру гостиничного типа на двоих, чтоб подешевле обошлось, со студентом из киношного вуза. Этот серб вон лез из кожи, чтобы не выглядеть бедняком. Надевал двое брюк, чтобы не замерзнуть и кальсоны не носить.

Там парфюмерная фабрика “Свобода” парит зубной пастой. Надыхался Сергей этой вонючей свободой - до сих пор горло першит.

У станции метро “Новослободская” вечно пахло вареной требухой. Рубец - называли его в астраханском доме, ели с горчицей. Вкусно и очень сытно. У Белорусского вокзала - дразнит запах печенья с ближней фабрики “Большевик”. Этим большевиком до сих пор пахнет тем же запахом, который Сергей запомнил с детства, когда мать приносила ему в больницы только московское печенье. Что еще могла купить на свои гроши учительница? И запах этого дешевого лакомства вьелся в него вместе с запахом витациклина. Не хватало витамина В 1.

Но запах от тарелки был знакомее всего, а Сергей все никак не мог его вспомнить. И откуда он взялся? Может, размягчилась от горячей воды пленка недомытого жира на кромке основания тарелки? Какую-то тревогу вызывал в душе этот запах.

И вдруг он вспомнил - так пахло в бабушкином деревянном доме, в котором он провел детство. Ведь каждый дом, в котором одна и та же семья живет долгие годы, имеет свой устоявшийся запах.

И вспомнился Сергею колыбельный дом.

Когда он приезжал на побывку в Астрахань к матери в кооперативную квартиру, непременно шел повидаться с этим деревянным столетним домом, который давно продали. Померли и купившие его хозяева.

Казалось, что в нем так никто и не живет, после Сергея. Ставни закрыты наглухо. Остановилась жизнь. Он заглядывал в дырочку в калитке - пусто во дворе. И двор-то теперь выглядел каким-то маленьким. Не как в детстве, когда казался большим и просторным. Все поросло мелкой лебедой и полынью. Как в степи.

Этот дом и степь и были отчим миром Сергея.

Ему в радость и сейчас - пройти по подмосковному лесу до большой поляны или луга, которые внезапно открываются, напоминая степной простор, - и вздохнуть в охотку эти простором полной грудью.

Жаль, что из-за спальных нынешних многоэтажек у людей притупляется чувство дома. Сколько Сергей поменял “углов” и квартир - а ни к чему не прикипел, как к раннему просторному дому.

И Сергей стал, было, с удовольствием внюхиваться через минувшие десятилетия в запах бабушкиного дома. Но почему-то тревога не проходила.

Тарелка была глубокая, с резными, потертыми красными краями. На дне нарисован скромный букет поблекших от времени цветов, фиолетовые незабудки с мелкими зелеными листьями. И на рисунке цветы вянут. На обороте - марка Кузьевского фарфорового завода.

Это сейчас Сергей в заводской столовой съедал маленькую тарелку тощего супа. А тогда, в детстве, чтобы быстрее расти, мог осилить две таких глубоких тарелки вкусного наваристого бабушкиного борща. Где только она находила денег прокормить ораву-семью?

Едоков в доме было много, а разносолов не было. И борщ Сергей съедал в два приема: жидкость - как первое, гущину - как второе. Вставал из-за стола с большого кованого сундука с набитым до отказа животом.

Но это удовольствие случалось не часто. Порой приходилось есть только хлеб, макая его в постное масло. Не говоря уж о голодных годах, когда коровий жмых казался медом. Однажды, пацаном, Сергей даже проглотил со жмыхом свой передний зуб, а думал, что он упал на пол. И все искал его под лавкой, посасывая кусочек жесткого, как камень и солоноватого от крови жмыха.

Работала из большой семьи только мать, а было еще шесть ртов. Бабушка подрабатывала полемойкой. С тех пор, как ее мужа посадили за воз зерна по политической статье как врага народа. Дед Алексей так и не вернулся с Колымы. И бабушка Анисья все вытерпела, всех детей вывела в люди Безграмотная, вдова при живом муже, ходила она мыть полы к людям, которые могли себе позволить ее позвать.

Как-то пришла бабушка от богатой немки-гадалки, вся в слезах. Хотя Сергей был маленьким, но понял, в чем беда. Плакала бабушка от обиды. И чем больше ее утешали дети, тем сильнее заливалась слезами.

- Немка пригласила меня, - рассказывала бабушка, размазывая слезы по веснушчатому узкому худому лицу распаренными от стирки руками, - пригласила в гости... - И опять заливалась слезами.

- Я такую жирную селедку достала, залом, - передразнивала она, утирая слезы, толстую гадалку, - приходи, Анисья, угощу. Да полы мне подотрешь. Ноги затекли, болят, наклоняться мне, подружка, тяжело.

- Кровь пить - не тяжело, - возмущалась мать.

- Я ей пол затоптанный выскоблила, - всхлипывала бабушка, - белье заношенное выстирала, выбелила. А она сидит, селедку ест, да приговаривает: “Ой, какая жирная, да вку-усная!” И даже кусочек не предложила. - Бабушка опять залилась горькими слезами. И еле договорила сквозь слезы: - Мне уже уходить, она вслед всплеснула руками: “Ой, подружка, хотела чайком попотчевать, да сахар кончился, забыла купить”. Нужен мне ее пустой чай! Чаю я и дома натрескаюсь. - Бабушка долго не могла успокоиться.

- Убью эту злую колдунью! - крикнул Сергей бабушке и выбежал во двор к воротам, сторожить, когда немка вперевалку пойдет по улице со своим большим зембелем...

А потом, когда продали заболевшую корову-кормилицу, бабушка купила Сергею, своему заступнику, маленькие кирзовые сапоги. Он так обрадовался, расцеловал ее и отпросился в них погулять.

- Погуляй, погуляй, казачок, - согласилась она.

И я пошел на самую главную улицу, Советскую. В каждом городе была такая улица, где любили гулять все жители, себя показать.

Только что прошел дождь. Асфальт сиял под лучами яркого мартовского солнца. В марте солнце играет. Особенно на Пасху. И так же ярко блестели новые кирзовые сапожки. И казалось, что все прохожие смотрят на них с восхищением и радуются за Сергея. И лицо его горело от смущения и гордости. Бабушка купила!

Но когда Сергей вернулся домой и кинулся, было, похвалиться обновкой пришедшей из школы матери, то застыл в растерянности от ужаса на ее лице.

- Выброси сейчас же! - кинулась она к Сергею. - Кто тебе дал эту кирзу?

- Бабушка купила, - испуганно ответил он, глянув на обиженно примолкшую бабушку.

- Сними! И никогда, слышишь, никогда не носи, - всхлипывала мать, сдирая с него сапоги. А они уже успели натереть ему ноги - и было больно.

Сергей держался обеими руками за ее душистую теплую голову с шестимесячными кудряшками и тоже плакал. От чего? От жалости, что лишился таких красивых сапог - снова придется зубным порошком чистить уже продравшиеся на пятках парусиновые туфли.

- Я всю жизнь билась, чтобы вылезти из этого вонючего коровника, - швырнула мать сапоги за печку, - Выучилась на преподавателя, чтобы не быть полумойкой, как наша бедная бабушка, а ты... И тебя выучу, на инженера.

- На певца, - поправил Сергей, - на Лемешева.

Мать что-то еще говорила, морщила широкое вспотевшее лицо и промокала глаза шелковым шарфиком. Но Сергей все не мог понять толком, почему ему нельзя было носить кирзовые сапоги, никогда?

Понимать это он стал, когда мама вышла второй раз замуж, за доцента пединститута. Отец с рождения Сергея жил с другой семьей. И всегда хотелось иметь своего отца. Но и отчима Сергей с большим трудом называл папой.

- Ты должен одеваться всегда хорошо, - говорил Сергею отчим. - Тогда к тебе будут относиться с большим уважением. Встречают по одежке...

Но Сергей невзлюбил отчима за то, что он нанял прислугу. Ведь его бабушка была всю жизнь приходящей прислугой, у богатых людей. А какой был отчим богатый? Имел один приличный костюм. Даже заставлял прислугу продавать за полцены прошлогодние газеты на Больших Исадах, семечки в кулечки заворачивать.

У отчима со старинной дворянской фамилией Черкасов (однофамилиц, наверное!) от умершей недавно жены было две дочери, одна старше Сергея, хромоножка, другая совсем маленькая, истеричка. Они называли мачеху мамой, а я ревновал. Отчим был высокий, сутулый и худой. Когда-то - мастер спорта по большому теннису. Настоящий Кощей.

Он купил старшей дочери велосипед. Сергею тоже хотелось покататься, но сводная сестра была скупее отца.

Об этом Сергей и погорился своей бабушке, когда пришел ее навестить, уже неизлечимо больную.

- Ничего, вот я немного поправлюсь, - вздохнула бабушка, - я тебе куплю тоже велосипед. Я обещаю.

- Да не надо мне, - испугался Сергей, подумав: "Как же можно слово давать, когда рак желудка?" - Я нашел в их дворе брошенный ржавый трехколесный велосипед, На нем мне еще можно кататься, только колени за руль задевают.

Вскоре мать с Сергеем сбежала от отчима к бабушке. Побоялась, что останется бездомной, когда бабушка умрет. В завещании бабушка просила записать, чтобы сестры - две ее дочери поделили дом между собой поровну, а Сергею купили взрослый велосипед. И его купили - выполнила бабушка свое обещание...

Так вот растревожил Сергея давно забытый отчий запах от бабушкиной тарелки.

И слышался ему тревожный голос "Выброси сейчас же!"

Сергей оторопело посмотрел по сторонам. Видимо это сказала бабка в черном платке, выхватывая у мальчика жвачку и заворачивая в носовой платочек.

- Смотри лучше в иллюминатор. Вон, какие красивые облака. Мерно урчали двигатели самолета, как кот на печке.

Лед на Москве-реке был взломан. Вид реки, запах смолистой воды напоминал Сергею родную Волгу. В любой реке он видел сначала именно Волгу. Как в любой интересной девушке - Люсю, которую ждал сейчас на Большом каменном мосту.

В знакомом окне домика на Софийской набережной света не было. Значит, Люся еще не пришла.

Лучше подождать на мосту.

В своем легком пальто на поролоне Сергей стал подмерзать. У воды всегда прохладнее, особенно зимой. Надо подвигаться.

Снег летел мошкаркой на фонарный свет. И снежинки также погибали, как мошки, ударяясь о горящую лампочку.

Нет, надо идти на автобусную остановку. Там меньше ветра.

А вот и Люся. Она шла навстречу Сергею. Серое пальто с каракулевым воротником, серые резиновые сапожки, серая пушистая шапка - вся, как серая мышка.

-Здравствуй. Ты давно здесь?

- Здравствуй! Всю жизнь.

- Зайдем в магазин, мне кое-что еще надо купить.

В магазине Сергей полез в карман за деньгами, забыв, что все истратил на цветы. Зашуршал целлофан под полкой.

- Не шурши, я сама разберусь, - остановила его Люся. - Порежьте, пожалуйста, двести грамм «русской», - попросила она продавщицу.

- Знаю, знаю, Люсенька, - улыбнулась светленькая маленькая женщина, такая стерильная, как будто не в магазине работает, а медсестрой в больнице. Она задержала какой-то просительный взгляд на Сергее, и ему почему-то стало неудобно.

- Откуда она тебя знает? - спросил он Люсю, когда они вышли из магазина.

- Приходит к нашему милиционеру в коммуналку.

Они зашли в комнату Люси, и опять Сергей почувствовал затхлый дух. Запах чужого дома, но какой-то знакомый.

Во дворе его дома на улице Огаревой в Астрахани жила в прогнившей халупе его ровесница Нинка со своей матерью Полюсей, как звала скандальную соседку, работницу пекарни, бабушка Анисья. Сергей приходил играть к Нинке, когда ее матери не было дома. В этой халупе был такой же затхлый дух, как у Люси. Запах нищеты.

Люсина квартира состояла из двух смежных комнат. Обои во многих местах отстали, покрылись от сырости разводами. Краска и штукатурка с подоконников сыпалась. Разводы сырости были на салфетке, покрывающей старую тумбочку в углу между окнами. Цветы в вазочке-пчелке на тумбочке засохли и наполовину осыпались.

Если бы тогда увидеть все нынешними глазами. Увидеть и понять, куда ты лезешь.

- А это - тебе, - достал Сергей из-под полы три сморщенные примятые розочки.

- Ой, спасибо, - неестественно обрадовалась Люся. - А я слышу, ты чем-то шуршишь все время, и не пойму. Кто же носит цветы за пазухой? - поцеловала она Сергея в щеку.

Они пили чай, ели бутерброды с вареной колбасой, приятно пахнувшей чесноком.

«Бутербродики!»

«Ужинать, наверное, при мне стесняется», - думал Сергей. Он еще не знал, что такими и будут его семейные ужины, что Люся так привыкла жить за десять своих одиноких лет, с тех пор, как родители переехали в Киев.

Люся была веселой, разговорчивой. Челка ее все время прыгала, когда она заливалась звонким смехом, ноздри раздувались, ровные белые зубы ослепляли, большие глаза светились. И Сергей был с ней в ударе, шутил, много рассказывал курьезных случаев, которые с ним произошли в жизни. Их, действительно, было много, этих глупых историй, в которые он попадал.

Вот теперь посмейся и над этой историей своего второго развода.

Лишь изредка, задыхаясь от смеха, Сергей ловил испытующий взгляд, настороженный, чужой. Но не подавал виду, что замечает прорывающуюся наружу вторую, может быть, главную жизнь этой припозднившейся с замужеством девушки.

И почему такая симпатичная девушка припозднилась?

А глаза у Люси были очень красивые, византийские, большие, лучистые, светло-серые. Эти глаза еще раньше приглянулись Сергею, хотя он и забыл, когда это произошло. Напомнил ему Шура Маев.

Вместе с ним Сергей как-то был в гостях у земляка Шуры Полтавского. Того друга, с которым Сергей однажды, на прогулке по любимой астраханской улице Советской, решил податься в Москву, испытать счастье. Астрахань им, видите ли, стала мала, столицу подавай.

Полтавский сразу женился на знакомой его дальним родственникам москвичке. Лора была из тех избалованных столичной мишурой девушек, которым достаются приезжие провинциалы. Удачного случая она не пропустила. По принципу: стерпится - слюбится.

И ведь живут вместе до сих пор.

Сергею найти девушку сразу не удалось. Да и боязно - ведь раз уже ожегся. Зато утешался тем, что не пошел на сделку с совестью. Да он и не умел выбирать, а ждал, когда его выберут. Женское воспитание безотцовщины.

Полтавский жил в четырех комнатной квартире, недалеко от центра Москвы, в семье скульпторов с женой-архитектором. А Сергей скитался по наемным квартирам, чужим комнатам, которые было трудно и дорого снимать. Но в Астрахань решил не возвращаться.

В московской квартире встретилась дружная троица. Разговор, как всегда, шел о поэзии. На этот раз - о Лорке. Астраханец Шура Маев категорически настаивал, что это - самый яркий гений века «поэтического Эльдорадо». Хотя раньше с той же беспрекословностью расхваливал Шарля Бодлера.

- Я воспитан на соловьиных язычках, - с гордостью повторял он, выпятив вперед нижнюю губу.

- Разве не ближе нам Фофанов? - спросил Сергей и стал читать по памяти:

*Заря вечерняя, заря прощальная
На небе ласковом тепло румянится...
Дорога длинная, дорога дальняя,
Как лента синяя, пестрея, тянется...*

В это время и заглянула в комнату подруга Лоры, позвав ее на кухню. Потом лишь Сергей понял, что заглянула она не случайно. А тогда, увлеченный чтением, не догадался о смотрах.

- Ты заметил, какие у нее глазищи красивые? - спросил он Маева.

Тот кивнул, но промолчал.

Об этом и напомнил Сергею, когда узнал, что он познакомился с Люсей, и имеет серьезные намерения.

А смотрины-то, оказывается, были устроены не для Сергея, а для Маева. Так роман Люси с Маевым не состоялся.

А жаль.

Люся всегда говорила ласково о Маеве: «Шурочка - хороший мальчик». Он и вправду хороший. Потом стал директором музей Велимира Хлебникова.

Ох уж эти смотрины!

Все знакомства будущих семейных пар отданы были на произвол случая, дискотеки, компьютера. Опытные дошлые, знающие на глаз, за кого можно сосватать, свахи повывелись. А сваха по объявлению - это та же торговка залежалым товаром. Эти самозванцы только все портят.

Такой горе-свахой и стал Полтавский для Сергея. Хотя хотел, как лучше, когда подстроил эту роковую встречу...

Две девушки, Люся и Наташа, щебетали, как ни в чем не бывало, изредка поглядывая на смущенного этим спектаклем Сергея. Люся он не узнал, хотя ее глаза ему опять понравились. Это и определило его

решение. Но старался говорить больше с той девушкой, которая ему не приглянулась. Это легче. А Наташе, чувствовалось, Сергей понравился. И она потянулась к нему, сбита с толку тем, что он обращался в основном к ней. Хозяева вели себя «непринужденно». Сухое вино сняло напряжение.

Но иногда Сергей ловил останавливающийся на нем внимательный взгляд Люси. И смущенно оба отводили глаза. Наташа, видимо, в конце концов, поняла, что означают эти переглядывания, и потихоньку сникла, засобиравшись домой, сославшись на срочные дела, ушла, попросив Полтавских не провожать ее до автобуса.

С уходом Наташи разговоры быстро стихли. Люся встала из-за стола. Сергей вызвался, как положено, ее провожать, и принял молчание за знак согласия.

В автобусе они сели на последнее сидение - так нравилось Люсе. Разговор она поддерживала сама, предложив сходить на лыжах в ближайшее воскресенье.

Значит, знакомство было зимой?

И вдруг Люся спросила:

- Ты будешь меня защищать?

- Буду, - с готовностью пообещал Сергей. Это и стало их объяснением в любви.

*Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова...*

Читал по тетрадке Маева стихи Гумилева раскрасневшийся от горячего чая Сергей. В то время Гумилев был только «самиздатовский».

Сергею казалось, что Люся смотрит на него с восхищением.

А она терпеть не могла стихов.

Ее расширенные глаза мерцали в полумраке торшера. Ровная белая строчка зубов украшала ее круглое нежное лицо. Чувствовалась украинская кровь.

Она просила почитать еще что-нибудь. Что еще надо человеку, для которого поэзия - все!

Первая его жена Ирина сочувственно относилась к его творчеству. В Рубцовске, куда они приехали по распределению после института, Сергей чувствовал себя первым поэтом.

Первый - на деревне!

Его стихи печатали в каждом субботнем выпуске местной газеты. Он выступал с ними по телевидению в конце каждого месяца - творческий отчет местных знаменитостей. Выступал и в школе, и в театре, и на заводе. Его узнавали и останавливали на улице прохожие и благодарили за стихи.

Но центральные газеты и журналы присылали жестокие отказы - и это спасало от местных медных труб.

- Стихи твои злые, как ты сам, - крикнула Ирина в лицо Сергею, когда он, доставив ее с грудной дочкой к теще в Астрахань, вынужденно возвращался в Рубцовск на свой гормолзавод. Специалисту после окончания института по закону нужно было отработать три года по распределению. И Ирина не стала его ждать, нашла человека более надежного и живет с ним до сих пор. Ну и дай Бог!

Только дочь не хочет знать «такого» отца. Ее мама постаралась. И сам виноват.

Был и невольный грех. Но эта тайна оставалась закрытой даже для него.

- Сережа, ты такой воспитанный, мягкий, - сказала Люся. - Неужели ты мог ссориться с женой?

Люся его понимала. Вначале.

«С тобой невозможно поссориться», - говорила в невестах Ирина. Как похожи все женщины! Особенно - все невесты.

- Ты ее не любил? - спросила Люся. - Ты слышишь меня?

Что ей ответить?

Все из студенческого драмкружка отговаривали Сергея. Нет - женюсь. «Жениться не напасть, женившись бы пропасть», - вздыхала мать.

Все не правы, а я прав! Комплекс юности.

Может быть, друзья знали, что, встречаясь с Сергеем, Ирина жила с парнем из студенческого оркестра? Таким слепым мог быть только он, живущий в поэтических миражах.

Он не знал тогда, что не умеет даже целоваться. И девушки ему об этом не говорили. Посмеивались - телок.

А что его ждет с Люсей? Как в человека влезешь?

«А как вылезешь?» - усмехнулся Сергей, не отдышавшись пока от развода. Сердце ныло в такт самолетному гулу. Казалось, все в лайнере спали, даже шахматы соседа.

«Я знаю женщин!» - сказал Сергей в двадцать лет Шуре Маеву.

Тот лишь ухмыльнулся. Хотя и остался вечным холостяком. Вот уж, действительно, беда.

- Не будем говорить о ней, - попросил Сергей, чувствуя, что сдавило сердце.

- Давай вообще не будем ворошить прошлое, - предложила Люся. - Ни твое, ни мое.

- Заметано.

И оба рассмеялись.

Но сердце опять сдавило. Проклятый невроз!

Нужно уходить, как бы не прихватил приступ по дороге.

А может быть, остаться на ночь? Удачный повод - болит сердце.

Больные женихи никому не нужны? Ну и не надо. А больные мужья? Вот и посмотрим.

Сердце успокоилось некстати. Но руку с груди Сергей не убрал.

- Тебе плохо? Сердце? - всполошилась Люся. - Сейчас дам валокордину. - Она вскочила, порылась в тумбочке, стала накапывать в серебряную рюмочку из пузырька. - Сколько? Двадцать?

- Спасибо, - выпил Сергей разбавленные из чайника капли.

Каждый из нас немного артист.

Он лег на диван, подложив принесенную Люсей подушку.

- Полежи, - сказала она, закрыв его шерстяным пледом в коричневую клетку.

Он с детства пел на сцене. Пока не сорвал голос и бросил музыкальную школу. Но артистом стать мечтал. Хотел учиться в Москве на артиста.

Мать настояла поступить в технический вуз. Сергей все время укорял ее, пока однажды не услышал от одной заслуженной артистки республики, что артист - профессия женская.

Но Сергей пел на сцене свои песни и в техническом вузе, пока не сорвал голос.

Сергей часто разговаривал во сне. И в этот раз он что-то говорил, и, видимо, такое, чего Люсе не стоило бы знать.

Несколько лет потом она давала ему понять, что он выдал какую-то неприятную ей тайну. А он только помнил, как, пробуждаясь, услышал ее вопрос:

- Почему именно первого июня?

Но вот что он ей ответил, не помнил. Артист заснул на сцене. И какие у него могли быть тайны?

Первого июня кончался его срок временной прописки у родной тетки в дальнем Подмоскowie. Но прописку обещали продлить в связи с поступлением в институт. Хлопотал за него и трест, в котором он работал.

Правда женитьба избавляла его от лишних хлопот с пропиской и наемным жильем. Может быть, это и была неприятная тайна для Люси.

Вечно он спешил.

В спешке он женился и в первый раз.

Был знаком с невестой три месяца, пока шла репетиция в техническом вузе пьесы Шиллера «Коварство и любовь».

«О, женщины, вам имя - вероломство!» Шиллер прав.

А имя - мужчинам?

- У нас с ним я была мужчиной! - вырвалось у Люси на суде. - Все работу по дому сама. На него нельзя опереться в жизни.

После серьезного припадка врач намекнул, что нужно жениться - и все пройдет. Не потому ли Сергей торопился?

Вроде, не убивал, не грабил - а судимый. Гражданский суд по делу о разводе.

Отвечай, подследственный!

У Сергея была женщина на работе. Света. Статная, с короной волос, светлых, мягких, на высоко поднятой голове. И глаза ее были такие же чистые. Она не спрашивала: «Ты будешь меня защищать?» Но когда рыжий проектировщик ее оскорбил, Сергей при всех потребовал с угрожающим видом извиниться. И даже удивился, что обидчик, трусливо сжавшись, выдал из себя слова извинения.

Нет, Сергей торопился из-за своего суетливого характера. Он все старался делать быстро. Решил - сделал.

А потом расплачивался.

Может быть, надоело мыкаться по чужим углам?

За год Сергей сменил десять хозяев квартир в разных концах Москвы. Тетка жила далеко, да и было у нее не сладко. Вот и торчал Сергей постоянно в бюро обмена жилплощади, искал, кто может сдать недорого комнату. Молодым парням сдавали неохотно, опасаясь пьянок и гулянок. Сдавали на месяц-два, подыскивая за это время клиента посулидней. И получалось: утром забирай чемоданы и подушку, носи на вокзал в камеру хранения, иди на работу, а вечером беги опять в Банный проезд, уговаривай куркулей, чтобы пустили тебя под крышу за бешеные деньги. Повезет - забирай вещи с вокзала и кати в подвернувшийся «угол». Сергей уже привык. Искусство требует жертв.

В тресте всезнающий Иосиф, с сердцем с правой стороны, кстати, похожий на соседа-шахматиста в самолете, как-то вдруг сказал при Сергее начальнице Зое Ивановне:

- Вот вы попробуйте так, как Сергей, пожить без дома, без постоянной прописки, после такой болезни, а потом позавидуйте его, как вы выразились, беззаботности.

Сергей даже не ожидал от услужливого Иосифа такой дерзости перед начальством. Но больше удивился своей жизни, как она выглядела со стороны.

После этого разговора Света предложила Сергею после работы познакомиться его со своим папой.

Нет уж, такие знакомства ко многому обязывают.

Да и треволнения с «углами» к моменту знакомства с Люсей у Сергея почти кончились. Ему попалась очень порядочная хозяйка квартиры в Коптево. Запросила довольно дешево. Комнатка, хоть и маленькая, шесть квадратных метров, но светлая. Чистая. Кровать широкая. Письменный стол возле окна. Тюлевая занавеска колыхается, за окном - черемуха. Дом утопал в зелени. Впервые Сергей почувствовал уют. Первокласник Димка приходил по утрам и будил его:

- Дядя Сережа, вставай на работу. Чайник вскипел.

- К такому семейному счастью торопился Сергей. Надоело горе мыкать. Из этого коптевского рая он и переехал к Люсе.

- Вот и получай, что заслужил, - неожиданно вырвалось у Сергея, и он отстегнул забытые привязные ремни, покосившись на шахматиста.

- О том и тужим, что заслужим, - сочувственно улыбнулась, обернувшись к нему, бабка в черном платке. Внук ее дремал.

Сергей сердито отвернулся от бабки к иллюминатору.

Что люди лезут не в свое дело!

Письмо матери было, как всегда, сумбурным. Но мать запомнила мелочи, которые говорят порой больше главного.

«Ты, Сережа, хочешь ворошить старое. А может, напрасно? Мало хорошего было у тебя в личной жизни, как и у меня».

Да, у матери не сложилась личная жизнь. От мужа ушла, когда он вернулся с войны и стал на глазах у всего поселка жить с другой женщиной.

А почему семья не получилась? Кто может знать или осуждать? Потому ли, что целоваться не умела? Запомнилось только из ее воспоминаний, что отец выразил недовольство: от нее пахнет. Для Сергея самое лучшее - дыхание матери. Неужели запах может сломать судьбу человека?

Потом всю жизнь - одна. Меньше года жила и с кощеем Черкасовым. Но и до нее он прожил с женой много лет, и после нее - с новой женой - двадцать лет. А с матерью - не получилось. Вернее, у матери не получалось жить долго с мужем.

Видимо, в генах заложен не только характер, но и судьба. Ведь судьба - это следствие характера, и здоровья.

И вот, как в насмешку, ей предложили последнюю попытку выти замуж.

Оля, тетка Сергея, была добрая, но ворчливая женщина, и от этого ее доброта становилась другим поперек горла. Но как ее винить за это, когда она прошла всю войну с батальоном прачек? У бедной рот перекошило от контузии, еле выровнялся под старость. А у нее могла бы быть другая жизнь, ведь она по-своему талантлива. Как стала работать в кинотеатре уборщицей - в двух фразах может передать все содержание фильма. У Сергея так не получается, он вдаётся в детали и воспоминания, как и мать.

- Нашла тебе жениха - зашумела она с порога, - только попробуй, не выйди замуж, больше искать не буду.

- Мои женихи уже рассыпались от старости, - крикнула ей мать из ванной комнаты.

- Опять стирает! - пробурчала тетка. - Вот грязнуля! Сколько тебе говорить, Тоня, не стирай ты каждый день. Только грязь разводишь да белье снашиваешь...

Мать ее не слушала, потому что знала наизусть все ее наставления. Командир пришел - Антонина молчи. Слу-ушаюсь!

Мать пошла одеваться. Напялила на себя свой лучший, кримпленовый костюм. Конечно, ей, как всегда, его испортили - живот оттопыривался. Но другого - выходного - не было. Повесила на шею золотой медальон на золотой цепочке. Это Сергей подарил. Привела в порядок лицо, распаренное от стирки.

Опять вся пудра на носу сварилась. Надела цигейковую шубу. Правда, уже теплело. Пасха скоро. Но в шубе мать выглядела посолиднее.

- Вырядилась, как бомба, - с укором и одновременно с одобряющей улыбкой зудела Оля. - Второй год на пенсии, учительша, а все без свах не можешь приличного мужчину подцепить.

И они пошли свататься.

- Испортил меня кто-то, - любила говорить мать в свое оправдание. - Как будто проданная дьяволу, бегут от меня мужики. Мама, покойница, царствие ей небесное! - бывало, начнет мне гадать - блюдце по кругу водить на листе с алфавитными буквами. А все гадание - одна насмешка.

Сергей еще маленьким рисовал этого «Пушкина духа». И помнил сам эти гадания:

“Ан-то-ни-на вый-дет за-муж за ме-ня”.

Жених жил в центре города, на главной площади, в новом доме. Все магазины и поликлиника рядом. «Хоть мои больные ноги не бить, - размечталась мать. - Полиартрит мучает, вот и хожу, как утка, переваливаюсь».

Тяжело переводя дух, они поднялись с Олей на пятый этаж. Она тоже вся больная, только хорохорилась, а годы и беды брали свое. Помахай-ка всю жизнь тряпкой половой!

Оля торкнулась в дверь, позвонила. Мать - за ее спиной. Им долго не открывали.

- Нет никого дома, - решила мать.

- Не болтай! - Оля сделала злую гримасу и замахала рукой. Мол, стой и молчи.

Слу-ушаюсь!..

Наконец брякнула цепочка, щелкнул замок, один, второй. Дверь приоткрылась.

- Открывай! - крикнула Оля в щель.

- А-а, заходите, - сказал лысый старик, шамкая ввалившимся ртом.

Видать, челюсть вставную снял.

Уж не он ли жених?

Мать шагнула в прихожую - как в сырой подвал. На полу - грязь, арбузные семечки. Обои - почернели от плесени. Всюду какой-то хлам. Пыльная лампочка одиноко свисала с потолка на черном шнуре. Прихожая - маленькая.

На помятом лице старика, покрытом седой щетиной, проступали острые скулы, волосы на голове завяли, сваялись - этот не жилец.

- Здравствуйте! - сказала Оля.

Поклонилась и мать.

- Здравствуйте, коли не шутите. А я вас жду, - прошамкал старик, прикрывая дверь в кухню.

Однако из кухни успела выглянуть лохматая старуха и торопливо показала гостям язык.

Это еще что за явление народу?

От спертого воздуха матери сделалось дурно, и она стала расстегивать шубу.

- Вы не распечатывайтесь - у нас холодно, - глуховато крикнул старик и улыбнулся во весь пустой рот, с одним зубом на боку. - Кто невеста-то?

- Обе! - в тон ему ответила мать и спросила: - А кто жених?

- А что, не похож? - выпрямился старик, запахнув черный казенный халат. - Будем знакомы - Фавст.

- Фауст, что ли? - удивленно переспросила мать.

Он закивал и прошепелявил по буквам:

- Ф - а - в - с - т. Редкое имя!

- Да уж! - покачала головой Оля. - Я так и не могу выговорить.

- Пойдемте, я вам для начала покажу ванну, - жених подтолкнул невест в одежде в совмещенный санузел. - Для гостя - первое дело... руки помыть и прочее.

В глаза бросилась - полная ванна грязных граненых стаканов. Из баров что ли насобирал?

- Пьешь? - спросила в лоб Оля.

- А кто же ее треклятую не пьет? - подмигнул ей Фавст. - Гм... по праздникам.

- Зачем тебе так много стаканов? - не унималась прокурорша Оля, хотя мать потихоньку сжимала ее руку в локте - молчи, мол.

- Да решил помыть, - неопределенно ответил старик и вытолкнул мать из санузла.

Кухня напоминала лавку утильсырья. Среди развала на тряпье сидела злая старуха, что-то бормоча себе под нос и показывая язык.

- Это моя сестра, блаженная. Но она тихая, незлобивая, - представил ее старик.

Хорошо, что не жена. Господи, неужели еще такая нищета возможна! Даже за свою дешевую шубу матери стало стыдно. Она задыхалась в ней, как в ярме. Еще немного - и сорвала бы ее с себя.

Но Оля кинулась к входной двери и бестолково завозилась с замками.

- Нам пора, - крикнула она к подоспевшему хозяину чуть ли не в ухо, - Открывай!

- Сейчас, - оттолкнул ее руку сконфуженный их бегством жених. - А что заторопились-то? Посидели бы, чайку попили, покалякали.

- Из стаканов... - не выдержала мать.

Наконец дверь распахнулась. Мать с Ольгой, обе толстые, неповоротливые, еле вывалились из тесной прихожей.

- С тобой много накалякаешь, - огрызнулась Оля на лестничной площадке. Что зубы-то не вставишь?

- А зачем? У меня есть один зуб - хватит, - улыбнулся по-доброму старик. - Заходите! - крикнул он, когда невеста-без места, держась цепко за перила, осторожно стала спускаться по лестнице.

Дверь захлопнулась, с какой-то злобой, или досадой.

- Ну и жених! - покачала головой Оля, снизошла первый раз в жизни до самокритики. - Долго надо чистить. И звать как-то по чудному.

- По невесте и жених, - вздохнула мать и расплакалась.

- Ты знаешь, - сказала она, вдруг позабыв про слезы, - я читала в одной книжке, что Фауст продал душу дьяволу.

- Да он и есть - черт беззубый! - сказала Оля и закусил губу.

«Ну что ж, - продолжала мать. - Что помню, расскажу. Приехала я к тебе в Коптево, ты мне говоришь:

- Мама, я хочу жениться на девушке, которая скоро придет.

Я отвечаю:

- Дело твое, не хочу советовать или запрещать.

Люся пришла с подругой Наташей. Первое впечатление было хорошим. Она мне понравилась: светлая, хрупкая, маленькая, я ее назвала про себя «херувимчиком». Только голос у нее почему-то грубый, не к ее лицу...»

Вот она - та маленькая деталь. Как же раньше Сергей не обратил внимания на несоответствие голоса и внешности Люси? Правда, однажды застал ее с подругой Наташей за почти допитой бутылкой «Муската». Обозвал пьянчужкой, а они его - ханжой.

- Да пошел ты... - огрызнулась в сердцах Люся.

«Думаю, всего не выберешь, - писала мать. - А у тебя, оказывается, все было наготове, договорились уже, подали заявление в загс. Тогда мы с тобой побежали покупать тебе костюм на свадьбу».

Сергей пошел к Люсе расфранченный, в новом темно-сером костюме-тройке, рано утром прямо с Центрального рынка. В руках у него цвели тридцать три белых крупных розы. Вера Алексеевна, мать Люси, замерла в полуобороте, как будто высматривала Сергея у окна и не успела отойти. На ней была белая кофточка, серая юбка. Большой напудренный нос, маленькие бледно-серые глаза, курчавые редкие русые волосы. Она, скорей напоминала немку, чем украинку. Такой запомнил ее Сергей на всю жизнь - воплощение «ожидания». Это было первое знакомство будущей тещи с будущим зятем.

- Какие розы! - всплеснула она мягкими руками, прикрыв на миг конопатые щеки, и пошла навстречу Сергею.

Юрий Семенович, отец Люси, маленький седой коренастый украинец с тремя шишками на лысой, сединками припорошенной голове, обернулся к Сергею у стола и долго бесцеремонно рассматривал его с враждебным видом. На нем были мятые заношенные брюки и клетчатая не заправленная рубашка с засученными неровно рукавами. Он оторвался от столовой дощечки - «кружка», на которой резал свеклу для винегрета. В руках застыл красный нож.

Встретил в штыки.

- Здравствуйте, - поклонился Сергей, пожимая протянутую руку Вере Алексеевне. А Юрий Семенович с ухмылкой отвернулся, продолжив резать овощи.

Родители приехали из Киева на свадьбу дочери.

Вскоре она пришла и сама, с зареванными глазами, лицо от расстройств даже постарело. Челка-то скрывала морщинки на лбу. А родственница-парикмахерша испортила Люсе прическу.

«Кизяк на голове», - улыбнулся своей мысли Сергей.

Люся заметила улыбку, разревелась еще больше и бросилась на коммунальную кухню за кипятком. Пришлось размачивать прическу, сушить над газом волосы и накручивать локоны.

Вера Алексеевна, по просьбе Сергея, положила розы в таз с водой. Она вытурила мужа в другую комнату переодеваться. В слезах Люся даже не успела оценить цветы. Все торопились. Скоро придет машина и повезет молодых в загс.

А потом было все, как в тумане. Откуда-то появилась мать Сергея в пестром кримпленовом платье, свидетели Шура Полтавский и двоюродный брат Люси уважаемый врач Саша Двинов. Они подвели Сергея к столу, где надо было расписываться. А он все с раздражением думал, какой скупой отец у Люси - потребовал у фотографа не делать много снимков молодых. Лицо Люси было бледным, блее восковых роз в ее руке.

Да было ли все это на самом деле?

Даже свадьбу толком не запомнил. Больше заметила мать.

«Свадьбу организовал отец, писала мать. - Я отдала 200 рублей, сколько было. Больше ничего не делала. Да они, видимо, считали, что это не моего ума дело, как я после убедилась. На свадьбе было тридцать человек. Народ все шепетильный, даже очень. Одно слово - москвичи. В основном были ее знакомые и родные. А нас-то всего четверо: Надежда с Сашей и я со Славой Теняковым, твоим другом. Где он сейчас? Что-то ты о нем молчишь, не пишешь.

Гостей, конечно, я не знала, кроме Наташи и четы профессорской...»

Перед глазами Сергея проплывали лица гостей за столом в ресторане «Арбат». Они пили, ели, шумели, веселились. Кто-то затянул песню, все подхватили ее. Сергей пел, дирижируя невольной рукой, как все на астраханском застолье.

Но правил праздником другой, хмурый человек, который в основном молчал. «Внешне свадьба проходила хорошо. Но это - видимость. Все порядком окосели. Поэтому и танцевать пошли. Уж прыгали, прыгали. Даже Максим Михайлович ухватил меня и стал прыгать, как козел, и все кричал мне в ухо:

- У меня с вами танец хорошо получается.

А сам все ноги мне оттоптал. Но зато танцевал!»

Профессор был за Сергея. Все остальные - против. Даже Люся.

«Веселились хорошо. Но если бы не были хмельные, то, вроде меня, заметили бы всю неприязнь к нам с тобой, - продолжала с обидой мать свое письмо. - А уж меня затыркали - я и не знала, куда прибиться».

Мать, как всегда, в своем репертуаре: если она не глава компании, то с обидой чувствует себя самым последним человеком в ней.

« Подошла к отцу. Он сидел в углу, когда начали танцевать, и плакал, причитая, что загубила она себя. Мне поневоле пришлось отойти, чтобы не возмутиться. Видимо, она очень настойчивая, что отца не послушалась».

А что, он был не прав? Разве не загубила?

Люся - упрямая, Сергей это заметил еще во время «сватовства».

«Ничего, - подумал, - я тоже упрямый».

Вот и нашла коса на камень.

“В общем, нас с тобой отец видеть не мог. Ее мать это скрывала, а может, на самом деле уважала. А отец готов был наплевать в глаза, да повода мы не давали, пресмыкались перед ним”.

Уже тогда, за свадебным столом, мать Люси открыла сидящей рядом с ней тетке Сергея:

- Я вам прямо скажу, Надежда Семеновна, обижайтесь - не обижайтесь, а Сергей ваш не достоин моей дички. Не пара он ей.

- Почему же не пара? - опешила тетка.

- Не видный и... неудачник.

Тетка десять лет молчала - не хотела раздражать Сергея. И лишь когда молчать уже не было смысла, призналась ему:

- Юрий Семенович, по словам Веры Алексеевны, хотел для дочери более подходящую партию. Она мечтала выйти замуж за человека старше ее. Отец не видел в тебе, Сережа, основательности. «Этот вертопрах, вместо того, чтобы работать инженером по специальности и делать карьеру, лодыря гоняет в информационном отделе. Все считает себя великим журналистом и поэтом», - передразнила она Веру Алексеевну.

А Сергей на свадьбе подошел к угрюмому тестю, присел пред ним на корточки и сказал:

- У меня с детства не было отца. Можно, я буду называть вас “папой”?

И как плеть, хлестнули слова Юрия Семенович:

- Называй, если сумеешь заслужить.

Потом Сергей забыл об этом. Память не любит неприятностей.

“А меня освистал кто-то, - продолжала письмо мать. - Сказал за моей спиной:

- Выпьем последнюю и за его толстомясую.

Ну, Бог с ними.

Вызвали два такси. В одно вы сели, молодые, а в другое - они вчетвером. Надежда с Сашей уехали, видимо, раньше. Я их не видела. Меня даже не пригласили домой к профессорше, считая, что негде спать в трехкомнатной квартире. И мы со Славой Теняковым двинулись пешкодралом, на одиннадцатом номере. Через всю Москву добирались на каких-то трамваях, последних. Убей, не помню, где ехали. Он не знал, где ты живешь, да был пьяный. Но я умею много спрашивать. Язык до Киева доведет. Прибыли мы в твой “угол” в Коптево в два часа ночи. Но я опять не была обижена. Только бы ты был счастлив. Но, увы и ах!”

Господи, сколько же хлебнула мать из-за моего невнимания к ней! Слышу сердце только свое. Да кто же с таким может быть счастлив!.. И опять везешь ей горе.

Близкие люди - плохие свидетели. Но в деле о разводе без их показаний не обойтись.

Сергей посмотрел на раскинувшиеся за иллюминатором бесконечные снега облаков. Какая радостная, ослепительная белизна! Она - само счастье. Такой же свет, наверное, видит душа, улетающая от тела.

А с земли - это хмурые, черные тучи. Вот две стороны одного явления. Если бы всегда знать оборотную сторону вещей, тогда бы легче было догадаться о сути. Но для этого надо смотреть на вещи не только снизу, но и подниматься над ними.

Беспомощны наши рассуждения. Не умеем думать. Темнота.

Астрахань на набережной, прищурясь, смотрела на закатное солнце. Сергей с удовольствием размеренно загребал веслами радужную воду реки. Это его ритм жизни. Лодка спокойно скользила по волжским волнам.

Люся в купальнике сидела на корме. Ее молчание казалось каким-то отчужденным от всего, что творилось вокруг. А творилась - красота.

Под мостом навстречу шел катамаран. Два судна скрепили бок обок - и стало устойчивее и надежнее. Вот так - и супруги, только нужны надежные связи.

От катамарана пошла на лодку косая, отливающая закаленной сталью волна. Сергей замешкался и не успел направить нос лодки поперек волны. Брызги взлетели над бортом - и у Люси за спиной на миг мелькнули радужные крылья. "Херувимчик".

А в ее глазах светилась печаль, да еще с каким-то отчаянием и вызовом. Слова отца о Сергее делали в ее душе свое дело? Но от этого лицо стало еще привлекательнее.

Радость - кратковременна, горе - затуманивает свет. И только грусть - долгое и глубокое утешение уму и сердцу, поэтому и делает человека красивее и богаче.

- Нравится? - спросил Сергей, кивнув на зеленую кущу пляжного острова, над которым зависло ярко-оранжевое закатное солнце.

- Нет, - нервно разжала маленькие губы чуть не плачущая Люся.

О чем она плачет?

- Глупышка, - улыбнулся Сергей. - Что может быть красивее волжского заката?

И вдруг лицо жены на глазах стало меняться. Тонкие очертания губ, острого подбородка огрубели, крылья носа раздулись, взгляд стал угрюмым, чужим. Лицо дурнушки наплывало на Сергея, как в стереокино.

"Ведьма!" - испугался Сергей.

Такое наваждение повторялось несколько раз на протяжении десятилетия их совместной жизни.

- Давай, к берегу! - сорвавшимся на фальцет голосом попросила Люся.

Табаня одним веслом и загребая другим, Сергей суетливо повернул лодку к пристани.

После Москвы родной город Сергею казался маленьким, дома - приземистыми, серыми. Но все равно родное было дорогое. За два часа они обошли все его любимые места. Сергей показывал жене Большие Исады, где когда-то мальчишкой торговался с каждой татаркой, покупая бабушке Анисьи лук или редиску, чтобы сэкономить пятак на мороженое. Показал Ямгурчевский мост, с которого ловил “немецкой” сеткой рыбу и продавал ее, растягивая звонким голосом:

- Ко-ошке ры-ыбы!.. Ко-ошке ры-ыбы!.. Кучка - гри-ивеник!..

Показал дом на Огаревой улице, который по-прежнему считал отчим домом, хотя его пришлось продать из-за скандалов дяди Саши с матерью. Этот единственный мужик в бабьем царстве его семьи, женившись на его тетке Наде, привел дом в порядок. Сергей помогал ему обшивать стены досками - вагонкой, строить веранду, покрывать крышу шифером. Оттого дом стал ему еще ближе и дороже.

Какой уж вздорный характер у дяди Саши, но прожили с теткой около сорока лет. А ни матери, ни Сергею создать крепкую семью так и не удалось.

Тутовые деревья у дома обкорнали. А бывало, в детстве, Сергей забирался на самую макушку дерева и срывал огромные, в полпальца ягоды тутовника. Руки становились чернильными, а лицо, как у индейца. И с вершины тутовника Сергей на весь Ямгурчев по-тарзаньи, и мальчишки округи признавали, что кричал он лучше всех, как настоящий Тарзан.

Все это было радостно вспоминать и рассказывать Сергею, но неинтересно - Люсе.

Много знакомых встречалось молодым на улицах. Как будто все специально вышли для встречи. Одним Сергей просто кивал, к другим, однокашникам, подходил, знакомил с Люсей.

Сергею и в голову не приходило, что Люся чувствовала себя, как среди туземцев племени шурум-бурум.

Она протягивала для приветствия тонкую белую руку, так отличающуюся от прокопченных солнцем рук астраханцев.

- Очень приятно... Спасибо... Погостить...

Саша Пекарев кинулся к ним с противоположного тротуара. Рыжий, как всегда, полез целоваться. Хотел поцеловать и Люсю, но она быстро протянула ему руку, скорее для защиты, чем для приветствия.

- Зайдите к нам, - приглашал просительно Саша. - Вы надолго?

Сергей рассорился с закадычным другом детства Сашей, когда тот женился на такой же конопатой девчонке, отвадившей его почти от всех друзей.

Это потом Сергей стал понимать, что семья выбирает и друзей женатых. Чтобы дружить семьями. А холостяки остаются для любовного треугольника.

Но тогда Сергею не хотелось терять друга, и он решил с ним объясниться, пригласил зайти в кафе. До сих пор жгли душу его слова:

- Да я тебя с сопливого детства за человека не считаю. В уличные игры ты с нами не играл, все за бабушкин подол держался. Когда только было скучно, я приходил к тебе. Ты из себя мнишь не знамо кого. А сам не значишь больше вот этой пепельницы.

Сергей придавил в стоящей на столе пепельнице окурок, вынул деньги, встал из-за стола и еле сумел выдать:

- Спасибо за откровенность. - И вышел из кафе.

Когда Сергей разошелся с Ириной, Саша пришел к нему домой на Огарева. Посочувствовал. Вроде, примирились. Но дружбе - конец.

У драмтеатра встретили Славу Тенякова. Он был дома на каникулах. Вид затрапезный. Не скажешь, что художник. В свое время Сергей устроил его в местную изостудию, потом сагитировал поступить в подмосковное художественное училище.

За все это и получил по носу.

Однажды, когда, как обычно, пришел к нему в гости, услышал, как его мать нарочито громко сказал в коридоре:

- Что он здесь делает? Заманивает уехать от семьи? Свою развалил - и твою хочет?

Самое горькое было то, что Слава промолчал. Сергей быстро засобирался. У Славы потом выяснил, что тот, погуливая от жены, говорил, что ночевал у Сергея. Вот мать и возмутилась.

А сейчас Слава поцеловал руку Люси и пригласил в гости к матери. Так и развелся с женой.

- Да мы уже скоро уезжаем, - извинился Сергей за отказ от приглашения. - Давай встретимся в Москве.

Простившись со Славой, Люся надула маленькие нежные губы и вцепилась в ствол пирамидального тополя:

- Больше никуда не пойду. У тебя вся Астрахань знакомая. Водишь меня, как слона на показ.

- Да ты что, малышенька? - удивился Сергей. - Какой же из тебя слон? Ты мышка, которую слон боится. - И рассмеялись оба. - Да это не Москва, где за год можешь не встретить в толпе знакомое лицо. Конечно, тебе не привычно. Ну, хоть к Шуре Маеву ходим. Тут рядом.

- К Шурочке? - просияла Люся. Он хороший мальчик. С ним интересно... Но в другой раз, я что-то действительно устала от этих бесконечных встреч.

Дом матери всегда был открыт для людей. Жили бедно, но за стол без гостей не садились. Так было и при бабушке Анисье. Хоть и крутилась она, бедная, без мужа с оравой дочек, всю жизнь стирая на людей, а гостеприимной была. Хорошо угостить всем, что есть в доме, - было гордостью и для матери, и для Сергея.

Мебель у матери - старая, наследственная. Кровать железная, с шариками на спинках, которые в детстве любил Сергей отворачивать. Хромая горка для посуды - с резным кокошником. Дверцы ее Сергей умел открывать ножиком и "блудил", как выражалась бабушка Анисья, конфеты, подушечки. Сундук кованый, полупустой, на котором Сергей ночью спал, а днем сидел, вертясь, не зная, куда девать ноги, чтобы удобнее было есть за придвинутым к нему столом. Так верченным и вырос. Стол большой, с резными ножками, который его заставляли протирать мягкой тряпкой, смоченной в керосине. Этажерка с книжками по математике для учителя средней школы все пахивала кошкой, хотя давно ее не было в доме.

Мать рассказывала Сергею, как один из женихов, глянув на ту этажерку, удивился:

- Ни одной художественной книжки в доме нет?

Мать смутилась, оправдываясь тем, что книги берет в библиотеке. Мать много читала, а за ней библиотечные книги читал и Сергей.

Самодельные дорожки по полу, салфетки на венских стульях, занавески на окнах, с набивным рисунком, который мать выбивала сама на старой машинке "Зингер" с трепкой нервов и проклятиями: "Вот идиотство!"

Все это осталось от отчего дома в кооперативной квартире матери. На Люсю такая обстановка дома действовала угнетающе.

Зато пироги бабушка научила свою дочь печь хорошие.

И на этот раз пирог получился большой, румяный, с капустой и судаком - свежим, душистым.

- Ешьте, ешьте, пока горяченький, - говорила мать излюбленную свою фразу, подкладывая кусок за куском Сергею и Люсе. Он ел пирог с вилкой и ножом - это шокировало Люсю.

"Что бы она сказала, узнав, что в доме бабушки такой пирог еще поливали разбавленным уксусом?" - подумал Сергей, разливая вино в фужеры.

Гости быстро захмелели, больше от обильной закуски, чем от сухого вина. Стол ломился. В основном были рыбные блюда: заливной судак (так по-астрахански называлась рыбы под маринадом), запеченный сазан с овощами, осетровый балык собственного засола, черная икра... Невероятно, но все это было в меню астраханцев в те недалекие времена, хотя бы на праздники.

Но Люся не любила рыбу, а налегала в основном на икру.

- А теперь споем, - предложила Антонина Семеновна. - Ну, с какой начнем? Сережа, запевай!

*Каким ты был, таким остался,
Орел степной, казак лихой...*

И полилась песня, любимая матерью и саднящая ей душу. Мать связывала свою судьбу с этой песней, но вряд ли осознавала до конца, что поет о своем первом муже, донском казаке, отце Сергея. Да и не простила его, хотя и пела:

*Каким ты был, таким ты и остался,
Но ты и дорог мне такой...*

Сергей обнял Люсю, легонько положил руку на ее плечи и шепнул ей на ухо:

- Подпевай.

- Не умею, - высвободила она плечи из-под его руки.

Что правда, то правда, подпевать она не умела, сводила мотив. Хотя знала наизусть многие популярные оперные арии. А задушевные простые русские песни казались ей чужими, примитивными.

- Давайте, знаете какую споем? - предложил Сергей, когда казака лихого отпели, и начал:

*За дальнею околицей,
За молодыми вязами
Мы с милым расставались,
Клялись в любви своей...*

Все подхватили песню с удовольствием, особенно мать. И Сергей знал, почему.

Он, еще мальчишкой, как-то нашел тетрадку, в которой мать в юности записывала любимые ею песни. И выучил все, включив с вой интимный репертуар. Не только за столом, он пел их и на школьной сцене, и на институтских вечерах, и просто потихоньку на улице, под настроение, когда никого рядом не было, и шум машин заглушал его тихое пение. Как-то увидел на Садовой улице в Москве воробья, открывающего рот - чирикает, а из-за шума машин его неслышно - и понял, что сам такой же, когда поет песни под уличный шум.

Мать неожиданно в середине песни всплакнула.

- Ты чего, мама? - встревожился Сергей.

- Да ничего. Сама не знаю, - сразу улыбнулась она, смахнув слезу с левой щеки.

- Давайте Анисину какую споем, - предложила сестра бабушки Анисьи - тетя Оля, по привычке потирая вечно нарывающий пористый нос, - “Стаканчики граненые”.

- Хватит, небось, стаканчиков-то тебе, - подмигнула ей баба Шура, поправляя мышинные хвостики, оставшиеся от пышных когда-то кос. Жиденький сплетенный венок теперь у нее на голове, а раньше была корона.

- Да? - приняла шутку, пожав плечами, тетя Оля. - Да я, сестренка, навроде, меньше тебя выпила.

*Стаканчики граненые
Упали со стола.
Упали и разбились.
Разбита жизнь моя... -*

затянула баба Шура так резко и нескладно, как дребезжание граненых стаканчиков, и с таким серьезным выражением глаз, вытаращенных в темную свою даль. И все у нас песни про разбитую жизнь - как живем, так и поем. Гости быстро поддержали бабу Шуру - и спасли песню. И как бы догадавшись о мыслях сына, мать Сергея спохватилась:

- Что мы поем про какую-то разбитую жизнь? Ну ее к Богу в рай!

- Правильно!.. Нечего!.. Живите дружно, мир вам и лад, - подняла чашку вместо рюмки баба Шура - она уже давно перешла на чай.

Тетя Оля и тетя Шура, родные теки Калерии Семеновне, относились к ней как к родной дочери. Обе пережили двух своих мужей, схоронили не одного малолетнего ребенка и коротали жизнь в одиночестве.

Из всех двоюродных племянников и племянниц они выделяли Сергея и считали его за родного сына. “Ласковый теленок двух маток сосет”, - говорили они про него. Благодаря ним Сергей понял довольно рано, что больше удовольствия получаешь не тогда, когда принимаешь подарки, а когда даришь сам. Хотя дарить ему обычно было нечего.

Однажды он шикнул и подарил бабе Шуре, своей крестной матери, часы с кукушкой. Пока их нес, все представлял, как всплеснет жилистыми руками крестная, как будет с гордостью говорить соседкам:

- Внучек подарил, да-а!

И так ему стало хорошо и тепло на душе, что комок подкатил к горлу, а к глазам - жар. Хотя, если разобраться, невелик подарок. А сколько крестная передавала ему за жизнь рубчиков на мороженое, сколько обновок купила ему на проценты с тех денег, которые заработала она на черный день на Сахалине по вербовке.

- Ты ешь пирог-то, Ирина, - обратилась опрометчиво тетя Оля к Люсе.

- Да Люся она! - тревожно поправила ее мать.

- Люся! - спохватилась тетя Оля. - Ума нет, старые стали, - показала она пальцем на висок.

- Я ем, ем, тетя Оля, - улыбнулась ей Люся, отщипнув кусочек пирога.

Спели еще любимые песни бабушки Анисьи. А она глядела на гостей с портрета над столом, оперев лицо на пальцы правой руки, и думала свою горькую думу о судьбе своей оставленной давно на земле не очень-то счастливой семьи. И жалко было ей, что не нажила им в наследство фамильного счастья. А разве наживешь в подавальщицах при купеческом столе? Разве виновата она, что и нужда передается по наследству?

- Топнем! - подлетела тяжелой птицей к проигрывателю Антонина Семеновна и, сгорбившись, склонилась с прищуром над пластинкой.

Вальс «Букет цветов» - букет моей бабушки! - подхватил гостей с шаркающих стульев и закружил по вытоптанному годами ковру. Сергей танцевал с Люсей, мать с Форой Михайловной, Сашка рыжий со своей матерью Васеночкой. Топтались на месте и все не могли попасть в такт музыке тетя Оля и баба Шура. Фора Михайловна старалась тайком от Люси показать Сергею большой палец, мол, хорошую девушку отхватил.

«Что она сказала бы сейчас?» - подумал Сергей, глянув опять в иллюминатор самолета на пустоту неба.

«Стали они жить-поживать и добра наживать». Так заканчиваются все сказки. Да и некоторые романы. Только возлюбленные, претерпев все невзгоды, женятся - и авторы заканчивают произведения. А на самом деле с этого «жить-поживать» только и начинается история любви - и сказка этого извечного чувства часто превращается в сермяжную прозу.

Люся в медовый месяц ластилась к Сергею, но ему эти ласки казались неестественными, приторными.

Сам по себе человек ласковый, он оставался холоден к ее поцелуям и объятьям. Да он и не умел ласкаться, как не умела его мать, прожившая за всю жизнь лишь два года в замужестве. И мать с детства не знала ласки от своих родителей. Отец ее недолюбливал. Мать вечно была занята: то родами, то младенцами - двенадцать дочерей родила! - то бесконечными хлопотами по своему и чужому хозяйству, живя смолоду в прислугах у дальних богатых родственников.

Люся все тормозила Сергея, пытаясь разбудить в нем теплые чувства. В трикотажном длинном, до полу, халате, облегающем ее фигуру, она танцевала перед ним, как гурия, вся извиваясь, покачивая бедрами, шевеля плечами, кокетливо сверкая глазами, все такими же красивыми для

него, как и при первой встрече, раздувая тонкие ноздри, воздевая извивающиеся руки к потолку...

А Сергей сидел как истукан, стараясь улыбнуться, и отводил глаза от ее пристального взгляда, как в день сватовства.

Почему?

Люся, взволнованная, запыхавшаяся, садилась к мужу на колени, свертывалась калачиком, прижималась к нему, как маленькая девочка, чмокала тонкими губами, ожидая поцелуя. И он целовал ее... как ребенка.

Потом Сергей осознал, что означали неоднократные признания Люси:

- Мечтала выйти замуж за мужчину старше меня лет на десять, а вышла за мальчишку, младше меня на полтора года.

Только ли на полтора? Сергей выглядел намного младше своих лет.

Видимо, Люся была так воспитана. Родители были в возрасте, когда она родилась. Этим и объяснялся ее первый вопрос-признание: «Ты меня будешь защищать?»

- И ты не был предназначен ей, - после развода сказала тетя Надя. - Я тебе как врач говорю. Ты инфантильный, тебе нужна жена младше лет на десять.

Если этому верить, то первый раз Сергей женился тогда, когда его настоящая невеста еще была в отроческом возрасте, а второй раз - когда едва закончила школу.

Однако у Сергея были тайные основания не доверять порывам Люси. Память сверлили слова Шуры Полтавского:

- Люся до тебя была увлечена коллегой по работе, даже стала учить итальянский язык, который он знал. Но ты пересилил своего соперника. Держи хвост трубой.

И Люся продолжала изучать итальянский язык, который преподавал самодеятельной группе тот самый соперник.

В руки Сергея попало письмо от Люсиной подруги из Новосибирска. Досужий до чужих тайн, он не выдержал и прочитал это письмо.

Ревностью полоснул сердце вопрос подруги: «А как с В.М., или ты продолжаешь увлекаться им?» Сергей не признался в своих сомнениях жене, но они отравляли их поцелуи. Ко всему, не первая жена не научила его целоваться, ни вторая.

И все-таки медовый месяц оставался медовым. Жили они дружно, притерлись друг к другу. И в этом была, конечно, большая заслуга Люси, как потом понял Сергей. Она боролась за свое позднее счастье, вооруженная наглядным примером семейной жизни ее матери Веры Алексеевны и отца Юрия Семеновича, которые прожили почти сорок лет вместе. И до старости вечная домохозяйка Вера Алексеевна ласково звала своего мужа Юрочкой, хоть характер у него был не из легких.

Однажды подруга Люси, та самая Наташа, которую Сергей не выбрал на смотринах, глядя на медовое воркование молодых, расплакалась и убежала.

- Что это она? - спросил Сергей в недоумении.

- Не знаю, - смутилась Люся.

И только через несколько месяцев Сергей получил косвенный ответ на это непонятное событие.

- Малышенька, - начала разговор Люся и замялась. - Наташа хочет ребенка.

- Я готов, - неуклюже пошутил Сергей.

- Я тебе! - погрозила ему Люся. - Нет, я серьезно. Может, кто-нибудь из твоих ребят?.. Давай ее познакомим со Славой Теняковым. Даже если у них не получится семейная жизнь... Наташа к нему не будет иметь никаких претензий. Просто она боится остаться одна. Хоть ребенок будет рядом.

Сергей ошалело смотрел на Люсю. Как можно вообще обсуждать, планировать, просить такое?.. Вот так Люсенька!

Зоя Ивановна Вдовенко, начальник отдела информации треста, на собрании, раздавив окурок папиросы в пепельнице-черепашке, сказала?

- Сергей Константинович, коллектив решил на этот раз лишить вас премии. Как вы считаете?

- Не знаю, - пожал плечами Сергей, не видя от захлестнувшей глаза обиды ничего перед собой. - Считаю, что вы поступаете самым бессовестным образом.

В комнате все сотрудники замерли. Знали, что Зоя Ивановна старается избавиться от Сергея, как избавилась недавно от больного редактора Татьяны Дмитриевны. Как может избавиться от любого из коллектива, который якобы «считает». Но такой дерзости от Сергея никто не ожидал. Опешила даже сама Зоя Ивановна, женщина властная, бесцеремонная, не терпящая не только критики, но и любого проявления самостоятельности от подчиненных. А тут такая дерзость, да еще при главном инженере треста, который решил остаться на собрании отдела.

- Ну что же... - только и смогла она сказать.

- Финансовый план квартала выполнил фактически за весь отдел один я, редактируя заказные технические отчеты, - продолжал Сергей. - А премию получит весь отдел, кроме меня.

- Кто за то, чтобы лишить Карина премии? - спросила быстро Зоя Ивановна, закурив новую беломорину, и первая подняла руку.

Все, отводя глаза от дерзкого Сергея, тоже подняли руки.

Марионетки!

- Ты, Сергей, и сейчас ведешь себя вызывающе, - вступилась за начальницу подлипала Антонина Петровна. - А сам ведь небезгрешен: отказываешься выполнять распоряжения зав сектором.

- А кто зав сектором? - откинулся порозовевший от возмущения Сергей на спинку стула.

- Я, - улыбнулась торжествующая Тонечка.

- Какой вы, Антонина Петровна, зав сектором, когда ничего не хотите, да и не умеете делать, кроме разве кофе сварить для Зои Ивановны? - махнул рукой Сергей.

- Вот видите, какой он? - показала на Сергея широким жестом главному инженеру обрадованная проколом грубияна Зоя Ивановна.

- А правда, чем у вас занимается Антонина Петровна? - неожиданно для всех спросил главный инженер, задумчиво теребя свои черные усики под крючковатым носом.

Это был удар в сердце Антонины Петровны. Она вспыхнула и вылетела из комнаты. Зоя Ивановна стала что-то мямлить о ее исполнительности, но обязанностей ее так и не назвала. Просто Тонечка была подругой начальницы.

- Вы разберитесь с этим вопросом, - вздохнул главный инженер и, сутулясь, пошел к двери. - А лишать премии нужно более обоснованно. - И ушел.

Зоя Ивановна поспешила закрыть собрание.

Для всего отдела было ясно, что Сергей сломал наступление Зои Ивановны. Но премии его все же лишили. Вымещая месть на правдоискателе, начальница предложила ему подать заявление об уходе, если ему не нравятся руководители сектора и отдела. И опять Сергей ошечинился.

- Здесь вам не частная лавочка, - сказал он. - Я уйду, когда мне будет нужно, а не потому, что вы этого хотите.

И Зоя Ивановна на какое-то время от него отступилась.

А правлению Тонечки пришел конец. Она выглядела жалкой и притихшей, как тогда, когда рухнул миф о ее прекрасной семейной жизни.

Раньше Антонина Петровна любила похвалиться, как муж приносит ей кофе в постель, прощает любовные шалости, лишь бы она не бросила его, чуть ли ни стирает ей белье.

Бедная женщина, нашла чем гордиться.

Но однажды все услышали разговор Тонечки по телефону с сотрудником мужа.

- Можно попросить Леонида Ивановича? - бодро спросила Антонина Петровна. - Как в отпуске?.. А куда уехал?.. В Крым?.. Его жена... А он и не мог сказать, я была в командировке... Спасибо. До свидания.

Тонечка бросила трубку и глянула на притихших сотрудников. Все знали, что в командировки Тонечка никогда не ездила. Не было этих командировок.

- Теперь придется варить кофе самой по утрам, - забегал поросычьими глазами ухмыляющийся Харитонов.

Тонечка разрыдалась.

- Олег, как жестоко! - патетично возмутилась пухленькая Раечка.

- Пусть не рассказывает про мужиков небылицы, - огрызнулся тихо Харитонов. - Трусы ей стирал...

- Почему небылицы? - закричала Раечка, надувшись, как мячик. - Разве вон Сергей Константинович не так любит свою жену? И туфли ей покупает сам, и за продуктовыми заказами бегают, и ласково говорит с женой по телефону.

- И он, и все мужики - сволочи! - крикнула сквозь слезы Тонечка и выбежала из комнаты.

Сергея удивило, что сотрудники заметили, как он относится к жене, а Люся - нет.

Антонина Петровна долго ходила понурой, пока начальница не сделала ее заведующей сектором. Сергей надеялся на эту свободную должность. Но Тонечка сказала ему с тонкой ухмылкой:

- Ты же не хочешь лизать задницу начальнице. Кто же тебя повесит?

Сергей на это только рот раскрыл. Неужели это и есть - ладить с людьми?

После собрания, где даже Зоя Ивановна не смогла ее поддержать, Антонина Петровна вскоре уволилась с работы.

Люся очень огорчилась, что Сергея лишили премии. Бюджет их был и так небольшим. А хотели на премию справить день рождения Сергея - тридцать лет.

- Ничего, обойдемся, испечем пирог, - успокаивал Люсю Сергей.

- За что боролся, на то и напоролся, - вздохнула жена. - Много гостей теперь не зазывай.

- Хорошо, малышка, - поцеловал ее Сергей, досадуя, что она не пожалела его, а пожалела деньги.

На пирог пришли Виновские, двоюродная сестра Люси - парикмахерша Римма, Полтавские, Слава Теняков. Зная, что Слава поест любит, Сергей предложил ему вторую тарелку супа, потом хотел добавить котлет.

- Ничего, спасибо, мне хватит, - прикрыл жилистой пятерней тарелку Слава.

- Все на столе, а руки свое, - смущенно шутила Люся.

Максима Михайловича Виновского застолье всегда заставляло запеть какую-нибудь украинскую песню. И сейчас он первым затянул:

«Запрягайте, хлопцы, коней...»

Сергей тут же ему подтянул, хотя с трудом мог сопротивляться партнеру по дуэту, чтобы не сбиться с мотива и ритма.

- Хорошо поет, - сказала Римма, кивнув на Сергея. - Видать, общительный зять. Может, чаще будем встречаться. А то Кисточки эти все в себе. И родных не привечают, и в гости не любят ходить. А как хорошо вот так-то повстречаться, поговорить, попеть.

- Когда нет больших радостей, - прервал пение Сергей, - можно доставить себе несколько маленьких удовольствий, - и как будто большую радость испытал.

- У вас, мужиков, одна радость - нажраться, - выпучила глаза дородная профессорша Ирина Сергеевна, подкладывая мужу вареную осетрину, которую прислала мать Сергею на день рождения. - А мы, бабы, только и делаем, что ублажаем вас, сволочей. - И раскатисто расхохоталась своей шутке. - А что? Не так? - наклонилась она через стол к Сергею. - И ты такая же сволочь.

Сергею стало жарко

- Дура ты и есть дура! - отодвинул от жены тарелку Виновский.

- Дура, конечно! - обернулась к нему жена. - Потому что бросила институт ради твоей докторской диссертации. Только для тебя и прожила век, работая простой библиотекаршей. А так бы тоже стала кандидаткой, как вон Люся будет.

«Вот эта Ирина Сергеевна и внушила Люсе ненависть к мужчинам, - подумал Сергей. - Ведь с детства жили рядом, почти сроднились».

Вспомнилось, как после брачной ночи Люся нажарила полную сковородку мяса с картошкой, и он один почти все съел.

- Ну и аппетит у вас, у мужиков, - всплеснула руками Люся. - Я думала, нам на несколько раз хватит.

И потом постоянно повторяла:

- Если бы не ты, я бы на одних бутербродиках прожила.

И всегда эти слова больно кололи самолюбие Сергея, как будто он нахлебник.

- Нет, Сергей - хороший парень, я за него поручился свидетелем в загсе, - обнял друга Шура Полтавский, чтобы разрядить обстановку за праздничным столом.

- Мой кузнечик вообще мало ест, - пожаловалась Лора на своего мужа. Отпаиваю его пивными дрожжами, а все равно худой. Ни в коня корм.

- А мы, было, решили по-английски по утрам овсянку есть, - включилась в разговор Люся. - И дешево, и сердито. Но уж с чем только ее не пробовали - и с маслом, и с молоком, и с вареньем. Больше сил нет. Видеть ее не могу! А Сергей ест, хоть бы что.

- Он неприхотливый, - подмигнул с улыбкой другу Слава.

- Ну а теперь - чаю? - стала собирать со стола грязные тарелки Люся. Сергей встал ей помочь.

- А где же пирог? - взмолился Слава. - Я все место берег для пирога.

- Вот и пирог, - внесла блюдо Люся.

На блюде лежали тонкие кусочки песочного пирога с лимонными цукатами.

А-а, - разочарованно протянул Слава. - Я думал, как у твоей матери, Сергей, пирог с капустой и с мясом. Помнишь?

- Мама приедет, сделает, - смутился Сергей.

- Они пекут большую кулебяку, с противень величиной, и едят ее с уксусом, как туземцы, - фыркнула Люся. - И называют пирогом.

Сергей еще утром попросил Люсю испечь бабушкин пирог. Но она, подметая пол, разрыдалась.

- Ты что, плачешь?

- Почему ты не посоветовался со мной, пригласил Славу и Полтавских? - подняла она заплаканное лицо. - Чем я буду всех угощать? Где взять мяса на такое ваши пироги?

- Да обеда хватит и без пирога, не расстраивайся.

- Что хватит? Вы привыкли в своей Астрахани накормить гостей от пуза, а потом до получки долги набирать.

- А как же не угостить? Неудобно как-то. И сами в гости пойдем.

- Не по средствам живете. Вот и в долгу, как в шелку. А я не могу так. Вот и кручусь, чтобы не попрошайничать.

Скупость жены Сергей осуждал.

Как только въехал в квартиру и начал убирать в комнатах - понял, что она - из Плюшкиных. Столько разного ненужного барахла по углам и тумбочкам гнило, уму не постижимо. Какие-то банки с позеленевшим вареньем на дне. Рваные туфли и босоножки, провонявшие прелью. Битые чашки и фарфоровые безделушки. Глеющие от сырости и ветхости с затекшими разводами салфетки и тряпки. Сергей собрал три мешка этого мусора и отнес на помойку.

Он был доволен собой, чистюлей. Все вычистил, выскоблил. А старые, источенные жучками и засиженные клопами тумбочки и полочки вынес во двор.

Единственное сомнение в своей расправе остановило его выбросить безделушки, склеенные и отбитые. Он снял их с трюмо и секретера и сложил в посылочный ящик, засунув его на опустошенные им антресоли.

Сразу стало как-то светлее и чище в комнатах.

Люся пришла с работы, как всегда, поздно. Увидела эту чистоту ... и разрыдалась.

- Ты выбросил самые мои любимые ботинки, - кричала она, бегая по комнатам. - Я только в них и хожу в лес. Они же такие удобные.

- Не плачь, я их сейчас принесу, - успокаивал жену Сергей.

И пошел, на ночь глядя, на помойку, копался, чертыхаясь, в мусорном ящике, нашел эти злополучные гнилые ботинки, вымыл их и принес Люсе.

- А где мои зайчики, мои старинные монеты? - встретила его потрясенная горем Люся. - Рамочки, которые я сама выпиливала маме? Все выбросил? Кто тебя просил? Ну, кто?

Сергей достал с антресолей ящик с ее бирюльками, радуясь, что ума хватило не выбросить и этот хлам.

- Все здесь, - решил не сдаваться он. - Если тебе будет нужно, возьмешь. Но не расставляй все это по полочкам. Опять в квартире будет сарай. И вообще, разбитое, треснутое - к несчастью.

- Я тебе никогда этого не прощу, никогда! - плакала Люся над своими игрушками, перебирая их в ящике - все ли осталось от погрома.

Но потом все так и оставила, и ящик годами стоял нетронутым на антресолях.

И не понимал Сергей, что он бесцеремонно разрушил среду обитания своей жены. А эту жестокость оправдывал наведением порядка. Туземец!

“Право, туземец!”, - подумал Сергей в самолете, вспомнив, как припечатал его этим словом один из знакомых поэтов...

- Ты уж извини, что у меня так совалось с языка о мужиках, - сказала Ирина Сергеевна, целуя Сергея на прощание, - сказала Ирина Сергеевна, целуя Сергея на прощание. - Но не будь таким. У нас Люсенька - хорошая девочка. И мы, хоть и соседи, но уже тридцать лет к ней относимся, как родные. И Люся нас за родных почитает. И к тебе так будем относиться, только живите дружно, и ссориться не нужно, - улыбнулась она с виноватым видом. - Видишь, я тоже стихами заговорила. С кем поведешься.

- Все нормально, - сказал Сергей. - Спасибо, что пришли.

- Ничего, - пожал руку Сергею профессор, - он тоже скоро рублей по четыреста будет получать. Да стихи начнет печатать. Не вешай носа, Сергей. До свидания.

Гости ушли. Люся села за неприбранный стол, грустно вздохнула.

- Одни книжки подарили, только тетя Ирочка - бумажник.

- Ценность книг с годами растет, - усмехнулся Сергей.

Ночью он долго не мог заснуть. Как обычно, ждал, когда посыплется звездное пшено в глаза - и он утонет в нем и забудется сном. Наконец тело вздрогнуло, как будто выключился рабочий двигатель, и всю машину тела тряхнуло перед остановкой. Но он не полетел в звездную бездну. Как будто испугался ее - и открыл глаза. Поднялся с кровати. В лунном свете увидел на столе переплетенные его товарищем свои стихи. Собрание сочинений.

Жены рядом не было. Наверное, опять ушла на диван в соседнюю комнату. Обиделась, что наприглашал много гостей. Так и норовит спать без мужа. Зачем тогда замуж выходила. Московские прихоти.

А может, у него тоже запах, как у матери?

Сергей тихо пошел в соседнюю комнату. Люся стояла в ночной рубашке, сквозь которую проступало ее знакомое тело. И лепесточки рукавов казались маленькими крылышками. “Херувимчик”. Люся смотрела на луну в синее окно. Сергей замер в дверях за занавеской. Казалось, что она даже что-то шептала. Молитву?

Сергей вернулся в спальню. Не хотел мешать жене побыть наедине с собой. Такую Люсю он не знал. И может быть, никогда не узнает.

И его душу никто не знает. Даже он сам. Откуда знать и Люсе, что он сейчас сочиняет о ней стихи? “Тихая девочка Люся любит смотреть на луну...” Кажется, похоже на Смелякова? “Хорошая девочка Лида...” Все уже было сказано на свете.

Летний дождь освежил ночную тишину. Сергей стоял под шуршащими кронами Репинского сада и ждал Люсю. Хорошо он догадался захватить зонт, а то бы она вся промокла. Сергей любил дождливую погоду - дышалось легко, лицо разглаживалось, душа отдыхала. Это его стихия

Мы так, не задумываясь, говорим о своих пристрастиях, не подозревая, что оно - симптомы нашего нездоровья. Потому он и любил гулять в дождь, что у него сосудистая недостаточность.

Автобусы ходили редко. Площадь перед садом притихла. Изредка прошуршит машина - и затихнет за мостом через Москву-реку.

Люся теперь возвращалась домой еще позже. Работа над диссертацией затянулась, эксперименты были длительными - приходилось оставаться в лаборатории университета до тех пор, пока не выгонят опечатавающие двери сторожа. По крайней мере, так она объясняла свои задержки на работе.

Дождь был небольшой. Но там, где стоял Сергей, казалось, лил сильней, и вода струями сбегала с зонта. Он посмотрел на тополь, под которым прятался, и решил, что вода льется с листьев. Отошел к столбу автобусной остановки. Но дождь, как будто играя с ним, стал поливать его сильней и здесь. Подъехал сто одиннадцатый. Из него вышла молодая парочка. Девушка плотно прижалась к парню, взяв его под руку. Парень был весел, как и его спутница. Дождь окатил их своими прохладными тонкими струями и бежал за ними до тех пор, пока они не скрылись за поворотом, а потом опять, как собака, вернулся к Сергею.

А Люси все не было. “Я вас ждала, но вы... вы все не шли”, - замурлыкал под нос Сергей.

И песни-то одни женские в моем бабьем царстве. Лучше петь мужские, решил он.

Однажды Сергей попросил мать напомнить ему слова этой любимой бабушкиной песни, ведь она всю жизнь ждала мужа с Колымы, так и не дождавшись.

Тоже был дождь. Они не стали выходить из метро, а остановились в фойе. Зонтов не захватили, вот и решили переждать ливень. Отошли в сторонку лестнице, где было поменьше народа. И вдруг Сергей попросил мать напеть этот романс. Вечно он пристаёт со своими причудами. И мать согласилась. Слегка облокотившись на перила лестницы, тих запела:

*Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных дум и трепета полна...*

Сергей увидел, как увлажнились глаза матери, как растерянно улыбалась Люся.

*О, как же вам теперь благодарю я,
За то, что вы на зов мой не пришли!*

Сергей вздохнул, пошевелился, сел поудобнее в кресле. Ноги в самолете от долгого сидения затекли.

Как бы благодарила меня Люся, если бы Сергей не пришел в ее жизнь. Тогда бы не было и развода.

Бедная мама, так и прожила всю жизнь одинокой, в ожидании счастья. И все повторяет стихи сына, посвященные ей:

*И он придет, чтоб оценить тоску седин,
Чтоб заплатить сполна за опозданье.*

Но он все не приходит...

Сергею стало холодно. Мерзнешь здесь, как дурак, с женским зонтом, а у нее, может быть, никакой не эксперимент, а просто свидание.

“А как с В.М., или ты продолжаешь увлекаться им?”

Эта тайна не давала покоя. И ревность росла и мучила его в часы ожидания жены из университета.

Сергей быстро замаршировал взад-вперед по мокрому тротуару, чтобы согреться. Зонт он то поднимал, то опускал, как бормажор. Чекнутый! И густая полоса дождя маршировала с ним. Он погрозил ей кулаком. Будто испугавшись, дождь отбежал от него в сторону подъезжающего автобуса.

- Невесту, поди, ждешь? - услышал Сергей скрипучий голос.

- Жену, - буркнул Сергей, искоса глянув на бабку в черном платке, а сам следил за выходящими из автобуса полуночниками. Люси опять не было.

- Какой забо-отливый! - проскрипела нараспев бабка. - Не избалу-уй!
И что ей надо? Откуда она взялась?

Сергей обернулся, чтобы из вежливости что-то ответить, но бабки и след простыл.

Заботливый?

Сергей разозлился, постоял немного, глядя в пустоту, потом резко повернулся и пошел от автобусной остановки. Но, услышав, как заскулили шины, оглянулся. То не одного, то сразу два сто одиннадцатых номера. Из почти пустого автобуса выскользнула легко Люся. Он кинулся к ней.

- Что же ты так долго?

- Как всегда, - равнодушно ответила жена, взяв его под руку и спрятав голову под его зонт.

Сергею показалось, что за забрызганными стеклами отъехавшего автобуса кто-то помахал на прощание рукой.

С той дождливой ночи Сергей перестал встречать Люсю на автобусной остановке. Она пыталась корить его, плакалась, что страшно возвращаться в темноте, но он отмалчивался.

Приходи засветло.

Сергей опять посмотрел на шахматную доску на столике пред соседом. Два лагеря: черные и белые. Черные держали оборону. Черни всегда приходится обороняться от белой кости. И сейчас черные были почти все связаны. А белые их теснили. И если теряли фигуры, то выигрывали позицию.

Медноволосый брал каждую пешку за горло и переставлял, как хотел. Он-то знает, когда и чем ходить.

Люся любила походы. Особенно в компании друзей. Предпочитала активный отдых. Каждый год по туристической путевке с рюкзаком отправлялась она в Карпаты, или на Селигер, или на Кавказ. “Матрасников”, как Сергей, презирала, в дом отдыха ехать с ним отказывалась. И Сергею пришлось привыкать к походам, хотя бы по Подмосковию. Сначала подневольным. Он и не подозревал, что его тренировали на длительные маршруты. Но не знала и Люся, что с него, где сядешь, там и слезешь. Он привык отдыхать в пансионате. И, дорвавшись до воли, писал там стихи, радуясь, что служебные заботы не отвлекают его от творчества. Он любил уединение, общение с природой с глазу на глаз. А не при людях, которые вечно шумят, куда-то влекут, теребят, навязывают свою волю, взгляды, режим, рассказывают анекдоты, разводят костры и сплетни. И все это называют активным отдыхом.

Уже первый такой поход с Люсиными друзьями Сергею не понравился. Много было, вроде, интересного. Но не способен он так

воспринимать радость от природной красоты, как не способен человек оценить красоту тела, например, в бане.

Собралась компания незнакомых Сергею людей. Лишь некоторых он видел однажды в гостях у Люси, еще до женитьбы. К ним-то и старался быть поближе. Марк ему показался очень похожим на певца Лещенко, песни которого Сергей пел для своего удовольствия. Кандидат наук, пишет докторскую диссертацию, пользуется авторитетом “ведущего” у компании. Миловидная жена Валюша смотрит ему в рот. Детишки, погодки, младшие школьники, трутся возле него, как щенята. У каждого мальчишки - по маленькому рюкзаку, что вызывает у них гордость. У Сергея рюкзака никогда не было. Дорого. Он нес хозяйственную сумку с бутылкой кваса и 2бутербродиками”.

Люся разговаривала всю дорогу в основном только с Марком, казалось, забыв о примолкшем Сергее.

Когда вывалились всей шлеп-компанией из вагона электрички на станции “Турист”, Сергей был уже не в духе. Откровенно ревновал Люсь к Марку и чувствовал отчуждение ко всем ее друзьям. Пожалуй, только Валюша была здесь светлым пятном - простая, мягкая, сдержанная, привлекательная.

Марк всех повел известным ему маршрутом, обещая навести на грибы, если, конечно, ребята будут внимательными. Поодаль дороги стояли березы, притихшие, как любопытные деревенские бабы, и, глядя на приезжих, они показывали на них ветвями и о чем-то перешептывались. Но никто, кроме Сергея, не замечал этого.

Туристы бросили на поляну мяч и стали гонять его. Сергей вспомнил, как в детстве играл с мальчишками в футбол на астраханском пустыре. Из сумок сделали ворота, и Сергей неожиданно вызвался быть вратарем. Только недавно Люся обнаружила, что у Сергея искривлена переносица. Он удивился, никогда не замечал этого. И догадался, что это остался давний след от удара мячом в лицо, когда он в детстве вот так же стоял на воротах, зазевался - и вдруг мяч с такой силой ударил в лицо, что искры посыпались из глаз, и все потемнело перед ним. С тех пор перестал играть в футбол.

Даже мать не заметила, а Люся сразу обратила внимание.

А этот мяч был волейбольный, мягкий. Сергей охотно падал за мячом и катался с ним по прохладной траве, как Хомич. И что удивительно, куда бы мяч ни покатился, останавливался он около какого-нибудь гриба.

- Подосиновик! - кричал Сергей, и все подбегали с воплями к нему посмотреть на гриб и порадоваться находке. Хоть немного он оттаял.

Белых грибов было мало, а подосиновиков и подберезовиков собрали большую корзину, одну на всех. Набегавшись, умаявшись, сели на

поваленную березу перекусить. Подкрепиться. Марк достал из рюкзака сырокопченую колбасу.

- Мур-р-р! - потерлась кошкой о его штормовку Люся. Она очень любила такую колбасу, но покупала редко - дорогая. Все стало смешно, а Сергею почему-то не очень.

- Брр-рысь! - отбежал от нее Марк.

- Богатенький Буратино! Дай мне попробовать эту вкусную-превкусную колбаску! Мур-р-р! - взмолилась Люся, встав на колени перед Марком и протянув к нему с мольбой сложенные лодочкой ладони. И не вышло это моление с ее лукавым взглядом и покрытой наглухо, по-крестьянски, головой. Но спектакль всем понравился.

“Ко мне она так не ластится”, - с завистью подумал Сергей, забыв, как танцевала перед ним когда-то Люся, и, не добившись ответного чувства, остыла.

Покупал бы такую же колбасу, тоже бы ластилась. Просто не хватает чувства юмора. А еще басни писал и читал на сцене в школе!

Две девушки - Наташа и Валюша кинулись на Марка, повалили его, и Люся вырвала у него из рук колбасу и принесла торжественно к “столу”. Все заразительно хохотали. Даже мальчишки, хотя и пробовали заступиться за отца в этой свалке.

- А ему не дадим, раз он такой жадный, - говорила запыхавшаяся Валюша, разрезая колбасу и раскладывая ломтиками на куски хлеба.

- Ну что, подкрепимся, канарейки? - неожиданно звонко крикнула Люся своим подружкам.

Она была в своей стихии.

Канарейками они звали себя в лаборатории МГУ. Такую кличку им придумал заведующий лабораторией, доктор наук Молоков, в которого они все поочередно влюблялись, но безуспешно.

- Остепенитесь, - говорил он, - и разлетитесь в разные стороны, канарейки.

С тех пор, собираясь на девичник, “клюкнув” по мензурке разведенного спирта, они пели свой гимн: “Канареечка жалобно поет...” И звали себя канарейками.

Да и жили, как птички певчие. Замуж никто не брал. Одна Люся выскочила нечаянно, но от компании не отрывалась. Жили для себя, в свое удовольствие. Поболтать по часу по телефону, сходить в театр или на концерт, в поход или в баню, устроить в лаборатории или на природе сабантуй...

- Что приуныл, Сергей? - спросил Марк.

- Клюкнуть надо, тогда и развеселится, - ответил за него Наташа. - Вот он, разведененький, казененький, - достала она пол-литровый пузырек с притертой пробкой.

- Кто бы возражал, - разлил Марк в две кружки даровой спирт. - По кругу, братья и сестры!

- А теперь тихонечко споем, - предложил Сергей, - закусив обжигающую все нутро веселилку. Он редко пил спиртное, и всегда - с чувством отвращения, которое приходилось в компании скрывать. Старался пропустить тост, или отлить из своей рюмки соседу. За это друзья называли его "сачком".

- Спой "Утро туманное", - попросила Люся.

- Ты тогда, у Люси на Масленицу, хорошо спел, - вспомнила Валюша.

- Мы сразу решили, что вы поженитесь, что у тебя серьезные намерения, - поддержал жену Марк.

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...*

Сергей поддержали остальные. Только Люся не пела, тихо играла с сыновьями Марка.

Еще в первую встречу, Люся предложила не задавать друг другу вопросов о прошлой жизни. Попросила не говорить своему отцу о том, что Сергей платил алименты на содержание своей дочери в Астрахани. Эта пустота прошлого жены тяготила Сергея, он и не рад был, что согласился с ней, и довольствовался только тем, что она рассказывала сама или что вспоминали при ней ее родные и друзья.

Однажды в один из томительных вечеров ожидания жены из университета, когда работа над стихами не клеилась, Сергей стал осторожно рыться в старых Люсиных папках. И наткнулся на письма артиста эстонского театра. Читая их, он понимал, что ворует чужие секреты, ни ничего не мог с собой поделаться. Постепенно углубился в историю любви молодого эстонца и Люси, когда ей было двадцать лет. Так вот почему она так влюблена в Таллинн.

В юности, Сергей слышал, она увлекалась Отсом. Они с подружками не пропускали ни одного его концерта. А потом стояли у артистической, чтобы вручить ему цветы, услышать близко голос любимого певца, обращенный к ним, взять автограф. Люся была не просто поклонницей его таланта, она любила его тайной и, конечно, неразделенной любовью. Посылала ему поздравительные телеграммы в день его рождения. И берегла почтовые квитанции этих телеграмм, как дорогие реликвии юности.

В одно из таких дежурств у артистической высокий белокурый парень и заметил девушку с цветами, немного похожую на эстонку.

- Это мне? - протянулся артист к гвоздикам. - Спасибо! Как вас зовут? - И, взяв цветы, поцеловал ей руку.

Люся не призналась, что цветы принадлежали Отсу. Вся зарделась от поцелуя, но ответила весело.

- Люся.

Так они познакомились. И на следующий день она показывала парню Москву. Ленинские горы, переулки Старого Арбата, храмы Кремля. На прощание обменялись адресами. Он уехал. И началась переписка. Письма становились все нежней. Эпистолярная любовь. Она всегда сильнее и чище.

Он писал ей о море, какое оно неповторимое на закате, как манят его разноцветные дали раствориться в этих бесконечных просторах.

Сергей чувствовал, что артист в письмах использовал художественные краски авторов пьес, в которых ему доводилось играть.

Сколько артист за свою жизнь выучит наизусть красивых текстов!

Он рассказывал о своих ролях, о нелегкой судьбе драматического артиста, о становлении театра при новом режиссере. Откликался на ее рассказы об учебе в университете, ночной работе разносчицы телеграмм, поддерживал ее мечту поступить в аспирантуру, уверял, что из нее, при такой целеустремленности, обязательно выйдет настоящий ученый.

Как хорошо им было, завидовал Сергей. И ревниво сравнивал отношение Люси к себе, неудачливому поэту.

Они встречались редко. Несколько раз он приезжал со своим театром на гастроли в Москву. Бывала в Эстонии и Люся. Но артист был женат, поэтому приходилось скрывать и переписку, и свидания. А таинственность только разжигает страсть.

И вот как-то Люся поехала в Ленинград, где гастролировал эстонский театр. Она встретила с Тыну в номере гостиницы. И артист... переиграл. Люся стала вырываться - и вдруг вскрикнула - вывихнутая рука повисла, как плеть. Артист вызвал врача и вынужден был уйти, чтобы не скомпрометировать жертву, и себя тоже.

Или сбежал?

Вывих руки врачи выправляли целый час - и Люся терпела, кусая губы.

Они больше не встречались. Она не ответила на его последнее письмо с мольбой простить его за грубость и трусость. И только любовь к Таллинну осталась на всю жизнь. И лучшие воспоминания об эстонском артисте позабыть было не так-то просто. И еще осталась боязнь опять вывихнуть руку, о чем предостерегали врачи.

Люся стала заниматься фехтованием, чтобы укрепить ключицу. Но однажды в бассейне "Москва" рука опять повисла плетью. От жуткой боли Люся чуть не потеряла сознание, еле выплыла - какая-то женщина помогла ей выбраться из бассейна. Вывих повторялся и позже. И каждый раз напоминал последнюю встречу с белокурый артистом, решил Сергей, размышляя над письмами в пустой комнате.

Он даже видел этого парня. Вот он после спектакля выходит из театра и идет к безлюдному пляжу, и смотрит на закатное небо, и слушает неумолчный прибой, и мечтает раствориться в радужном просторе морской стихии. И не знает, как болит надломленное крыло “херувимчика”.

Сергей ничего не сказал Люсе об этих письмах. Он завидовал, что у нее была такая любовь. А у него не было и, наверное, никогда не будет. Их жизнь текла по-прежнему. Только росла тоска одинокого человека, и росла ревность его с каждым поздним возвращением жены из университета. Неужели они удалялись друг от друга, так и не успев стать близкими людьми? Поэтому и кричали, что росло расстояние между ними, и не могли докричаться.

Собрав белье в прачечную, Сергей вышел во двор с чемоданом в руке. Надрывный крик воробья привлек его внимание. Он глянул в сторону скворечника, который приладил еще в феврале к любимой Люсиной березе. Этой березе было столько же лет, сколько и Люсе. Там уже успела обосноваться к весне чета воробьев. Семья. А сейчас из летка скворечника высунулся скворец и отгонял клювом налетавшего на него кричащего воробья. Целая стайка этой братии, как цыгане, галдела на березе. Некоторые из них вместе с главой семьи отчаянно насакивали на лету на скворца и в страхе шарахались в сторону. Но все равно налетали опять. А хозяйка воробья сидела поодаль на распутившейся клейкими листочками ветке и кричала, как резаная, жалобно и непрерывно. Подлетел второй скворец - самец и, деловито махнув длинным клювом, навел порядок - шуганув всю беспомощную стаю защитников. Вот так борются за гнездо. Все правильно, скворечник - для скворцов, хотя и жалко воробьишек. Каждый сверчок знай свой шесток. Так и в жизни людей. И его, Сергея, законные скворцы-литераторы отгоняют от литературных журналов. Не по Сеньке шапка.

Затарактел мотоцикл, чихнул и замолк. Сергей оглянулся и увидел, как Люся, с растрепанными ветром волосами, держась за кожанку вихрастого рыжего парня, сошла с заднего сиденья мотоцикла. Он так и застыл с чемоданом в руке.

- Спасибо, Алексей Андреевич! - сказала Люся веселым довольным голосом. - А это мой муж Сергей.

- Здравствуйте, - пристально посмотрел на Сергея рыжий бородач, и сразу по голосу стало понятно, что он не так уж молод, как выглядит. - Приятно познакомиться.

- Здравствуйте, - буркнул Сергей и отвернулся.

Мотоциклист уехал.

- Кто это? - спросил Сергей сразу помрачневшую жену.

- Наш старший научный сотрудник Мотыгин, - ответила нервно Люся. - Ему по пути, вот я и попросила подбросить.

Хлесткая волна ревности ошпарила Сергея. Он поставил чемодан на тротуар.

- Ты раскатываешь на мотоцикле в обнимку с женщиной, а я белье в прачечную таскай?

- Сергей, ну что ты? Гордиться должен, что твоя жена достойна знаков внимания...

- Значит, все-таки оказывают? - Сергей не дослушал Люсю и быстро зашагал по набережной, ослепленный своим унижением.

Ему и в голову не приходило, что он унижил прежде всего Люсю.

Вспомнилось из пьесы Лопе де Веги: ревнивцы всегда с рогами.

Потом, когда они помирились, жена призналась, что Алексей Андреевич после этой встречи сказал:

- Ну и зверский вид был у твоего муженька.

Они еще и посмеялись над ним.

В квартире собралось человек десять. Почти все - чужие Сергею. Муссировали какие-то столичные сплетни, остряли, смеялись. Люся и Сергей в основном молчали.

До этого Люся решила предпринять меры, чтобы Сергей хотя бы внешне не выглядел серым, плебеем.

- Что бы из тебя слепить? - спросила она, - Ну, прежде всего надо изменить прическу.

И сама постригла его вихры, которые, как Сергей ни зачесывал, рассыпались по бокам и торчали на макушке хохолком. После новой стрижки он увидел себя в зеркале каким-то общипанным.

Его пытались причесать на свой лад.

С такими же прическами сидели и в этой компании у Марка.

На душе было тяжело еще и от вчерашнего стресса. Коллега по работе представил Сергея поэту Маркелову. В толстовской холщовой поддевке и в рваных тапочках на босу ногу среди дорогих ковров и полированной мебели поэт выглядел ряженым. Ошарашил Сергея первой же фразой:

- А что вы решили сказать миру?

Что он хотел сказать миру? Черт его знает. Себе-то толком ничего сказать не может. Пишет одно, а получается другое. Стихия какая-то, как сердечный приступ.

Вдруг Сергей вспомнил одно свое резкое стихотворение, открыл в переплетенной рукописи нужную страницу и стал читать:

*Юродствуйте, поэты во дворянстве,
Перед народом сыпьте трепака...*

Трудно дышать. Сергей повернул сопло вентилятора так, чтобы обдувало. Стало свежей, легче. Рыжий сосед по креслу спал под мерное,

как у кошки, мурлыканье самолета. В иллюминаторе Сергей увидел развод в облаках, и земля открылась ему во всей своей наготе.

Интересная эта штука - память. Что-то помнишь в мельчайших подробностях, никогда не приходящих в жизни. А что-то важное - путаешь, даже забываешь. А может быть, главное в жизни - мелочи? Как семена, из которых прорастает и стебель, и цвет, и плод. А крупное, важное - всего лишь ботва.

Вот и стихотворение это Сергей написал после посещения поэта Маркелова, даже с натуры, а память сместила времена. Потому что значения не имеет.

Маркелов послушал слабые стихи Сергея. Но оценки не давал. А стал с жаром, как на сцене, говорить подобающее классику:

- Сейчас муза должна быть мускулистой, как время, сейчас нужны Грибоедовы, Некрасовы, чтобы поднять гражданственный пафос в народе.

За то, мол, и бьют его некоторые критики, что он активный боец против несправедливости. Даже выступил однажды так смело, что его чуть не исключили из Союза писателей. А сейчас, в день пятидесятилетия, сам секретарь Союза писателей прислал ему поздравительную телеграмму. Маркелов взял со стола бланк и показал Сергею.

Старая жена, похожая на домработницу, сидела на ковре, на полу и с подобострастием смотрела на мужа. Сын, лет четырнадцати, заглянул в комнату. Мать хотела его прогнать, но Маркелов остановил:

- Пусть слушает! Он должен знать правду, если собирается поступать в Литературный институт.

Сергей терпеливо долго слушал эту "правду". Примерно такую же, как в этой компании столичных молодых сплетников. Чувствовал фальшь в громких словах. Ведь правда не криклива.

Маркелов вышел проводить Сергея на лестничную площадку и сказал, пожимая руку на прощание:

-Желаю вам большого плавания. У вас страдающая душа, вы сможете добиться успехов в поэзии. Пишите!

И Сергей дрогнул. Поверил. Всю дорогу до дома он еще крепился. Люся была дома, что-то попросила сделать, но он не расслышал. Бросился на диван и разрыдался. Потому, что признали его способности, а он до сих пор ничего путного не написал, и не напечатал. Было обидно, что послушался мать и пошел в технический вуз, ухлопал десять лет на учебу и работу инженером.

- Что с тобой? - спросила Люся.

- Меня признали поэ-этом, а я ничего не успе-ел....

- Ничего, малышенька, - погладила его по спине Люся, - еще успеешь. - И ушла в другую комнату.

Марк взял гитару и начал петь песню молодого запрещенного барда. Пел, зло улыбаясь. Сергей прислушался к словам. В песне говорилось о Сталине и Гитлере. Но не было в песне душевной боли, одна ирония и ненависть.

- Тебе нравится? - спросил Сергея после последнего аккорда Марк.

- Стихи слабые, - с вызовом ответил Сергей, не отводя глаз от Марка. Компания сразу враждебно затихла. - Да и не верю я ему, - продолжал задираться Сергей, выдержав пристальный, нехороший взгляд Марка, зубы которого невольно приоткрылись в оскале.

- Все непризнанные гении - завистники, - расхохоталась громко и нагло кудрявая узколикая девушка.

- Зато он готов взойти на Голгофу за правду, - подал голос Марк. - И стихи у него не барабанная трескотня.

Сергей молчал.

- А что, у твоего Маркелова лучше, что ли? - с вызовом спросила Люся. Она бросила его, перешла в неприятельский стан. Или никогда не была с ним? - Сам говорил, что нашел у него повторы в разных стихах, - повернула она лицо к Володе Макарову, другу Марка.

- О, мама мия! - закатил круглые глаза расфранченный Володя.

И вдруг Сергея осенило: вот он, тот В.М., с кем увлекается Люся. Как он не подумал об этом, когда сегодня их представляли друг другу?

Молодой кандидат наук, вернувшийся со стажировки по Италии. Это с ним Люся учит итальянский язык. От его презрительной реакции на спор Люся покраснела. Вот он «соперник счастливый». И ее увлечение им он принимает со снисхождением.

- Все! Все! Танцы! - приказал Марк.

Чтобы снять напряжение, включил стереосистему, и начались танцы. Люся пригласила Володю, он отказался, показав рукой на Сергея. Но ее уже подхватил Марк. Сергей не умел танцевать, поэтому и не приглашал жену. Володя во всю ухаживал за курчавой девушкой, отвернувшись от Люси, которая посматривала на него из-за спины Марка, не стесняясь Сергея. Или он все это нагнетал в своем воображении? Сергей ревниво следил за женой, и ему было больно за себя, за ее унижение, и за то, что он здесь чужой. Он чувствовал только сердце свое, а к другому - был глух.

Чувствовал сердечную боль, как сейчас, а в самолете, в душном месте, душном времени, при душных обстоятельствах. Он расстегнул и вторую пуговицу рубашки.

Сергей вышел на кухню. Она вся блестела, как на рекламной обложке западного журнала. Занавески на окнах напоминали открытый занавес - ламбрекен. За окном грустно теплились звезды. Глубоко внизу сновали красные огоньки на неслышном проспекте. «Опасно, опасно!» -

предупреждали они друг друга и прохожих. А если подняться еще выше - можно увидеть и копошащихся в притемненных сотах квартир маленьких людей. И эту компанию Люсиных друзей, глаза которых светятся красными отсветами от торшера. «Опасно, опасно!» Не задирайся - опасно для жизни.

Валюша и Володя вышли на кухню покурить.

- Что ты такой хмурый, Сергей? - улыбнулась Валюша.

- Собрался переходить в редакцию, а там обстоятельства изменились, - неожиданно для себя при постороннем, да еще предполагаемом сопернике, признался Сергей. - Пришлось устроиться опять холодильщиком. А я уже все забыл в этом отделе информации.

Ну почему он говорит правду? Ведь откровенность всегда такая беззащитная. Кому нужны его проблемы?

- Володя, - откликнулась Валюша, прикуривая от услужливой зажигалки Макарова, - у тебя нет знакомых в редакциях? Как-то надо помочь Сергею. Парень он хороший, талантливый.

- Только конфликтный, - дружелюбно усмехнулся Макаров. - Надо подумать. Только зря ты, старик, торопишься с работой, хватаешь, что попадает под руку.

- У меня ограниченный выбор, - ответил Сергей.

Он и жену подобрал так. И загорелось лицо от обиды.

- Надо помочь! - твердо сказала Валюша.

- Не надо мне помогать, - отрезал Сергей. - Я привык все - сам.

Позови, пожалуйста, Люсю - нам пора.

Люся отказалась уходить так рано домой. И Сергей, разозлившись окончательно, ушел один. И кто ее будет провожать - Володя? Попросит, наверное, подкинуть на своей «Волге» прямо к дому, где муж-ревнивец бесится от злости. Так ему и надо.

Ревность - это любовь, или болезнь?

Как всегда, Сергей еле нашел дорогу от чужого дома к какому-нибудь транспорту. Спускаясь по эскалатору метро, смотрел на встречный поток людей. Одни в землю - другие из земли, так и круговорот жизни происходит.

Какая-то парочка, не обращая внимания на людей, обнималась на ступеньках. Теперь таких, бесстыжих, много. Девушка держала крепкого парня в кольце своих тонких рук. А парень весь разомлел. Ее наманикюренные ногти были загнуты, как у хищника. Мертвая хватка. Попался в лапы, да еще целует за это.

Почему так жестоко? Почему он угрюмец? Из-за жизненных неудач? Да у кого их нет? Или наоборот? Но в Астрахани у него все свои, а в столице все чужие. Не все. Валюша неплохая девочка, внимательная. Есть и приятели. И Шура Полтавский - свой, но стал отдаляться от него.

«Москва обкатает», - сказала про Сергея жена Маркелова. Нет, не обкатает. Так туземцем и останешься. Приезжим.

Мать Сергея всю жизнь рвалась из своего круга неграмотных родственников, как она выражалась, «рвалась из коровника». Пошла учиться в пединститут, уехала из села в город. И почти вырвалась, стала учительницей математики. Но не может себе найти подходящего мужа еще и потому, что остается это «почти». Шоферы ее не устраивают, а профессора не берут.

И Сергей - в нее. Тоже сбежал из дома, из Астрахани. И не ради карьеры и не ради того, чтобы не чувствовать ущемления при распределении жизненных благ, знаний, возможностей. Толкало писательское любопытство, белые пятна его образования и миропонимания. Чтобы описать царя, например, ему нужно было хотя бы пообщаться с человеком высшего круга. Из коровника он его не поймет. До бога Высоко, до царя далеко.

Но как общаться, когда, чуть что, Сергей иголки выпускает? Всегда поэтому один, наедине с собой.

Рыжий сосед все играл свою партию, а Сергей думал, что он дремлет. Активной стала черная пешка - вздумала стать ферзем. Ведь и в жизни так бывает, хотя бы взять его, Сергея. Москву ему подавай, место в Союзе писателей. Отлитые в цинк литеры могут оставить память о поэте на долгие года, века... Успокойся!..

Вспомнилась Тая. Она провожала его сегодня. Про суд ничего не спрашивала - все по лицу поняла.

Черная пешка не стала королевой, ее сразил офицер. И не потому, что пешка черная, а потому, что рыжий играл за белых, им и подыгрывал.

- Мои черные проиграли, - признался медноволосый, заметив, что Сергей смотрит на доску. - Всего одна ошибка в дебюте.

«А с какой ошибки начался мой проигрыш? - подумал Сергей. - В дебюте тоже была ошибка».

- Сам себя, милок, обыграл? - спросила, обернувшись, бабка в черном платке. И все-то она слышит. Делать нечего.

В институте, куда попал Сергей вместо редакции, произошла «ампутация» руководящего состава. Директора «ушли», он перешел в другую организацию и увел с собой главного инженера и почти всех начальников отделов. Командные посты заняли бывшие исполнители, которые, как обычно, считали, что начальство ничего не делает и не умеет. Но прозрение наступило быстро. Новые начальники оказались в затруднительном положении, как и государство, которое они захватили в свои руки. Команд сверху не поступало, а они умели только исполнять,

осуществлять, внедрять чужие приказы или идеи, своих же решений не имели, да и не могли иметь. Более того, рядовые работники и «обслуга», инженеры, техники, секретари саботировали поднявшихся на ступеньку выше своих соперников-высочек. Все это вызвало такую растерянность и развал, что институт выглядел руинами. Производство встало. Сергею не у кого было спросить совета. Люди или не знали, что ответить, или нарочно молчали. В должности старшего инженера Сергей возглавил группу холодильщиков, которую ему было поручено собрать. Светило повышение до начальника отдела, если он наладит работу. А как ее наладить? И он пошел на отчаянный шаг - стал обращаться за советом к специалистам других, сопредельных организаций и институтов. Выглядело довольно необычно. Когда он приходил с чертежами в другую организацию, на него смотрели, выпучив глаза, удивляясь необычному поступку молодого инженера. Но в помощи не отказывали. А сколько нервов и душевных сил стоило Сергею признаваться в своей беспомощности посторонним людям! Хотя одни утешали, другие помогали, а третьи и помочь ничем не могли из-за специфики своего ведомства. Вот Сергей и находился в последнее время в состоянии сжатой пружины. Зато укоренилось в его жизни правило - как можно больше спрашивать, ничего не боясь, зато потом все спрашивали у него, как делать, как быть.

Ревность на столько измотала Сергея, что он, наконец, решил во что бы то ни стало от нее избавиться. Была бы поставлена задача - придет и ее решение. Ищите - и обрящете. Нашел и Сергей. Помог случай. Хотя случайностей, говорят, не бывает, а бывает случайная закономерность.

Работая еще в подвальчике, в отделе информации, Сергей обратил внимание, что библиотекарь Таечка ждет его после работы, чтобы вместе пройти до метро. Поначалу Сергей делал вид, что не замечает ее кокетливых намеков. У него же есть жена. Безответное увлечение Таечки, думал он, постепенно пройдет. Как проходило у других, симпатизирующих ему девушек и раньше. Свою досаду на упущенные возможности он как-то выразил в одном стихотворении: «Вот так проходим мимо счастья, стараясь виду не подать...»

Таечка делилась со своим руководителем Сергеем неудавшейся семейной жизнью, ссорами, которые привели к разрыву с ревнивым мужем. Знала бы она, на какого ревнивца напала!

Таечка сама приглашала Сергея на вечеринках в отделе на танец. Приносила ему как ее начальнику «в порядке подхалимажа» гладиолусы со своей дачи. Дарила сувениры на день рождения. Но Сергей не сдавался. И всегда находил предлог остановить Таечкино наступление.

А когда Сергей ушел на новую работу, Таечка изредка звонила, спрашивая совета, передавая отдельские сплетни, сочувствуя ему в

мытарствах по чужим организациям. Приглашала и на вечеринки в подвальчик, по старой памяти.

И вот Сергей, чтобы излечиться от ревности, решил сократить дистанцию между собой и Таечкой. Тем более она предложила поехать с ней в Таллинн по четырехдневной тур путевке от их отдела информации. Трест оплачивал в качестве поощрения за хорошую работу. Мол, подруга не смогла составить компанию - путевка пропадает.

А почему бы и не съездить? Тем более туда, где любила своего артиста Люся. Давно девчонка ждет. «Обрастаю мхом от ревности. Забываю вольный край. Излечи меня от ревности. Замани и запятай...» - писались стихи с натуры. Сергей сказал жене, что отправляется в командировку.

- Я тоже хочу в Таллинн, к Старому Томасу, - надула губы Люся.

«И к молодому артисту», - добавил про себя Сергей.

- Ты все расхваливаешь свой Таллинн, а я его ни разу не видел.

Может быть, он и мне понравится? Какую-нибудь эстоночку там подцеплю, - подзуживал он, отводя глаза.

- Подцепи, - засмеялась Люся. - Думаешь, я ревновать буду, как ты? Я не ревнивая.

- Посмотрим, какая ты не ревнивая.

Люся провожала Сергея на вокзал. Конечно, она увидела, что в его купе едет молоденькая курносая девушка. Миленькая, только чуть больше выступают зубки. Да торчит не дочесанный веер светлых желтых волос за макушкой. Но Люся виду не подала. А Таечка, зардевшись от смущения, вышла в коридор вагона, чтобы не мешать прощанию Сергея с женой.

Когда поезд тронулся, Сергей не знал, куда девать глаза, совестливо думал о том, что впервые изменил Люсе. Но дело сделано. Лечись!

Приехали сначала в Псков. Кто-то из группы туристов рассказал, что неподалеку от города стоит действующий мужской монастырь.

Действующих монастырей было тогда мало. Как не посмотреть? Сергей взял такси и поехал с Таечкой в Псково-Печерскую лавру. Осмотреть ее не удалось, так как было поздно, экспозиция пещер была закрыта. Но молодых монахов монастыря видели, слушали, как они звонят в колокола, прямо с земли, а не на колокольне, как поют молитвы в церкви. Сергей отметил про себя, что в монастыре много увечных, но были и вполне здоровые с виду люди. Что же их заставило уйти в монастырь? Вера? Разочарования в грешной мирской жизни? Протест против пышности и велиричности приходской жизни?

А сколько людей, даже не уходя в монастырь, отказываются от нормальной мирской жизни! Тот же Шура Маев, его друг. У него в жизни лишь одно утешение: собирать лучшие стихи гениев - Бодлера, Рембо, Лорки, Хлебникова. И разговоры, и думы его - лишь о них, его кумирах.

Сергей решил написать драму в стихах об ушедшем в монастырь молодом студенте философского факультета, а прототипом взять друга Саши Маева, аспиранта МГУ Кирилла, который всю жизнь посвятил атеистической пропаганде, а внове время стал верующим. Об этом Сергей и размышлял оставшуюся до Таллинна дорогу, забыв о «романе» с Таечкой. Уже зная его увлечение думами, она не форсировала события. Тянула леску тихо, осторожно, чтобы рыбка не сорвалась. Таечка читала книгу, угощала Сергея чаем с домашними пирогами и помалкивала.

Таллинн предстал Сергею волшебным королевством Андерсена. И как хорошо, что таллинцы решили не сносить центр, его старые дома с башенками и флюгерами, каждый из которых был шедевром по сравнению с Черемушками, сотами спальных мест.

Сергею хотелось увидеть Люсиного возлюбленного, но молодежный театр на лето выехал на гастроли.

Вечером туристы были в ресторанчике «Старый Томас». Таечка вся лучилась от счастья. Сергей танцевал с ней - и чувствовал, как вздрагивало ее податливое, гибкое, жаркое тело. Наконец она пошла в наступление.

Подведешь осторожно рыбу к берегу - и подсекай, чтобы крепче села на крючок.

- Хочешь, меня пригласит на танец парень в очках, вон тот, за столиком напротив тебя? - покосилась она кокетливо в сторону.

Как она видела, сидя к парню спиной?

- Ты слишком самоуверенна, - вяло поддержал игру Сергей.

- Сорим!

И они поспорили на шоколадку.

Через несколько минут парень в очках подошел к их столику и попросил разрешения у Сергея пригласить на танец его «очаровательную спутницу». Сергей кивнул - и торжествующая Таечка уплыла к эстраде, потянув за собою жертву ее кокетства.

И когда она успела поговорить взглядами с этим очкариком? Сергей почувствовал слабый хмель ревности.

Вылечился, называется, от коварного недуга.

- Больше ты не будешь с другими танцевать, - сказал Сергей, когда парень, посадив Таечку, отошел к своему столику. - Самому мало.

- Ох, ох, приказал! - поддразнивала его покрасневшая Таечка, сейчас особенно похожая на Мирей Матье. - Я - женщина свободная.

Женская уловка сработала, крючок вонзился, Сергей попался.

В поезде на обратном пути Сергей нежно задержал руку на горячей Таечкиной груди, когда они что-то отнимали друг у друга. Торопливо затрепетало в руках ее сердце. Даже Сергей знал эту классическую, или просто животную эту уловку сближения методом отнимания и веселой борьбы.

Люся бросилась к Сергею, как только он сошел на перрон.

- Знакомьтесь, - это моя Люся, а это наша сотрудница Тая, - представил жену Сергей с вышедшей за ним Таечкой.

- Очень приятно, - дрогнувшим голосом кивнула Люся, крепко схватив под руку мужа, и потянула его от вагона. - Пошли.

Выражение ее лица было, наверное, ничуть не лучше, чем у Сергея, когда она знакомила его со своим «мотоциклистом».

- Ты что, ревнуешь? - спросил Сергей, поцеловав жену на ходу в щеку.

Земля под ним горела.

Ну и что получилось из этого эксперимента? Он вызвал ревность Люси, а от своей ревности не избавился.

Правда, после этого, казалось, Люся стала бороться за свое гнездо, за внимание Сергея. Она давно поняла, что разговоры о ее университетской жизни вызывали у него плохое настроение или оставляли его равнодушным. И постепенно перестала говорить об этом. На их прошлом давно лежало табу. Оставались «последние известия».

Как-то с Люсей случилось происшествие, которое она рассказала Сергею так живо и непосредственно, что он понял, как же он не знает ни ее мысли, ни ее чувства, ни ее характер. До сих пор стоит у него в ушах ее рассказ о поездке в гости к подмосковной подруге.

- Ты не представляешь, что со мной произошло! - начала Люся, вернувшись поздно, вся взъерошенная, с испуганными глазами. - Ведь я так и не попала к Неле на день рождения. Сама чуть жива осталась. Ты же знаешь, что я прособиралась. Подъезжаю к вокзалу, глянула на часы - опаздываю на электричку. Я скорей, скорей, скорей! Оп, успела. А то бы целый час следующую электричку ждать. И что-то мне не понравилась шумная пьяная публика. Решила в другой вагон перейти. И здесь - шлеп-компания, не сахар. Рэкетеры какие-то. Зачем сюда перешла, Балда Ивановна? Гогочут, как жеребцы. И девчонка с ними - пьяная, развалилась и голову свесила, бесстыдница. Разговаривают громко, и одни непристойности лепят: «Две мартышки - и вперед!.. Ха-ха-ха!.. Что имею, то и введу...» И опять гогочут, как жеребцы. Ну, полное меню акселератов. А здесь от полочки до полочки картошку по столу катаешь, чтобы что-то купить на себя.

А я шубу мерлушковую надела, Сергей. Рано еще шубу надевать - жарко ужасно. Но приходится терпеть, потому что демисезонного пальто нет. Ну, ничего.

У моей канарейки Нели день рождения под музыку и танцы справляют обычно. Взяла новые шпильки. И все боялась, как бы пакет с туфлями не забыть в электричке. К черному платью не подходят -

зеленые. Зато австрийские, шпильки. Пусть Неля, думаю, хоть посмотрит, какую шубку я отхватила. На свои-то шиши. Не сняли бы только мою шубку. Пьяные, по-моему, все. Оглядываются на меня. Нет, думаю, надо переходить опять в следующий вагон. Только уговариваю себя: спокойней, как будто совсем выхожу. Порезут мою мерлушку. А она такая тепленькая, мяконецкая. И отдашь - захочешь жить. Но я хорохорюсь: сейчас, разбежалась! Для них над копеечкой тряслась, накопила.

Чувствую, что-то озноб меня бьет, из окна что ли дует?

Расхлебняли, им, барьям, жарко. Оказалось, что я уселась как раз рядом с пьяным мужиком - и не вижу. Кожей чувствую всякую мразь, меня не проведешь. А пьяный в отключке, поди. Подумала, может, из той же компании? Лыка не вяжет. Даже рычит. И воздух грязной лапой щупает. Поди, меня ловит, а я у него двоюсь - и никак не схватит. Нет, думаю, держи руки шире, анчутка. В голове одна мысль: только не бойся, не беги - собаки хватают как раз тех, кто бежит от них. Трусы воняют. Решила пересесть на другую лавку к военному парню. С такими бравыми усами - в обиду не даст. Сначала колебалась - что подумает? А после решила, догадается, от пьяного пересела. Только уселась, а он сразу общаться начал, на весь вагон.

- Я телепат, - говорит. - Думаю - пересядь ко мне. И точно.

Оживленный офицерик. Тоже поддатый, наверное. Как ты говоришь, «хвачемши».

Мне пришлось поддержать разговор, стала ему заливать:

- Решила о женихе-солдатике у вас спросить, товарищ майор.

- Ваш жених-то?

- Племянницы. В стройбат попал. Художник. А там, говорят, в основном на лице рисуют. Из лагерей отсидевших ребят берут - они и терроризируют новеньких, духов и черпаков. Так что ли их называют? А наш мальчик - домашний. Да еще голос там потерял, уже месяц не говорит.

- Где служит-то?

- На юге.

- Понятно. Там сейчас жарко... Хватил холодной воды ваш будущий зятек. Это у них с непривычки бывает. Домашний, говорите? Обвыкнется - станет классным. А служба никогда санаторием и не считалась.

- Успокаиваете? Какой санаторий - живым бы вернулся.

- А что у вас с сапогом?

- Что у меня с сапогом? - Я нагнулась. - Где?

А он тоже нагнулся, показывает на правый сапог, а сам шепчет:

- Тише. Не поднимайте головы и слушайте меня внимательно. Эта компания везет убитую девушку.

- Боже правый! - вырвалось у меня.

- Лопнул по шву, - выручил он вслух, а сам продолжает шептать:

- На следующей остановке вы выйдете и сообщите в милицию. Я сел в Клину, они уже были в вагоне. Поняли меня?

Ничего себе, Сергей, нашептал он? Час от часу не легче. То-то я кожей чувствовала неладное. Даже сердце сдавило. Сижусь, дрожу, скорей бы станция.

- Меня от них холодом обдало, - сказала тихо майору. Он кивнул.

- Как от объездчиков лошадей, - поддержал он разговор, видимо, чтобы хоть как-то отвлечь меня до следующей остановки. - Я сам из деревни. Знал такого объездчика. Глянет - мурашки по коже. Пройдет мимо конюшни - лошади вздрагивают и храпят за дверью.

- Неужели так чувствуют? - удивилась я.

- Подъезжаем. Спокойно! - сказал он тихо и отвернулся к окну.

Я кивнула.

- Схо-одня!.. Схо-одим! - орет та компания.

- Представляешь, Сергей! И они решили сходить. Ну, думаю, пропала. Уговариваю себя: не беги.

- Отставить! - приказал один из этих бугаев, явно приבלатненный. - Садись. Врубай маг, что заглушил?

Не оглядываясь, скорей, скорей, скорей - я вышла. Пронесло! Уехали. Никто, слава Богу, не вышел. Ой, схватила, а пакет забыла. Пропали туфли. И все из-за этого майора. Черт бы его побрал! - иду по платформе и чертыхаюсь. Наврал, поди. Попугать решил. И девка, может, живая. Детектив доморощенный.

А темень, ни зги не видно! Самой бы не пропасть.

Подбегаю к кассе на платформе:

- Кассир, тетенька? - кричу. - Тетенька, где милиция? Как в милицию позвонить?

Она вылезает там из-за кутка, на меня как рывкнет:

- Что случилось? Что блажишь? Здесь он, милиционер. Сейчас выйдет. Грется.

- Вот хорошо, - говорю.

Вышел милиционер, в темноте сначала и не различишь, пробасил:

- Слушаю вас, гражданка.

- Товарищ милиционер, - говорю, - вот только что прошла электричка. Я из нее вышла. И военный какой-то, майор, мне сказал потихоньку, что там убили девушку и везут ее, прислонив к окну. Я сама ее видела, думала, что пьяная. Он говорит, уже до Клина убита.

Милиционер наклонился к окну кассы:

- Глаша, сообщи по дистанции. В Химки. В электричке - убита девушка. В каком вагоне? - обернулся ко мне.

А я и не знаю, какой? А Бог его знает.

- Я всегда в третий сажусь, с начала.

- Глаша, в третьем вагоне. Пошли, повел меня, чуть ли не за руку. - А что военный не вышел?

- А я откуда знаю? Может, их стережет.

- Кого их?

- Четверо ребят. Акселераты такие, молодые да наглые. Кассетник включили и ржут на весь вагон, бугаи. Пьяные. А пятый - вообще в отключке, только сидит дальше.

- Не в отключке, а на стреме, - спокойно так поправил меня милиционер.

Я даже рот открыла от изумления. А я-то от него отсела к военному.

- Как это? - спрашиваю. - Товарищ милиционер, не бегите, я не поспеваю. Я в электричке из-за них пакет забыла с новыми туфлями, на шпильках. К подруге еду на день рождения. Опаздываю!

- Сейчас не до подруги, - говорит.

Вот, думаю, не было печали... Ты будешь звонить Неле и дергаться. Вечно лезу не в свое дело. И туфли проворонила, блин.

- Садитесь. Трогай, старшина, в Химки. Туфли-то купить и другие можно, - говорит. - Вот девушке помочь нельзя. В электричке, слышь, убили. Нагоним?

- Глашка сообщит - притормозят их, не поворачиваясь, сказал старшина. - Куда же они ее везут?

- К трем вокзалам, - без малейшего сомнения сказал милиционер, вроде, лейтенант. - Сейчас выскочат - и с другого вокзала улизнут в сторону. А ее нам оставят. Так-то...

- Поди, с ними сама пила и визжала, когда сиськи жали, а потом напоролась на перо, - обернулся на миг старшина с противной ухмылкой. Тут трагедия, а ему смешно. Охальник.

- Все возможно, старшина. А вот и Химки. Наряд уже на платформе. Пошли, девушка. Как зовут?

Машина затормозила и остановилась в темноте. Зимой рано темнеет.

- Люся, - отвечаю.

И вдруг спохватилась: с ума сошла, затаскают свидетелем, молчи, как партизан.

- Товарищ лейтенант, минут через пяток подойдет эта электричка. Машинист предупрежден. "Скорую вызвали", - доложил подошедший к машине милиционер.

А я говорю лейтенанту:

- Я боюсь, вдруг они увидят меня на платформе.

- Не увидят, - а чувствую, что не уверен. - Третий вагон, говоришь, Люся?

- Третий, третий, - киваю. - А пакет мой - черный, на нем еще девушка нарисована, золотом.

А ему, вижу наплевать на мои шпильки.

- Вы лучше вспомните приметы тех ребят, требует, - Во что они одеты?

- Во что одеты? Да я и не обратила внимания. По-моему, в кожанках, - говорю.

- Тоже мне, свидетель. Цвет?

- Да что я, обязана запоминать? Все коричневые. А девчонка в дутом синем пальто. Я племяннице такое же подарила к свадьбе.

- Какой еще племяннице, - рявкнул он на меня.

А тут ему объявляют:

- Подходит электричка. Внимание. Прочесываем вагоны навстречу друг другу.

И что я, дура, полезла не в свое дело? Свидетель! Получишь ножа в бок, как эта девка, будешь знать. Мне же каждый день здесь ездить. И хотела спрятаться за щит расписания. Хотя шпильки жалко.

- В третьем вагоне их нет. Только убитая девушка, - сообщил подбежавший милиционер.

- В поезде их нет, товарищ лейтенант, - выглянул из дверей четвертого вагона другой. - Гляньте сюда, в тамбур...

Лейтенант юркнул в открытую дверь, а потом, слышу, зовет:

- Пройдите-ка сюда, Люся.

Ой, Сергей, что же они наделали, изверги! Военного того, майора, убили и между тамбурами сунули. И мой пакет с туфлями у него в руке. Понял, что я оставила, и взял. Хотя, как бы он меня нашел?

- Узнаете? - спросил лейтенант.

- Узнаю, - говорю сквозь слезы. - Это он мне велел вам сообщить...

Звери!

- Ваш пакет? - спрашивает.

- Мой, - киваю.

- Так-так... Пакет их и спугнул, - вздохнул лейтенант и снял шапку. - Похоже, пытался их задержать... На ходу двери отжали - и прыгнули с поезда.

Так и меня могли, Сергей, - Люся смотрела на мужа глазами, полными слез. - Надо же было мне войти в этот вагон. На волосок от смерти была.

А как услышала от лейтенанта: «Ваша фамилия и адрес?», схватила свой пакет и деру:

- Нет, нет, - крикнула, - Меня муж ждет.

Побежала к противоположной электричке, которая только что остановилась. Скорей, скорей, оп! Успела. И двери за мной захлопнулись. Только полу шубы дверями зажало. Я, от страха подумала в первое мгновение, что лейтенант успел меня схватить. Но он не успел.

Будь они прокляты, эти шпильки!

Вот и боюсь теперь их надевать. Продам.

И продала.

Сергей стоял на станции «Библиотека имени Ленина» в ожидании электропоезда. Торопился на работу в редакцию. Все-таки его взяли в производственный журнал - и он с удовольствием сбежал из обезглавленного института, который теперь маячил в его недавнем прошлом мрачным всадником без головы.

На платформе было сравнительно тихо. Час пик прошел, редакция работала с десяти часов. Пахнуло свежим воздухом из тоннеля, послышалось лязганье электрички, нарастал шум, все заметнее катился по облицованной белыми плитками стене отсвет от фар локомотива.

Вот так явление жизни предваряется какими-то приметам. Когда событие приближается, как эта электричка, чуткий человек его «услышит». Сергей называл это «шумом предстоящего события»

Он замечал за собой, что иногда ни с того ни с сего пел одну всплывающую в памяти песню: «Все, что было загадано, в свой исполнится срок...» И вскоре, после этого пения, совершалось что-то важное в его жизни. Важное и желанное. Это один из голосов шума приближающегося события?

И то, что Сергея сначала не взяли в этот монтажный журнал, означало: его поезд был еще в пути.

В журнале Сергей не только редактировал статьи, старался и сам писать. Раньше в этом журнале сотрудники ничего не писали, только редактировали, как могли. И Сергей пошел на хитрость. В обзоре ответов на анкету, незаметно для своей шефины, обещал читателям постоянно публиковать информацию о технических новшествах в отрасли.

- А кто будет писать об этих новинках? - спохватилась Софья Еремеевна, наткнувшись в сигнальном номере журнала на обещание редакции.

- Можно мне? - спросил Сергей.

Обманул мудрую Софью. Давно ей намекали, что пора на пенсию, но она вцепилась в должность цепко, хотя лишь исполняла обязанности заместителя главного редактора. Образование у нее - лишь гимназия. И в спецмонтажных работах ничегошеньки не понимала. Но с авторами говорила смело, в основном - ужимками и междометиями. Ей нравилось водить за собой молоденького помощника - Сергея Константиновича. А он не замечал, что означает такая оживленность Софьи Еремеевны, что означают намеки, что ее дочь вышла замуж за мужчину на пятнадцать лет моложе. Пока младший редактор журнала Светлана не сказала ему прямо:

- Да она увлеклась вами.

Сергей опешил. Как это пожилая женщина может увлечься молодым человеком. Потом-то он узнал об этих странностях среди знаменитых

артисток. Посмотрел пьесу Островского. И готов был поверить, что Светлана не шутит.

А вот Люся мечтала о муже пожилого возраста. Тоже неравный брак.

Однажды Сергей пошел с женой в кинотеатр «Зарядье». Люся разругалась на морозе. Серое пальто с каракулевым воротником было ей тесновато, пушистая вязаная шапка с длинными ушами делало ее круглое лицо моложавым. Девчоночья челка прикрывала морщинки лба. Сергей был в хорошем настроении оттого, что стал работником печати, хоть немного ближе к литературе. Он шутил, довольный тем, что жена заливается смехом.

- Девочка ваша? А дети до шестнадцати лет на этот фильм не допускаются, - сказала строго контролерша, возвращая билеты Сергею. Люся смутилась. Пришлось доказывать, что ей уже двадцать девять лет. Тогда засмушалась пожилая контролерша. Какой женщине не приятно выглядеть на десять лет моложе своего возраста?

- Видишь, какая я у тебя молоденькая! - смеялась Люся.

- Хорошо сохранилась, молодец.

- И на тебя посмотришь - мальчишка. Как тебя авторы-то слушаются? Отпустил бы ты хоть усы.

- В кино меня, по крайней мере, пропускают.

И они рассмеялись.

- Я тебе буду их подстригать. Прическу-то тебе вон, какую модную, сварганила - хоть на москвича стал похож.

- А что, был раньше похож на «Волгу»? - пробовал остричь Сергей. - Только я себя не узнаю в этом человеке в зеркале. - Он пригладил волосы, всклокоченные после шапки, глянув в зеркало во всю стену фойе кинотеатра.

Усы Сергей отпустил. Все над ним подсмеивались, потому что они топорщились на его юном лице неестественно, как приклеенные. Даже недоброжелатели говорили:

- Сбрей свою щетину, не срамись.

А Таечка хохотала, стараясь не задеть его самолюбие, сводила все к шутке:

- Ой, защекотал!

Таечка тоже перешла на новую работу - в министерство, по протекции влюбленного в нее начальника отдела. Узнав от нее об увлечении старого хрыча, Сергей опять почувствовал приступ ревности. Это толкнуло его на решительный шаг. Он взял у Славы Тенякова ключ от комнаты в общежитии художественного училища. Таечка все поняла с полуслова, потому что давно этого ждала.

Самолет стало трясти. Из репродуктора вежливый голос попросил застегнуть привязные ремни

«Катастрофа», - больно екнуло сердце. Сергею стало жарко и душно. Он быстро нашел скатившиеся в щель тяжелые концы привязного ремня и застегнулся. Бортпроводница говорила о «турбулентности». И Сергей вспомнил, как изучал гидродинамику, турбулентность потоков воды. Но первый раз слышал, что есть турбулентность и в небесном море. И трясет, как на телеге по булыжной мостовой в далеком астраханском детстве.

Тревога о катастрофе прошла.

А ведь развод - тоже катастрофа. И не только личная. И масштабы разрушения семьи намного больше, чем кажутся. Сломана жизнь не только мужа и жены, но и детей, лишенных отца, и внуков, лишенных деда. А сколько детей не успело родиться из-за распада семьи. И Может, талантливых, которые принесли бы людям открытия и сотворили шедевры... Конечно, Сергей преувеличивал. Но ведь не рождение даже одного человека - это гибель целого мира, целого рода миров...

И распад семьи - мировая катастрофа. И решение суда о разводе - приговор за это преступление пред человечеством.

«Кончай казнить себя», - приказал себе Сергей, увидев, что табло «Пристегните ремни» погасло. Турбулентность миновали - и все успокоилось.

Люсе Сергей сказал, что едет на два дня от редакции в совхоз на уборку картошки. Не первый раз посылали, поэтому Люся ничего не заподозрила.

Комната в общежитии была увешана рисунками студентов. Слава Теняков жил в это время у тетки в Москве, а его товарищи по комнате уехали на каникулы в родные места. Когда Сергей запер дверь, сердце его заколотилось. Бывшие сотрудники сейчас должны были переступить грань между знакомством и близостью. И Сергей бросился в горячий омут. И встретил такую же нежность поцелуев и объятий. Для Таечки он был давно любимым и желанным. Женственная, мягкая, горячая и отзывчивая, она тяжелела в его руках.

А потом они пошли гулять в лес. Прохладный хвойный воздух освежил запалившееся лицо. Обостренный слух ловил трель ликующей жизни. И Сергей почувствовал, что толком еще не жил. Пели птицы, шелестела листва, дышала осенью широкая долина. Белка доверчиво прыгнула на плечо Сергея, - и он ошалел от счастья. Нечего было ей дать - и она вернулась на сосну, уставившись бусинками глаз на влюбленных, а потом скрылась в за дальними хвойными ветками, подступившего к обрыву леса.

Они вышли на самую вершину холма и загляделись на открытый свежий простор - луг, прорезанный оврагом, на дне которого искрилась на

солнце вертлявая речушка, и в сизой дымке новый лес, и покосившуюся от времени колокольню церкви, у подножия которой склонились, как прихожане, дома притихшего села. И главное - огромное небо все в маленьких тучах, пронзенный лучами еще яркого, но уже нетеплого предвечернего солнца. Благодать!

Дышалось легко, как в парящем полете. Сергей обнял Таечку сзади, и она крепко прижалась к нему спиной, мягко удерживая его ласкающие нетерпеливые руки. И вспомнилась музыка «Интродукции и рондо капричозо». Захотелось понять, почему вспомнилась именно она. И стали ложиться на нее слова:

*Слышишь,
Или же не слышишь,
Как шумит река
И шуршат облака?
Видишь
Или же не видишь,
Как завесу туч
Нанизал алый луч?..*

О чем они? О том, что Сергей единственный раз за всю свою борьбу на этой земле по-настоящему жил. Так же естественно, как эта долина, речка, облака и солнце. Один только день.

- Слышу, - прервала счастливая Таечка импровизацию Сергея.

Она стала рассказывать, какой была ее первая любовь. А Сергею казалось, что не летчику посвящались эти признания, а ему, так долго не отвечающему на зов ее души. И как был сладок тот самообман!

Сергей вернулся домой, мучимый угрызениями совести.

Грешу - и каюсь. Это не мораль.

Перед трюмо на маленьком пуфике сидела посторонняя молодая женщина Люся. Она мазала тонкими пальцами немного одутловатое, лоснящееся лицо и молча смотрела на него, даже не стесняясь разводов крема на щеках.

- А вот и я, - сказал тихо Сергей.

Разве не увидит жена отсвет свидания мужа со своей любовницей?

Люся промолчала и повернулась к зеркалу. Стерла крем ватой и пошла на кухню.

Сергей стал раскладывать вещи из дорожной сумки в шкаф.

- Ну, как съездил? Есть будешь? - вернулась Люся в комнату с чайником в руке.

- Устал. Буду, - буркнул Сергей.

Люся поставила чайник на деревянную дощечку, вынула из холодильника нарезанную в магазине вареную колбасу и хлеб. Сергей сел за стол.

- Не соскучился? - обняла его сзади жена и вдруг отпрянула.

-Сергей трусливо вздрогнул.

-Что это у тебя на шее? - вскрикнула она.

- Где? - подошел к трюмо Сергей и увидел в боковой створке темное пятнышко засоса за ухом и большие-большие испуганные глаза Люси.

-Целовался! - сорвавшимся голосом пригвоздила жена.

- Да это девчонки в совхозе дурачились, - оправдывался Сергей. - Все потешались над моей верностью жене. Подкараулили, когда я умывался, подлетели две с боков - и чмокнули меня, одна в губы, а другая в шею. Хулиганье. И еще хохотали.

- Пей, - налила Люся чай в большую чашку. - Сочинитель. - Руки ее дрожали. - Этот черный день я тебе никогда не прощу. Ты не надежный, - закричала Люся. - Никогда не прощу! Не был ты в совхозе.

- Ах, ты мне не веришь? - взвился Сергей. - К черту, - швырнул он чашку, плеснув чай на скатерть. - Сбрею усы, назло тебе, сбрею.

Пока он брился, Люся сидела поникшая, молчала и о чем-то сосредоточенно думала. О чем? Сергей глядел в зеркало не столько на злополучные усы, сколько на жену. Но вот она выпрямилась, гордо с пренебрежением глянула ему в спину, и стала одеваться.

- Ты куда?

- К Полтавским, - выскочила Люся из комнаты.

Сергей представил, как она пойдет, растерянная, оскорбленная, к своей подруге Лоре и будет рассказывать ей о его измене. Как стыдно и унижительно.

Вот дурак. Люди всю жизнь имеют кучу любовниц, и жены ничего не знают. Он же с первого разу попался.

Сергей швырнул бритву, схватил куртку и бросился вслед за женой, даже забыв закрыть дверь на ключ. Что там воровать - одна гниль. Да и соседи дома.

Он увидел Люся в подземном переходе. В сером плаще, перелицованном и маловатом, в неизменных серых резиновых сапожках со стоптанными каблуками и в серой каракулевой шапочке, которую он купил ей в комиссионке. Бедная серая мышка. Сердце его сжалось. Он испугался, что может потерять ее, свою малышеньку.

Сергей догнал Люсю, молча пошел рядом с ней к автобусной остановке. Люся выглядела беззаботной девчонкой, как будто ничего не случилось. Но как ей это давалось!

- Можно, я пойду с тобой? - спросил он нерешительно.

- Как хочешь, - покосилась она на мужа. - Только подними воротник, чтобы срам прикрыть.

Это уже было кое-чего.

В автобусе они молчали. О чем думала Люся, покусывая озабоченно маленькие тонкие губы? Может быть, о том, как вернуть мужа? Пожаловаться Полтавским, пристыдить его? Ведь так нелегко ей было выйти замуж. А еще раз - не выйти?

«Чтобы я еще раз выходила замуж за этих грубых мужиков? Никогда!» - воскликнула она на суде, через несколько лет после этого «черного дня».

Может быть, тогда ей хотелось как-то отомстить Сергею за оскорбление? Вышвырнуть из своей квартиры? Пусть опять скитается по «углам», из которых она его вытащила. На брюхе приползет, хватаясь за больное сердце, в ногах будет просить прощения. Но она его не простит и посмотрит на него свысока. Вот так!

Люся кинула на Сергея снисходительный взгляд - она умела это делать, несмотря на маленький рост. Но раньше это показывала в шутку не раз и не два. Но сейчас это было всерьез. Сергей съежился от ее взгляда.

Кто может сказать, что думала в это время Люся? Да сможет ли она сама вспомнить этот тревожный вихрь мыслей через несколько лет?

Полтавские были удивлены, что Люся и Сергей пришли без предварительного телефонного звонка, без приглашения. Но встретили друзей участливо. Маленькая их дочка Оксанка читала гостям стихи Чуковского о мухе-цекатухе, приживаясь к стеклу книжного шкафа и вытянув руки по швам. Сергей смотрел на девочку с умилением, не забывая прикрывать пятно на шее, склонив голову набок.

Вот такой же, трехлетней, видел он в последний раз свою дочку в Астрахани. Только она не читала ему стихи, а смотрела на чужого дядю исподлобья, держась за юбку тещи, как будто боялась, что он заберет ее у бабушки. Сергей приходил к первой жене мириться, в который уж раз, но она даже не вышла из соседней комнаты. И тогда Сергей подал в суд на развод.

Тогда, у Полтавских, он не думал, что может остаться под старость без детей, без опоры. У матери на одинокую старость припасен он, весь залюбленный и избалованный, но выращенный и выпестованный благодарный сын. А у него может ничего не остаться, кроме беспомощного одиночества. Об этом он неожиданно подумал только сейчас, когда возвращался к своей матери в Астрахань в самолете, глядя, как целовал бабу в черном платке белокурой кудрявый мальчик с бантом на груди. Тоже, видать, женское воспитание безотцовщины.

Пили чай, Полтавские говорили о работе, о последних московских сплетнях в области архитектуры. О засилии мощного олигарха в московском мире архитектуры.

Успела ли Люся рассказать Лоре о случившемся?

На обратном пути все выглядел так, будто туча миновала. Сергей говорил Люсе с сожалением, что постепенно остывает его дружба с Шурой Полтавским. Это похоже на «Обыкновенную историю» Гончарова. Сергей еще бьется - старается опубликовать свою первую книжку стихов. Шура же отказался от творчества, смирился с текучкой в журнале. А когда-то пробовал переводить Борхеса. И неплохо. Все-таки преподавал когда-то немецкий язык в школе.

- Зато на него можно положиться, - вступилась за Шуру Люся.

После скандала Сергей не звонил Таечке. Но был рад, что она позвонила сама.

- Я прошлый раз потеряла клипсу, - сказала Таечка.

- А я чуть не потерял жену, - признался ей Сергей, благо в редакции никого на месте не было. - Ты мне оставила печать на шее. - Сказал и понял, что оскорбил Таечку, но было уже поздно.

- Может, и к лучшему?

- Почему?

Таечка неестественно рассмеялась и положила трубку.

Изредка Сергей все же встречался с ней, забывшей обиду. Им было хорошо. И меньше стал обращать внимание на то, что жена приходит поздно, сам приходил со свиданий чуть раньше ее.

Излечился от ревности? Отвлёкся от мнительности? Сам замарался?

Сергею казалось, что он по-прежнему внимателен к жене, старался помочь ей по дому. Но лучше ему было с Таечкой. Она была отдушиной от семейных и производственных неурядиц. С ней он делился своими сомнениями и планами, ссорами в семье по пустякам и склоками на работе. Таечка больше слушала, чем говорила. Была по характеру замкнутой, не любила распространяться о своей жизни, считая это неинтересным для Сергея. А может, сказывалась привычка молчания в доме отца, работавшего в КГБ. И не думал о том, что может оказаться при интимной связи с ней под постоянным колпаком этого внимательного органа. Тем более стал печататься в центральном журнале, а значит должен быть под постоянным вниманием органов. «Ходит птичка весело по тропинке бедствия, не предвидя из сего для себя последствия».

Сергей думал, что Люся простила его и забыла о «черном дне», что не догадывается о его редких свиданиях с Таечкой. Но произошел случай, который насторожил его.

Как-то утром он очнулся оттого, что Люся спрашивает его о чем-то, а он невольно сквозь сон отвечает. Как на сеансе гипноза. Бдительное око оказалось у него дома. Воспользовалось тем, что он опять стал разговаривать во сне. Что он ответил Люсе, и на какой вопрос, Сергей не помнил, потому что опять заснул.

Другой раз, также очнувшись под утро, Сергей сразу не открыл глаза, потому что что-то его встревожило. Сквозь чуть-чуть приоткрытые ресницы он увидел, как Люся осторожно приподнявшись в постели, обнюхивает его лицо и шею. Сергей сделал вид, что просыпается, зачмокал губами и отвернулся от жены. Значит, Люся подозревает его, но молчит. Духи! У Таечки другие духи, «Быть может». Надо бы такие же духи подарить жене. А после свидания с Таечкой тщательней умыться. В их коммуналке без ванной и душа непросто отмыть в тазу следы преступления.

Сергей теперь смотрел на жену другими глазами. И заметил, что она, оказывается, начала красить губы, чаще завивала волосы, старалась приготовить чего-то вкусненькое, кроме «бутербродиков». Тайно воевала с «соперницей». Даже принесла домой и спрятала на шкафу книгу «Белая и черная магия». Подсыплет еще какой-нибудь гадости, боялся Сергей, чтобы приворожить, да и отравит невзначай.

Но гордость Люси мешала успеху в этой борьбе.

Она уже не садилась к Сергею на колени, редко называла его «малышенькой». Мало рассказывала о своих опытах в университете и несправедливых выходках руководительницы ее диссертации. Однако надеялась переждать увлечение Сергея.

Но роман затянулся - и Люся стала действовать решительнее. Съездив к родителям в Киев, она завела речь о ребенке:

- Малышенька, мама все сокрушается, что может не дожить до внука. Ведь ей уже за семьдесят.

- Она не боится, что ты тогда не сможешь закончить диссертацию?

Он давно хотел, чтобы у них был ребенок. Может быть, он отвадит Люсю от поздних возвращений домой, от увлечений В.М.

А то ей можно флиртовать, а ему нельзя!

Но эксперименты по диссертации все затягивались. Люся уже закончила аспирантуру, а защищать пока нечего. Был бы ребенок - оба успокоились, была бы нормальная семейная семья, и ему не нужно было бы искать тайных встреч. И ей некогда было бы об этом думать.

Но ребенок может поставить крест на диссертации, в которую вложено столько сил.

- Ну и пусть. Годы идут. Потом будет трудно рожать, с моей сердечной недостаточностью. Да и ты сможешь. Ты у меня хороший, - свернулась она калачиком на коленях Сергея, как в первый год их семейной жизни. - Мама может нянчить внука. Она только об этом и мечтает.

- Лиса ты, Патрикеевна, - поцеловал ее Сергей за маленьким прозрачным ушком, прижав, как маленькую, к груди. - Я всегда был «за». Особенно, если ты с мамой считаешь, что у нас обязательно будет сын.

Эту ночь Сергей запомнил на всю жизнь. Потому что в первый раз почувствовал в своих объятиях столь страстную жену. Уж она постаралась! Даже звезды брызнули у него из глаз. «Родится гений», - подумал Сергей.

Самолет попал в яму. Сергея тряхнуло - и засосало под ложечкой. «А может быть, Люся решила родить ребенка, боясь, что я брошу ее, и она останется на всю жизнь одна? Иметь ребенка от законного брака - больше ничего ей не нужно. А муж - в тягость. Просила же она бесцеремонно «организовать» ей ребенка для подруги Нели».

На суде Люся объяснила причину развода по трафарету - несовместимость характеров, семьей давно не живем. Гордости не хватило, чтобы сказать? Приходила соперница и заявила, что у нее будет ребенок от Сергея. Такого напора от Таечки Сергей не ожидал.

- Вы ждете ребенка? - догадалась судья по внешнему виду Люси.

- Я не хочу, чтобы мой ребенок был таким же, как он, - хмуро покосилась Люся на сжавшегося Сергея. - Сама воспитаю.

Все повторяется. Сергей тоже не видел отца с рождения. Но виноваты ли в этом отец и мать?

- Я против развода, - твердо сказал Сергей. - Жить можно. Все можно уладить.

- Как? - воскликнула Люся сорвавшимся голосом.

- Она спешит, потому что хочет забрать из Киева больных старых родителей. А они со мной жить не хотят.

- Не трогай моих родителей, сочинитель! - слезы навернулись на ее глазах. Большие слезы на больших глазах Люси.

- Где же вы будете жить после развода? - спросила судья Сергея.

- Сниму «угол».

- Чего?

- Комнату сниму, - уточнил Сергей. - Но ребенка никто меня лишить не имеет права. Я буду платить алименты и участвовать в его воспитании.

- Конечно, - вздохнула судья. - Даже обязаны. Но надо еще родить.

- Не нужно мне от него никаких алиментов, - окончательно расплакалась Люся. - Ничего не ну-ужно-о!..

Сергею стало опять душно, и до рези в глазах краска стыда нахлынула на лицо.

На скрип кресла бабка в черном платке обернулась к Сергею, посмотрела на него пристально и сказала участливо:

- Распахни душу, милоч, станет легче.

Сергей хотел расстегнуть ворот рубашки, но он был давно расстегнут.

- Ошибка в цейтноте, - рассмеялся себе медноволосый парень. - А это самое коварное дело.

Солнце хлынуло в иллюминатор, самолет взревел и стал падать вниз.
«Запасный выход!»

Сергей дернул за рычаг и вывалился в открывшуюся дверь падающего самолета.

- Плати сам за круги своя! - кричал ему сверху сухопарый таксист.

Но Сергей не оборачивался, не мог обернуться. Он летел в белую пропасть неба, раскинув руки и ноги, и упал на белые облака.

- Душа отлетела, - вытирала бабка лицо черным платком.

Самолет вошел в зону облачности - и Сергея затрясло на жесткой телеге, летящей по булыжной мостовой его детства.

БОЙКОТ

Рассказ

Прилетев на неделю в Москву к «эпистолярному» отцу — как фамильярно величал Семенова его отпрыск,— Максим в первый же вечер рассказывал, с каким страхом, словно приговор, читал он список поступивших в институт. И Семенов невольно вспоминал такое же полуобморочное состояние, которое испытал тридцать лет назад.

Работая локтями, как и в жизни, рвались к этому списку абитуриенты. А отходили уже студентами или неудачниками. Все внутри оборвалось и померкло, когда Семенов не нашел своей фамилии в этом возвышающемся над толпой списке. Зато провалившийся на сочинении Кострин прошел. Вон его фамилия. Как же так? Проходной балл — двадцать один, он набрал двадцать два. Посмотрел второй раз — список, словно нарочно, скрывал его фамилию. И сердце замерло, и жизнь остановилась. Не может быть! И нашел-таки свою — Семенов! Как раньше-то не увидел?!

— Ура! Я студент!

Крик вывел Семенова из забытья. Он даже не осознал толком, сын ли

кричал или он — из той прошлой радостной дали...

— Где ты всегда берешь свежие фрукты? — Максим остановился у полированной тумбочки и, взяв из синей вазы румяную грушу, подмигнул в зеркале своей круглой физиономии с рыжей шваброй волос.

— На рынке, — почему-то насупился Семенов. — Ешь!

— А Кострин... — впился в грушу Максим. — Наш профессор по холодильным установкам...

— Какой Кострин? — едва не вскрикнул Семенов.

— Так, из Москвы перевелся, шизик. Да ладно, тебе все равно не интересно. — Максим открыл шкаф и стал наводить там ревизию. — Скажи лучше, зачем тебе два кожаных пиджака? Вещизм. Отдай один мне, я ведь теперь студент.

Семенову очень хотелось спросить, как зовут профессора, но он усилием воли сдержал себя. Страшно стало. Вдруг тот Кострин?..

...Когда же это началось? Пожалуй, на уборке помидоров...

Воскресное утро было солнечным. От каменного корпуса Больших Исад, пропахшего рыбой и хризантемами, разбитый автобус повез студентов рыбвтуза в поселок Киркили. Колхозники остались на базаре продавать приусадебные помидоры, а студенты, в который уж раз, направились в подшефный колхоз — спасти брошенный на полях урожай. Они и рады были вырваться за город. Ехали с песнями, ни одну из которых до конца никто не знал. Не пел только Кострин, сидевший на месте кондуктора. Ну, как же, будет он петь с толпой! Не обращая ни на кого внимания, он непрестанно хрупал галеты, доставая их из спортивной сумки. О такой — на молнии, на ремне через плечо — мечтал, наверное, каждый сидящий в автобусе. А у всех прихваченные из дома завтраки болтались в авоськах, повешенных на крючки.

За грязными окнами автобуса разбегались, кружась, бесконечные грядки чахлой бурой ботвы с красными помидорами. Ее чуть кисловатый запах освежал пыльную духоту в салоне автобуса. Студентов высадили в поле рядом с развалом штабелей почерневших от мятых помидор ящиков.

Работа была знакомая, задание невыполнимое, спорить не с кем — и студенты, взяв по разбитому ящику, цепью стали прочесывать пересохшие грядки. Мелкие, кривобокие помидоры терялись в исхудавшей, повалившейся ботве.

— Кострин, поживей давай! Люди по второй грядке заканчивают, а ты все на первой топчешься! — крикнул староста группы Янаев, улыбаясь, как всегда, во весь рот и подмигивая Семенову вылупленными, покрасневшими от жгучего солнца глазами. Такое впечатление, что он когда-то вылупил глаза от удивления, что родился, и таким удивленным остался на

всю жизнь.

Янаев не стал бы придирааться к другому, застрявшему на грядке, но Кострина не любила вся группа.

Кострин выпрямился, держась за поясницу, наморщил большой попугайский нос и огрызнулся:

— У меня спина болит.

— Ишь, удивил! У всех болит! Почему мы за тебя должны работать? — затараторила Горышева, так картаво, как будто сосала леденец, и, мотнув головой, забросила пышные волосы за спину.— Давай, давай! Пошевеливайся! Девушки обгоняют.

— Это тебе не шахматы перед Полынским расставлять,— потряс ящиком с помидорами Умелое. И откуда он только узнал, что Кострин играет в шахматы с грозным институтским доцентом?!

Семенов видел, что Кострин накалился до предела: пожелтел, весь подтянулся.

— Да плевал я на вас и на ваши помидоры! — процедил он сквозь зубы и, пихнув почти пустой ящик импортным ботинком, пошел по дороге в сторону города.

— Чекнутый! — повертела грязным пальчиком у виска раскрасневшаяся от работы Горышева.— Доплюешься!..

Группа не простила Кострину выходку на уборке помидоров. «За дезертирство с трудового фронта» ему поставили на вид и обязали группу заняться перевоспитанием «отрывающегося от коллектива» комсомольца.

Кострин после инцидента в колхозе ни с кем не разговаривал. Он заметно отстал в учебе, но помощи не просил. Да никто и не вызывался ему помочь.

Как-то раз на большой перемене Семенов обратил внимание, как Кострин остановился на некотором расстоянии от группы ребят, окружавших Коконова.

— Танки — ерунда,— говорил отслуживший в армии Родион.— Сейчас ракета — богиня войны...

Кострин заискивающе смотрел на рассказчика. На его попытки встать в круг не обращали внимания. С какой стороны он ни подходил, везде натыкался на спины. О чем думал в этот момент Кострин? Его глаза не выражали ни обиды, ни тоски одиночества. Большие, светло-коричневые, блестящие, как застывшая патока, они были похожи на глаза бездомной собаки, что вертится под ногами, виляя хвостом и заглядывая в лица бесстрастных прохожих.

Вскоре после этого в группу пришел корреспондент местного радио

и предложил провести в открытом эфире диспут на тему «О дружбе и взаимном уважении в коллективе».

Поначалу даже самые бойкие замирали перед микрофоном, словно кролик под взглядом удава. Но когда разговор зашел о Кострине, диспут разгорелся.

— Он не понимает, что мы хотим ему добра,— говорил с приветливой улыбкой добродушный Коконов. — Однажды, когда он заболел, решили навестить. Все же живой человек – жалко. Вот Семенов учился с ним в одной школе, знает его мать хорошо. Скажи сам, Сергей!

Но Сергей промолчал, покраснев, почувствовав впервые то смущение, которое находило всякий раз на него при воспоминании о Кострине. Получалось, что он как бы не защитил друга - тоже предательство.

- Ну ладно, после он выступит, - продолжал Коконов. - Семенова мы попросили с матерью Кострина поговорить. Но как он нас встретил?! «Знаю,— говорит, — почему вы пришли. Вас декан Полынский пригнал». Ну, мы, конечно, обиделись и ушли.

— А зря,— сказал корреспондент.— Может, Кострин хотел убедиться, что не по приказу декана вы его навестили, а пришли сами...

«Да просто он вредный,— подумал тогда Сергей, как бы и в свое оправдание, перестав слушать корреспондента, который наговаривал в микрофон хорошо поставленным голосом прописные истины. — И в школе был таким же вредным».

Щупленький, с большим носом, оттопыренными ушами и выпученными глазами, желтый от злости, Кострин во время диспута был похож на воскового гнома, который стоял у него на письменном столе.

Сергей бывал не раз у Кострина дома. Там поражала его не столько богатая обстановка, сколько то, что в доме всегда, даже зимой, стояли в синей вазе на полированной тумбочке свежие яблоки, груши, виноград.

— Где вы их берете? — как-то спросил Семенов, глотая слюнки.

— На базаре,— лениво ответил Илья.— Ешь, я не хочу...

Обо всем этом вспомнил Семенов во время диспута, и выступить ему почему-то не хотелось...

- Он товарищам лжет на каждом шагу, - глянув на потупившегося Кострина, удивился Янаев. - Вот случай. Спрашиваю его: «Ты пересдал математику?» Кивает носом... Помнишь, Кострин, ты еще сказал при этом: «Такой трудный билет достался»? - Тот промолчал, как будто его не касалось. - Ну вот, не отвечает... Потом выяснилось, что он и не думал

пересдавать. Я все-таки староста. Зачем же врать, а? - Янаев вздохнул глубоко и сел.

— Он товарищам лжет на каждом шагу,— глядя на потупившегося Кострина, рубил староста Янаев.— Вот случай. Спрашиваю его: «Ты пересдал математику?» Кивает носом... Ну, в общем: «Да, да». Помнишь, Кострин, ты еще сказал при этом: «Такой трудный билет достался»? — Илья молчал, как будто его это не касалось.— Ну вот, не отвечает... Потом выяснилось, что он и не думал пересдавать. Я все-таки староста. Зачем же врать, а? — Янаев вздохнул глубоко и сел.

Вся аудитория взорвалась.

Корреспондент, казалось, уже и не рад был своей затее.

— Плохо, что ему все сходит с рук,— кричал Умелов.— Как-то ему поставили двойку по физике, так он оскорбил ассистента. Хлопнул дверью и ушел из аудитории! Ну, думаем, теперь Кострину несдобровать. На другой день пришел, как ни в чем не бывало. И никаких извинений... С него как с гуся вода. Неприкасаемый нашелся!

Ребята говорили нескладно, но от души. Эмоционально выступала Галя. Галчонка, миниатюрную, с короткой стрижкой кареглазую девчонку, любили все. Сергей даже посвятил ей свое стихотворение.

— Ты слишком гордый, Илья,— говорила Галя,— а гордиться-то тебе нечем. Я бы, наверное, не выдержала такого стыда, если бы вот так, как ты, осталась одна в группе.

Через несколько дней после того, как диспут прозвучал по радио, куратор попросила группу остаться в аудитории: «Кострин хочет сказать что-то важное».

— Конечно, товарищи,— начал читать Кострин, помялся с ноги на ногу, встряхивая плечами, будто поправлял замшевый пиджак, нагнулся близоруко над столом, дотронулся дрожащим пальцем до листка и продолжил: — Я виноват в том, что не участвовал в общественной жизни группы. Но... вы тоже виноваты. Вы не поняли меня...

Сергей хотел после этих слов встать и уйти. Но все сидели и слушали. Кострин читал по листку почти тот же самый текст, что и на радио. А мы-то думали, открытый эфир. Его выступление записали в студии, а запись диспута в аудитории. И покаяние выглядело скучно и формально.

- Кто тебе написал? - спросил Янаев.

- Ты своими словами скажи, - предложила официально Горышева. - Мы лучше пойдем.

«Какие же мы живодеры!» - подумал Сергей.

- Может, тебе лучше уйти на завод? - предложил Коконов. Он после армии два года проработал перед институтом на заводе токарем. - Там сразу поймешь, что ты за человек, и каким нужно быть в коллективе. Там стружку быстро снимут. Тебе же лучше будет.

- Мне и здесь неплохо, - вдруг злобно огрызнулся Кострин. - Что-то ты, Коконов, на заводе не остался...

- Да сколько можно с ним цацкаться?! - вскочил с места Янаев и побежал вниз, вдоль скамеек, к доске, чуть не сбив стоящего у стола Кострина. - Носимся два года с этим Костриным, как с писаной торбой. То Сергей ему мстит, то Коконов ему мешает... - кричал он у доски. Не поддающиеся расческе волосы Янаева придавали ему вид петуха с наклоненным набок гребнем...

И Сергей вдруг подумал: «А если бы так меня честили?..»

Группа решила просить ректора отчислить Кострина из института за систематическую неуспеваемость и противопоставление себя коллективу. Янаева, Горышеву и Семенова группа направила к ректору с протоколом общего собрания.

Выслушав запальчивых студентов, ректор улыбнулся.

Выслушав студентов, ректор улыбнулся и, положив руку на плечо Семенову, сказал проникновенно:

- Поймите, други вы мои, я не имею права отчислять дисциплинированного студента, сдавшего все-таки экзамены пусть даже на тройки. А «хвосты», к сожалению, не только у него одного. Помогите ему подтянуться в учебе, если вы так уж за него беспокоитесь. Не спешите выбрасывать товарища из своей студенческой семьи. Надо помочь ему почувствовать себя равным среди равных. Неисправимых людей нет. А Кострин - хороший спортсмен, имеет высокий разряд по шахматам и велоспорту. Он - из хорошей семьи. Его мать - учительница, отец - директор завода, кстати, член экзаменационной комиссии нашего института... - Седой ректор вздохнул и добавил: - И вообще времена меняются, мы вводим на будущий год платное обучение.

Ректор даже не взял протокол собрания группы.

На другой день после собрания Кострин, проходя в аудиторию мимо однокурсников, сказал с вызовом:

- Ну что, не вышло?..

Ребята объявили Кострину бойкот. Его просто никто не замечал. Не разговаривали с ним на переменах... А он, казалось, плевать хотел на наше невнимание.

Шло время. Кострин вел себя независимо, показывая, что он ни в ком не нуждается. Всем своим видом он показывал: «Плевать я на всех хотел. Как-нибудь доучусь, папа в обиду не даст. Кончу институт, и больше не увижу ни этого Янаева, ни эту Горышеву, ни этого Семенова. Мне с ними детей не крестить». «Но какой инженер,— думал Семенов,— получится из этого существа?»

Бойкот все же оказался сильным оружием. Отец Кострина перевел сына из рыбного института. Но куда? В Москву!

«А может, Кострин и не понимал вовсе нашего бойкота? — думал Семенов, делая вид, что слушает рассказ сына о придуманном им долговечном сальнике. Семенов когда-то сам решал эту вечную задачу холодильщиков.— Не принимал бойкота, потому что не понимал его. Жил себе и жил и сам себе был интересен. Его не приглашали в кино, сбегая всей группой с лекций? А он и не хотел смотреть этот фильм, тем более не собирался сбежать с занятий, которые ему теперь пропускать было нельзя. Не приглашали его на вечеринку к Умелову? А ему и так мать не разрешала. Не разговаривали с ним на перемене? И хорошо. Он одиноко расхаживал по коридору, обдумывая решение очередной шахматной задачи. У него был свой внутренний мир, свой круг общения в городском шахматном клубе. Играл он иногда в шахматы и с преподавателями института. Но в студенческой олимпиаде участвовать отказывался. Не хотел встретиться за доской с кем-нибудь из однокурсников...»

— Как зовут вашего Кострина? — перебил болтовню сына Семенов.

— Лев Борисович. А что? — удивился неожиданному вопросу Максим.

— Так! — перевел дух Семенов.— Знал я одного Кострина, того звали Илья...

1987 год

«NOTEBOOK»

Рассказ

Студент четвертого курса Дорожного института Игорь Жуглов во второй половине дня в понедельник 24 сентября пришел в районное отделение милиции Москвы с заявлением об ограблении.

Рыжий парень в сером плаще стал рассказывать в комнате следственного отдела сидящему перед ним за столом сухощавому старшему следователю капитану милиции Александру Лагунину, как было дело.

- Двадцать первого сентября в восемь часов вечера на меня напали грабители, избили, отняли дипломат с деньгами и столкнули в пруд у станции метро «Шоссе энтузиастов».

- Сколько было денег? - спросил Лагунин.

- Более десяти тысяч долларов. Я могу опознать одного из грабителей - у него очень короткие ногти на пальцах.

- Давайте все по порядку, с самого начала, - предложил старший следователь.

Из объяснений Игоря Жуглова стало известно следующее.

21 сентября, в пятницу, около часу дня Жуглов принес домой сокурснику Анатолию Ашплову 5 тысяч долларов для покупки портативного компьютера «Notebook». У него было еще 100 долларов комиссионных Ашплову за маркетинговые услуги.

Два японских компьютера Ашплову за неделю до этого обещал продать его знакомый студент Торгового института Юрий Мидиа. Встреча с Мидиа была намечена на эту пятницу в 15.00 в метро «Варшавская». Дома сделка состояться не могла, так как отец Мидиа, начальник отдела Министерства торговли, и отец Ашплова, генерал, как госслужащие, не разрешали сыновьям заниматься коммерцией.

- Капуста с собой? - спросил Ашплов.

- Пять штук, - Жуглов вынул из бордового дипломата конверт с долларами.

- Положи туда и мои пять, - протянул ему пачку долларов Ашплов.

- Смотри, какой фаллос! - показал Жуглов брелок для ключей - маленького бронзового человечка с большим половым членом. - Из Турции. Дело выгорит - отдам тебе с комиссионными.

- Таким можно груши околачивать, - рассмеялся Ашплов и стал звонить Мидиа.

Но продавец изменил время и место, назначив встречу на 20.00 у станции метро «Шоссе энтузиастов».

- Боится лишних свидетелей, - пояснил огорченно Ашплов.

- А ты? - спросил иронично Жуглов.

- Отец не пустит - надо химию учить. Ты же знаешь, у меня «хвост» за прошлый год, в понедельник - экзамен.

- Я один схожу, - предложил Жуглов. - Парень не очень крутой? Как

он выглядит?

- Давай составим фоторобот, - включил компьютер Ашпотов. - Он низкорослый абхазец. Худой, понятно, чернявый, подбородок маленький, нос длинный, уши большие, глаза посажены близко, как у преступника. Похож, только наглее.

- И мой фоторобот составь, - предложил Жуглов, чтобы лучше описать ему меня по телефону.

Игорь Жуглов пришел на станцию метро «Шоссе энтузиастов». Стоящий в конце зала парень в сером свитере и вельветовой черной куртке с темно-синей сумкой на плече по приметам походил на Юрия Мидиа.

- Ждешь Толика? - спросил Жуглов.

- А что? - насторожился парень. - Да.

- Он не придет, отец не пустил - к экзамену готовится. Я за него. Он тебе не позвонил?

- А как его фамилия?

- Ашпотов. А тебя как зовут? - спохватился Жуглов. - Меня - Игорем

- Юра, - пожал Мидиа протянутую руку. - Капуста с тобой?

- Да, - кивнул Жуглов. - А техника?

- В сумке, - Мидиа на ходу перекинул тяжелую сумку на другое плечо - Пошли, здесь менты шмонают.

В слабоосвещенной аллее у пруда Мидиа сказал на ходу:

- Добавились пять процентов комиссионных посреднику.

- Толик не говорил, - приостановился Жуглов.

- Зато чистая Япония, а не Гонконг.

Из-за кустов навстречу вышли два парня. Они быстро приближались.

- Спичек нет, прикурить? - спросил Юрия коренастый.

И тут Жуглов неожиданно получил сильный удар кулаком в лицо от верзилы. Кинулся бежать к метро, но кто-то метнулся в кустах ему наперез - и Жуглов упал. Верзила наступил на него, стал бить руками и ногами, прижал к земле и зашарил по карманам. Вскоре подоспел коренастый грабитель. В руках у него ничего не было.

- Тот парень смылся, гад, - сказал он, оправдываясь.

Оба грабителя молча били вырывающегося Жуглова. Сняли с него часы «Casio», отняли брелок с ключами, авторучку «Паркер», сигареты и студенческий проездной.

- Нет у него денег, - тихо сказал верзила, - возьми дипломат.

Коренастый схватил валявшийся в стороне дипломат и исчез в темноте. А верзила стал снимать ботинки с Жуглова.

- Не нашел? - спросил быстро вернувшийся грабитель. - У него

должны быть деньги.

- Куда спрятал? - пнул Жуглова ногой в бок верзила. - Отдай, падла, хуже будет - утоплю.

- Нет у меня, - хныкал испуганный Жуглов. - Берите плащ.

- Черт с тобой! - отступил верзила. - Лежи пятнадцать минут. И попробуй пикни.

Грабители побежали в сторону от метро, а Жуглов стал надевать ботинки. И тут его подхватил кто-то и швырнул в пруд.

Игорь Жуглов продолжал рассказывать старшему следователю о своей беде.

- Добрался на такси домой, отец расплатился. Дома - шум. Я позвонил Ашплову - он разозлился, не поверил, обещал позвонить Мидиа. Но тот сразу уехал в Питер на день рождения брата.

- Почему на другой день не обратились в милицию? - спросил Лагунин.

- Заболел, простыл после холодного купания. Вот справка от врача. А во-вторых...

24 сентября, в понедельник, утром Игорь Жуглов встретился в институте с Анатолием Ашпловым, после того, как тот сдал успешно экзамен по химии. Они вышли во двор, сели на повалившееся дерево у забора и пили пиво из банок.

- Когда ты позвонил, я подумал, что врешь, чтобы пять кусков моих прикарманить, - сказал Ашплов.

- Пошел ты, козел! - разозлился Жуглов. - Пошли в милицию заявим.

- Ты что, меня отец убьет! - испугался Ашплов. - Раз. Или бандиты отомстят. Два. Дождемся Мидиа из Питера... Может, вы с ним меня разыграли, а деньги мои - пополам?

- Совсем рехнулся. Тогда я один в милицию пойду.

Вызванный в районное отделение милиции 26 сентября белобрысый студент Анатолий Ашплов добавил по делу старшему следователю Лагунину немного.

- Знал Мидиа раньше? - спросил Лагунин.

- Познакомились в пионерском лагере. Особой дружбы не было. Так, шмотки заграничные достать. А сейчас их навалом везде, - нехотя отвечал Ашплов.

- Почему не пошел на встречу с Мидиа сам?

- Отец велел учить химию к экзамену.

- Почему не предупредил Мидиа, что придет Жуглов?

- Звонил, но его не было дома.

- Мидиа учился в Санкт-Петербурге, почему перевелся в Москву?

- Не знаю.

- У Мидиа есть своя фирма?

- Не знаю.

- А у тебя? Тоже не знаешь?

Ашпотов молчал.

- А что торговля с рук да еще за наличную валюту запрещена, тоже не знаешь? Может, поэтому сам не пошел на встречу?

- Все торгуют.

- А в милицию заявить тоже отец не пустил?

- Бандиты могут отомстить.

- Так ты не будешь подавать иск?

Ашпотов потупил голову в раздумье.

26 сентября около полуночи старший следователь Александр Лагунин и инспектор уголовного розыска Владимир Глуховский вели в кабинете следственного отдела разговор о результатах оперативной работы по уголовному делу о «Notebook» .

- Я подъехал к ПТУ (производственно-техническое училище), - рассказывал Глуховский, довольно поглаживая черные седеющие усы, - попросил мастера его задержать. В душевой и забрали, голенького. А если бы ушел домой - могли упустить.

- А этот абхазец - крепкий орешек, голеньким не дастся, отец шишка, - размышлял Лагунин. - Удивительно, что вы его задержали. Мог бы сказать, что никакого Ашпотова не знает - он действительно его не знал, - и никто его не грабил, на вокзале был - к брату на день рождения уезжал.

- На пушку взяли. Зато все теперь в изоляторе, - помутнел зелеными глазами Глуховский.

- Все? - потер плоский подбородок Лагунин. - А кто прятался в кустах?

Следователь Лагунин в своем кабинете вел допрос Юрия Мидиа.

- Абхазец? Переводчик нужен?

- Нет. На каком основании меня задержали? - вызывающе спросил Мидиа.

- Вот заявление двух человек, - Лагунин протянул листки сидевшему у стола парню, - о том, что ты пытался продать им два компьютера «Notebook» с рук и за наличную валюту, а это запрещено.

- А кто видел у меня эти компьютеры? - ухмыльнулся Мидиа, опи-

раясь на ладонь маленьким подбородком и держа мизинец во рту. - И я не видел наличную валюту.

- И как же было дело? - спросил Лагунин, раскручивая фильтр докуренной сигареты.

- Я встретился с парнем от Ашплотова, имя не помню, договорился о цене за компьютеры, которые обещал помочь купить через «комок». На нас напали два парня. Мы сбежали. Никого не помню - было темно.

- Сумку отняли?

- Да, - ответил Мидиа после заминки.

- Эту? - Лагунин вынул из железного шкафа большую темно-синюю сумку.

- Похожа. Таких в Москве много.

- Но компьютеров в ней не нашли.

Мидиа пожал плечами - и Лагунин понял бестолковость своего выпада.

- Будешь подавать заявление о нанесенном ущербе?

Мидиа так же молча покачал отрицательно головой.

- Почему?

Следующим был вызван на допрос Александр Попов. Он щурился сонными глазами после темного изолятора. Время было полночь. Длинные светлые волосы делали его похожим на девушку.

- Схватил дипломат и куда отнес? - переспросил Лагунин.

- Спрятал в кустах, - вымученно ответил Попов.

- А потом?

- Взяли из дипломата деньги, черный целлофановый пакет, а документы и тетрадки выбросили на помойку, - морщил низкий лоб Попов. - Потом дипломат спрятали на открытом чердаке дома «Диеты» на улице Перовской

- С кем?

- С Володей Роновым.

- Сколько денег?

- В записной книжке мы нашли сто долларов, обменяли на рубли на Калининском проспекте и истратили в кафе «Валдай».

- Это там вы бутылку джина этим членом затыкали? - Лагунин положил перед Поповым турецкий брелок с ключами.

- Откуда вы знаете? - проснулся сразу подозреваемый.

- А конверт с десятью тысячами долларов тоже в кустах спрятал? - резко спросил Лагунин.

- Какие десять тысяч? Так много? Не было никаких тысяч! - замахал руками Попов.

- Дипломат где сейчас?

- Я продал его парню в училище.

- Кургашеву? - Лагунин достал из железного шкафа бордовый дипломат.

- И это вы знаете! - парень закрыл лицо руками.

Лагунин показал ему листки исписанной бумаги:

- Вот показания Алексея Кургашева о том, что ты продал ему дипломат, вот - протокол опознания Жугловым его вещей.

- Я все расскажу, гражданин следователь, - взмолился Попов. - Мне зачтется чистосердечное признание?

- Что ты писаешься под себя по ночам? - усмехнулся Лагунин.

- Мать сболтнула? - вскочил Попов.

- Все на работе знают, - буркнул Лагунин, недовольный тем, что озлобил в ненужный момент подследственного. Подпиши протокол допроса.

Пономарев достал ручку «Паркер» и стал подписывать. Лагунин схватил его за руку.

- А «Паркер» у Жуглова отнял?

- Да, - отшвырнул ручку Попов.

- Вот я и поймал тебя, - сказал Лагунин, забрав ручку, и выглянул за дверь кабинета: - Понятых ко мне!

Представительный высокий парень в пальто мышиного цвета, в модных ботинках «Salamander» с заплаткой сбоку, давал показания старшему следователю Лагунину, нервно покусывая заусенцы. Несмотря на поздний час, он не выглядел сонным.

- Все рассказал? - спросил Лагунин. - Теперь давай начистоту. Где был с 21 по 26 сентября?

- Прятался на даче брата.

- Кто тебя видел? Может подтвердить?

- Никто.

- Где украденные десять тысяч долларов?

- Кроме ста долларов мы ничего не нашли.

- Что ж, потерпевший Жуглов врет?

- Может быть.

- Где украденные два компьютера «Notebook»?

- Я их не видел.

- А эту сумку у тебя нашли дома при обыске. В ней Мидиа нес компьютеры?

- Это моя сумка. Мало ли таких по Москве?

- А черный целлофановый пакет где? - Лагунин полез в шкаф.

- Какой пакет? - насторожился Владимир Ронов.

- Вот этот, - Лагунин вынул пакет из шкафа. - Твой однокашник

Рожков дал показания, что ты ему его подарил. А вот протокол опознания Жугловым его пакета. - Следователь показал листки парню.

- Значит так, - потупился Ронов.

- Покажи руки! - неожиданно резко приказал Лагунин.

Ронов перестал грызть заусенец и показал ладони, на которых слесарная пыль четко выявила линии руки.

- Плохо мыл? - спросил Лагунин, исподволь зарисовывая линии на левой ладони парня.

- Слесарную пыль мой - не мой...

- Переверни ладони.

Ронов повиновался.

- По этим коротким ногтям Жуглов и запомнил грабителя. Хочешь посмотреть, что говорят такие ногти о человеке? - И не дожидаясь согласия, Лагунин включил на дисплее файл «Хиромантия». - Очень жадный, прижимистый.

- А ваши ногти что говорят о вас? - насмешливо спросил Ронов.

- Где часы «Casio», которые ты снял с Жуглова?

- Продам первому встречному. Я возьму ущерб, гражданин следователь, - закончил вдруг Ронов. - Только десяти тысяч долларов не было.

- Возьму! - передразнил Лагунин. - Этим не отделаешься. Получишь на полную катушку по двести седьмой статье, как «паровоз».

- Какой паровоз?

- Организатор нападения с угрозой для жизни потерпевшего, - пояснил Лагунин. - Чуть не утопили Жуглова. Сумку у тебя нашли. Компьютеры и десять тысяч долларов утаили...

- Никакой я не «паровоз», - прервал его Ронов.

- Зря утаиваешь от следствия, - раскручивал фильтр докуренной сигареты Лагунин. - Кто был с вами третий, в кустах?

- Никто.

- А в кафе «Валдай» за столом вас было трое - официантка запомнила, Кто третий?

28 сентября старший следователь Лагунин поздно задержался в своем кабинете. К нему заглянул инспектор Глуховский.

- Что сегодня такой разряженный? - спросил он.

- На смотрины ходил к прокурору, - ответил Лагунин. - С делом о компьютерах. Из прокуратуры Абхазии был звонок. Заступаются за Мидиа.

- Давят? - вздохнул Глуховский. - Политика.

- Отстоял пока, - закурил Лагунин. - Извещение прокурору подал. Завтра он обязан или дать санкцию на заключение под стражу, или освободить задержанных. А ни денег, ни компьютеров мы так и не нашли.

- И ты в хиромантию ударился, - покачал головой Глуховский, глядя

на экран дисплея.

- Мальчик мне не только пальчики оставил на дактилоскопию, но и линии ладони. Смотри, вот буква «Г» в центре ладони - это суд, - показывал курсором Лагунин. - Чуть правее и ниже - незавершенная сетка из линий - это тюрьма. А вот в зоне Марса резкий крест - это склонность к убийству. Чем не «паровоз» этот Ронов?

- Подожди с «паровозом», - прервал его Глуховский. - Мы вагон нашли, в котором Мидиа уезжал 21 сентября в Питер. Догадываешься, с кем уезжал?

На очной ставке Мидиа и Ронов нервничали, а Лагунин и Глуховский пытались аргументами заставить их говорить правду.

- Гражданин Ронов, ты сказал Попову, что у метро «Шоссе энтузиастов» 21 сентября вечером вы отнимете деньги у «купца». От кого ты узнал об этом «купце»? - спросил Лагунин.

- Сейчас куда ни плюнь - везде в «купца» попадешь, - парировал Ронов.

- А почему не приглашал отнять два компьютера «Notebook»? - спросил наудачу Лагунин.

- Откуда я знал о них?

- Кто был в комнате, когда ты звонил по телефону Попову в тот вечер? - спросил следователь.

- Никого... мать была на кухне.

- Вот мать дала показания, что в этот вечер у вас в квартире был... Мидиа, даже пел под гитару по ее просьбе, песни, - протянул протокол допроса Лагунин.

Ронов даже вскочил от неожиданности, но быстро сел, метнув растерянный взгляд на Мидиа.

- Старая дура дни перепутала, - разозлился Мидиа.

- Молчать! - крикнул на него Лагунин. - Подсказка не поможет.

- Вы давно знакомы, - сказал оперативник. - Раньше жили в одном доме с Мидиа.

- Гражданин Мидиа, ты подговорил Ронова и Попова на ограбление своего давнего приятеля и разработал этот преступный сценарий? - спросил Лагунин.

- Может, Ронов? - заерзал на месте Мидиа.

- В Санкт-Петербурге такой же случай тебе сошел с рук, только пришлось перевестись в Московский институт, - припер его инспектор. - Но сейчас номер не пройдет.

- Это не доказано, - огрызнулся Мидиа. - Если я «кавказской национальности», значит преступник, да?

- Не передергивай, политика тут не причем, тем более это - сплетни

политиканов. Ты обыкновенный грабитель и позоришь свою нацию. И заступничество твоего высокого папы не поможет, - поставил точки над «і» Лагунин. - Пора менять «паровоз». Рассказывай всю правду, гражданин Ронов, это в твоих интересах.

Владимир Ронов стал давать новые показания. В его квартире Юрий Мидиа играл на гитаре и пел хрипловатым голосом: «Миллион, миллион алых роз...», ребята выпивали. Мать была на кухне.

- Позвони Мишке Миронову, - сказал Мидиа. Ронов взял телефонную трубку:

- Можно Мишу?.. Ушел в кино?.. Девушку провожать?.. Когда придет?.. Поздно?.. Извините... Володя звонил. До свидания.

- Жалко, - вздохнул Мидиа.

- Давай Сашку Попова позовем, - предложил Ронов. - Он же в нашем доме.

- Тогда надо менять место встречи, - решил Мидиа. - Ближе к дому, в метро «Шоссе энтузиастов». Чтобы успеть свалить, в случае чего.

- Только с Сашкой лучше ночью ходить, - размышлял Ронов. - Днем побоится, народу много. Да, поди, опять мать заставила его полы мыть в институте. Парень, а уборщицей работает.

- Тряпка, - брезгливо фыркнул Мидиа.

- Саша, ты? - звонил Ронов. - Я думал ты в институте с матерью. Твое счастье. Заскочи ко мне - дело есть... Денежное... Сейчас прибежит, - положил он трубку.

- Сашке говорим, что идея - твоя, понял? - предупреждал Мидиа. - Я лишь «купца» нашел. Сделка за наличную валюту - в милицию не заявит. Дело чистое. Пусть нападет на меня, а ты «купца» потроши. Понял?

- Понял, - Ронов взял стопку. - За чистое дело. Ребята выпили.

- Дай мне твою сумку на плечо, - продолжал Мидиа, хрустя огурцом.

- Набьем туда газет и пару кирпичей бросим для веса.

- Чистая Япония, «Notebook»! - ребята расхохотались.

- Вова, звонят, открой! - раздался из кухни голос матери. - Да спроси, кто.

- Сейчас, мам! - крикнул Ронов и кинулся к двери.

Очная ставка Мидиа и Ронova в кабинете следственного отдела продолжалась.

- Потерпевший Жуглов утверждает, что конверт с деньгами был в дипломате, - говорил Лагунин. - Гражданин Ронов, ты взял конверт с день-

гами из дипломата, пока не подошел Попов?

- Нет, я прижал парня к земле и руки были заняты, - ответил Ронов.

- Гражданин Мидиа, где ты был, когда Попов передал тебе дипломат, в кустах? - спросил Лагунин.

- В подъезде дома, в котором магазин «Диета», на Перовской улице, - ответил Мидиа.

- Здесь? - Лагунин показал магазин «Диета» курсором на экране компьютера.

- Да, - кивнул Мидиа.

- Покажи где ты повалил Жуглова? - обратился следователь к Ронову.

- Вот здесь, - показал Ронов в зелень на берегу пруда.

- И не надо выезжать на место преступления для идентификации, - хмыкнул инспектор.

- Сколько ты с дипломатом ждал своих сообщников? - спросил Лагунин.

- Минут десять, - ответил Мидиа.

- Подтверждаешь? - спросил следователь Ронова.

- Минут двадцать, - прикинул тот.

- Придется выезжать на место преступления, - вздохнул инспектор.

- Да не было у «купца» никаких денег, - злился Мидиа. - Блефовал.

- Думаешь, как ты с кирпичами? - зыркнул на него Лагунин. - Чтобы вынуть конверт и спрятать в карман, и двух минут хватит. - Следователь указал на бордовый дипломат на столе: - Ну-ка быстро открой дипломат, вынь конверт, спрячь в карман и закрой. Включаю таймер, - и нажал на клавишу. На компьютере включился таймер.

Мидиа выполнил всю процедуру за две минуты и сказал:

- Но тогда дипломат был заперт на ключ. Когда Ронов принес ключи, мы еле его открыли.

- Подтверждаешь? - спросил следователь Ронова, тот кивнул.

Тогда Лагунин достал турецкий брелок с ключами и запер дипломат. Потом вынул из железного шкафа пакет с личными вещами Мидиа, высыпал содержимое на стол.

- Твои вещи? Все на месте? - Мидиа подтвердил, а Лагунин вынул из кучи ключи и протянул их ему: - Открывай дипломат!

- Ничего не буду делать и говорить, - отвернулся от него Мидиа.

- А ты вынь конверт-то из кармана, - потребовал с усмешкой Лагунин.

- Мидиа спохватился, вынул конверт и швырнул его так, что высыпались долларовые купюры на стол.

- Нате вашу «куклу», - прошипел он.

- Это деньги потерпевшего Жуглова, - сказал инспектор Глуховский, - которые ты сдал с вещами в камеру хранения Ленинградского вокзала вот по этой квитанции, - и Глуховский вынул из кучи на столе квитанцию

камеры хранения, добавив: - На фамилию Мидиа.

- Гражданин Мидиа, ты полностью изобличен в организации ограбления и утайке украденных денег, - сказал старший следователь Лагунин. - Вот постановление о привлечении тебя в качестве обвиняемого, ознакомься.

- Во сука! - выругался на Мидиа вскочивший Ронов.

- Сволочью оказался, - прохрипел Лагунин и пояснил свою игру: -«Оптимистическую трагедию» смотрел?

Старший следователь Лагунин опять засиделся допоздна на рабочем месте, готовя на этот раз обвинительное заключение по делу о компьютерах.

- Не все концы сходятся, - говорил он сам себе. - Жуглов кого-то спугнул в кустах. Может, пьяного бомжа? - полистал материалы дела, вдруг оживился: - Подожди, а приятель Ронова - Миронов? Ему же звонили? Провожал девушку из кино, надо проверить еще раз.

Раздался телефонный звонок.

- Капитан Лагунин слушает... Привет, Глуховский... Что, Володя?.. Ищу четвертого, в кустах... Отец его сам заявил?.. Неужели этот парень был?..

Ашпотов и Жуглов сидели в кабинете следственного отдела за столом, на котором были разложены украденные у Жуглова вещи.

- Подпиши расписку в получении твоих вещей, - подвинул Лагунин листок Жуглову. - Собирай их и храни до суда.

- А деньги? - спросил Жуглов, подписывая расписку, и стал укладывать в дипломат пакет, записную книжку, студенческий проездной билет, авторучку «Паркер», часы «Casio», брелок с ключами.

- Суд решит, - ответил Лагунин. - Еще вопрос, где вы с Ашпотовым взяли столько наличных долларов, не со стипендии же?

- У меня справки из обменного пункта, - поспешил с оправданием Ашпотов, показывая следователю бумаги. - А рублями отец дал.

- Справки ты захватил кстати... И еще, ознакомься с постановлением о признании тебя потерпевшим, - протянул Лагунин листок Жуглову.

- А я - не потерпевший? - спросил обиженно Ашпотов.

- А теперь - с тобой, - наконец обратился к Ашпотову следователь. - Кстати, об отце. Твой отец заверил наших оперативников, что отпустил тебя погулять вечером 21 сентября. Где ты был в момент ограбления?

- Так это ты прятался в кустах! - возмутился Жуглов. - Из-за тебя, гад, я упал и поэтому не смог убежать?

Ашпотов весь сжался и, заикаясь, забормотал:

- Я... я... хотел проверить... испугался!..
2002 год

ОЧЕРКИ

КРЕСТЬЯНСКИЙ АТАМАН АЛЕНА

По сполошному Темникову сквозь толпу зевак и сыщиков, сочувствующего и клянущего, каявшегося и паникующего люда, ог-

ражденного рядом стрельцов, шла на Базарную площадь атаман Алена, в мужском разорванном и прожженном в пытках платье, впряженная в телегу с травами и кореньями, берестяными заговорами и прелестными письмами.

«Колдунья!.. Колдунья!..» — кричали ей вслед.

Алена насупила лоб, сдерживая стоны от боли в сожженных ранах. Но шла сосредоточенно твердо вперед, к возвышающемуся на сколоченном наспех постаменте сруб, золотящемуся на морозном солнце свежееотесанными венцами. И выступали на сучках янтарные слезы — и сруб предстояло сгореть вместе с мятежной монахиней.

Изредка Алена останавливала взгляд на узнанном сотоварище в толпе, и он смятенно прятал лицо за спинами потупившихся мужиков и баб. Значит, ведают, что творят.

На волевом лбу старицы женская глубокая морщина была резко перечеркнута мужской - в виде креста. Враги эту отметину называли чертовой печатью, люди же православные - печатью Божией, поэтому и пошли за ней на борьбу за справедливость и праведную веру.

Шла Алена и думала свою нелегкую думу - почто пошла в этот смертный путь?..

Не любят бунтарей. Памятник Степану Разину (работы Коненкова), так и остался не востребовавшимся в Эрмитаже. Есть и скульптурный портрет сподвижницы донского вожака - Алены-старицы. Востребован ли он!..

В грамоте Разрядного приказа 12 октября 1670 года говорится о том, что «вор и богоотступник Стенька Разин... пишет к незнающим и простым людям, будто он... идет снизу рекою Волгою с сыном нашим государевым и с благоверным царевичем и великим князем Алексеем Алексеевичем... И по его воровским прелестным письмам незнающие люди пошатались и учили было в городах Алатыре и Арзамасском уезде воровать». И не только там, где водила крестьянские полки атаман Алена. Восстание разлилось по всей полосе, занимающей прежнюю Симбирскую, Пензенскую и Тамбовскую губернии, все пространство между Окою и Волгой, на юг до Саратовских степей и на запад до Рязани и Воронежа было в огне. Помещичьи и вотчинные, монастырские, дворцовые и тягловые мужики убивали своих господ, приказчиков и начальных людей, устанавливая казачье самоуправление. На север от Симбирска, о который споткнулся Разин, по всей нагорной стороне, поднялись инородцы — мордва, чуваша, черемисы, и сражались вместе с русскими крестьянами за лучшую долю. От мятежного факела донского бунта запылала по России крестьянская война.

Семитысячный отряд в Арзамасском уезде возглавляла старица Алена, из местных крестьянок. Ей было в ту пору не более сорока лет. Женщина волевая, умная, физически сильная — из тех, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Держать в узде многотысячный отряд отчаянных и своевольных людей без таких качеств было просто

невозможно. Не щадили и своих недругов. Алатырский воевода Бутурлин с женою и детьми и дворяне заперлись в соборной церкви, и в пожаре, бушевавшем в городе, сгорели заживо. Когда восставшие взяли город Ломов, воевода Пекин сбежал вместе с подъячим в исподнем белье. Бежал от Алены и темниковский воевода Челищев, но брат его, племянник и подьячие были побиты разгневанными темниковцами.

Именно сюда и направил царь Алексей Михайлович главный удар по восставшим. Главнокомандующим всеми войсками назначил боярина князя Ю. А. Долгорукого, опытного полководца, отличившегося в войне с Польшей, сурового и бесстрашного человека. Ставкой был сделан Арзамас. Сюда собирались царские полки, отбивая по пути нападения повстанческих отрядов.

Арзамас называли — город-сон. И право, до мятежа, в нем было, как в болоте,— застой и тишина, с тоски помрешь. Юрий Долгорукий навел ужас на горожан показательными расправами над мятежниками. «Страшно было смотреть на Арзамас,— писал очевидец, — его предместья казались совершенным адом; стояли виселицы, и на каждой висело по сорока и по пятидесяти трупов, валялись разбросанные головы и дымились свежеею кровью; торчали колья, на которых мучались преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописанные страдания...» А Долгорукий доносил царю: «Пушье заводчики в воровстве те, которые присланы от Стеньки Разина, из симбирской черты стрельцы и казаки да будники, которые были на будах. Пушье заводы воровские от Нижегородского уезда, от Лыскова, Мурашкина и от Тетюшевской волости этих воров умножились; ратных людей, которые идут к нам в полки, побивают и грабят; а с другой стороны, от Шацка, Кадома и Темникова, воровство большое ж; на таких воров малые посылки посылать опасно, а многолюдную посылку послать — и у нас малоллюдно...» И царь послал подкрепление, полки Леонтьева, окольного Щербатова, воеводы Лихарева.

29 ноября 1670 года Юрий Долгорукий пошел из Арзамаса к Темникову. В карательной операции под Темниковым участвовали Лихарев, Щербатов и сам главнокомандующий. Так что осада города притянула к себе почти все наличные царские войска. В городе засело 4 тысячи повстанцев, возглавляемых атаманом Аленой, а по дорогам спешили им на помощь еще 8 тысяч мятежников. Несколько дней шел бой. К тому времени в Темников прорвался разинский гонец с вестью, что князь Борятинский побил Разина под Симбирском, и донской атаман зовет повстанцев к нему на помощь. Осажденным подмоги ждать от главного атамана не приходилось. И 31 ноября Темников не устоял под напором царских войск.

Драгуны ворвались в город, окружили приказную избу в воеводском дворе, где засела со своими ближайшими соратниками Алена-старица. Она

билась на смерть. Но силы были неравными. Атамана и попа-расстригу Савву схватили и бросили в темницу. Туда же попал и посланный от Разина донской казак Федька Сидоров.

Чтобы организовать покаяние темниковцев перед государем, царские лазутчики шныряли по дворам и науськивали народ выйти навстречу боярину Юрию Долгорукому, ставка которого была заложена недалеко от поверженного города. Спектакль удался.

Темниковцы открыли ворота, и вышли с образами и хоругвями, с воплем и плачем навстречу победителю. Впереди гнали скованных одной цепью Алену и Савву, и Федьку Сидорова, и других зачинщиков бунта. Отдали пленников выступившим царским драгунам и, подойдя к стану, попадали в снег на колени перед боярином Долгоруким со слезной просьбой «отпустить им вины перед государем», каялись в бунташном грехе. В челобитной говорилось, что по худости и неразумению прельстились они на такое воровство, многие у воров были поневоле, от страху, ибо бунтовщики разоряли их и рубили и к шатости приводили силой. Темниковцы клялись, что они, как прежде, готовы служить государю и свое крестоцелование помнить. Долгорукий долго укорял темниковцев в шатости и воровстве, грозил анафемой и всякими жуткими казнями за бунт. Наконец, показав царскую грамоту, провозгласил:

— Но премилостив государь наш великий князь царь Алексей Михайлович, премилостив и великий господин и патриарх всея Руси светлейший Иосаф, как милостив Господь на небесах. И послали они вам вот эту грамоту за печатью обнадежить вас милостью своею, ежели вы отвратитесь от зла и прелести бесовских воров. Они дают вам последнюю возможность, чтобы вы спасли свои заблудшие души.

Взрыв ликования плеснул в небо над толпой.

— Господь услышал молитвы наши!— со слезами радости на глазах крестились темниковцы.

— Надеже-государю слава!.. Святейшему патриарху слава!..

— Зачинщиков к воровскому бунту,— продолжал Долгорукий,— вы должны сами изловить по деревьям и лесным засекам и привести к нам на суд правый и казнь беспощадную. И беглых всех холопов и крестьян, и работных людей сыскать дотошно и выдать приставам для возвращения их владельцам за крепким караулом.

Загнанные в угол таким жестоким требованием люди, не смея вспомнить, что на том же месте клялись Алене-старице постоять за истинную старую веру, вынуждены были славословить теперь государя и клясться боярину впредь усердно блюсти собором освященные новые обряды богослужения.

— А еретиков-староверов по лесным скитам переловить и к вере привести законной,— кричал Долгорукий.— Клянётесь ли?

— Клянемся! — выдохнула сломленная толпа.

Долгорукий велел отслужить в церквах Темникова молебен в честь победы государя над воровским бунтом и привести всех православных людей к кресту, а иноверцев — к шертованию на Коране.

На утро 4 декабря боярин Юрий Долгорукий под звон колоколов торжественно въехал в Темников на белом коне, за ним следовали конные драгуны и рейтары, и стрельцы, и на всем их пути в снегу на коленях без шапок стояли поверженные повстанцы, склонив головы в ожидании расправы. Знали в народе крутой нрав главы Сысского приказа боярина Долгорукого, подтверждали это и возведенные за ночь виселицы по пути его следования, которые уже гнулись под телами повешенных мятежников, среди которых были поп Савва и Федька Сидоров. А старице Алене уже строили сруб на Базарной площади.

В силу исключительности вины и личности преступника боярин Долгорукий сам присутствовал при расспросе Алены. Когда ее ввели на допрос, она подняла вверх два пальца, по обычаю староверов, и бросила в лицо своим врагам: «Проклятье вам Господне, кровопийцы!». И столь же дерзко и стойко держалась, несмотря на все угрозы и пытки. Поначалу отказалась отвечать на вопросы дьяка и боярина. Но палач попался отменный: стегал ее плетью, сажал в колоду, жег раскаленным железом. Алена только молила Бога, чтобы он помог ей стерпеть «жесточи пытки», дал ей силы принять мученичество, как принял Христос, распятый на кресте. Потом, преодолевая страдания, она стала кричать на своих палачей: «Бес в аду помилосердней вас!.. Спалила бы ваши мохнатые рожи!..» Но плоть устала подчиняться сильному духу — и Алена стала давать скупые показания. Заплечных дел мастера знают много хитростей, чтобы вытрясти душу.

Но Алена не стала выдавать своих единомышленников. О себе же сказала, что она — крестьянка из Арзамасской выездной дворцовой слободы. Каково жилось тем крестьянам, известно из истории и народного творчества. С детства приучались переносить голод и стужу,— свидетельствует историк Костомаров.— Рано отрывались от груди и кормились грубой пищей. Ребятишки бегали в одних рубашках без шапок, босиком по снегу в трескучие морозы. Простой народ не знал, что такое постель. Посты приучали к скудной пище из кореньев и дурной рыбы. Жили в темноте и дыму, с курами и телятами. Моровые поветрия и нервные болезни приписывали порче. Крестьяне пять дней работали на господ, и лишь один — на себя, не считая праздников. У многих ничего нельзя было сыскать в доме кроме овчинного тулупа, коровы да лошади, а были и победнее. Летом пахали, косили, жали, зимой молотили, рубили и пилили лес и дрова или скитались и просили милостыни. Отчаянный вызов против существующего миропорядка простой народ выразил в присказке: «Живем — не тужим, бар не хуже. Утром бары на охоту — мы на работу. Они повеселятся — да дуют чай, а мы — цепом качай. Ночью

бары спать — а мы работать». Соборное Уложение 1649 года окончательно санкционировало закрепощенность крестьянства, причем, помимо податных обязанностей крестьян по отношению к казне, самый крепостной труд на помещика рассматривался как разновидность службы на государство.

Смело бросила в лицо боярина измученная пытками Алена: «Напились нашей крови, как клопы».

Она показала на расспросе, что была замужем. А женились тогда рано — в 12—13 лет, не зная друг друга, порой обманом.

Домостроевский деспотизм мужа над женой выражался в том, что предосудительно было вести с женщиной разговор, ее считали нечистой, даже не доверяли резать животину — мясо будет невкусным. У мужа висела плеть для жены и называлась «дураком». За ничтожный проступок муж таскал жену за волосы, раздевал донага, привязывал веревками и сек «дураком» до крови — учил уму-разуму. «Крестьянские женщины, — пишет Костомаров, — работали вдвое больше своих мужей». Каково было терпеть такую жизнь гордой волевой женщине, как Алена?

Но муж ее надорвался, ургуча на бар, а здоровьем был слабый, вот и скончался рано от чахотки. А вдовой бабе куда податься? Как говорилось в народе: в девках приторно, замужем натужно, а вдовой чреде, что по горло в воде. Вдову-крестьянку помещик мог продать, кому вздумается. Бежать бесполезно — все равно вернут владельцу, да еще накажут нещадно. Сыщики и пристава сновали по всей Руси, отлавливая беглых. Да бегством и крестьянства не избыть, и у другого хозяина не избавиться от подневольного труда. Остается — петля или монастырь. Тоже своеобразный вид протеста. Да и не могла Алена не восстать против судьбы и несправедливой власти.

Представитель демократического лагеря С. С. Шашков в исследованиях по истории русских женщин писал в 1872 году: «...Ввиду вопросов эмансипации, волнующих современные женские поколения, знание былых судеб русской женщины представляется не только интересным, но практически полезным для дела освобождения». Он подчеркивал, что женщины всегда старались освободиться из этого положения, и всегда боролись с враждебными им началами, которыми считал религию, закон и обычай. Шашков отметил, что история борьбы женщин за свободу и самостоятельность «началась со сподвижницы Степана Разина — Алены Арзамасской (Темниковской)». Хотя, надо признать, что несправедливое неравноправие женщины — беда всех времен и народов, и до сих пор не искоренилась в мире. Так же, как искони земледельцев считали и продолжают считать людьми второго сорта, хотя все наши надежды держатся на тех людях, которые сами себя кормят.

Стойкая, сильная, с обостренным чувством христианской справедливости, Алена выразила свой протест сложившимся обстоятельствам

тем, что ушла в монастырь под Арзамасом. Но кротости не было, да и в монастырской жизни царило много неправого, как и в мирской. На расспросе Алена призналась, что хоть и стала старицей, но ушла из монастыря, так как в нем начали служить по новым книгам. И дьяк записал в расспросной ведомости: «Свершила самый тяжкий грех — сбежала из монастыря». И недобро посмеялся: «Поди, совращала блудом послушниц?» И получил за хамство достойную отповедь: «Молитвами я укротила плоть,— усмехнулась Алена.— Но попадись ты мне,— тебя бы я охолостила мигом!»

Общественное мнение подчеркивало мужские наклонности Алены; ее называли «баба-богатырь», «баба-атаман», пеняли, что носила мужское платье (а как в походной боевой жизни скакать на коне в длинной женской рубахе, которую носили поселянки?). Даже стойкость при жестоких пытках на руку хулителям предводительницы крестьянских повстанцев. Но сделать из героини половую извращенку не удалось — была же она замужем. Потому и нет в приговоре упоминания об этом грехе Алены. Нашли грех более тяжкий.

Ее считали ведьмой, потому что она носила с собой заговорные письма и коренья. Алена много ходила по окрестным полям и лесам за монастырем, собирала травы, которые знала от матери. Знахари передают свои секреты по наследству, из поколения в поколение. Удачливых народных целителей уважали всегда и берегли, а неудачливых знахарей в те времена на Руси преследовали, а порой и сжигали на костре. Даже судьба одного человека, как Алена, доказывает зыбкость авторитета этого ремесла. Когда она лечила старших послушниц и обращавшихся в монастырь мирян, все уважали Алenu. Когда поднялась она на войну за истинную православную веру, то, хотя ее известность как целительницы и радетельницы помогла ей собрать большое войско, однако официальные власти заклеямили ее колдуньей, еретичкой.

На расспросе Алена призналась, что, как только дошли до Арзамаса слухи, что Разин объявил войну боярам, Алена сделала свой выбор, ушла из монастыря и стала собирать в округе отряд повстанцев. Приходили к ней те, кого она лечила от недугов травами и заговорами, и приводили с собой сотоварищей. Прослышав о продвижении ее отряда, к ней примыкали многие люди из мордовских, татарских и русских деревень. Людей разных верований сплотила жажда воли и справедливости.

Колдун, удовлетворяющий общественные потребности, как заметил немецкий историк Д. Фрезер, «занимает очень влиятельное положение в обществе, и если к тому же он человек расчетливый и способный, то может достичь ранга вождя или царя». Добавим — или атамана, как Алена-старица. Даже истинно православный человек на Руси часто суеверен. И вставшая на борьбу за истинную старую веру Алена, в сущности, творила языческие действия. Подобные бытующим в ее время, я приведу (в

обработке). От врагов:

*...Всякому немирному стрелъцу
Как завяжу я по пяти узлов
На луках и пиццалях и на всяком
Оружьи ратном. Вы, узлы, стрелъцам
Загородите все пути-дороги,
Замкните все пиццали и все луки
Им спутайте. И повяжите всё
Им ратное оружие. В моих
Узлах святая сила...*

От пыток во время расспроса:

*Небо любяно и земля лубяна.
И как в земле неслышно ничего,
Так и рабе Алене не услышать.*

Именно эти ли заговоры творила Алена-старица — не известно. Но один из подобных остался в исторических источниках — подметное письмо, которое писала она на бересте в соседние деревни:

*... Встану я — благословлюсь,
Пойду — перекрещусь. За Русь святую,
За дело правое, на кровопивцей —
Бояр. Я пули не боюсь. Аминь!*

Говорит это письмо и о творческом даре Алены, его фольклорной основе.

Суеверие (всуче верие) и тогда, и сейчас считается противным Богу. Поэтому, когда Алена показала на расспросе, что лечила травами и заговорами, дьяк записал в ведомости: «И портила людей многих по деревням бесовским колдовством». Радикальной противоположностью магии и религии объясняется та непримиримая враждебность, с которой священнослужители на всем протяжении истории относились к колдунам и знахарям.

И когда царским слугам нужно было наказать атамана Алёну за сопротивление государственной власти, то самым убедительным и главным обвинением посчитали её колдовство.

Считалось и до сих пор считается великим грехом и бегство из монастыря. Но и здесь у Алёны есть веское оправдание — раскол.

На Соборе 1666 году утвердили поправки в церковные обряды и книги, сделанные по греческому чину патриархом Никоном. И одновременно, из-за ссоры с царем Алексеем Михайловичем, с самого Никона, в присутствии и с согласия вселенских патриархов из Царьграда, сняли патриаршеский сан, и отправили реформатора православной церкви в изоляцию в Ферапонтов монастырь. Тогда-то и оформился раскол русской православной церкви, официальным и популярным оппонентом нововведений стал протопоп Аввакум, тоже сосланный царем — в

Пустозерск, в земляную тюрьму.

Ревнителю старой православной веры восстали против никоновских нововведений: трехперстия, многоголосия, византийского писания икон, измененной редакции молитв... Раскольники отказывались ходить в церкви, разбегались по лесам, в скиты, в знак протеста прибегали к самосожжению, поднимали восстания против новых реформ в монастырях. Бунт в Соловецком монастыре начался до восстания Степана Разина и был подавлен только через несколько лет после его казни.

Взбунтовала и старица-Алена.

Собор, созванный в год трех шестерок — числа дьявола — считали приходом конца света и Судного дня. На этом Соборе были прокляты староверы. И это вызвало еще большее обострение движения раскольников.

— Выходит, тогда и все святыни дониконовы стали еретичны? — роптали они. — И бывшая церковь? И все русские святыне? И деды, и отцы, верящие по-старому и ушедшие в мир иной, тоже еретичны и потом обречены на том свете на вечные мучения гореть в огненной геенне?

Староверы толпами вливались в отряды Разина, одним из важных лозунгов которого было — постоять за истинную православную веру, Дом Пресвятой Богородицы, против бояр и начальных людей. Вступая в города и села, донской атаман прогонял из церквей священников новой формации и ставил вместо них служителей старой веры.

Но путаницу, как бывает в смуту, ввел в идеологическую борьбу сам Разин, сделав знаменем религиозной борьбы не Аввакума, а Никона, используя мотив его несправедливого смещения с патриаршего престола. Припертые в споре бунтовщики, в том числе и Алена, могли только огрызаться на укоры оппонентов.

«Коль Никон — вам наставник, правый путь вам указал — зачем его изгнали? А если Никон — враг последний Богу и Богородице, и всем святым, Зачем вы держите его законы?» — могла сказать Алена на расспросе в Темникове.

Староверы пеняли царю за церковные реформы, не менее чем Никону. Повторяли слова Аввакума: «Черт отнял ум у государя. Им владеет хамов род бояр и свора немчин. Бедный, бедный и безумный царишко! Что ты над собою сделал? Ну и пропадай!» И в то же время не представляли жизни без царя. Неслучайно народное выражение — без царя в голове (во главе). Вот и придумали восставшие Нечая - царевича Алексея. Напрасно Долгорукий убеждал Алену, что сам хоронил царевича Алексея Алексеевича в Москве. Она, стояла на мнении, что царевич жив, сбежал от изменников-бояр, когда его хотели извести, как извели почти всю царскую семью. Не верилось людям, что естественным путем, без измены, так скоро естественной смертью скончались один за другим члены царской фамилии.

В магистерской диссертации в Тюрингии в 1674 году Иоганн Марций

назвал Разина тираном, но вместе с тем охарактеризовал его как способного предводителя, умело обеспечившего тыл своему войску, понимающего настроение народа, умеющего воспользоваться и внутривластной обстановкой в стране, в том числе делом Никона и смертью царевича Алексея. Хотя внешней причиной выступления Разина считал месть за брата (Ивана Разина), казненного Юрием Долгоруким, и жажду власти.

Искушенный в допросах глава Сысского приказа Долгорукий прибегал к ухищрениям и хитростям, призывая Алену покаяться, спасти свою падшую душу. Но атаман Алена была достаточно умна и опытна, чтобы попасться на лживые посулы боярина. «Спасемся мы, когда загубим вас,— отвечала она и добавляла:— Не пожалею, что звала людей постоять за истинную веру и волю!»

Взявшись за оружие, Алена понимала, что ей грозит казнь, или смерть в бою. Но выбор сделала сознательно: чем так жить, лучше не жить вообще.

Алена призналась, что посылала своих единомышленников небольшими отрядами в окрестные села и деревни. Так, например, взяла боем Шацк. По казачьему обычаю, эти отряды возглавлялись донцами, которых привел от Разина Федька Сидоров. Они внезапно налетали на усадьбы вотчинников, и, сломив сопротивление охраны, устраивали круг. Если плененные начальные люди были облихованы крестьянами, задыхавшимися от их притеснений и нужды, круг приговаривал кровопийцев к смертной казни и приводил приговор в исполнение. Суд был скорый, и зачастую правый. Пожитки и владения казненных раздавали бедным людям. Холопов, черных людей, крестьян, мелких чинов служивых повстанцы «не губили и их дворов не разоряли». Хотя государевы слуги именно этой скорой расправой и страшали, подвигая жителей к бегству от повстанцев в леса из своих насиженных мест. Однако официальная пропаганда чаще всего терпела неудачу. И крестьяне, слышав крики и стрельбу ворвавшихся на улицу посланцев Алены-старицы, брались за колья и вилы и помогали изловить своих притеснителей и одолеть царских стрельцов охраны. Многие из стрельцов, большей частью выходцы из крестьян, и сами предавались повстанцам.

Сохранилось свидетельство Алены о взятии Темникова повстанцами. Бой был недолгий. Зная о малолюдстве защиты и брожении черни в городе, воевода Василий Челищев сбежал, переодевшись в женское платье прислуги.

Черный люд открыл ворота и вытолкнул своих обидчиков навстречу подступившему к городу отряду Алены. Встретили ее горожане хлебом-солью.

Алена собрала круг. Всех облихованных начальных людей

темниковцы приговорили к смертной казни и привели приговор в исполнение. Тех же, кто сдался на милость победителей, Алена привела к вере. Темниковцы поклялись на кресте и Евангелии быть заодно и постоять за волю и истинную старую веру.

Алена остановилась в доме темниковского воеводы и стала наводить мирской порядок по своему разумению. По казачьему обычаю, все дела решала на кругу из наиболее влиятельных местных жителей и своих единомышленников. Сообща решили раскрыть все купеческие склады и разделили хлебные запасы между семьями бедняков. При всем народе вынесли из приказной избы писцовые книги о недоимках, порвали и сожгли тут же, на Базарной площади. Ликованию бедноты не было конца! Алена отстранила от службы в церкви протопопа Перфилия за то, что он предался нововведенной ереси, и поставила служить в храме попа-раскольника Савву.

От Федьки Сидорова Алена узнала о победах разинцев, их намерениях и лозунгах. Надо признать, что не все принимало крестьянское сердце Алены в помыслах и действиях донского атамана.

Крестьянство, по своим устоям, отличалось от казачества. Казаки, даже по закону, лишены были возможности выращивать хлеб, жили на царском «хлебном довольстве», вели походный образ жизни, защищая южные границы России от внешних врагов, добывали средства к существованию набегами на кочевников и торговых людей, раздувая (деля) поровну военные и воровские трофеи. Крестьяне же, наоборот, жили своим, хоть и скудным, хозяйством, трудами праведными, страдая порой от казацких разбоев, разбегаясь по лесам от их набегов. А в казачьи повстанческие отряды охотой подавались только голь пережатая, вконец обнищавшие от притеснений или собственной бесхозяйственности мужики. Неслучайно среди песен народных есть и мотивы этой несовместимости крестьянских и казацких устоев, чем пользовались, конечно, царские идеологи. Вот как звучит в моей обработке такая песня:

*Ой, ты, дубравушка зеленая,
Что же ты рано отшумела?
Что же ты быстро поредела,
Вся-то вершина облетела?*

*Ой, да ты, травушка высокая,
Что же ты духом истомилась?
Что же ты скоро откосилась,
Всеми цветами поплатилась?*

*Ой, вы, казаченьки удалые,
Что же вы рано отгуляли?
Что же вы жито потоптали,*

Наши дворы поворовали?

Ой, вы, солдатушки боярские,

Что же вы сабли обнажили?

Что же вы землю обагрили,

Наших кормильцев загубили?

Но в борьбе за справедливость, против социальных притеснений, церковных реформ многие крестьяне были заодно с казаками. Волю они понимали по-разному, но враги у них были одни. Поэтому Алена видела в Разине заступника.

Алена прочитала на кругу войсковую память, которую привез от Степана Разина казак Федька Сидоров.

— «...И стоять бы вам, черни всей, и русской, и татарской, и чувашской, и мордвы. Стоять бы вам за Пресвятую Богородицу и всех святых, за батюшку нашего патриарха Никона и великого князя царевича Нечая. И мстить бы вашим кровопивцам люто,— звучал торжественный голос Алены над притихшей толпой.— Иду я войском даровать вам волю. И вместе с вами истребить бояр и дворян и приказных людей служивых, и детей боярских и стрельцов, и торговых людей за измену. И хочу я так учинить, чтобы всякий был равен другому.»

И мелкий начальний люд потихоньку ускользал из толпы в свои дворы, убоясь участи плененных боярских и приказных людей, запертых в темниковской тюрьме. Алена сделала паузу и, повысив свой грубый простуженный в походах голос, продолжала читать свиток.

— «А которые дворяне или боярские дети, или мурзы с нами похотят стоять за Пресвятую Богородицу нашу, тех бы не трогать и домов их не разорять. А с войсковой той памяти другим всем списывать и списки отдавать дьякам и старостам по деревням и сотникам, чтобы знали и читали».— Алена подняла над толпой свиток и показала на печать.

— На памяти этой рукоположение Степана Тимофеевича Разина с печатью,— закончила она свою речь.

И поклялись темниковцы послужить Дому Пресвятой Богородицы, Степану Тимофеевичу Разину, патриарху Никону, великому князю царевичу Алексею, которого повстанцы называли Нечаем, по имени прежнего заступника народного из старой легенды.

Алена стала готовиться в поход на Арзамас. Но с ближних засек принесли вести, что под Темников подходят войска боярина Юрия Долгорукого. Да пушки у него застряли в снегах. Забили в сполошный колокол, собрали снова круг. И Алена, сообщив о тревожных вестях своих лазутчиков, предложила:

— Не будем ждать, когда недруги подтянут под наши стены свои пушки. Пойдем боярину Долгорукому навстречь! Постоим за волю и за

веру.

Повстанцы воинственными криками одобрили призыв атамана Алены. Стали собираться спешно в поход на боярина Долгорукого и готовить к обороне городские стены, которые сами же жгли, когда брали Темников приступом. Надо было запастись хлеба и воды на случай осады.

Алена позвала с окрестных деревень всех, кто «похочет за правое дело сразиться» с войсками главного изменника - боярина Юрия Долгорукого. По ночам писала на бересте подметные письма, похожие скорее на заговор. Грамоте она научилась в монастыре. А слог ее, в силу природного таланта, был образным и внятным. И поэтому вызывал скорый отклик в душе простого народа.

Морозным ноябрьским утром вывела Алена-старица свой отряд из города, и смело повела на бой с подступившим войском стольника Ивана Лихарева, посланного боярином Юрием Долгоруким вперед себя. Драгуны Лихарева до этого разгромили уже несколько «воровских засек» и очистили от повстанцев много окрестных сел и деревень. Они были хорошо обучены военному ремеслу по сравнению с плохо вооруженными дружинниками Алены. Повстанцы обычно, если и одерживали верх над царскими солдатами, то скорее числом, чем умением. Многие гибли, но на их место приходили новые люди. А раненых Алена сама лечила травами и заговорами. И казаков Федьки Сидорова в отряде Алены было мало, чтобы наладить бой по военной науке. Поэтому повстанцы из Темникова быстро были сломлены драгунами Лихарева и загнаны опять в город.

Укрывшись за крепостными стенами, повстанцы, при поддержке темниковской черни, двое суток сдерживали натиск царских войск. Неумолчно палили во врагов из пушек и пищалей. А когда кончились ядра — метали во врагов приготовленные заранее большие камни и бревна.

— Оставил нас Господь за наши прегрешенья!— говорила своим сподвижникам атаман-Алена, почувствовав скорое поражение.

И драгуны вломились в город. Крушили и рубили на своем пути всех, и дружинников, и женщин, и детей. Выхватывали из горящих двое суток костров огненные головни и поджигали деревянные дома, не глядя на то, шла ли из них стрельба или нет.

Алена с товарищами засела в приказной избе. Они отбивались от врагов, сколько было сил. В конце концов, драгуны выбили двери воеводской избы и скрутили осажденных.

На издевательскую шутку Долгорукого по поводу трусливого бегства воров от царских войск Алена воскликнула: «Да если бы так все сражались, боярин, тебе осталось бы спастись бегством».

Не удалось царскому сыщику сломить Алену пытками.

— Хочешь стать святой мученицей?— кричал он.— Не выйдет! Мы тебя сожжем, как грешницу, колдунью, еретичку!

На что старица нашла достойный ответ:

— Огонь очистит меня от грехов!

Когда распаленный палач стал прижигать железом ей обнаженную грудь, она вскрикнула:

— Господи, прими!.. — И упала, потеряв сознание.

Палач вытер крупный пот со лба, тяжело выдохнув:

— Фу, уморила! Однако, крепче мужика!..

А на Базарной площади уже заждался ее деревянный сруб, обложенный дровами. Темниковцев собрали утром на показательную казнь еретички. Когда Алена появилась на площади, она подняла два пальца вверх и обратилась ко всем зычным голосом:

— Покайтесь перед Богом, христиане! Не предавайте Господа нашего в душе своей из страха перед пытками земными!

Но толпа, сдерживаемая цепью вооруженных стрельцов, не осмелилась откликнуться на ее призыв. Только царские крикуны зашипели на нее:

— Заткнись, колдунья!.. Будь ты проклята!.. Сама покайся!..

Боярин Долгорукий, в окружении вооруженной свиты, показал на стоявшую возле сруба на деревянных подмостках изможденную пытками в белой холщевой рубахе Алену-старицу, обратился к примолкшей толпе:

— Вот, христиане, дьяволова дочь, упорствующая в своих грехах. На расспросе она сама показала на себя, что, будучи в монастыре, портила и губила многих своим колдовским зельем. Она совершила высшее святотатство — бежала из монастыря для блуда и воровства, предавшись прелести сатаны вора и клятвопреступника Стеньки Разина. Она сама призналась, что своими колдовскими чарами, кореньями и заговорами она прельщала людей на шатость и воровство. Она со своими единомысленниками, такими же ворами, сгубила многих христиан, разорив их владения. Она возводила напрасно многие хулы на великого нашего государя и царя Алексея Михайловича. Она облыгала нашу православную церковь и Господа нашего Иисуса Христа. И отвращала христиан от законной православной веры и церковных обрядов. В нее вселился бес — и лишь огнем можно его изгнать из этой грешницы и еретички. Поэтому, по воле великого государя нашего, царя Алексея Михайловича, и святейшего патриарха Иосафа, я, данною мне властью, Алену-старицу из выездной дворцовой Арзамасской слободы назначаю совместно с чародейным ее зельем... сжечь живую в срубе!

Толпа так и ахнула, будто не верила еще в страшную казнь бывшей своей предводительницы. А вскинувшаяся от приговора Алена вместо отчаяния нашла в душе силы ободрить своих земляков.

— Враг беды пришел с напастями, — крикнула она. — Он воздвиг бурю огня — и невозможно стало жить. Крепитесь, христиане, и молитесь! Держитесь истинной веры! Страшный суд грядет! — Ей не дали договорить, толкая к срубам.

— Покайся, грешница!— совал ей в лицо распятие освобожденный из тюрьмы протопоп Перфилий.

— Убери эллинский крыж!— отвернулась Алена.— Вы даже образ Бога замутили.

— Да сожжется, не покаившись в грехах, как еретичка, без милосердия Божия!— махнул рукой боярин Долгорукий.

Солдаты ссыпали в сруб травы и коренья с телеги, в которую ранее была впряжена Алена, и палач пытался тащить колдунью к срубам. Но она с силой оттолкнула его:

— Не тронь, я сама войду,— сказала она и обратилась к толпе:

— Прощайте и простите, братья! Все, что могла, я сделала. Бог с вами!

— Прости, что не уберегли тебя, Алена!— прорвался вопль из толпы, кинувшейся к помосту. Но стрельцы преградили путь бердышами.

По старому русскому обычаю, Алена перекрестила лоб и грудь двуперстием и вошла в сруб. Дрова тут же подождгли. И пока поднималось пламя, сквозь шум ветра и хруст венцов доносились слова мужественной старицы-атамана. О чем кричала она из огня? Может быть, о боли за свою судьбу, за судьбу правого дела?...

7 декабря Долгорукий выступил из Темникова в Красную слободу, где его также встретили с челобитьем и покаянием.

Окольничий Иван Богданович Милославский, побивший Степана Разина под Симбирском, сообщал в Москву, что по дороге между Арзамасом и Алатырем «приходили на него многие воровские люди с нарядом». В кадомских лесах Лихарев взял засеку и убил крестьянского атамана Сеньку Белоуса. В Нижнем Новгороде царский воевода со стрельцами повесил зачинщиков бунта на воротах крепости, а нескольких бунтовщиков четвертовал при народе, чтобы другим неповадно было. У реки Барыши воевода князь Юрий Борятинский с царским войском одолел пятнадцатитысячный отряд мятежников под началом атаманов Ромашки и Мурзакая. В этом бою «такое множество воров было побито», что от крови, как от дождя, «красные ручьи текли большие». И на утро к воеводе Борятинскому явились толпы крестьян из Саранских и алатырских деревень и «принесли свои вины»...

В Крестьянскую войну под руководством Степана Разина, по официальным данным, было казнено и убито более 100 тысяч человек. А население России в 1678 году составляло всего чуть более пяти с половиной миллионов, из них — 160 тысяч воинов. Жуткая эта статистика «служит наглядным образчиком того, к чему могло привести стремление распространить на весь народ казацкое устройство, составлявшее идеал восстания Степана Разина»,— писал историк Костомаров. Не менее жестко отзывались о Разине и зарубежные исследователи. Наиболее точное сравнение донского атамана — с Мазаньелло, возглавившем одно из

крупнейших народных восстаний в Неаполитанском королевстве в середине XVII века. Примечателен тот факт, что зарубежный анонимный автор, видимо, резидент, в своем отчете об этой крестьянской войне упоминает только два важнейших имени — самого Степана Разина и Алену-старницу. Зарубежные историки называли Алену русской Жанной д'Арк. Это свидетельствует об огромной силе воздействия Крестьянской войны в целом и ее главных предводителей на европейское общественное мнение.

1996 год

РАКЕТЫ КОНСТАНТИНОВА

Русский генерал-лейтенант Константин Иванович Константинов (1817 — 1871) стоял у колыбели российского ракетного флота. Замечательный ученый-артиллерист с мировым именем, он, вслед за создателем первых русских ракет — генералом А. Д. Засядко, заложил основы отечественного ракетостроения и создал первые ракетные войска на суше и на море. Его электробаллистическая установка и ракетный маятник позволили ему дать начало ракетной баллистике и стать предтечей выдающегося создателя трудов по теории ракет и космической техники К. Э. Циолковского. Разработанные К. И. Константиновым машины, станки, приборы и технология поточного изготовления ракет воплотились в крупнейшее в России и Европе автоматизированное производство ракет у побережья Черного и Азовского морей — в г. Николаеве. Он был не только создателем, но и летописцем ракет, составив первый полный курс ракетной артиллерии международного значения. Его ракетный станок залпового удара стал прообразом легендарных русских «катюш». За заслуги в зарождении отечественной космонавтики именем Константинова назван кратер на оборотной стороне Луны, а его работы открывают музей на космодроме Байконур.

Константинов обладал талантом первооткрывателя широкого диапазона. Он создал первый в мире хроноскоп, первые системы дистанционного управления и обратной связи, намного опередив свое время.

Как истинный гражданин Отечества, Константинов думал о совершенствовании российской жизни. Он разработал оригинальную продовольственную программу России, для реализации которой составил основы Общества домашней экономики.

Его заслуги оценены высшими наградами России и многих ведущих

стран мира.

Но, несмотря на такую значимость и былое признание, мало кто знает об этом замечательном герое нашего Отечества.

В обороне Севастополя

В первых числах февраля 1855 года противник атаковал передовые рубежи обороны Севастополя ракетами Конгрева. После захода солнца в утомившемся от дневных боев городе наступила такая тишина, что были слышны порывы ветра, летящего от бастиона, на котором недавно героически погиб при бомбардировке руководитель обороны с суши вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. Вдруг из траншей, раскинувшихся за этим бастионом, посыпались вражеские ракеты в расположение эскадры под командованием вице-адмирала Павла Степановича Нахимова. Словно мстя русскому флотоводцу за то, что он разгромил турецкий флот в Синопском сражении 1853 года, враги решили взять реванш при обороне Севастополя.

— Засекайте расположение ракетных станков, — приказал Нахимов, шаря биноклем по вражеским траншеям. — Воспользовались ветром в нашу сторону, — заключил он с досадой.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство, — подбежал к вице-адмиралу один из его адъютантов.

— Докладывайте.

— Засекли три ракетных станка противника. Один нацелен на четвертый и пятый бастионы. Другой — на Екатерининскую пристань. А третий — на корабль, расположенный на позиции — поперек рейда.

— Кто это? — Нахимов вскинул бинокль в сторону рейда.

— «Великий князь Константин», ваше превосходительство.

Вскоре вестовой принес донесение с этого корабля.

— Ракета, пробив на шканцах палубную доску, около грот-люка, раздробила люк в опер-доске и остановилась на падубе у карлингса в мидель-деке, — доложил вестовой.

— Ну, это горе не беда.

— Да она, ваше превосходительство, потухла еще до падения на палубу, — улыбнулся в ответ вестовой.

Но уже другой офицер, с Екатерининской пристани, докладывал Нахимову:

— Ракета-дура скользнула по штевню парохода «Одесса», отшвартованного в этом месте, и упала в воду.

— Ну и что? — спросил вице-адмирал умолкнувшего мичмана.

— Только пшик издала: «Пш-ши-ик!»

И все на командном пункте расхохотались.

Но ракетные удары продолжались несколько дней — разрывы ракет

вызвали пожары и человеческие жертвы.

«Донос о сем Вашей светлости, — писал вице-адмирал Нахимов в донесении № 8 от 16 февраля 1855 года генерал-адъютанту князю Меншикову, — имею честь присовокупить, что ракеты, бросаемые неприятелем, преимущественно разрывные, с сильным зажигательным составом; а дальность полета простирается до двух тысяч сажень».

Это донесение сослужило важную службу для Константинова — он стал получать срочные большие заказы на изготовление и поставку отечественных ракет для Восточной кампании. До этого чиновники военного ведомства вставляли палки в колеса всюду, где только могли, мешая внедрению ракет. Центральная администрация почти совершенно теряла свое доверие к ракетам, хотя запросы на них от начальников войск во время войны увеличивались непрерывно.

Получив донесение вице-адмирала Нахимова, князь Александр Сергеевич Меншиков, главнокомандующий в Крыму, запросил Петербург о высылке в Севастополь как можно больше русских ракет. Свое требование он объяснял тем, что из-за недостатка артиллерийских орудий прибрежные батареи могут быть снабжены ракетами. По требованию Меншикова в Крым было отправлено из Петербургского ракетного заведения на срочных подводах 600 двухдюймовых ракет, изготовленных для отправки на Кавказ. С этим обозом были посланы гвардии конной артиллерии поручик Щербаков, фейерверщик и четверо рядовых, знакомых с ракетами. Но вскоре по прибытии в Крым поручик Щербаков был контужен и вынужден оставить Севастополь.

Защитники Севастополя в то время не умели обращаться с ракетами, и в батареях требовался хорошо обученный специалист. Нужно было срочно принимать меры.

В Севастополе поступали с ракетами кто во что горазд.

— Голь на выдумки хитра, — говорил один доморощенный изобретатель, подмигивая товарищам, когда бросал связку сигнальных ракет с привязанным к ним колпаком с пороховым зарядом.

— Ох, уж эта пословица — голь на выдумки хитра! Сколько бед она причинила нашим самородкам. Но разве можно хвалиться своим невежеством! — сокрушался Константинов, узнав о таком варварском использовании своих ракет.

Несмотря на ходатайства Константинова, чиновники военного ведомства не позаботились послать в Севастополь людей, знающих ракетное дело. И вот результат: когда боевые ракеты прибыли в Крым, из-за отсутствия специалистов, умеющих с ними обращаться, эти ракеты в основном осели на складах, где и пролежали до конца осады Севастополя.

Начальник артиллерии 5-го отделения оборонительной линии Севастополя поручик Н. Вроченский с горечью докладывал Константинову в Петербург: «Неповоротливость военного ведомства заставляет

употреблять ракеты давнего изготовления, а партия новых ракет пришла поздно и, вероятно, поступила на хранение в артиллерийские склады, чтобы пролежать там в забвении более или менее долгое время и затем, придя в негодность, служить доводами неблагонадежности и неправильности их действия...»

Константинов получал из Крыма подробные сведения о действиях ракет в Севастополе. Посылал их в Петербург морской артиллерийский подполковник Пестич, заведовавший во время всей осады Севастополя материальной частью морской артиллерии. Тот самый Пестич, который предотвратил пожар, причиненный залетевшей неприятельской ракетой в главный пороховой погреб, где находилось до 2000 пудов пороха. Вот был бы взрыв, так взрыв! За этот героический поступок подполковник Пестич был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

Константинов обратился к Пестичу с просьбой доставить сведения об употреблении неприятелем боевых ракет во время осады Севастополя, получил от него письмо. Пестич, в частности, сообщал Константинову: «...Считаю непременно долгом предупредить Ваше превосходительство, что, может быть, те сведения, которые Вы от меня ожидаете, далеко будут неполны для того, чтобы сделать заключение об этом новом оружии: это потому, что все мои записки, как о боевых ракетах, так и об остальных неприятельских снарядах, погибли при взрыве Графской пристани от неприятельской ракеты, и потому, рассчитывая на одну только память, прошу у Вашего превосходительства извинения, если сведения мои не так будут полны или если изложение их будет не в том систематическом порядке, как было оно на самом деле».

Сделав далее краткий обзор устройства неприятельских ракет и расположения их батарей, Пестич прокомментировал тот вред, который они причинили Севастополю в продолжение всей его осады.

Донесения Пестича и все подробности о различных боевых средствах дали возможность Константинову сделать выводы относительно наплевательского отношения руководства, как отечественного, так и противника, к боевым ракетам.

Во время двух первых периодов обороны двухдюймовые ракеты, имевшиеся в Севастополе, могли оказать огромные услуги в контрапрошной войне* и при вылазках, подобных осуществленным у Камчатского люнета, а через месяц — у кладбища, от которых зависел дальнейший ход всей обороны. Если бы в Севастополе были организованы ракетные команды, считал Константинов, не

было бы необходимости жертвовать таким дорогим оружием, как полевая артиллерия.

* Апроши — название ходов сообщения, глубоко извилистые узкие рвы между параллелями, отрываемые для открытого и безопасного подступа к укреплениям неприятеля. (Прим. авт.).

О доставке ракет в Севастополь знало только 3-е отделение оборонительной линии. Но там действовали ракетами довольно «странно», подвергая неумелостью своей большой опасности весь третий бастион.

В начале августа 1855 года Пестич обратился к начальнику штаба Севастопольского гарнизона князю А. И. Васильчикову:

— Ваше сиятельство, разрешите на случай штурма усилить нашу оборону перед исходящим углом третьего бастиона.

— Каким образом, подполковник? — заинтересовался князь, предложив Пестичу сесть в удобное кресло перед своим огромным, как артиллерийский полигон, столом.

— Предлагаю, ваше сиятельство, поставить ракетные станки в окнах третьего этажа новой казармы.

— Смежная казарма с морским госпиталем? — уточнил князь.

— Так точно, ваше сиятельство.

— Ну что же, попробуйте, — повел неопределенно бровью тучный начальник штаба. Чувствовалось, что он не верит в ракеты.

Получив хоть такое разрешение, Пестич забрал из гарнизона все ракеты и станки и сам сопроводил груженный обоз к казарме.

Он поднялся на третий этаж, приказал младшим командирам очистить помещения, выходящие окнами в сторону неприятеля. И подошел к среднему окну.

От здания казармы до холма, на котором расположился наш третий бастион, было сажен триста. А дальше, за холмом, англичане вели траншейные работы, как раз напротив располагавшейся на нашем бастионе батареи капитана 1-го ранга Будищева. Рядом с ним — такая же огромная батарея Никонова. Чуть дальше — гарнизон с пороховыми складами. Все это Пестич знал и без обзора. «Да, незадача, — подумал он, — ракеты придется запускать через холм, над головами наших солдат».

И все же Пестич решился испробовать пускать ракеты по неприятелю с верхнего этажа казармы. Определил угол возвышения — в 20 градусов. При первом выстреле ракета перелетела засеку и упала в переднюю траншею неприятеля. Английские солдаты побросали саперные лопатки и кинулись от ракеты в разные стороны по ходам открытой уже траншеи.

— Что, не нравится? — крикнул злорадно Пестич. — Принимай ракеты и станки, — обратился он к стоявшему рядом с ним командиру — лейтенанту Беклешову. — Поддай им жару! — кивнул он в сторону всполошившихся англичан.

Ракеты полетели над головами солдат нашего гарнизона, всполошившегося не менее неприятеля. Артиллеристы батарей Будищева и Никонова со страхом смотрели на казарму, из окон которой производилось прицельное метание ракет.

— Сдурели! — крикнул один из солдат.

— А вдруг какая ракета возьмет да упадет на пороховой склад? — всполошился Будищев.

— Господи, спаси от своих, а от врагов мы и сами отобьемся! — перекрестился старый артиллерист с Георгием на кителе.

А во вражеской траншее поднялась настоящая паника. Солдаты бегали, спотыкаясь о раненых и убитых, все горело и чадило. Крики тонули в грохоте взрывов...

Только через несколько часов ракетного удара англичане пришли в себя — и тогда уже открыли по морской казарме усиленную бомбардировку. Теперь неприятельские снаряды, в вою очередь, полетели через головы нашего гарнизона.

— Что же мы стоим, братцы? — спохватились на третьем бастионе.

И батареи Будищева и Никонова повели ответный огонь по неприятельским траншеям. Завязался жаркий бой. В конце концов англичане бросили траншейные работы и стали отводить свои войска.

Однако и зачинщику боя досталось крепко. Госпиталь пришлось срочно эвакуировать. А здание несчастной казармы было изрядно разрушено.

Получив известие от Пестича об этом случае, Константинов счел такое применение ракет неоправданно рискованным и безграмотным.

Узнал Константинов и об упущенных возможностях ракет неприятеля.

Французы, например, имели ракеты как в сухопутной восточной армии, так и на эскадрах Черноморского флота. Для флота, в частности, сформирована была ракетная команда из сорока артиллеристов, под командованием капитана Сарду. Ракеты 95-миллиметрового калибра, вооруженные 12-фунтовой гранатой, отпускала для этой команды Тулонская пиротехническая школа. Не укрылись от цепкого взгляда Константинова сведения о том, что дальность французских ракет достигала 8 верст.

— Флот наш должен был быть сожжен этими ракетами, как в Севастополе, так и в Кронштадте, — докладывал Константинов в 1855 году руководству. — Удивительно, что в начале нынешнего летнего времени результатов этих еще не достигнуто.

Секреты морских трофеев

По повелению его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера из Севастополя в Петербург были доставлены гильза французской боевой ракеты с обломком хвоста и колпак зажигательной ракеты. Гильза попала на площадь между Дворянским собранием Севастополя и Екатерининской пристанью. Колпак — в кузнечную мастерскую Севастопольского арсенала. Сверх этих трофеев прислана была полка зажигательной ракеты с невыгоревшим составом. Эта ракета

была выпущена из английской траншеи. При падении она зарылась в песчаный грунт за батареей № 4 на северной стороне Севастополя.

Были доставлены и останки английских ракет из Одессы. При бомбардировке города англичане использовали ракеты для зажигания судов в Пушечной гавани и против самого города.

По этим останкам Константинову удалось довольно точно восстановить конструкции неприятельских ракет.

Английские ракеты калибром 3 дюйма, длиной гильзы 23,8 дюйма и хвостовой трубкой диаметром 1,37 дюйма были вооружены цилиндрострельчатым зарядом весом более 6 фунтов.

Константинову было известно, что англичане применяли в Черном и Балтийском морях ракеты 6-, 12- и 24-фунтовые, вооруженные продолговатыми цилиндрострельчатыми разрывными снарядами. Но была одна загадка: большая часть этих снарядов, достигая наших бастионов, не взрывалась. Отчасти он объяснял это тем, что в иных разрывных гранатах отсутствовал разрывной заряд. Но почему?

Исследуя доставленные в Петербург останки английских ракет, Константинов с удивлением обнаружил, что гранаты, оставшиеся целыми, были снабжены деревянной трубкой, набитой составом, и ввинченной в очко гранаты до соприкосновения с глухим составом ракеты. Эти трубки, вроде, исполнили свое назначение, то есть состав в них выгорел. Оставалось угадать, какова причина отсутствия в некоторых ракетах разрывного заряда.

— Что это, забывчивость, обман или замешательство при пуске ракет? — рассуждал Константинов.

— Может быть, это ракеты для потешной стрельбы? — предположил в шутку капитан Свечников. — Только их пускают без разрывного заряда.

— Война — не потеха, — вздохнул Константинов. — Смущает меня еще ящик с салом, который обнаружен на английском разбитом корабле.

— А при чем здесь сало? — удивился Свечников.

Вдруг с очередной оказией прислали в Петербургское ракетное заведение пакет с английской печатной таблицей. Из сопроводительного донесения Константинов узнал, что таблицы эти найдены в кителе английского мичмана Стори, убитого в июне 1855 года под Транзундом и прибитого волной к берегу.

— Вот и ключ к разгадке секрета английских ракет, — воскликнул Константинов тоном удачливого сыщика, взглядевшись в таблицу. — Погибнув, офицер может невольно выдать государственную тайну.

— Показания с того света, — мрачно пошутил Свечников, с интересом склонившись над чуть подмоченными и высушенными листками, потом недоуменно перевел взгляд на своего командира: — В чем же секрет, ваше превосходительство, разъясните, будьте милостивы.

— Дело в том... — сказал Константинов, жестом пригласив Свечникова к стенду с останками английских ракет, — дело в том, что разрывной заряд нужно вводить через отверстие, сделанное в верхней стрельчатой части, а потом закрыть медным винтом.

— Но это же опасно! — понял Свечников.

— Вот именно, — кивнул Константинов. — И в этом - не-совершенство английских ракет. Ведь опасно сверлить стальным сверлом трубку или глухой состав снаряженной ракеты, держа ее в руках.

— Помните, у нас в ракетном заведении взорвалась граната, когда присоединяли ее к ракете?

— Да, один убит, шесть ранены, — мрачно сказал Константинов.

— А-а, — догадался Свечников. — Значит, вот почему многие английские ракеты не взрываются. Солдаты боятся закладывать в их снаряды разрывной заряд. И лупят холостыми.

— Совершенно верно, капитан.

— Ваше превосходительство, а как же все-таки вам помогла английская таблица разгадать этот секрет?

— В таблице даны наставления для употребления ракет. В частности, указано, какую порцию разрывного заряда нужно выложить в 3-, 6-, 12- и 24-фунтовые ракеты, — ответил Константинов и перевел для Свечникова с английского несколько строк из таблиц.

— А ящик сала оказался ни при чем, — решил Свечников.

— Наоборот. Он-то и навел меня на разрешение задачи. Сало необходимо для смазывания отверстия в снаряде после того, как в него насыпали смесь. Смазка уменьшает по возможности опасность взрыва при завинчивании медного винта в снаряд.

Но мало разгадать задачу, важно сделать ее уроком для себя. И Константинов ввел в ракетном заведении английскую систему, однако, с существенной поправкой. Гранаты теперь оставались пустыми во время их присоединения к ракетам. Чтобы не повторился недавний несчастный случай с взрывом гранаты при ее присоединении к ракете. Но когда граната уже присажена, то в нее вводят разрывной заряд в самом ракетном заведении, где можно соблюдать меры предосторожности, а не на поле боя, как у англичан.

Восстановил Константинов по трофейным обломкам и французские ракеты.

— Если предположить, — пояснял Константинов Свечникову, — что движущий ракетный состав должен составлять 20 фунтов, то при падении, после его выгорания, французская ракета будет весить 30 фунтов. Длина всей ракеты с хвостом — примерно 7 футов 8 дюймов.

— Эти показатели согласуются с данными из французских журналов о ракетах дальнего бросания, испытанных в Тулоне и Меце, — кивнул Свечников.

— Ну что же, приступим и мы к испытаниям, — предложил генерал Дядин, одоббив изготовленную в Петербургском ракетном заведении ракету, подобную французскому трофею. — Несколько ракет трофейных образцов испытаем сперва на Волковом поле, а потом — в Ревеле.

Так Константинов, после неоднократно подаваемых до этого рапортов с просьбой командировать его в оборонявшийся Севастополь, получил задание испытать ракеты в военной обстановке в Ревеле. Наконец-то он примет непосредственное участие в военных действиях!

В августе 1855 года Константинов прибыл в Ревель во главе специального ракетного отряда для действия против английского и французского флотов. Ревель (нынешний Таллинн) имел крепостные укрепления, построенные еще в XIV—XVI веках. Но ж в XIX веке они оставались неприступными. Ракетному отряду Константинова удалось поджечь ракетами несколько судов неприятельской эскадры. Испытания на практике ракет французского образца и русских ракет были до того успешными, что по возвращении из командировки Константинов немедленно получил для Петербургского ракетного заведения дополнительные средства. Ему предписывалось в связи с этим усилить изготовление зажигательных ракет 4-дюймового калибра. Этими ракетами приказано было снабдить все главные прибрежные укрепления Балтийского моря. Правда, приказ этот начал исполняться уже тогда, когда по Парижскому трактату о перемирии, заключенному 18 марта 1856 года между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией, Крымская война была завершена, а Черное море было объявлено нейтральным.

Стоит ли игра свеч?

Начальник штаба артиллерии Южной армии, генерал-лейтенант Н. А. Крыжановский вместе с делегацией русского командования посетил лагерь союзников на Федюкинских горах.

— Вы успешно применяли Конгревовы ракеты дальнего бросания, — сказал между прочим Николай Андреевич генералу Солеллю.

— О, да, да! — улыбнулся лукаво генерал, подмигнув офицерам своего штаба. Те тоже закивали в знак согласия, но почему-то отводили глаза в сторону.

— Я не так выразился? — почувствовал подвох Крыжановский.

— Вы точно выразились, господин генерал, — успокоил его Солелль. — Просто мы не придаем ракетам такого значения, как вы думаете. Нам их доставили в больших количествах из Франции. Надо же их было израсходовать.

— Но игра не стоила свеч, — поддержал своего генерала полковник французской артиллерии. — Большая часть ракет назначалась для обстрела северного укрепления вашей обороны, господин генерал, — обратился

полковник непосредственно к Крыжановскому. — Но, по сведениям нашей разведки, бросаемые почти ежедневно ракеты не принесли вам особого ущерба. Не так ли? Одной ракетой контузило офицера и двух писарей управления генерал-квартирмейстера армии. Другою — убита женщина, переправлявшаяся на южную сторону. Ранены два-три солдата.

— Действительно, игра не стоила свеч, — холодно сказал генерал-лейтенант Крыжановский. — Я вижу, вы хорошо осведомлены о наших потерях, господин полковник.

— Думаю, вы не меньше — о наших, — сделал ему комплимент французский офицер.

Однако игра стоила свеч. От неприятельских ракет в Севастополе произошел, например, мощный взрыв сухопутного артиллерийского склада, где взлетело на воздух несколько тысяч бомб и гранат, ценимых тогда на вес золота. Чудом предотвращен был взрыв Николаевского порохового погреба и всей батареи с ее жителями, что могло тоже стоить дорого.

Развивая эту мысль в работах позднего периода, Константинов ссылаясь на другое мнение того же генерал-адъютанта Крыжановского. Возможность удалить ракетными ударами дальнего полета кавалерию союзных войск из Евпатории позволила присоединить большую часть сильного евпаторийского отряда к действующей под Севастополем русской армии.

— Как очевидец, — говорил Крыжановский, — не могу умолчать о той пользе, которую могли бы принести двухдюймовые боевые ракеты, имевшиеся в самом Севастополе в числе 600, но окончившие свое поприще тем, что достались в руки французов в состоянии совершенного сбережения.

Несмотря ни на что, во время Крымской войны ракетное дело приобрело в России особую значимость. Константинову, хотя и с великими затратами сил и энергии, все же удалось превратить Петербургское ракетное заведение из примитивной мастерской в завод массового поточного производства.

В 1855 году «за отлично-усердную и ревностную службу» Константинов был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

Получая высокую награду из рук генерал-фельдцейхмейстера, Константинов сказал несколько слов о самом главном своем деле:

— Для успешного развития ракетного оружия, какой бы то ни было системы, необходимы отличные ракетные технические заведения и специальный род войск для употребления ракет, хорошо знакомый с их боевыми свойствами и имеющий организацию, сообразную с назначением этого рода оружия. Посвятив себя ракетному оружию, мы будем счастливы, если наши труды будут содействовать в чем-нибудь распространению у нас верных об этом оружии понятий и принесут какую-нибудь пользу при

приведении его в устройство в наших сухопутных и морских силах.

Радости и муки изобретательства

В октябре 1840-года в качестве помощника к генерал-лейтенанту Р. А. Винспиеру был командирован молодой офицер, выпускник Михайловского артиллерийского училища Константин Иванович Константинов. Командировка была рассчитана на четыре года, и Константинов пробыл за границей до июня 1844 года. Цель командировки — сбор полезных сведений, относящихся к артиллерии. Константинову предстояло ознакомиться за рубежом с состоянием современной артиллерийской техники, побывать на многих военных заводах, в арсеналах. И конечно, продолжать свое образование.

В 1842 году генерал-лейтенант Винспиер из Парижа направил Константинова в Лондон. Помимо служебного задания, памятуя увлечение Константинова электромагнетизмом, генерал дал ему рекомендательное письмо к профессору Казанского университета И. М. Симонову.

В библиотеке училища Константинов, будучи еще кадетом, прочитал увлекательный отчет Симонова об участии в 1819—1821 годах в кругосветном путешествии на шлюпе «Восток» вместе со знаменитыми путешественниками Ф. Ф. Беллинсгаузенем и М. П. Лазаревым. Став членом-корреспондентом Академии наук и членом многих заграничных научных обществ, Симонов занялся исследованием земного магнетизма. Исследуя магнитный потенциал Земли, он опередил в результатах своих изысканий выдающегося ученого К. Ф. Гаусса.

Приехав в Лондон, Константинов нашел Симонова в роскошном отеле. Пробежав глазами рекомендательное письмо от генерала Винспиера и бросив острый взгляд на розовощекого усатого офицера, профессор спокойно, как будто продолжал давнишний разговор со знакомым и равным ему по чину и учености человеком, сказал:

— Вижу, речь идет о выдающемся вашем открытии, Константин Иванович. Значит, славы России прибавит. Думаю, электромагнитный хроноскоп может помочь вам построить Чарлз Уитстон. Он искусный строитель электромагнитных аппаратов, принимающий заказы за сносную плату.

Господин Чарлз Уитстон занимался физикой и имел в заведении мастерскую точных приборов. Сам их изготовливал и проводил важные физические исследования по акустике, свету и электричеству. Занимался и электрической телеграфией.

На одном из званных обедов профессор Симонов представил Константинова господину Уитстону. И тот рассказал ему о сути нужного ему прибора.

— Назовем его электромагнитным хроноскопом, — оживился господин Уитстон и, боясь возражений, быстро добавил: — И на

основании принадлежащих мне начал я согласен принять у вас заказ на приготовление этого электромагнитного прибора.

Константинов так был обрадован согласием ученого, что даже не обратил внимание на смысл фразы «на основании принадлежащих мне начал».

Желание Константинова заключалось в том, чтобы прибор служил для измерения времени полета выстреленного снаряда от начала вылета из дула до удара о предмет. А технические условия он обязался представить Уитстону в ближайшую намеченную ими встречу. Из разговора было ясно, что такого прибора еще никто не заказывал. Так Уитстон взялся делать первый в мире электромагнитный хроноскоп.

После возвращения в Париж, уже в конце 1842 года, Константинов получил посланный Уитстоном из Англии долгожданный прибор. Однако стрелка хроноскопа, приводимая в движение опускающейся свободно гирей, вращалась в постоянно ускоряющемся темпе, от начала опыта до его прекращения. И значит, не было никакой возможности этим прибором хотя бы приблизительно обнаружить закон падения тяжелых тел в воздухе, тем более производить с его помощью какие бы то ни было баллистические исследования.

Наконец, Константинову удалось создать проект хронометрического устройства для своего прибора. И в 1844 году, получив разрешение генерала Винспьера, он заказал, на сей раз в Париже, новую модель электрического хроноскопа для определения скорости артиллерийских снарядов. В Париже - потому, что в приборе был использован часовой маятник, а самым искусным часовым мастером считался в то время француз Бреге (раньше говорили — Брегет) — внук знаменитого А. Л. Бреге, в честь которого названы брегетом плоские карманные часы с боем.

— В задуманном мной приборе, — объяснял Константинов изобретателю, — число целых ходов маятника определяется стрелкой, связанной с этим маятником...

— Посредством якорного спуска, — подхватил мысль сметливый Бреге.

— Так точно, месье.

— Но остаются еще дробные ходы маятника...

— Это и является особенно хлопотным, но не менее важным, — продолжал Константинов, оглядывая салон, напичканный всевозможными часами на столах и по стенам. — Дробные части хода, надеюсь, можно будет определить по градуированной дуге, вдоль которой происходят колебания маятника.

— Просто, как все талантливое, — удовлетворился ответом Людовик Бреге. — Я готов принять ваш заказ. Пожалуйста, чертеж.

Когда заказ был готов, выяснилось, при проверке в Париже, что прибор оказался весьма верным в показаниях до целых секунд. В дробных

же частях точность его была не более 1/10 секунды. Этого, конечно, явно недостаточно. Опять требовалась кропотливая работа над совершенствованием замысла. Ошибка Людовика Бреге была в том, что он отнесся к прибору, как к часам, искусником которых он слыл, а не как к хроноскопу, который еще вызревал в технических умах девятнадцатого века.

И снова, в мае 1844 года, Константинов заказывает новый вариант прибора в мастерской Бреге. И опять конструкция не удовлетворила Константинова. Поспешил. И кончилась зарубежная командировка.

1 июня 1844 года Константинов возвращается в Петербург, захватив с собой еще несовершенное свое детище. При перевозке прибора, по недосмотру обслуги, многие части электрохроноскопа пришли в полную негодность. Уцелела в основном лишь хронометрическая часть.

Константинов не знал отдыха ни днем, ни ночью, не вылезал из мастерской после службы, и в течение нескольких месяцев сделал сам, по существу, новый электробаллистический прибор. Вернее, это была целая система приборов и устройств, вполне, на его взгляд, пригодная к эксплуатации.

Так как на создание прибора Константинову выделялись государственные деньги, то испытанием заинтересовалось правительство. Его императорское высочество генерал-фельдцейхмейстер (а в то время этот пост занимал великий князь Михаил — брат царя) «изволил приказать электробаллистический прибор штабс-капитана Константинова подвергнуть рассмотрению и испытанию в Артиллерийском отделении Военного ученого комитета. Причем предписывалось, чтобы для экспертизы были приглашены господа академики М. В. Остроградский, А. Я. Купфер и Б. С. Якоби. Испытания были намечены до начала зимы на Волковом поле в Петербурге.

Из-за скудости средств на подготовку первые опыты, проведенные 26 августа 1844 года, с электромагнитным хроноскопом оказались неудачными. Башня для прикрытия прибора от первого же пушечного выстрела скривилась, как в Пизе. Присутствующим на испытаниях господам академикам нужно было достаточно сильно поверить в саму идею константиновского прибора, чтобы до конца опытов не покинуть молодого автора-изобретателя.

Наконец, башню выпрямили. Испытания 23 сентября были удачными, к великой радости изобретателя и всех участников опытов. Якоби и Остроградский горячо поздравили Константинова с победой.

— Вы, я вижу, даже не понимаете, что это выдающееся, вы слышите? — выдающееся достижение науки и техники, — возбужденно тряс пухлую руку сдержанного на вид, а на самом деле сжатого, как пружина, штабс-капитана Константинова академик Якоби.

Академик Купфер докладывал начальнику Главного штаба генерал-

фельдцейхмейстерства о том, что новый метод измерения времени, предложенный штабс-капитаном Константиновым, «превосходит по своей точности все, что можно себе представить в настоящее время».

Прибор Константинова был принят отечественной артиллерией. Артиллерийский отдел, совершенно согласившись с заключением господ инспекторов, присовокуплял, со своей стороны, что устройство электробаллистического прибора штабс-капитана Константинова «обещает пролить новый свет на существеннейшую часть артиллерийской теории и вместе с тем окажет важнейшую услугу в области наблюдательных наук вообще. Этот прибор делает честь русской артиллерии и заслуживает особого поощрения». И оно последовало. За полезное изобретение электробаллистического прибора для измерения скорости полета снарядов и за отличную усердную службу штабс-капитан Константинов всемилостивейше пожалован орденом Святого Владимира 4-й степени и двумя тысячами рублями серебром единовременно.

«Я был щедро награжден», — признался Константинов в своей статье. Но большая награда заключалась в том, что ведущей частью этого прибора был первый в мире хроноскоп, который, по свидетельству академика Якоби, производил измерения времени полета снаряда с погрешностью, не превышающей в окончательных результатах 1/1000 секунды. А система приборов позволяла автоматически регистрировать весьма малые промежутки времени с точностью до 0, 00006 секунды. Такого еще не знали в мире.

А потом начались страсти по выяснению первенства в создании хроноскопа.

Считалось, что до 1848 года только трое ученых занимались применением гальванизма к решению задач по созданию хроноскопов. Первый — известный английский физик Чарлз Уитстон, второй — знаменитый французский механик Людовик Бреге и, наконец, третий — наш соотечественник артиллерист Константин Константинов. Однако Константинова его зарубежные коллеги решили оттеснить от хроноскопа. Он был возмущен и полон решимости вступить за свои права. Но русскому офицеру связывали руки обязанности военной службы.

Лишь в 1848 году, воспользовавшись своей командировкой в Париж, Константинов решил попытаться восстановить приоритет в создании электрохроноскопа. Борясь за себя, в данном случае он отстаивал и приоритет русской науки. Поддержать Константинова в этом деле взялся видный французский физик и химик Анри Виктор Реньо.

«По свежим воспоминаниям, — писал Константинов, — при посредстве члена Парижской Академии наук Реньо, который следил за моими занятиями в доме Брегета, составлен был акт, в котором определялось то, что мне при этом принадлежит вполне, и то, что приходится на долю Брегета. Акт этот составлен за подписью самого г. Л.

Брегета и г. академика Реньо, первого секретаря нашего посольства и нашего парижского вице-консула Иванова, равно как и за моей подписью».

Итак, дело с претензиями Бреге было улажено. Сложнее было убедить господина Уитстона.

В Англии поляк Станислав Валентинович Шелиот, который в свое время под руководством М. М. Сперанского участвовал в составлении свода законов Российской империи, рьяно взялся помогать Константинову, когда узнал суть его дела, а главное, имя виновника. И на это были важные причины.

— Господин Чарлз Уитстон отлично знает коммерческую сторону дела, — говорил Шелиот Константинову, когда они ехали в экипаже в мастерскую английского изобретателя. — Он своевременно и заявление подаст, и политическую статью тиснет в журнале, и публичную лекцию прочтет. Патентами, процессами, умением получать поддержку прессы, покровительством влиятельных людей господин Уитстон укрепил за собой первенство весьма во многих изысканиях и открытиях своих заказчиков.

— И что же, никто не оспаривал у него своего первенства? — совсем упал духом Константинов.

— В 1837 году господин Уитстон получил патент на усовершенствование электромагнитного телеграфа, изобретенного в 1832 году бароном Павлом Львовичем Шиллингом. И присвоил его изобретению название «телеграфа Уитстона».

— Да это же грабеж среди бела дня! — опешил Константинов.

Прибыли к Уитстону. Выдающийся русский астроном Василий Яковлевич Струве, строитель и первый директор Пулковской обсерватории, спросил хозяина:

— Вам действительно запомнились чертежи господина Константинова, которые показывал вам месье Брегет в присутствии академика Анри Реньо?

— Ну, это было показано мельком, господин Струве, — хитро улыбнулся Уитстон. — Повторяю, господа, — обратился он умоляюще к присутствующим на встрече, — уже в 1840 году у меня был свой электрический хронограф.

— Что же вы о том тогда же не заявили? — задал резонный вопрос выдающийся английский астроном, физик и механик, директор Гринвичской обсерватории Джордж Бидделл Эри. — В то время как об электромагнитном хронографе господина Константинова в исполнении месье Бреге можно судить по опубликованным описаниям, чертежи и описание вашего прибора, господин Уитстон, еще нигде не представлены. Не похоже на вас.

Карта Уитстона была бита. С извинениями ему пришлось согласиться с изложением правды о создании электрохроноскопа. Был составлен акт за подписью Константинова, Уитстона и Шелиота. Этот акт

был засвидетельствован в русском генеральном консульстве в Лондоне.

Ну и что же, правда восторжествовала? Увы, нет. Акты остались в архивах, а «мемуары» претендентов в журналах никто не опротестовал. И уже в другом, 1849 году в «Трактате об электрическом телеграфе» математик и физик француз Франсуа Муаньо подчеркивал значительную роль Бреге как конструктора первого электрохроноскопа. А член-корреспондент Парижской Академии наук Жан Катрафаж в статье «Академия наук я ее работы» предположил, что Уитстон все же первым измерил время с точностью до 0,001 секунды.

Известный французский изобретатель Анри Навье в 1848 году построил свой первый хронограф на принципе прибора Константинова в исполнении Бреге. На том принципе, от которого Константинов когда-то отказался. И создателем хроноскопа стали уже считать Навье.

Терпение Константинова было на пределе. И он обратился за поддержкой к академику Э. Х. Ленцу.

Ссылаясь на два акта, которые Константинову удалось подписать в Париже с Бреге и в Лондоне с Уитстоном, Э. Х. Ленц в своей статье показал, что в электробаллистическом приборе изобретено Константиновым, и что им заимствовано от других.

«Прибор, доставленный в Санкт-Петербург из Парижа, — писал Ленц, — принадлежит по идее и общему плану полковнику Константинову. Выполнение же подробностей является заслугой как самого Константинова, так и господина Бреге. Но, что вполне и безусловно принадлежит Константинову, так это вспомогательный прибор. Так что полковник Константинов с полным правом может считать электробаллистический прибор, в таком виде, в котором он у него хранится, своим духовным имуществом».

Но и заступничество Ленца не помогло утвердиться правде об электрическом приборе в научном мире.

Дорогой открытий

В марте 1849 года полковник Константинов был назначен командиром Санкт-Петербургского ракетного заведения, а спустя два месяца — также и начальником Охтинского порохового завода. Вместе с тем он не порывал и с Пиротехнической школой, где состоял надзирателем и преподавал пороходелание и рисование. Таким образом, по примеру русского артиллериста А. Д. Засядко и австрийского ученого Аугустина, в одних руках Константинов сконцентрировал почти все области ракетного дела в России.

Самым, пожалуй, важным примером программы коронации Александра II в Москве помимо, конечно, самого акта коронации, был изобретенный главным распорядителем фейерверка Константиновым спектакль стрельбы из пушек. Своеобразный концерт для пушек с

оркестром. Сводный хор и оркестр — всего около 3000 человек — должны были исполнять государственный гимн. Руководить таким большим хором и оркестром было очень сложно. Пригласили композитора и дирижера Алексея Федоровича Львова (автора музыки Государственного гимна на слова Василия Жуковского). На репетициях сводного хора выяснилось, что ударных инструментов не слышно. И Константинов предложил заменить звуки барабанов в оркестре пушечными выстрелами. Сам взялся построить прибор — что-то вроде клавикордов — в своем ракетном заведении. Их вмонтировали в дирижерский пульт и электрическими проводами соединили с боевой батареей. Причем батарея была расположена на берегу реки Синички, на расстоянии более километра от дирижерского пульта перед оркестром, разместившимся на площадке напротив Лефортовского дворца.

Композитору Константинов не преминул сообщить, понизив тонос:

— Подобные клавикорды, Алексей Федорович, могут применяться в некоторых случаях для последовательного взрывания боевых мин.

— Скажите, пожалуйста! — невольно отстранился от грозного пульта дирижер.

— Так что вы испытываете сейчас и отечественную военную технику, — козырнул Константинов, оставив Львова в некотором смятении.

И вот мощный хор запел «Боже, царя храни!» — и взлетели от шквала голосов все птицы с колоколен Немецкой слободы. Но их крики потонули в торжественном пении, грохоте пушек, отбивающих такт гимна.

Эффект аккомпанемента, который ни разу не сбился и поспедал вовремя за мелодией, был потрясающим. Вот уж воистину, опроверглось изречение «Когда грохочут пушки, музы молчат»!

Своим остроумно задуманным и прекрасно технически выполненным изобретением Константинов открыл новую страницу в техническом дистанционном управлении различными процессами.

Все свои нововведения в пиротехнике Константинову удалось масштабнo продемонстрировать именно на этом празднике. Это был практический курс Константинова по пиротехнике, преподнесенный с большим триумфом. Не случайно многие предметы нескольких фейерверков во время коронации впоследствии были выполнены в уменьшенном виде, и эти макеты, в том числе и прибор для концерта пушек с оркестром, были выставлены в музее Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории.

30 июля 1852 года на Виннер-Нейштадтский полигон прибыла делегация военных специалистов из России, в составе которой был и Константинов.

— Время, когда я в прошлом году был прикреплен к штабу генерал-фельдцейхмейстера его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича, не прошло для меня даром, — рассказывал

Константинов барону Аугустину. — Задумал я создать электробаллистический маятник для определения движущей силы ракет.

Выслушав беглое описание задумки русского изобретателя, барон Аугустин ответил на доверие доверием и повез гостя в личном экипаже в свою лабораторию, расположенную рядом с Вулвичским испытательным полигоном, который они только утром оставили после испытаний ракет.

— Вы хотите начать с того, чем бы мне следовало кончить, — сказал после долгой паузы барон Аугустин, с доброй завистью глядя на Константинова. — Ваше крупное творческое достижение дает в руки будущему исследователю ценнейший инструмент, с помощью которого проектирование и изготовление ракет становится на научную основу. Ваш баллистический маятник будет самый верный, которым только обладает наука при измерении.

Из 84 выпущенных ракет на полигоне только 55 попали в цель. Константинов не мог не заметить при обсуждении результатов стрельбы, что действенность прицельных ракет у австрийцев меньше действенности прицельной стрельбы русских 6-фунтовых пушек.

Однако, обсуждая с Аугустином перспективы применения австрийских ракет, Константинов сказал:

— Видно, господин барон, что вы близко знакомы с трудами Конгрева и Шумахера, но превзошли их.

— Не скрою, я изучал их ракеты на месте, — откликнулся Аугустин. — И пытался усовершенствовать. — Помолчав, барон решил сделать взаимно комплимент Константинову, сказав:

— А я, признаться, еще больше утвердился в том, что вы один из крупнейших авторитетов в ракетном деле. — Чем в немалой степени смутил молодого русского полковника.

Обмен достижениями в военном деле между Австрией и Россией, которому, в частности, содействовала и командировка Константинова с делегацией русских военспецов, был весьма плодотворным, за что австрийский император наградил Константинова орденом Железной короны 2-й степени.

Прапорщик Иогансен с двумя фейерверками, восемью рядовыми и денщиком 15 марта 1853 года на одиннадцати почтовых тройках отправились из Санкт-Петербургского ракетного заведения в Оренбург. За участие во взятии Ак-мечети прапорщик был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и получил «не в зачет» (сверх положенного) годовой оклад жалования.

(Кстати, именно недалеко от Ак-мечети, нынешней Кзыл-Орды, в наше время расположен ракетодром Байконур, музей которого открывают экспозиции А. Д. Засядко и К. И. Константинова).

Успех ракет Константинова в этой кампании в какой-то степени

переменил безразличное отношение к ним в России. По желанию графа В. А. Перовского, 2-дюймовые ракеты ежегодно стали посылать в его Оренбургский корпус для практических занятий и в запас, на случай военных действий. Ракеты же, оставленные в форте Перовском, из числа привезенных прапорщиком Иогансенем, были также успешно применены генералом Огаревым при отражении атака кокандцев в 1853 году.

Столь же успешно ракеты Константинова «воевали», по свидетельствам князя М. С. Воронцова, князя М. Д. Горчакова, генерала Н. Н. Муравьева и других военачальников, в Силистре, Кюрюк-Даре и Бабадаге в 1854 году, в Крымскую войну. Благодаря плодотворной деятельности Константинова русская артиллерия получила более совершенные боевые ракеты. Не только военные потребности, но и успех ракет Константинова стали причиной увеличения производства этого вида оружия в России.

Константинов ходатайствовал перед военным руководством о формировании гвардейского ракетного дивизиона. Он предлагал дислоцировать этот дивизион в одном из пунктов, находящимся на сети западных железных дорог. Когда-то ракетный дивизион был расформирован по указу царя. И от него оставили только ракетную батарею на Кавказе, сформированную Санкт-Петербургским ракетным заведением, командовал батареей как раз прапорщик Иогансен.

«В наших войсках необходимо иметь полевые ракетные батареи в каждом корпусе... Нам будут необходимы ракеты в составе осадной артиллерии, для обороны крепостей... Для обороны наших морских берегов будут необходимы разрывные и зажигательные ракеты. Во флоте, вероятно, со временем потребуются ракеты...» — неустанно твердил Константинов в своих статьях и рапортах.

Такая программа, скромная из-за небрежения правительства к ракетам, в те годы еще казалась завышенной и вызывала усмешку военспецов, считающих Константинова неисправимым прожектером.

Это небрежение объяснялось и тем, что начиналась эра нарезного оружия.

Ученый артиллерист Константинов загорелся идеей создать прибор для проверки внутренней пустоты продолговатых снарядов орудий 4- и 8-фунтового калибра. Модель этого прибора по собственным чертежам он просил изготовить одного из своих сотрудников — мастера Петербургского ракетного заведения Копытова. Вместе с ним они приспособили его и для измерения толщины стенок снаряда в его цилиндрической части. Но только через несколько лет Константинов, занятый все время совершенствованием ракетного заведения, смог наконец доработать свой оригинальный регистрирующий динамометр, дающий полную картину измерения давления пороховых газов в стволе нарезного орудия.

В журнале Артиллерийского комитета, дав пространный анализ этого

прибора, Константинов сообщал: «Этот прибор предназначен не только для определения наибольшего давления газов, но также для установления закона, по которому изменяется давление газов во время движения снаряда в орудии».

Артиллерийский комитет предложил Константинову продолжить опыты на Волковом поле. Испытания прошли успешно. Но изобретение Константинова положили под сукно. И этот уникальный прибор был вторично «изобретен» Дебре и Себергом спустя десять лет.

Курс Константинова

В начале 1860 года его императорское высочество генерал-фельдцейхмейстер поручил Константинову прочитать цикл лекций о боевых ракетах артиллерийским офицерам, находящимся в Санкт-Петербурге.

Не без трепета генерал-майор Константинов вошел в аудиторию Михайловской Артиллерийской академии (бывшего училища, которое он окончил).

Константинов поравнялся с первым рядом офицеров. Теплые рукопожатия профессора химии и физики Нечаева, профессора практической механики Мельникова, профессора баллистики Анкудовича, генерала артиллерии Весселя...

— Я уже знаю наизусть ваш фундаментальный труд о боевых ракетах, — обнял его Вессель, — Рад, очень рад, Константин Иванович, что вы продолжаете мой курс по артиллерии. Ваши нынешние чтения должны оправдать ваш проект устройства нового, более совершенного ракетного заведения в России. Насколько я осведомлен, оно основано большей частью на началах ваших личных предложений и изобретений.

— Будем стараться, дорогой Егор Христофорович, — ответил польщенный Константинов.

— Представляете, человек изобрел целый завод! — с гордостью за ученика сказал своим коллегам Вессель. И добавил: — Значимость этих лекций так высока, что нас почтил своим присутствием его императорское высочество великий князь Михаил Николаевич.

— Нас часто спрашивают, в чем заключается секрет приготовления боевых ракет? — говорил Константинов ровным голосом на французском языке с кафедры академической аудитории. — Чаще всего задают этот вопрос для того, чтобы только утвердиться в преобладающей идее, что весь секрет заключается в движущем ракетном составе. Как переубедить человека? В противовес этому, вообще распространенному мнению, надобно сказать, что секрет приготовления боевых ракет... — Константинов сделал паузу, глянув в широкое окно на Выборгскую сторону. И эта пауза давала каждому возможность предположить свой секрет изготовления ракет. Откашлявшись и выпив воды, Константинов

продолжал: — Секрет - прежде всего в обладании способом фабрикации, производящим идентичные результаты. Несмотря на конструкторские недостатки, боевые ракеты имеют большую будущность и при внедрении нарезной артиллерии. Поэтому необходимо продолжать работу по усовершенствованию процесса их фабрикации...

Цикл лекций Константинова стал выдающимся событием военной науки, направленным против некоторых артиллерийских предрассудков того времени. Вскоре Константинов за этот курс был удостоен Большой Михайловской премии с выплатой около 1500 рублей.

Комиссия по присуждению премии записала в своем постановлении: «Генерал-майору Константинову за труды его по усовершенствованию ракетного делопроизводства введением новых способов и приборов в нашем ракетном заведении, за исследование свойств боевых ракет тщательно произведенными им опытами и распространением полезных сведений по ракетному делу несколькими сочинениями, из которых особенно обращает на себя внимание статья о боевых ракетах, помещенная во второй части курсов артиллерии генерал-лейтенанта Весселя, в которой предмет сей разобран полно, систематически и на основании собственных изысканий генерал-майора Константинова, статья о боевых ракетах в курсе генерал-лейтенанта Весселя бесспорно составляет столь полный и отчетливый трактат о ракетах, которого до сих пор не существовало ни на русском, ни на иностранном языках».

А 11 мая 1860 года новый начальник штаба генерал-адъютант А. А. Баранцов, тоже воспитанник Михайловского артиллерийского училища, сообщил Константинову:

— Его императорское величество государь император соизволил разрешить публикацию ваших лекций «О боевых ракетах» на французском языке.

— Я счастлив еще и потому, что считаю открытую публикацию своих лекций на иностранном языке самым удобным путем для обмена научными и техническими идеями между учеными всех стран, — признался Константинов. — Надеюсь, что публикация лекций вызовет по возможности больше суждений в печати для проверки наших убеждений в отношении перспективности боевых ракет.

И надежды Константинова оправдались. Лекции «О боевых ракетах», опубликованные с превосходным атласом чертежей в Париже, вызвали восторженные отзывы во многих зарубежных изданиях. Сочинение Константинова было удостоено подробного разбора в Санкт-Петербургской академии наук. Так, Константинов стал общепризнанным авторитетом в области ракетного дела. Его курс лекций в последствии был переведен на все европейские языки.

Но главное, Константинов своим успехом сумел защитить свои ракеты. Ему удалось восстановить ракетное подразделение в армии. С

этого времени настала новая эпоха для ракет в России. Были, при поддержке генерал-фельдцейхмейстера, введены ракеты и в вооруженные силы русского флота.

В апреле 1869 года Технический комитет Главного артиллерийского управления уведомил Константинова о том, что произведенные на Охтинском пороховом заводе в 1865 и 1866 годах опыты над его порохом с примесями стеариновой кислоты и графита «не вполне разъяснили их влияние на качество пороха, но тем не менее указали на многие примерные свойства пороха с подобными примесями».

Константинов знал, что изготовление опытных партий пороха по его рецептам производилось на Охтинском заводе под общим руководством поручика прусской службы Рейхардта. Поэтому предупреждал артиллерийское начальство, что о сахорном и стеариновом порохе станет известно повсюду за границей прежде, нежели в России успеют окончить опыты по новому пороху. Как бы не упустить приоритет! «При невозможности исключительного материального обладания нашей артиллерией моими открытиями, — писал в рапорте Константинов, — взятием на него (порох) мною привилегии за границей упрочится, по крайней мере, за нашей артиллерией честь первенства в этом деле».

Новый пакет из Главного артиллерийского управления был о решении по ракетному станку Константинова: «...Доставленные Вами чертежи ракетного станка для спуска двухдюймовых ракет и принадлежностей к этому станку, то есть квадрант и пальник, утверждены с присвоением им названия системы 1868 [года]».

— Слава тебе, Господи! — перекрестился Константинов на образ Спасителя в переднем углу его кабинета. Чем сильнее болезни брали верх, тем более он становился верующим в Бога. — Ракетный мой станок через двадцать лет наконец-то принят на вооружение в русской армии.

Именно этот станок залпового удара стал прототипом для русских «катюш» в годы Великой Отечественной войны...

К решению любой задачи Константинов подходил с научных позиций. У него было системное представление о предмете соевой деятельности. Он стремился изучить те физические явления, которые лежат в основе исследуемого вопроса. Особенность его научного метода в том, что он сам создавал приборы и сам разрабатывал способы измерения. Иногда эти приборы являлись или включали в себя открытия (такие, как хроноскоп Константинова). Он сам конструировал машины и станки, разрабатывал технологию и техническую оснастку производства. И везде — изобретал оригинальное, даже когда брался за усовершенствование прибора или механизма не своей конструкции. И, наконец, открывал закон или «начало» для фундаментальных исследований.

Так, определив при помощи своего ракетного баллистического

маятника закон изменения движущей силы ракеты во времени, Константинов установил влияние формы и конструкции ракеты на ее баллистические свойства. Этим самым он заложил научные основы расчета и проектирования ракет. Ракеты конструкции Константинова были лучшими в мире. Его четырехдюймовые ракеты имели дальность полета более 4 километров, тогда как ракеты других конструкций в разных странах не могли преодолеть и одного километра. Введя сухую набивку ракетного состава, Константинов сделал полет ракет более устойчивым...

А вот как пришел Константинов к многоступенчатым ракетам, ставшим впоследствии основой отечественной ракетной техники.

Двухпустотные ракеты

Фрегат «Александр Невский» потерпел крушение всего в 150 сажнях от берега. Обидно погибать, когда до земли подать рукой. С палубы неумолимо погружающегося в воду фрегата матросы запустили спасательный змей, пытаясь с его помощью бросить на берег линь с кошкой. Но ветер сменил направление — и змей, не долетев до берега, ушел в сторону штормового моря.

Сигнал бедствия на змее все равно заметили, к счастью, на проходящем неподалеку от гибнущего русского фрегата датском барке. Датчане пустили с борта своего барка спасательную ракету, которая попала на палубу фрегата. С помощью страховочного линя вся команда русских моряков была спасена.

— Если бы у нас была такая спасательная ракета, — сказал, ступив на берег младший офицер затонувшего несчастного фрегата, — мы бы без труда бросили линь на берег.

— Нужно на всех наших военных судах иметь спасательные ракеты, — поддержал его командир и, вспомнив о спасшем их сигнале, добавил: — И один или даже несколько спасательных змеев.

Сейчас это уже история спасательной техники на море, а во второй половине XIX века на спасательные ракеты был большой спрос. Особенно широкое применение они получили в Англии. Для спасения жизни при крушении в море было создано Королевское национальное учреждение спасательных лодок. В течение десяти лет таким образом было спасено около тысячи моряков.

На берегах Дании было 35 спасательных станций. Франция тоже начала создавать подобные спасательные службы. Очередь дошла и до России.

На побережье Балтийского моря Россия учредила для начала четыре спасательных станции: на Гогланде, на Фальзанде, при Доменеснеском плавучем маяке и на Свальферорте. Для этих станций купили в Англии четыре спасательные лодки с комплектом принадлежностей для оказания помощи членам команд терпящих крушение судов. В число принадлеж-

ностей входили 24 ракеты для бросания спасательных линий и ракетный станок с ударным замком и скорострельными трубками.

Однако англичане не приложили к комплектам ни одного пояснительного документа для применения их в деле.

— Догадывайтесь, мол, сами, — хмыкнул Константинов. — Что ж, разберемся и сами.

Шесть ракет с ракетным станком и линиями по распоряжению Морского ведомства были доставлены ему в Санкт-Петербургское ракетное заведение. Приказ был — не только разобраться, как ими пользоваться, но также исследовать и по возможности наладить изготовление подобных ракет.

Константинов со своими помощниками провел испытания. Оказалось, что английские спасательные ракеты, пущенные под углом 45 градусов, летят на расстояние не более 125 сажень.

— Этого мало, — сказал Константинов, когда изготовленные по английскому образцу ракеты удалось бросить на 155 сажень. — Надо найти способ, чтобы увеличить это расстояние, хотя бы раза в полтора. Да, боюсь, не успеем. Надо перебираться в Николаев.

Но он успел.

Однажды пришел на работу особенно взволнованный.

— Чтобы ракета доставила трос и якорь на значительное расстояние, измеряемое сотнями метров, — сказал полковнику В. В. Нечаеву, который был уже утвержден вместо Константинова командиром Петербургского ракетного заведения, — она должна вначале двигаться медленно, затем ее движущая сила должна возрастать и действовать возможно долее.

— Но как это сделать? — настороженно спросил Нечаев.

— Ох, Виктор Васильевич, пока не знаю, — с азартом сверкая карими глазами, проговорил Константинов. — Не ко времени уезжаю в Николаев, не ко времени. . . . — И, помолчав, добавил: — Самые условия задачи привели меня к интересной идее.

— Неужто открытие! — воскликнул влюбленный в своего учителя Нечаев, всегда ожидающий от него чего-то значительного.

— Похоже, это новое начало в конструкции ракет, милостивый государь, — задыхаясь от чувств, признался Константинов, протягивая своему единомышленнику чертеж.

— А вы говорите, что не знаете, ваше превосходительство! — Нечаев надел очки и стал разглядывать этот чертеж.

— Видите, Виктор Васильевич, — показывал Константинов длинным ногтем правого мизинца, — это начало заключается в особом расположении внутренней пустоты в ракете. В спасательной ракете, по моему мнению, нужно сделать не одну, а две пустоты. Понимаете, не одну, а две?

— Не понимаю, — отрицательно мотнул головой Нечаев. — Почему

две? — Он повернул голову к склоненному к нему возбуждённому лицу Константинова. Но тот вперил жаркий взгляд в листок.

— В этом все и дело. Первая пустота подобна во всем пустоте в обычной ракете. Вторую же пустоту нужно расположить в глухом составе...

Начались опыты. Все не ладилось. Фейрверкеры нервничали. Константинов был, как огонь, - не притронься. Но были уверены, что Константинов сделал выдающееся открытие. Никто в этом человеке никогда не сомневался.

— Генерал зря возиться не будет, — говорил мастер Копытов, закручивая самокрутку с самосадам в курилке.

— Это точно, — кивнул сидящий напротив Писарев.

— А ты, рыжий, все знаешь! — погладил свой короткий бобрлик Кусургашев...

— Получилось! — вбежал Гаркавенко, с взлетевшими от радости бровями. — Наш генерал победил!

— Уже не наш, — огрызнулся Копытов, но выскочил из курилки первым. За ним подались другие солдаты и потянулись по аллее за Гаркавенко к зданию конторы.

— Что получилось-то? — спросил Копытов.

— Нагнись, чтобы не увидели, — махнул рукой Гаркавенко у открытого окна.

Фейрверкеры присели, прислонившись к стене конторы под окном и стали вслушиваться в долетающий до них разговор.

— ...Действие этих двух пустот заключается в том, — спокойно и твердо говорил Константинов, — что после сгорания состава около первой пустоты ракета получает свежую движущую силу за счет загорания состава около второй пустоты. — В комнате воцарилось молчание.

— Жалко, что он уезжает от нас, — зашептал Кусургашев.

— Считай, уже уехал, — тихо поправил его мастер. — Нечаев принял дела. — И, помолчав, добавил: — Я тоже подамся за ним в Николаев. Такую махину задумал поднять — не надорвался бы, помочь ему надо.

— Тише вы! — махнул Писарев, как только в комнате возобновился разговор.

— А в обычной ракете горит лишь одно поперечное сечение глухого состава, — слышался голос Нечаева. — И не доставляет никакой ощутимой движущей силы ракете.

— Что мы и видели на опыте, — сказал Константинов.

— Все же вы, ваше превосходительство, дельный создали баллистический маятник, цены ему нет! — похвалился, как собственным изобретением, Нечаев. — Как бы без него мы определили движущую силу ракет от начала до конца горения смеси?

— Да уж придумали бы что-нибудь, — почти мурлыча от удовольствия, сказал Константинов. — Что-нибудь бы поинтереснее, а,

Виктор Васильевич? — Помолчав, он опять вернулся к главной теме разговора: — Эта двухпустотная ракета, пожалуй, самое главное мое изобретение будет после электробаллистического прибора.

— Итак, благодаря тому, что в новой конструкции ракеты, — методично отчеканивал слова Нечаев, — сначала горит пороховой реактивный состав первой половины ракеты и только после его сгорания воспламеняется вторая половина, величина действующей на ракету реактивной силы уменьшается, но зато время ее действия увеличивается. Из-за чего траектория полета ракеты становится более пологой, дальность полета увеличивается, а ускорение уменьшается.

— Все это позволяет применять спасательный трос менее прочный, но более легкий и длинный, — подхватил горячо Константинов. — Теперь дальность метания веревок при ракетах с двумя пустотами, при том же калибре, что и английские спасательные ракеты, и при лине одного и того же веса, у нас оказалась почти в полтора раза более. Чего мы и добивались, господин полковник. Кроме того, мы можем ракетой с двумя пустотами бросать лить, представляющий несравненно менее сопротивления разрыву.

— А потому, — добавил Нечаев, — и значительно тоньше и легче, нежели при ракетах с одной пустотой.

— Вы знаете, Виктор Васильевич, — после паузы, мечтательно сказал Константинов, — я думаю, что эти двухпустотные ракеты могут быть применимы не только для спасательных целей. В них — начала для устройства ракет дальнего метания.

— Все. Генерал, слава Богу, успешно выполнил задание Морского ведомства, — шепнул Писареву фейерверкер Кусургашев.

— Главное, открытие сделал, — с вытаращенными зелеными глазами глухо пробасил рыжий Писарев. — Да еще какое! Создал двухпустотные ракеты. Ты хоть понял, что это такое. Это тебе не фокус!

Отечественные спасательные ракеты с двумя пустотами и со всеми их принадлежностями стали выпускать в Санкт-Петербургском ракетном заведении. Первую их партию направили на спасательные станции Балтийского моря.

Мог ли тогда предположить Константинов о создании в России в двадцатом веке таких ракет «дальнего метания», как межконтинентальные ракеты? Вряд ли.

Константинов скромно мечтал продолжить исследования с двухпустотными ракетами. Намечал испытать, как при действии их с берега, в нисходящем состоянии полета от ракет отделяется хвост и служит поплавком, удерживая конец лinya. Хвост этот предполагалось снабдить фальшфайером, который бы обозначал место плавающего поплавка днем с помощью дыма, а ночью — светом. Оставаясь верным пиротехнике, Константинов намеревался для действия с берега снабдить двухпустотные ракеты звездками, которые рассыпались бы в нисходящем состоянии

полета и указывали в ночное время место падения ракеты.

Но и эти изыскания пришлось отложить до тех пор, пока не будет завершено строительство нового Николаевского ракетного заведения.

В своей брошюре «Применение боевых ракет для сигнальных змеев» Константинов рассказал в общих чертах о новой конструкции двухпустотных спасательных ракет. И брошюру эту он не случайно написал и издал на французском языке. А для того, чтобы сделать «гласным свой труд на общую пользу» как у нас в России, так и за границей, в надежде, что его ракеты послужат улучшению способов спасения погибающих при кораблекрушениях.

Мировая общественность по достоинству оценила гуманный шаг русского генерала Константинова, его новый пример (после лекций на французском языке «О боевых ракетах») рассекречивания тайн на пользу в научно-технических изысканиях ученых разных стран.

Конечно, как офицер, Константинов сделал этот шаг не самовольно. С разрешения господина военного министра Д. А. Милютин Главное артиллерийское управление объявило Константинову дозволение — взять на двухпустотные ракеты привилегии, как в России, так и за границей, и извлекать из них выгоды по его собственному усмотрению.

Вручая Константинову документ о привилегиях, Милютин сказал:

— Это лучшее разрешение задачи спасательных ракет, представляющих начало, в особенности выгодное для устройства ракет дальнего полета, для ракет, спускаемых ползунами по местности и для фугасных ракет для действия по трубам контрминных систем.

— Разрешение это весьма дорого, ваше высокопревосходительство, — ответил военному министру Константинов. — Оно не только утверждает за мной права на изобретение, но и заключает в себе похвалу, которую считаю неограниченной наградой за мои слабые труды.

— Поздравляю вас, — улыбался военный министр, пожимая ему руку. — Вот видите, как все славно получилось. А вы все корите нас, будто мы не признаем ваши ракеты...

Ракетная столица у моря

«Неужели здесь быть нашей ракетной столице?» — подумал Константинов. Он посмотрел на другой берег Ингула, поднял руку к глазам, прикрываясь ладонью от слепящего сияния огромного небесного пространства. Едва ли в Южной России, на побережьях Черного и Азовского морей, найдется для этой цели другой город, который мог бы соперничать с городом Николаевом. Это тебе не сырой Петербург. Для успешных испытаний ракет самый раз вот такая сухость воздуха, хотя, конечно, и духота, и зной — не из приятных. И это, несмотря на то, что почти весь город окаймлен широчайшей рекой Бутом. Знойной своей атмосферой город обязан котловине, в которой он расположен. И большая часть его

пригорода состоит из песчаной степи.

Город этот был еще молодой, основанный в 1784 году на левом берегу Бугского лимана, как центр южного судостроения России. До недавнего времени он был исключительно военным портом. И эта его особенность — тоже важна для строительства здесь ракетного заведения и артиллерийского полигона. А то, что в 1862 году открыт здесь коммерческий порт, как нельзя кстати для доставки сюда водным путем из Франции машин, заказанных Константиновым у фирмы господина Фарко для Николаевского ракетного заведения.

Представленный еще 27 марта 1862 года на высочайшее рассмотрение проект ракетного заведения после доработки наконец-то был утвержден. Этот проект имел большое значение в истории отечественного и мирового машиностроения. Удалось шагнуть далеко вперед как в области технологии, так и в организации производства. Уровень предложенной Константиновым механизации и автоматизации был гораздо выше, чем на реконструированном Петербургском ракетном заведении, которое когда-то считалось образцовым не только в России, но и за границей. Теперь его предлагалось упразднить и перевести его личный состав и машины в город Николаев. Сумма правительственного заказа превышала 184 тысячи рублей. Строительство нового заведения предполагалось завершить к сентябрю 1867 года.

Но в декабре Константинов был неожиданно вызван к военному министру генерал-адъютанту Д. А. Милютину.

— Я вызвал вас, генерал-майор, чтобы уточнить необходимость для государства ракетного дела, — сразу определил тему разговора новый министр. — Не скрою от вас, что подавал записку его императорскому высочеству генерал-фельдцейхмейстеру о том, что считаю сомнительным продолжать устройство ракетного заведения на юге России. Константин Иванович, вы сами видите, — перешел на более доверительный тон Милютин, известный своим либеральным настроем в проведении демократических реформ императора Александра II, — быстрое усовершенствование нового нарезного оружия сделало большие успехи в нашей армии. И вы тоже к этому руку приложили, не правда ли?

— Не лишайте Россию перспективного оружия, ваше сиятельство, — встал с кресла Константинов и так больше и не садился на протяжении всей беседы. — Я верю в будущее ракет, — сразу заявил он позицию, приготовившись к натиску, и сделал обходный маневр: — Я знаю, ваше сиятельство, что вы из пансиона Московского университета поступили фейерверкером в гвардейскую артиллерию. И можете поэтому судить со знанием дела о возможностях ракет. Нарезное оружие, без спору, прекрасно в одних важных операциях, ракетное — в других...

— Мы ценим, генерал-майор, ваши заслуги пиротехника — равных вам нет, — перешел опять на официальный тон Милютин. — Но знаем и

то, что ракеты хороши только в потешных и спасительных делах. Так к ним относятся и в армии. Крымская война убедительно показала несостоятельность боевых ракет. И не только ваших, но и зарубежных. И потом, по нашим сведениям, Австрия уже решила уничтожить свои ракеты и перейти на нарезную артиллерию.

— Кстати, о зарубежных, — парировал Константинов. — Смею вам напомнить, что испанское правительство полностью переняло все машины и фабрикации нашего Николаевского заведения. А что касается Австрии...

— Из уважения к вам, — перебил Милютин, — все же прошу вас, генерал-майор, представить мне в письменном виде конкретные сведения и соображения в отношении пользы употребления боевых ракет и необходимости введения их в нашей армии.

30 октября 1862 года авторитетная комиссия во главе с генерал-фельдцейхмейстером, а также члены Артиллерийского комитета и почти все артиллерийские генералы, бывшие тогда в Санкт-Петербурге, пожаловали на испытание боевых ракет Петербургского ракетного заведения. На Волковом поле решено было испытать ракеты Константинова со всеми последними его усовершенствованиями. На этих испытаниях были выпущены 10 прицельных ракет двухдюймового калибра, системы 1862 года. А для сравнения с ними выпущено 10 прицельных ракет такого же калибра и с такими же снарядами, но с сухим составом.

— Только одна ракета отклонилась от цели более ширины щита, — подытожил генерал-адъютант Э. И. Тотлебен.

— Как видите, господа, — сказал Константинов, — сухая глина с одной шестою частью гарпиуса, смоченного скипидаром при набивке, поверх каждой спрессованной посыпки, составляет более удачный способ заткнута ракетных гильз с глухого конца.

— Ну что же, будем изготавливать ракеты с мокрым составом, — сказал великий князь Михаил Николаевич. — Генерал-майор, я выражаю вам свое удовольствие за осуществленные успехи в ракетном делопроизводстве в последнее время.

И все же на заседании особой комиссии Константинову было не до заслуженной радости за успех.

Генерал-адъютант Н. А. Крыжановский привел конкретный пример необходимости использования ракет в Крымской войне.

— Евпатория во время минувшей войны, — рассказал он, — была наполнена турками, татарами и преимущественно кавалерией их союзников, которые хранили по всем дворам огромные запасы сена. Скопление в Евпатории строений и запасов, господа, было превосходной целью для действия боевыми ракетами. Необходимость этих средств поражения сильно ощущалась нашими войсками, находящимися в четырех верстах от Евпатории. Но у нас тогда не было на складах этих ракет. По

моему предложению, главнокомандующий Крымской армией приказал приготовить некоторое количество боевых ракет в Симферополе. Но там не было ни средств, ни опыта их фабрикации. И мы потеряли, господа, возможность с выгодой употребить в дело ракеты под Евпаторией.

Но комиссия не встретила этот рассказ с одобрением. Поняв это, Крыжановский перешел на спокойный тон:

— Впрочем, полагаю, что нет достаточных данных, показывающих успешное употребление боевых ракет в полевых сражениях. Но убежден — и пример с Евпаторией это показывает, — что бывают случаи, когда ракеты совершенно необходимы.

«Заюлил», — с горечью подумал Константинов. Все надежды у него были теперь на генерал-адъютанта Тотлебена, который после осады Севастополя был вызван в город Николаев для приведения его в оборонительное положение. Объяснительная записка Тотлебена по укреплению Николаева — одна из самых ценных его научных работ — открыла новую эру в фортификационном искусстве. Ученый отступил от традиций, царивших в те времена даже во Франции, несмотря на ее опыты наполеоновских войн. Форты, по Тотлебену, — главные опорные пункты борьбы, если умело распределить все виды оружия и определить роль каждого из них. Он-то знает военные возможности города Николаева, выбранного Константиновым для ракетного заведения и крупнейшего артиллерийского полигона при нем.

Помнил Константинов и встречу с Тотлебенем в Кронштадте; инженер участвовал там в усилении кронштадтских укреплений, а ракетчик был направлен туда в 1856 году наблюдать за опытом по применению боевых зажигательных ракет в морском деле. Там два генерала сошлись накоротке. И вот их дороги пересеклись вновь.

— Думаю, комиссия согласится со мной в том, что ракеты удобно использовать как зажигательные средства, — сказал Тотлебен. — Выгодно они отличаются и тем, что не оставляют, подобно орудиям, груза, требующего после военных действий защиты от неприятеля. — Оглядев кивающих членов комиссии, Э. И. Тотлебен продолжал: — Притом применение ракет несколько не зависит от местности. Я тоже, как и генерал-адъютант Крыжановский, намерен указать на один из случаев в прошедшей войне, когда ракеты могли принести существенную пользу. После того, как в деле 13 октября 1855 года генерал Липранди взял передовые турецкие редуты, прикрывающие доступ к Балаклаве, войска наши заняли позицию при деревне Комары. Оттуда можно было подойти на расстояние двух верст от города и расположиться на значительной высоте, оканчивающейся обрывом к стороне неприятеля. С этой-то местности, — повысил голос Тотлебен, спугнув тихие разговоры в конце длинного стола, — можно было навесною стрельбою большими зажигательными снарядами, то бишь боевыми ракетами, сжечь огромные

продовольственные запасы английской армии в Балаклаве и удалить весь флот, сосредоточенный на тесном пространстве бухты.

Позже Тотлебен приписал к своему выступлению: «Можно было сжечь флот, который при распространении пожара не успел бы выйти из тесной бухты».

— Тогда было предложено, — продолжал директор Инженерного департамента Тотлебен, — поставить на упомянутой местности трехпудовые мортиры для бомбардирования города и бухты. Но доставить тяжелое орудие со станком и большими снарядами по горной местности, по крутым возвышенностям, при весьма дурных горных дорогах оказалось невозможным. — Тотлебен указал костлявым длинным пальцем на Константинова: — А вот ракеты в этом случае могли бы оказать неоценимую услугу, но их не было в Севастополе.

— Их везли, — подал реплику Константинов.

— Везли, да не довели, — недовольно отвернулся от него сидящий рядом Баранцов и заключил: — На основании практики и уже приведенных доводов, господа, можно, видимо, прийти к заключению, что в осадной и крепостной войне и вообще как в наступательной, так и в оборонной военной обстановке польза от боевых ракет несомненна.

— И прибавлю к этому, — сказал Тотлебен, — что введение их для обороны рвов в постоянных, и особенно во временных, укреплениях представляет значительные выгоды в инженерно-артиллерийском отношении.

Слово попросил граф С. П. Сумароков. У Константинова екнуло под ложечкой.

— Думаю, все члены комиссии единогласно признают пользу боевых ракет, как все же вспомогательного средства, но необходимого при нынешнем развитии артиллерийского искусства, — сказал Сумароков. — Удобны и выгодны они для действия по внутреннему пространству городов и укреплений. Но... — поднял граф свои густые брови — и Константинов замер.

— Оправданно ли при нынешних финансовых затруднениях такую кучу денег затрачивать на эти, я подчеркиваю, вспомогательные военные средства?

Константинов ждал, конечно, этого выпада. И попросил слова.

— Мы не можем, — сказал он, — производить в достаточном количестве и при таких мизерных затратах ракеты, даже если уважаемая комиссия сочтет их только вспомогательными боевыми средствами. Хотя я вижу большую будущность ракет как самостоятельного оружия, оружия особого и грозного. И поэтому настаиваю на устройстве нового ракетного заведения, потому что прежнее, существующее в Санкт-Петербурге, находится, по нынешнему мировому уровню ракетной техники, в неудовлетворительном состоянии из-за такого прохладного у нас

отношения к боевым ракетам. Прошу обратить внимание уважаемую комиссию на высокий уровень развития ракетного производства в иностранных государствах. Если даже принять на веру сомнительные слухи о якобы упразднении австрийских ракет, то совершенно достоверно, что во Франции имеются в готовности значительные механические средства для фабрикации ракет по мере их необходимости. В Англия ракеты производятся в значительном количестве частною промышленностью. А Испания устраивает у себя новое ракетное производство по опыту нашего Николаевского ракетного заведения. Что же, господа, мы в своих усовершенствованиях в этом деле старались только для чужого государства?

— Мы уже вложили, господа, — подал голос до сих пор молчавший генерал от артиллерии А. В. Дядин, — огромные средства в Николаевское ракетное заведение: на проект, на изготовление машин, на покупку земель и прочее. Значит, осталась меньшая часть затрат. А в бою любое оружие может оказаться решающим, в чем убедили нас хотя бы объявленные случаи из Крымской войны.

Сторонники Константинова после выступления А. В. Дядина ободрились и высказали свои, не менее убедительные доводы в защиту нового ракетного заведения. В заседании комиссии произошел перелом.

— Надо признать, господа, необходимым и наше ракетное производство поставить на уровень с этим делом в иностранных государствах, — подвел черту товарищ генерал-фельдцейхмейстера А. А. Баранцов. — Как видим, почти все члены комиссии пришли к убеждению в необходимости учреждения у нас нового ракетного заведения, в котором можно было бы готовить ракеты со всеми новейшими в них усовершенствованиями, в которых мы воочию убедились в недавних испытаниях боевых ракет системы 1862 года на полигоне Волкова поля. Причем, думаю, нельзя ограничиваться только двухдюймовыми ракетами, а готовить и боевые ракеты самых больших калибров как наиболее полезные в осадной и крепостной войне.

Это была победа! Константинов ликовал: ведь дальнейшему применению отечественных боевых ракет положено теперь твердое основание — крупнейшее производство в Николаеве. Было решено одновременно с оснащением артиллерийских подразделений новейшими нарезными орудиями в русской армии оставить, пусть пока в небольших количествах на вооружении и ракетные батареи. А в военное время сами обстоятельства могут заставить увеличить число таких батарей.

После доклада о совещании специальной комиссии государю императору его величество Александр II изволил 24 ноября 1862 года разрешить учредить новое ракетное заведение в городе Николаеве. Утвердил проект на устройство всех зданий этого заведения и повелел необходимые суммы отпустить по частям в течение четырех лет.

Строительство ракетного заведения, прерванное на целый год, опять продолжилось.

«Надолго ли?» — переживал за свое любимое детище генерал Константинов. И был прав.

Инженерный департамент нашел недостатки в строительном отношении в проектах и сметах. Большой Константинов поспешил в Петербург.

— Мы настаиваем, — сообщил ему ставший в это время товарищем генерал-инспектора по инженерной части Тотлебен, — чтобы постройки эти были сделаны более капитально.

— Но исправления повлекут за собой увеличение смет по инженерному делу, ваше превосходительство, — почувствовал подвох Константинов. — Мы же опять затянем дело строительства на долгие времена. Ведь уже три года лежат без употребления в Николаеве ценнейшие машины и оборудование из Парижа, за которое заплатили более 153 тысяч рублей. И неизвестно, когда мы употребим их в дело. А заказанные испанским правительством по образцу этих машины, вы знаете, уже находятся в полном ходу в Севилье.

— Знаю, знаю, — вздохнул Тотлебен и отвел глаза в сторону.

— Нельзя ли усовершенствовать ракетное заведение после его строительства или хотя бы в процессе работ, Эдуард Иванович?

— Честно говоря, Константин Иванович, — посочувствовал ракетчику Тотлебен, — дело в том, что, как вы знаете, с этого года у нас вводятся в употребление нарезные пушки. И правительство решило отказаться от дальнейшего применения боевых ракет в широких масштабах. Поэтому не торопитесь и со строительством Николаевского ракетного заведения. — И, помолчав, посоветовал: — Попробуйте обратиться за помощью к Александру Алексеевичу Баранцову. В связи с назначением его императорского высочества генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича наместником Кавказским Баранцов вступил недавно в самостоятельное управление всеми частями артиллерийского ведомства. Он намерен, по слухам, ввести коренные преобразования и усовершенствования в русской артиллерии и перевооружить прочие рода войск. Помнится, он поддерживал вас на заседании комиссии по Николаевскому ракетному заведению...

— Силы уже не те, вот и затирают влиятельного когда-то генерала, — пожаловался вернувшийся в Николаев ракетчик своему приятелю, редактору «Николаевского вестника» Юрковскому.

— Полноте, ваше превосходительство, — поспешил успокоить его Юрковский. — И статьи, и книги ваши выходят в Петербурге, и за строительством Николаевского ракетного заведения вся Европа следит с уважением. Никуда не денемся, построим. Вы же перенесли к нам, в Николаев, центр европейского ракетостроения! Понимаете ли вы это, ваше

превосходительство? Без лести вам скажу. А вы говорите — затирают вас. Где вы — там и столица ракетная.

Конструктор будущего

В Каминном зале Адмиралтейства шло очередное заседание Николаевского отделения Русского технического общества.

О научных достоинствах Константинова рассказал полковник Нечаев. И слушая его, генерал видел свою жизнь как бы со стороны, отстраненно, и видел себя не только ракетчиком.

Общественная деятельность и служба отнимали у Константинова не меньше сил и таланта, чем изыскательская работа. Творческое начало стимулировало его обязанности, служебные и общественные, сделав его уважаемым и известным специалистом и государственным человеком.

В январе 1849 года Константинов был назначен членом комиссии для освидетельствования и приема машин вновь возводимого в Петербурге Арсенала. В сентябре того же года был включен в состав особой комиссии для испытания и введения в России системы электрического освещения, предложенной французским химиком Аршро. В июне следующего года — назначен членом комиссии по устройству электромагнитных телеграфов по ведомству Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В этот комитет он попал потому, что в конце 1850 года соорудил свой буквенный электромагнитный телеграфный аппарат для усовершенствования электробаллистической установки. В июне 1851 года Константинов был назначен старшим членом Комитета для надзора за работами по исправлению Сергиевского собора со стороны инспектора артиллерии. Это был собор всей русской артиллерии. Комиссии, комиссии... — не пустая ли это трата времени? Нет, не пустая. Взять хотя бы работу в морском ученом комитете.

В 1787 году американец Бюшнель построил подводную лодку, которую пытались создать, но безуспешно, еще в XVI веке. Как только Бюшнелю удалось ходить под водой, он дерзко предложил американскому посланнику в Париже Джефферсону истребить с помощью подводных лодок весь английский флот. Но первой подводной лодкой так трудно было управлять, что уничтожение английского флота не состоялось.

Думали о подводном плавании и в России. В 1834 году построил и испытал на деле свою подводную лодку генерал-адъютант Шильдер. Ввиду секретности подробности о его изысканиях опубликованы не были, а потом затерялись. Известно стало лишь то, что лодка Шильдера после ее испытания оставлена без всякого применения. Это знакомое для нас положение вещей.

В 1854 году морской ученый комитет поручил Константинову рассмотреть проект подводной лодки механика Н. С. для действия против флотов. Константинов тактично не стал упоминать в печати имя

изобретателя, потому что ничего лестного не мог рассказать об этом проекте.

Н. С. представил проект придуманной им подводной лодки, выполненной из железа, на 60 человек экипажа. В записке к проекту изобретатель пояснил, что пока представил только общую идею его изобретения, без изображения многих подробностей устройства машины и внутреннего расположения судна.

Изучив, как человек системный, историю зарождения и развития подводного плавания, Константинов приступил к анализу инспектируемого проекта Н. С.

Итак, перед ним встали три основных предмета изобретения: собственно судно, новый двигатель и вооружение подводной лодки.

Но большее разочарование эксперта вызывал проект нового двигателя.

— Ваша лодка должна приводиться в движение винтом, обращающимся посредством воздуходействующей машины? — начал разговор с изобретателем Константинов.

— Так точно, ваше превосходительство, — кивнул изобретатель и, потеряв лицо рукой сверху вниз, добавил: — Я чувствую ваше сомнение, ваше превосходительство. Но, поверьте, мой двигатель может заменить все паровые силы.

— По сути дела это слегка измененная машина Эриксона, — выставил Константинов главный козырь самоуверенному нервному изобретателю. — Вы, видимо, знаете духовую машину Эриксона?

— Видел, — опустил воровато белесые глаза Н. С.

Константинов знал, что Эриксонова машина имела в свое время большой успех. Было много восторгов публики и хвалебных печатных отзывов, когда в Санкт-Петербурге ее публично показывали в действии. Но мыльный пузырь быстро лопнул. Американский журнал «Express» известил, что хозяева судна «Elixon» отказались дальше испытывать системы «теплотварных машин» и решили переоборудовать свое судно в обыкновенный пароход, установив на нем два котла.

— Вам, наверное, известно, милостивый государь, — доброжелательным тоном сказал Константинов, — что судно «Эриксон», снабженное этой машиной и предназначенное для совершения плавания из Америки в Англию, после нескольких неудачных рейсов и самых упорных изысканий изобретателя, снабжено ныне обычной паровой машиной?

— Нет, не известно, — искренне признался изобретатель, но то, что позаимствовал конструкцию Эриксоновой машины, отрицать не стал.

— Недостатки машины Эриксона происходят от ее основных начал, — пытался объяснить Константинов. — Поэтому никакие улучшения помочь здесь не могут.

— Позвольте с вами не согласиться, ваше превосходительство! —

оживился сразу изобретатель. — Я полагаю, что мое приспособление к этой машине питательного воздушного насоса изобретенной мной системы находится в надлежащей соразмерности. Поэтому разрешается вопрос устройства двигателя для подводных лодок.

Как ни витиевато изъяснялся Н. С., инспектор готов был к спору с ним. Константинов знал, что насосы системы, предлагаемой изобретателем подводной лодки, появились еще до него в разных исполнениях, в особенности с тех пор, когда начались попытки создать вращающиеся воздушные насосы, подобные вращающимся паровым машинам. Описание таких насосов можно было встретить во всех популярных справочных технических изданиях.

— Вы меня извините, милостивый государь, — сдержанно сказал Константинов, — но предложение такого насоса можно объяснить только желанием устроить что-нибудь отличающееся внешней формой от давно существующего, хотя бы при этом и возникли неудобства, как у вас.

Заключение Константинова было однозначным: «По изложенным выше обстоятельствам изменения, сделанные Н. С. в Эриксоновой машине, не могут улучшить оной достаточно для того, чтобы сделать возможным применение ее к делу».

Третий важный предмет проекта — особые артиллерийские орудия. Подводная лодка Н. С. вооружена 15 пушками разного калибра, заряжающимися с казенной части. Артиллерийские орудия — это уже специальность Константинова. И поэтому он сразу увидел, что предложенный способ для заряжания орудий с казенной части, закрытие канала с этой же части винтом во всю ширину канала — дело совершенно невозможное.

— А вы, ваше превосходительство, посмотрите внимательнее, — пытался защищаться изобретатель, — у меня же особая нарезка у винта. — Правая бровь на заостренном лице белобрысого немолодого уже человека задергалась в нервном тике.

Константинов отвел глаза и объяснил:

— Подобного рода винт, какой бы ни была форма его нарезки, после первого же выстрела невозможно будет вывинтить. Вы попробуйте, милостивый государь, соразмерить силу пороховых газов и известные явления в орудии, заряженном с казенной части.

— Ну и что?

— Вам известно, наверное, об орудиях, заряжаемых с казенной части, например, в системе Ковали или в системе Вуредорфа? — невозмутимо сказал Константинов.

— Известно, — неуверенно ответил изобретатель, и его конопатое лицо предательски покраснело.

Константинов опять отвел глаза — ему всегда неудобно было смотреть в лицо собеседника, который его обманывает.

«Способ, который изобретатель полагает возможным утвердить предлагаемыми им орудиями, в тонком железном борте подводного судна, — сообщил эксперт морскому ученому комитету, — показывает, что изобретатель не представляет себе величины действия отдачи на орудие при выстреле, которое при подводном орудии было бы тем более, что снаряд подвергается непосредственному значительному давлению столба прикасающейся к нему воды».

Несмотря на то, что Константинов раздраконил проект подводной лодки, изобретатель все больше проникался к нему уважением. Компетентность и такт эксперта помогали разобраться в своих нахватанных обрывочных знаниях.

— Ваши изобретения все откуда-то позаимствованы, милостивый государь, — улыбнулся примирительно Константинов. — А надо искать свое. И если уж отталкиваться от чужого достижения, то непременно вкладывать опять свое усовершенствование. Вы же добавляете и чужое, и устаревшее к тому же. Это касается и предложенных вами снарядов.

— Ну, допустим, ваше превосходительство, ими нельзя пользоваться для подводных орудий, — продолжал отстаивать каждую пядь своего проекта изобретатель. — Но из обычных-то орудий ими же можно стрелять. А я их сделал необычными...

— Нельзя, увы, нельзя, — покачал головой уставший препираться Константинов. — Предложенная вами ударная система и способ направления снарядов испытывались. И вы, милостивый государь, знаете, что испытывались во Франции и в других артиллериях. И признаны уже давно не выполняющими своего назначения.

— Разве? — удивился изобретатель.

— Знаете, что вам мешает? — спросил неожиданно Константинов.

— Что?

— Вы читаете научную периодику от случая к случаю, не-систематически. Вот прочитали, к примеру, про французскую ударную систему — запомнили или даже записали. А что потом было по этому вопросу сообщено в печати — прошло мимо вас. Я прав?

— Как вы догадались? — покосился на эксперта покрасневший опять до корней волос разоблаченный изобретатель.

— По вашим трудам, — показал Константинов на проект, разложенный на столе в одной из комнат морского ученого комитета.

— А что вы можете сказать, ваше превосходительство, о снаряжении предложенных мною разрывных снарядов? — продолжал все же упорствовать побежденный.

— То же самое, — горько усмехнулся Константинов. — Ваше предложение не заслуживает никакого внимания,

— Почему? — обиделся на резкость изобретатель.

— Потому что при разрыве жидкость, помещенная в снаряд, будет

раздроблена, разлетится пылью, и если она горючая, то пыль эта сторит мгновенно, еще до цели.

— Итак, все основные начала в проекте военной подводной лодки были уже употреблены в дело при предшествующих изысканиях по сему предмету и нигде еще не увенчались достаточным успехом, — докладывал эксперт Константинов на заседании морского ученого комитета. — По этим обстоятельствам не представляется никакой вероятности на успех осуществления предлагаемого подводного судна. Если раньше даже опыты по созданию подводных лодок могли вызвать опасения противника, как в случае с Фильтоном, то сейчас и на такую пользу нельзя рассчитывать, — с улыбкой продолжал Константинов. — Предложение нашего изобретателя, основанное на опытах недостаточных или несбыточных по своей несообразности, не заслуживают никакого внимания, и потому не представляется достаточного повода для доставления со стороны казны каких бы то ни было средств для проведения в исполнение рассмотренных здесь предложений.

Морской ученый комитет разделил тогда это мнение эксперта Константинова и вынес решение: «Принять к сведению проект Н. С. и представить подлинный журнал по сему предмету на благоусмотрение Его Императорского Высочества, управляющего морским министерством». Его высочество изволило согласиться с заключением.

Но самую заметную роль играл Константинов, конечно, в Главном артиллерийском управлении, где работал с выдающимися учеными-артиллеристами — П. Л. Чебышевым, Н. В. Майевским, А. В. Гадолиным. ГАУ осуществляло руководство проектированием и изготовлением нарезного оружия. Эти работы широко велись в России одновременно с изысканиями по созданию нарезных орудий в западноевропейских странах. Константинов был неперменным членом трех комиссий: пороховой, лабораторной и ракетной частей и по снабжению парков боевыми припасами; по материальной части и вооружению крепостей; по машинной части. Много поручений пришлось выполнять ему как члену этого управления, делать экспертизы в самых разнообразных областях военной науки, участвовать во многих важных для вооруженных сил России интересных работах. Одна из них — его участие в создании известной у нас до сих пор винтовки образца 1866-года.

Константинов родился изобретателем, в своем труде «Газовые машины» он предлагал изучать историю изобретений, как делал это сам. Важно оглянуться назад и проследить путь от вида действующего и практически полезного изобретения до появления первых идей, послуживших точкой исхода. Это помогает на частном примере увидеть последовательность развития, которому подчинены труды человека и вследствие которого всякое новое изобретение составляет одну из нитей

последовательно приобретаемых знаний и опыта, начало которых теряется в мраке глубокой давности.

Константинов придерживался взгляда Т. Эдисона, который как-то признался, что, желая что-нибудь изобрести, начинал с изучения всего, что было сделано по данному вопросу за прошлое время.

Так и работу над винтовкой Константинов начал исподволь. Еще в 1855 году в майском номере «Морского сборника» он опубликовал монографию «Последовательные усовершенствования ручного огнестрельного оружия, со времени его введения в европейских войсках и поныне». Для полноты предмета исследования он дал обзор развития конструкций ручного огнестрельного оружия со времени его изобретения, особенно пехотного оружия, которое считал наиглавнейшим.

И вот на выставке в Париже, в 1867 году демонстрируется русская шести линейная разнозарядная винтовка образца 1866 года, в конструировании которой Константинов участвовал в содружестве с генералами А. В. Дядиным и Л. Г. Резвым. Причем переделать ее в разнозарядную помогли тульские оружейники под руководством мастера Нормана. Образец винтовки наделал много шума на международной выставке. Выдающийся русский оружейник В. Бестужев-Рюмин, встретив Константинова на этой выставке, поздравил его с успехом:

— Мы, русские, так привыкли находить наши заводы отсталыми, произведения их плохими и преклоняться перед работами иностранных мастеров, что, вероятно, очень многие у нас крайне удивятся впечатлению, произведенному образцом русской винтовки на иностранцев и на экспертную комиссию. Но мы с вами можем сказать, что работа наших заводов удивила всех, понимающих дело, не выдавших ничего подобного на иностранных казенных заводах.

На заседании Николаевского отделения Русского технического общества новый его председатель Константинов выступил с опубликованной в нескольких номерах газеты «Николаевский вестник» статьей об Обществе домашней экономии. Это его предвидение будущего общепита потрясло присутствующих. Вот уж, действительно, артиллерист пушки заменил на масло. По проекту Константинова, в Обществе домашней экономии должны принимать участие тысячи его членов с их семьями, чтобы дети ознакомились с лучшим устройством домашнего быта.

— Необходимо, чтобы высшие слои общества осознали в этом потребность, — убеждал Константинов, — чтобы выработали средства пропаганды и личным примером благотворно влияли на низшие слои народных масс. Этот общественный институт в России должен заботиться не только о лучшем разрешении задачи продовольствия, но и лучшем домашнем устройстве в гигиеническом, профилактическом, лечебном,

комфортном и экономическом отношениях.

Константинов предусмотрел всевозможные способы хранения продуктов, оснащение кухни по последнему слову науки и техники, создание лаборатории для строгой проверки качества продуктов и музей веществ, из которых состоит человек и какие он потребляет. Предложил создать специальные школы для обучения будущих поваров, хлебопеков и кондитеров.

— Пусть проводятся публичные чтения о народной и личной гигиене, народном продовольствии, химической технологии, различных земледельческих промыслах, — продолжал Константинов. — Обществу этому должно быть присвоено право выдавать различного рода поощрения за использование улучшения в домашней экономии и народном продовольствии, а также право контроля за постановкой этой работы в ресторанах и отелях.

И заключил свое выступление надеждой, что его статья возбудит интерес к такого рода начинаниям:

- Это общество будущего, но думать надо о нем уже сейчас.

В закатных лучах

Шел январь 1871 года. Тяжело больной Константинов уже почти не вставал с постели. Он лежал в своем шлафроке, откинувшись на подушку после очередного приступа астматического кашля, тяжело и хрипло дышал, каждый вздох — со стоном. Ждали домашнего доктора, который обычно приходил вечером.

— Сил больше нет... Почитайте мне, что там творится... в живом мире, — попросил Константинов верного своего друга Юрковского. — Не хочется так сразу вдруг отрываться от света.

— Я вам, ваше превосходительство, захватил гранки очередного «Николаевского вестника», — наклонился к нему со светлым лицом Юрковский.

— Как вы добры...

— Информация о севастопольской тризне, празднуемой ежегодно.

— Уже в шестнадцатый раз... после окончания Крымской кампании, — вздохнул Константинов. — Годы летят...

— Так вот-с, — надел Юрковский очки и стал читать: «Августейший севастополец Великий Князь Николай Николаевич старший, деливший с защитниками боевые тревоги, труды и опасности великих незабываемых дней, изволили осчастливить братский кружок своим присутствием...» — Юрковский пробежал глазами «по диагонали» часть гранки, пояснив: — Обычные тосты — это неинтересно. Вот — и продолжил чтение: — «Была отправлена телеграмма на Кавказ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу следующего содержания. «Я и 89 севастопольцев, собравшихся на: обед, пьем за здоровье Вашего

Высочества, севастопольцев, находящихся на Кавказе, и всех храбрых кавказцев. Николай». — Юрковский снял очки, добавив: — И потом провозгласили тост за храбрых защитников Севастополя. В том числе, наверное, и за вас, Ваше превосходительство... Ваше превосходительство?

Но хозяин молчал: он впал в беспамятство.

Юрковский решил не беспокоить и не звать сестру — за последние дни такое с ним случалось по нескольку раз.

Да, эти годы в Николаеве были омрачены для Константинова тяжелым недугом, неблагоприятными условиями жизни, в которые он был поставлен высшим артиллерийским начальством.

Размышляя об этом, Юрковский, стал переписывать в свой блокнот статьи из послужного списка Константинова, который тот, после долгой отяжки, все же специально приготовил к сегодняшней встрече, но просил домой не уносить, переписать только здесь, в кабинете. Как обычно, переписывая, Юрковский шепотом прочитывал текст. В редакции «Николаевского вестника» шутили над этой привычкой редактора: «Пишет вслух».

— «1849 год — произведен в полковники с зачислением по полевой артиллерии и награжден орденом Святой Анны 2-й степени...»

— «Август 1852 года — награжден знаком отличия беспорочной службы за XV лет...»

— «Сентябрь 1854 года — за сведения, собранные в Австрии о боевых ракетах, пожалован подарком по чину и объявлено Высочайшее благоволение за постоянные и полезные труды...»

— «Август 1858 года — награжден знаком отличия беспорочной службы за XX лет...»

— «Сентябрь 1859 года — назначен состоять при штабе генерал-фельдцейхмейстера...»

— «Апрель 1862 года — за отлично-усердную службу награжден орденом Святой Анны I степени...»

— «Апрель 1864 года — произведен в генерал-лейтенанты за отличие по службе...»

— «Январь 1866 года — во внимание к полезным трудам по званию члена морского ученого комитета, Всемилостивейше награжден арендою в 2000 рублей на 12 лет...»

Юрковский глянул на притихшего Константинова. Тот продолжал лежать с закрытыми глазами, лицо сильно осунулось, широкие скулы проступали неестественно резко.

«На двенадцать лет, — с горечью подумал Юрковский, — а сколько он получал эту аренду — пять лет?»

Вздохнув, он опять стал записывать в блокнот из послужного списка Константинова, шепча:

— «3 февраля 1870 года — приказом по артиллерии объявлено о

присуждении Михайловской премии за ракетный станок для двухдюймовых ракет с принадлежностью для пеших и конных команд...»

А Константинов, оказывается, слышал шепот Юрковского сквозь слабость забытья. И чудилось ему, как идут вдоль Ингульского бульвара в Николаеве знакомые и незнакомые люди и несут на руках перед собой красные атласные подушечки с орденами. Вот его однокашники — юные кадеты, вот рыжий фейерверкер Писарев и чернобровый солдат Гаркавенко, вот белобрысый изобретатель подводной лодки Н. С., хмурый мастер Копытов, с тонкими усиками капитан ракетной бригады Иогансен... И кто-то еще, кого не так просто вспомнить за столько-то прошедших лет. Все они молча, с потупленными глазами медленно идут по бульвару, стараясь не глядеть на Константинова, но, чувствуется, видят, как он старается рассмотреть выражение их лица...

Юрковский продолжал шептать и словно называл своим торжественным шепотом особ, которые тоже несут подушечки с наградами.

— «Август 1859 года — король Нидерландский пожаловал Командорский крест ордена Льва Нидерландского — за услуги, оказанные Голландской артиллерии и за сообщение сведений по устройству ракетного заведения в Дельфте...»

«Неужели это сам король Нидерландский несет подушечку с Командорским Крестом!» — удивляется Константинов.

— «Ноябрь 1859 года — Испанская королева пожаловала испанским орденом Изабеллы Католической...»

Константинов узнал ее, королеву Изабеллу, которая, говорят, сумела свести на нет все завоевания Испанской буржуазной революции 1854—1856 годов. И никакие восстания не помешали ей это сделать. Когда в 1860 году новое испанское правительство во главе с ее ставленником О'Доннелем сделало заказ фирме «Фарко» на поставку оборудования для ракетного завода в Севилье, то оно поставило фирме условие — изготовить это оборудование по чертежам русского генерала Константинова. В Севилье уже построена эта фабрика боевых ракет с машинами его системы. А в Николаеве дело строительства застопорилось. «Кто же его доведет до конца?» — подумал Константинов с горечью.

А за Изабеллой, по заклинанию Юрковского, уже приближался с атласной подушечкой король Вюртембергский.

— «Апрель 1864 года — король Вюртембергский пожаловал Большой крест ордена Фридриха, за поднесение записок и чертежей по изготовлению боевых ракет...»

— «Декабрь 1864 года император Франции пожаловал Командорский крест ордена Почетного легиона»,

— Благодарю вас, ваше сиятельство, — прошептал Константинов пересохшими пергаментными губами.

Крест на красной подушечке французского императора вспыхнул белым пламенем и стал расти-расти, до неба, и выше, так, что у Константинова перехватило дух смотреть на этот белый столб огня на фиолетовом закате. И он закрыл глаза. Теперь уже навсегда....

В том же номере «Николаевского вестника», с гранками которого Константинов успел познакомиться, Юрковский поместил некролог. В нем говорилось: «В ночь на 12 января текущего года скончался в Николаеве, на 53-м году от рождения, генерал-лейтенант полевой артиллерии, Константин Иванович Константинов...»

1978 год

АРХИТЕКТОР ЗОТОВ

Мы едем из Ташкента в Ангрен посмотреть город его мечты. Рядом, со мной крупный, широкоплечий пожилой человек, добродушное лицо которого усеяно черными, как оспинки, точками. Это руководитель архитектурной мастерской отдела генеральных планов института градостроительства Александр Николаевич Зотов. Высунув руку из окна машины, он рассказывает о том, что открывается взору:

— Смотрите, как растет кенаф. Это сырье для изготовления веревок и канатов. В стране всего два таких места. Сюда в юности я ходил охотиться на фазанов. Мясо не пробовали? Лучше куриного.

— И не жалко таких красавцев убивать? — не выдержал я.

— Охотник есть охотник. На войне людей убивают...

И Зотов стал вспоминать эпизоды из военной жизни...

Он возвращался с командного пункта, где получил приказ заминировать поле в тылу наших войск. По дороге услышал взрыв, сердцем почувствовал беду. Прибавил шаг. Встретили его невесело. Замкомвзвода Ольшанский доложил:

— Товарищ старший лейтенант! Произошло чепе: случайно взорвались все капсули-детонаторы. Шестеро бойцов ранены.

«Что делать? — мелькнуло в голове Зотова. — Выполнение приказа под угрозой срыва — нечем заряжать мины».

— Волобуев, Царев! — обратился он к стоявшим в притихшем строю солдатам. — Садитесь на лошадей — и в тыл. Чтобы через два часа капсули были.

Повернулся и пошел к пострадавшим солдатам.

Прошло часа полтора. Совсем стемнело. Проверая по привычке, как устроились бойцы на привале, Зотов вдруг услышал неподалеку характер-

ный говорок.

— Царев! — обрадовано позвал он.

— Так точно, товарищ командир. Детонаторы привез.

В эту ночь Зотов установил своими руками 300 мин. От напряжения так взмок, что впору гимнастерку выжимать. Бойцам, находившимся в нервном состоянии из-за случайного взрыва, он не доверил минирования, зная, что, если сапер боится, обязательно подорвется...

«Уазик» летел навстречу, солнцу. Справа возвышался Кураминский хребет, слева, не уступая ему по красоте, — Чатайский. Все это отроги Тянь-Шаня. А между хребтами в живописной долине по зеленому ковру стремилась вдаль, обгоняя нас, огненно-голубая река Ангрен.

- Вот городок Ахангаран, — показывает вперед Александр Николаевич.

И я вздрагиваю. Как он догадался, что мы проезжаем сейчас именно через этот город?

— На этом месте был маленький поселок, - продолжает Зотов, - из которого по генеральному плану, разработанному нашим институтом, за пятнадцать лет должен вырасти большой современный город.

Я уже знаю, что Зотова называют отцом районных планировок в Узбекистане. Он создал и возглавил первую в республике мастерскую районного планирования.

Районная планировка... План развития городов и поселков, промышленных и аграрных комплексов, транспорта, инженерных сетей, средств охраны окружающей среды, создания курортов...

Новшества, внесенные Зотовым в методику разработки районных планировок, десятки написанных статей, книг и нормативных документов высоко оценены не только в нашей стране, но и за рубежом. С докладами по районным планировкам он выступал на совещаниях градостроителей, организованных ЮНЕСКО.

Сейчас мастерская Зотова заканчивала новый проект районной планировки в Ферганской области. А первый — это планировка Ташкент-Ангрен-Чирчикского района. С точки зрения проектирования и освоения это один из труднейших районов республики. Зотов сделал на эту тему доклад на проходившем в Ташкенте семинаре стипендиатов Организации Объединенных Наций. Его методика по выполнению районного проектирования в Узбекистане, по мнению специалистов, соответствовала диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

— Материалы собираем в командировках, — говорит Зотов. — Вот в этом «уазике» бригада специалистов из разных отделов, в основном молодежь, выезжает в область. Смотрим населенные пункты, реки, инженерные узлы. Встречаемся с работниками райкомов, руководителями за-

водов и совхозов, со старожилками. Выслушиваем их пожелания, высказываем свои предложения по развитию края. Возвращаемся на ночлег поздно. Шатает от усталости и качки в машине. Многие со мной ездить в командировки не любят.

— Вы бы посмотрели, как ведет себя Александр Николаевич в командировках, — вступает в разговор шофер. — Грудь вперед, не идет — бежит. У нас везде местность горная, дороги трудные, опасные. А он лезет в верховье ущелья по бездорожью, по осыпям. Упадет — поднимется. Сам залез и других увлек.

— А чего бояться! — улыбается Зотов. — Страшной войны все равно не будет...

Да, сапер всю жизнь с опасностью на «ты»...

Под Старой Руссой Зотова нагнал «газик», в котором сидели полковник и капитан.

— Лейтенант! — позвал полковник, когда машина затормозила. — Фамилия?

— Зотов! — отозвался сапер.

— Распоряжение командования — заминировать эту дамбу фугасными минами. Мы отходим.

— Это единственная дорога в тыл наших войск, — уточнил Зотов, присматриваясь к неизвестному ему офицеру.

— Взрыв произведете тогда, когда в тыл пройдет последняя группа наших солдат. В их руках будут белые листы бумаги.

— Разрешите узнать вашу фамилию, — замялся Зотов.

— Полковник Коробов, — сказал офицер, и «газик» умчался, подняв столб пыли.

Зотов в спешном порядке приступил со своими саперами к выполнению задания. Мины расположили «конвертом». Заложили побольше взрывчатки. К ночи дамба опустела. А вот и прошла в тыл группа солдат с белыми листками в руках.

— Есть еще кто там? — спросил у них Ольшанский.

— Никого нет, — ответил офицер.

У зотовской роты было правило: не просто взрывать намеченный объект, а подождать, когда подойдут немцы. Подпустить их поближе, чтобы взрывом уничтожить живую силу противника. Когда прозвучит взрыв, возникает паника, и можно успеть уйти к своим.

Не отступили от этого правила и на этот раз. Вдруг увидели, что в сторону передовых позиций по дамбе проследовала одна машина с грузом, за ней другая. Потом стали переправлять орудия. Саперы заволновались. Ведь от сотрясения может произойти взрыв под машиной. И, главное, почему отдан приказ взрывать дамбу, когда на передовую отправляют людей, технику?

— Куда вы? Там наших нет! — крикнул Зотов младшему лейтенанту, сопровождающему орудие.

— Наши продолжают держать оборону, — ответил офицер. — Снаряды на исходе, вот нас туда и направили.

Зотов не признался младшему лейтенанту, что дамба заминирована. Но надо было срочно решать, как быть, благо что в это время проезжал на машине знакомый работник штаба. Зотов объяснил ему ситуацию. Выяснилось, что полковник Коробов, который отдал приказ, в штабе не работает. Диверсант!

Надо было срочно разминировать дорогу. А «фугаски» разминировать непросто. Подготовительную работу выполнили саперы роты, самую последнюю и ответственную Зотов взял на себя, так как только он досконально знал, где, что и как соединил при минировании...

— Проезжаем мост, — сказал Зотов. — Смотрите, рядом строится новый мост, и расширяют дорогу. Не было раньше районной планировки, а все это можно было предвидеть.

Машина проезжает мимо пионерского лагеря. Александр Николаевич поясняет:

— Эта дорога была пробита с самого начала, когда мне еще до войны пришлось участвовать в проектировании Ангрена. Тогда я исходил здесь десятки троп. А после войны выяснилось, что старые поселки расположены на угленосных территориях. Нашему институту дали задание определить масштабы развития Ангрена на двадцать лет вперед и выбрать площадку для строительства нового города. Там, где вы видели пионерлагерь, был разбит палаточный городок. В нем жили более двух тысяч комсомольцев, которые прибыли на строительство предприятий Ангрена. К осени построили себе жилье. Теперь дети этих комсомольцев продолжают строить Большой Ангрэн.

Вдали показались крыши нового города. За окнами «уазика» дымила высокими трубами ГРЭС.

— Дымовые трубы — прекрасный ориентир, — задумчиво сказал Зотов. — Сколько таких ориентиров разрушено за войну. Особенно жалко было мне взрывать одну очень красивую церковь...

Эта церковь была сооружена в память победы в Отечественной войне 1812 года в селе Рождественском, недалеко от Тарутина под Москвой. Зотов невольно залюбовался мастерством зодчих, создавших это изумительное произведение искусства. А ему предстояло разрушить церковь, так как она была хорошим ориентиром на переднем крае обороны. Из-за этого ориентира немцы обстреливали наши позиции метким прицельным огнем. По распоряжению командования рота Зотова заминировала церковь. Вот ведь как бывает в жизни: один зодчий строит, другой — разрушает.

Создавалась церковь на века, поэтому заложили побольше взрывчатки в три яруса.

Хоть позиции наши войска держали крепко, дан был приказ временно отступить от церкви. Немцы окружили ее, подогнали сюда танки. Тут-то и раздался оглушительный взрыв. Разнесло храм — остался только фундамент да груды развалин, под которыми было погребено полторы сотни фашистов. После взрыва под оглушительное «ура!» наши войска не только вернулись на прежние рубежи, но и отбросили противника далеко на запад от села Рождественского...

— Часть этой дороги уже имеет название — улица Южная, — сказал Зотов. — Вот эту площадку мы и отстаивали.

«Отстаивали» — это мягко сказано. Как я узнал, был ожесточенный «бой», который потребовал от Зотова большой эрудиции, много сил, энергии и выдержки. А получилось так.

Зотов выбрал площадку для строительства нового города, экономически обосновал решение, согласовал его с руководителями города, доложил о выполнении задачи Совету Министров республики. Но все дело спутал смежный проектный институт, который облюбовал выбранную Зотовым площадку для отвала вскрышных пород угольного разреза. И началась война протяженностью в год.

Раз десять заседали по этому вопросу в кабинете председателя Совмина, спорили до хрипоты. Зотова поддерживали Ангренский горком и горисполком, его оппонентов — дирекция комбината Узбекуголь, министерство. Назначили комиссию под председательством руководителя Госстроя.

Решили созвать выездное совещание. Собрались представители Министерства угольной промышленности, работники ЦК Компартии Узбекистана, госстроевцы. Зотов пригласил участников совещания прямо на выбранную площадку.

— Любому ясно, что город надо строить подальше от карьера, чтобы гарь и угольная пыль не засоряли атмосферу городской территории, — говорил главный инженер проекта Ангренского угольного месторождения Тихонов.

— Но ветры преимущественно дуют в другую сторону, гарь не будет попадать в город, — парировал Зотов. — Вы чувствуете, какой здесь свежий воздух? Вы слышите запах угля? Нет. Зато люди будут жить близко от места работы.

— А вы учитываете экономичность добычи угля? На южные склоны ближе возить пустую породу в отвалы. Десятки миллионов кубометров грунта! Вы понимаете, во сколько удорожаются перевозки, если отвалы будут дальше от карьера? — не унимался Тихонов.

— Учитываем и экономичность, — настаивал на своем Зотов. —

Уголь лежит под рекой. Реку необходимо переносить. Для этого ее надо перегородить плотиной.

— Правильно. Ну и что? — насторожился инженер.

— А что, если отвальные породы использовать для засыпки плотины?— спросил Зотов.

— Это идея! — сказал представитель министерства. — Зотов прав. И судьба города была решена.

Укладка в плотину пустой породы, снятой с угольных пластов, удешевила весь комплекс работ. Кроме того, поливные земли в сотню гектаров не загубили под отвалы. На них вырос город-сад.

Глядя на открывшуюся панораму Ангрена, гармонично вписавшегося в ущелье, я подумал, что Зотов проявил себя не только умелым стратегом, но и тактиком, пригласив комиссию на площадку. Он призвал себе на помощь природу. Любой мог увидеть, до чего красиво и удобно будет расположен город на равнине, огражденной хребтами, которые создали в этом месте своеобразный микроклимат. Здесь много свежести, света, солнца и зелени.

— Вот пример, как нужно быть упрямым и настойчивым, если знаешь, что ты прав, — сказал Зотов. — Я верил в победу.

И я только сейчас заметил, какой у него крутой и упрямый лоб, не смотря на мягкие и расплывчатые черты лица.

К этой победе Зотов пришел благодаря огромному мужеству, запасы которого в нем, кажется, неисчерпаемы. Их не могла исчерпать даже война.

Человек не позволяет себе такой слабости, как черные очки и тросточка. Он живет так, как будто видит. Как будто не было того рокового взрыва тогда, в сорок первом году, под Москвой.

А взрыв был...

19 ноября 1941 года Зотов получил приказ заминировать подступы к переднему краю на участке ожидаемого наступления противника под Москвой. Предстояло поставить 300 противотанковых и 600 противопехотных мин. Саперы верили ему. Никто из ходивших с ним на такое задание не погиб. И в этот раз саперы благополучно закончили дело и возвращались в расположение своей части.

Но немцы начали наступление раньше, чем предполагалось. Наткнувшись на мины, фашисты решили расстрелять их из орудий. Взрыв одного немецкого снаряда вызвал детонацию только что установленной им, минером Зотовым, мины. Получился дубль. Зотов был за пригорком. Взрыв прогрехотал недалеко от него. Боль обожгла руку и лицо. Последнее, что он видел, - это яркая-яркая вспышка на белом снежном поле и синяя-синяя кромка леса невдалеке...

Он встал и пошел под обстрелом, обливаясь кровью. Он шел во весь рост по направлению к своим позициям. Правый глаз еще кое-как видел.

Вот и замороженные в речку сани, по которым шли на задание. Еле добрался до своих окопов и потерял сознание.

Его подобрал санинструктор, привел в штаб, сделал первую перевязку. Несмотря на большую потерю крови, Зотов сам в горячах вышел и лег на подводу, отправляясь в санчасть.

Минометный обстрел был началом жестокого боя. Началось перемещение войск в нашем тылу.

В суматохе начавшегося боя повозочный заблудился и вернулся на прежнее место. Там уже был танковый батальон.

— Да это же тот Зотов, что провел по минному полю наши танки, — сказал командир взвода. — Отвезите его в тыл в моей машине.

Только через шестнадцать часов после ранения Зотов попал в медсанбат в шоковом состоянии. Стоял вопрос — будет ли жить? Сделали первую ампутацию кисти левой руки и, когда стал транспортабельным, отправили в госпитали. Лишь на 16-й день он попал к первому главному врачу.

— Время упущено, — сказал врач. — Если бы раньше, хоть правый глаз можно было бы спасти.

Но раненый не терял надежды. Он верил в чудодейственную силу профессора Филатова, который в то время жил в Ташкенте.

Ему несколько раз резали левую руку. Очищая от осколков, внесли заражение в правую — пришлось долго разрабатывать «медвежью лапу», пока наконец рука не стала немного слушаться. Но думал он только о глазах.

Путь в Ташкент был длинным и нелегким. Попутчик делил с ним трудности дороги и солдатский паек. В поезде встретил свой день рождения и сделал себе маленький подарок — сам побрился. Он твердо решил научиться все делать самостоятельно.

Еще из госпиталя написал, как смог, письмо отцу и матери. Легче было продиктовать письмо соседу по койке. Но Зотов решил не сдаваться, бороться с недугом. Письмо было первым испытанием на выбранном пути.

И вот, наконец, Ташкент. Многие тогда считали, что это конец. Крупнейший глазник, профессор Филатов сказал: «Помочь нельзя. С архитектурой придется покончить».

А ведь Зотов подавал большие надежды! Перед войной молодого архитектора в числе других после института направили в Узбекистан. За два года Зотов из рядового работника стал главным инженером градостроительного института, одним из ведущих архитекторов республики.

Нет! Он будет архитектором, чего бы ему это ни стоило!..

Зотов не сдался. Он стал учиться жить сначала. Учиться ходить, писать, ориентироваться по чертежам, запоминать целые книги нормативов и пухлые фолианты технической документации. Самое удивительное — он научился мысленным зрением отчетливо видеть то, что строят по его

проектам.

И вот мы въехали в город Ангрен. Красиво расположен он на равнине, огражденной хребтами, которые создали в этом месте своеобразный микроклимат. Здесь много свежести, света, зелени.

Машина ехала по улице Навои.

— Это первая улица, — сказал Зотов, — которая заложена в этом городе. Ангрен начинал строиться вот отсюда.

Машина ехала по зеленым улицам Ангрена. Солнце слепило глаза.

— Вы видите эти громоздкие решетки солнцезащиты? — спросил Зотов.

— Да.

— Восемь месяцев в году в Узбекистане солнце в радость, и только четыре месяца приходится от него прятаться, — продолжал Александр Николаевич. — Зачем же из-за этих четырех месяцев лишать людей солнца, устанавливая на окне стационарную защиту? Нужно убирающиеся алюминиевые или другие из легких сплавов жалюзи. И они со временем у нас будут. Пусть люди любят весь год из окна небом, прохожими, жизнью.

Перед нашим взором расстился широкий проспект, уходящий в ущелье, откуда веяло прохладой и свежестью. Вдоль проспекта блестели на солнце арыки, наполненные журчащей водой. Около пятиэтажных домов шумели молодые чинары.

— Этот квартал строился по моему проекту, — объяснил Зотов. — В свое время он получил второе место на всесоюзном конкурсе. А недавно проект Ангрена завоевал призовое место на Всесоюзном смотре проектов застройки городов.

Непросто завоевать первенство в соревновании на равных. А если ты находишься в самых невыгодных условиях?..

В конце 1943 года в Узбекистане был объявлен конкурс на создание лучшего проекта многоквартирного дома и общежития для строителей и рабочих Бекабадского завода — первенца металлургии в республике. Необходимо было представить проекты наиболее экономичных в условиях военного времени зданий, построенных из местных материалов.

Зотов дерзнул участвовать в этом республиканском конкурсе. Дерзнул, когда друзья считали, что для него пришел конец. Разве мог, в их представлении, застенчивый, хрупкий, добродушный, мягкий юноша проявить невероятную силу воли?

Но Зотов заставил окружающих поверить в свою полноценность, и более того — в свой талант.

Проекты сдавались на конкурс в закрытых пакетах под девизом. Победителем оказался проект общежития на 50 человек с поэтическим

девизом «Коробочка хлопка на синем квадрате». Это была лучшая из 60 конкурсных работ.

Председатель жюри смутился, когда вручал премию подошедшему к нему парню в солдатской гимнастике с опаленным улыбающимся лицом. Это был Зотов.

— Победа! — радовался он. — Значит, я могу творить!..

Зотов продолжал мечтать, мечтать о городе, который собирался построить. О городе Ангрене.

И после войны, вернувшись к любимому делу, шаг за шагом шел Зотов к своей цели. Его назначают членом научно-координационного совета при Госплане Узбекистана и координационного совета по развитию производительных сил (СОПС) при Академии наук УзССР. Ему присваивают звание Заслуженного строителя республики.

Мы выехали на улицу Ленина. «Уазик» развернулся на площади и остановился у здания горисполкома.

Секретарь быстро вернулась из кабинета и пригласила нас к председателю. Он уже шел навстречу.

— Проходите, Александр Николаевич; здравствуйте!

Он поймал руку Зотова и крепко ее пожал, потом представился мне:

— Николай Александрович Юрин. И попросил секретаря в открытую дверь:

— Никого к нам не пускайте... и чайку, пожалуйста.

Дверь закрылась. Зотов и Юрин не успели сесть — заговорили о делах, как будто только что на мгновение прервали разговор.

— Как вам удалось примирить два министерства? — спросил Юрин. — Ведь дело дошло до прокуратуры из-за этого перекрестка. Замминистра так и сказал: «Если бы не Зотов, я бы не разрешил делать здесь объезд».

— Я ходил к нему на прием, — улыбнулся архитектор. — Куй железо, пока горячо.

Секретарь принесла чайник. Юрин сам налил в пиалы зеленый чай, который был действительно очень кстати в такую жару.

— Угощайтесь, — подал он пиалы. У нас без чая никак нельзя. — И стал рассказывать о вкладе Зотова в строительство и развитие Ангрена. — Мы, сидя здесь, наверное, меньше знаем об Ангрене, чем Александр Николаевич, — говорил Юрин. От него не ускользает ни одна деталь капитального строительства, проектирования, генплана или застройки. Это он добился, чтобы именно в Ангрене построили крупнейший в республике комбинат. Он решил сломать в один прекрасный день все допотопные котельные в городе и добиться, чтобы ГРЭС дала тепло для централизованного отопления. Причем, будучи по образованию архитектором, стал главным инженером-теплотехником ради этого, за что получил почетный диплом Госстроя республики. Зотов — это руководство,

которое болеет за город. Он знает Ангрэн как свои пять пальцев. Начинал, как говорится, с колышков на углах будущих улиц и определил его перспективу на тридцать лет. И ведет нас к этой перспективе.

— Ангрэн — мое любимое дитя, я живу им двадцать лет, — заметил Зотов.

Я видел, как в его мастерской разрабатывался проект застройки экспериментального района Ангрэна. Перед Зотовым на столе был разложен огромный чертеж. Нет, он сам не чертил. Чертил под его руководством архитектор Павел Жильцов. Нет, он сам не писал пояснительную записку, а диктовал ее архитектору Ирине Прохоренко. Нет, он не производил экономические расчеты. У него редкая способность быстро множить и делить в уме многозначные числа. Нет, он не делал макета застройки. Макет сделал архитектор Владимир Кравченко.

И вот над этим макетом склонились учитель и ученик. Кравченко поставил два башенных дома на разном расстоянии от главной улицы и объединил их одноэтажным центром обслуживания. Зотов предложил попробовать развернуть дома под углом один к другому. Большой разрыв между домами уменьшился. Так общими усилиями было найдено рациональное решение.

Все помощники Зотова, в основном, молодежь. Это его школа, его смена.

— За свою почти сорокалетнюю трудовую деятельность Александр Николаевич воспитал много учеников. Среди них и нынешний главный архитектор Ангрэна Владимир Кравченко, — продолжал Юрин. — Его заботит, какой будет молодая смена градостроителей, насколько квалифицированными, самостоятельными, осведомленными о новых достижениях будут они по сравнению со своими учителями. Поэтому он часто выступает в любой молодежной аудитории, на всесоюзных и республиканских межвузовских совещаниях, в Госстрое, в проектно-институте, в обществе «Знание», у нас в Ангрэне...

— Александр Николаевич дает много как учитель по градостроительству, учитель жизни, учитель мужества, — сказал мне Кравченко. — Я не считаю себя слабым, но на его месте вряд ли дерзнул бы заниматься такой работой.

Пример мужества Зотова вдохновляет многих молодых людей в разных уголках страны. Например, молодого строителя из Бурятии.

«Я прочитал о вас книгу «Он видит свои города» и решил с вами посоветоваться, — написал Зотову парень из Бурятии. — Я мечтал стать градостроителем, поступал на архитектурный факультет, но не прошел по конкурсу. Сейчас служу в армии, боюсь, что упущу время, все забуду и давно не смогу поступить в институт. Уважаемый Александр

Николаевич, прошу вас, подскажите, как стать архитектором...»

Зотов ответил на письмо, а спустя несколько лет знакомый бурят соби́рал:

«Мне ваше письмо очень помогло. И в армии, и во время работы после демобилизации, и во время учебы я носил его в кармане. Я закончил строительный институт, и, хотя и не стал архитектором, мечта строить города осуществилась...»

— У Александра Николаевича есть чему поучиться, - улыбался Юрин. - Это целая лаборатория. Целый проектный институт. Работоспособность у него адская. Отпуск не берет. Отними у него работу, и, наверное, не будет Зотова, потому что она для него - все. Работать Александру Николаевичу помогают совершенно уникальные способности. Феноменальная память: строительные нормы, свои проекты он знает наизусть. Умножает и делит в уме шести-десятизначные числа с невероятной скоростью. С точностью до минут угадывает время. Узнает по голосу тех, кого слышал пять лет назад. Он так много вложил сил и энергии в наш город, что имя Зотова и название города неразрывно связаны, — продолжал Юрин. — Его даже принимают за ангренца...

В калитку дома на Архитектурной улице постучалась девушка. Ей открыла жена Зотова.

— Здесь проживает Александр Николаевич Зотов? — спросила, сильно волнуясь, незнакомка.

— Да, проходите, — пригласила ее Галина Константиновна.

Девушка вошла во двор-сад. На террасе, утопающей в цветах, стоял пожилой человек.

— Здравствуйте, — приблизилась девушка, глядя внимательно на его лицо. — Вы Александр Николаевич Зотов?

— Да, — ответил приветливо мужчина. — Чем могу служить? Садитесь. Здравствуйте.

— Меня зовут Валентиной. Я приехала из Сибири, — объяснила девушка, опустившись в плетеное кресло. — Там я работаю стрелочницей. На станции Акча. Впрочем, это неважно.

— А что важно? — спросила Галина Константиновна.

— То, что моего отца звали... зовут Александр Николаевич Зотов, — взволнованно выдавила из себя Валентина. И стала скороговоркой рассказывать подробности детства.

Она поведала о том, что отец работал в Ангрене на строительстве шахт. Как она помнит — все время ходил с чертежами. В 1942 году его взяли в армию, и он пропал без вести. Когда в 1945 году умерла мать, Валентину взяли в детский дом.

— Я-то не слышала, а мои пацаны слышали передачу о Зотове и Ангрене и говорят: «Мама, поезжай в Ташкент, может быть, это наш де-

душка». Вот я и поехала. Разыскала вашу работу, ваш дом.

Валентина говорила, а ее глаза внимательно и беспокойно всматривались в лицо архитектора. «А вдруг это мой отец?!» — думала она.

— К сожалению, я только однофамилец вашего отца, — с извиняющейся улыбкой сказал Зотов.

— Я вышла замуж за Александра Николаевича в 1942 году, сразу после его возвращения домой, — сказала Галина Константиновна, мягко положив руки на плечи разволновавшейся девушки. — Так что это совпадение.

— Вы обязательно нам напишите, если что узнаете о своем отце, — попросил Зотов, прощаясь с Валентиной...

Когда, вернувшись с фронта, Зотов начал бороться за возвращение в архитектуру, произошла встреча, много определившая в его жизни.

В его доме жила русоволосая худощавая девушка, недавняя московская школьница, которая собиралась посвятить себя литературе. Но посвятила себя искалеченному войной молодому архитектору.

— Мне в жизни очень повезло, что я встретился с Галинкой, — говорит Зотов. — Мало кто знает, какие заботы у нее со мной. В институт я прихожу с готовым решением, а обдумываю и подготавливаю все дома, с ней.

— Давайте посмотрим город, — предложил Юрин. — Все здесь решено сердцем Зотова. Мы считаем его своим земляком. У нас есть уголки Зотова в школах и интернатах. Есть улица Зотова в том микрорайоне, который на Всесоюзном конкурсе получил призовое место. Сейчас строим экспериментальный микрорайон. И будьте уверены — приз у нас в кармане.

— Вы меня совсем захвалите, — смущенно улыбнулся Зотов. — Пойдемте, лучше я покажу вам город, — предложил он мне.

Мы гуляли по Ангрени. Зотов показывал мне арыки и фонтаны во дворах микрорайонов. Привел в музей, где есть экспонаты, посвященные и ему. Водил по залам картинной галереи — первой районной галереи в республике.

- Многие приезжают в Ангрени поучиться опыту градостроительства? — спросил я.

— Поучиться опыту... — вздохнул Зотов. — К сожалению, огорчает неуважение к работам архитекторов, к их достижениям. Посмотрите на периодическую печать, журналы, газеты, открытки. Сколько публикуется фотографий зданий? Фотографы укажут, а архитектора не указывают. Даже профессионалу трудно следить за достижениями своих коллег.

А потом мы пошли смотреть карьер.

— Это грандиозное, захватывающее зрелище, — уверял он. — Только

давайте поднимемся на вершину склона.

Подъем на крутой склон оказался непростым. Но Зотов устремился вверх и меня увлек.

Отсюда, с высоты птичьего полета, хорошо просматривались плотина и водохранилище. Мальчишки купались в реке. А поодаль открывалась панорама огромного котлована угольного разреза. В его огромной чаше машины, экскаваторы, паровозы и вагоны выглядели детскими игрушками.

— Уголь добывают газифицированным способом. Из-за рубежа приезжают обучаться этому методу в Ангрэн, — похвалился Зотов. — Правда, впечатляет?

Потом мы гуляли по этому прекрасному городу. Зотов рассказывал о настоящем и будущем Ангрэна. Например, о том, что в городе будут разводить сорок тысяч норок всех цветов. Что здесь будет сооружено крупнейшее в республике водохранилище. Что в Ангрэне будет построено около 50 тысяч квадратных метров жилья.

— Надо торопиться домой, — спохватился Александр Николаевич, — чтобы успеть посмотреть с женой по телевизору хоккей.

Мы остановились около памятника 30-летию Победы. Бронзовый солдат застыл в броске с автоматом в руках.

— Нравится памятник? — спросил Зотов. — Здесь доля и моего участия.

И это прозвучало символично.

В доме отдыха в Суханове, под Москвой, в те предпраздничные майские дни было по-особому многолюдно и торжественно. В честь юбилея Победы состоялась встреча архитекторов с ветеранами войны.

За столом собрались архитекторы из всех городов-героев. Гости произносили тосты. Взял слово и председатель Союза архитекторов:

— У меня есть последний номер «Строительной газеты», где напечатана статья «Воин и зодчий». Позвольте, я вам зачитаю эту статью.

И зачитал. После короткой паузы в притихшем застолье председатель сказал:

— Этот архитектор находится среди нас. Встаньте, пожалуйста, Александр Николаевич.

Зотов, покрасневший от волнения, встал. Все присутствующие за столом тоже встали и аплодисментами приветствовали архитектора с опаленным лицом. Каждый старался подобрать слова восхищения мужественной жизнью Зотова. А ведь эти люди сами прошли все круги ада войны.

Кто-то высказал предложение — каждому расписаться на этом номере «Строительной газеты». Зотову вручили газету, всю испещренную автографами архитекторов-фронтовиков. Этот день запомнился ему на всю жизнь...

Давно окончилась война, но она продолжала требовать от Зотова мужества. А он продолжал строить город своей мечты.

1978 год

«БОДРСТВУЙТЕ, ДРУГИ, ОТЕЧЕСТВУ В ЧЕСТЬ!»

Наследникам российской славы положено знать о нем. О подвижнической жизни одного из «российских колумбов», главном правителе Русской Америки - Александре Андреевиче Баранове.

Он родился в 1746 году. Мещанская многодетная семья. Торговая лавка отца. Старинный русский город Каргополь. Его воспитало хождение за триста верст порожиистой рекой Онегой до студеного Белого моря. Пробовал завести торговое дело в Москве и Петербурге. Систематического образования не было, но учил языки – пригодятся. В 1780 году торговые дела привели в Иркутск. Приобрел стекольный и водочный заводы. Принят в Вольное экономическое общество за статьи о развитии хозяйства Сибири. Награжден похвальной грамотой правительства – и получил звание именитого купца. Сошелся с мехоторговцем Г.И. Шелиховым, положившим начало русским колониям на Аляске. На его предложение стать их правителем – отказался. Но воинственные чукчи уничтожили факторию Баранова. Пришлось опять начинать с нуля.

«Мы, нижеподписавшиеся, рыльский именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелихов, каргопольский купец, иркутский гость Александр Андреев сын Баранов, постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной компании, там расположенной...»

Но достичь Аляски непросто. Шторм. Ревущий океан. Галиот «Три Святителя» не дошел до острова Кадьяк. Выброшен на берег острова Уналашка Алеутской гряды. Голодная зимовка. Только в конце 1771 года Баранов на байдарках добирается до Трехсвятской гавани. Но здесь все разорено землетрясением. Не опускать руки – главное кредо Баранова. А как без предписаний, без чина обуздать вольницу промышленников? Как взять под свою руку алеутов? Собственным авторитетом, который надо завоевать немедленно. И Баранов действует решительно и смело. Находит новое место для столицы Русской Америки – на берегу залива Чиниак закладывает селение Павловская гавань. Благословляет бот «Св. Симеон» под командованием Г.Г. Измайлова на поиски «пушного Эльдorado». Отражает внезапное нападение воинственных индейцев-тлинкитов на крепость. «Подлинно в темноте страшнее самых адских чертей казались».

Возводит на южном побережье полуострова Кенай Воскресенский редут, прямо под носом конкурентов – промышленной компании Лебедева-Ласточкина. Строит и спускает на воду 22-пушечный трехмачтовый корабль «Феникс». Закладывает весной 1796 года на берегу залива Якутат крепость и селение, чтобы закрепить за Россией промысел в проливах Архипелага Александра. «Лебедевцы» сдаются конкуренту и оставляют Константиновскую и Николаевскую крепости. Баранов тотчас прибрал их к рукам. И стал фактически единственным правителем всех русских колоний на Аляске.

Первая в русской истории именная золотая медаль, пожалованная лицу из купеческого сословия, имеет надпись: «Каргопольскому купцу Баранову в воздаяние усердия его к заведению, утверждению и расширению в Америке российской торговли. 1799» Высоко!

Шелихов умер. В 1799 году образована Российско-американская компания. Бумаги на Аляску прибыли только в 1802 году – тогда Баранов стал официально главным правителем Русской Америки. Почти три десятилетия, в перенапряжении физических и духовных сил, Баранов выполнял программу снабжения и безопасности русских поселений, процветания пушного промысла, укрепления и расширения Русской Америки, утверждения России в Тихом океане. Один из собирателей Российской империи!

С государственной хваткой разрабатывал и осуществлял планы развития торговли на Тихом океане, посылая в Россию меха на миллионы рублей. А помимо этого - наладил меднолитейное дело, кожевенное и кирпичное производство, проводил геолого-минералогические изыскания, организовал экспедиции для исследования глубинных районов Аляски, начал земледелие и огородничество, стоил церкви, школы, библиотеки, обсерваторию. Баранов сумел утвердить баланс разных сил в Русской Америке. Подспорьем стал и присвоенный Баранову чин коллежского советника, давший право на потомственное дворянство. Баранов теперь стал равен капитану 1-го ранга или полковнику. Но авторитет его был намного выше.

«Твердость духа его и всегдашнее присутствие разума суть причиною, что и дикие, без любви к нему уважают его, и слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западный берег Америки, - писал мичман корабля компании Г.И. Давыдов. - ...Баранов роста ниже среднего, белокур, плотен и имеет весьма значащие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже 56-й год».

Еще в 1799 году Баранов заложил в Ситке первые строения Ново-Архангельской (Михайловской) крепости. Через два года индейцы-тлинкиты, подстрекаемые и вооруженные американскими торговцами, напали на крепость и уничтожили ее. Пришлось отступить. Баранов

заложил в Якутате два судна, дождался, когда все племена индейцев передерутся между собой, - и пошел на приступ крепости. Провидение послало ему на помощь шлюп «Нева» под командованием капитана Ю.Ф. Лисянского. В бою Баранов был ранен. Но хребет сопротивления сломен. В 1808 году построена столица Русской Америки Ново-Архангельск (нынешний г. Ситка). За это Баранов был награжден орденом св. Анны второй степени.

Один из учредителей компании, Н.П. Резанов, докладывал в Петербург: «Баранов есть весьма оригинальное и притом счастливое произведение природы. Имя его громко по всему западному берегу до самой Калифорнии. Бостонцы почитают его и уважают, а американские народы... из самых дальних мест предлагают ему свою дружбу».

11 января 1818 года прибывший на Аляску на шлюпе «Кутузов» капитан-лейтенант Л.А. Гегемейстер сменил А.А. Баранова на посту главного правителя Аляски. Трижды он сам просился в отставку, но такого не ожидал. Проверка не открыла никаких злоупотреблений. В ноябре экспедитор на том же шлюпе отправился в Россию. Но так резко останавливать маховик героического сердца – нельзя.

И вот 16 апреля 1819 года. Зондский залив. Ява. Борт корабля «Кутузов». Четыре матроса держат на доске завернутое в парусину тело. Не под флагом – человек гражданский. Пушечный выстрел. Тело коллежского советника Баранова упало в воду. Корабль пошел дальше. Как и жизнь Могилы Баранова в России нет. Если бы такими людьми не оскудевала наша отчизна...

«Сегодня слухи продают Николаевскую железную дорогу, завтра – русские американские колонии; кто же поручится, что послезавтра не начнут те же слухи продавать Крым, Закавказье, Остзейские губернии? – писала газета «Голос» 25 марта 1867 года. - ...Какой громадной ошибкой и нерасчетливостью была продажа или уступка нашей колонии Росс на берегу золотоносной Калифорнии; позволительно ли повторять теперь подобную ошибку? И неужели чувство народного самолюбия так мало заслуживает внимания, что им нужно жертвовать за какие-нибудь 5-6 миллионов долларов? Неужели трудами Шелихова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных для России людей должны воспользоваться иностранцы...» Аляску продали Соединенным Штатам Америки.

Американцы чтут память о русском периоде истории штата Аляска. Имя Баранова носят остров, река, озеро, музей на острове Кадьяк. В 1898 году открыт памятник талантливому предпринимателю и дипломату в г. Ситка (бывший Ново-Архангельск). «Мы можем жить в мире и согласии в этом крае» - эти слова Баранова на постаменте памятника – наказ потомкам.

В Каргополе, на родине правителя Русской Америки, открыта мемориальная доска, названа его именем набережная реки Онеги.

Школьники и «Отечественный союз» Каргополя переписываются с жителями Ситки. В Москве изучают и пропагандируют подвиг и опыт Баранова и его сподвижников Московское историко-просветительское общество «Русская Америка» (президент В.Г. Колычев) и Центр по изучению Русской Америки и российско-американских отношений РАН. Как это необходимо сейчас России!

*В свете Новом, в Странах полуночных,
Став мы ныне в славе людей мочных,
Народ примирили,
Место обселили;
Бодрствуйте, други, Отечеству в честь!*

*Нам не важны чины и богатства,
Только нужно согласное братство,
Тем, что сработали
Как здесь хлопотали,
Ум патриотов уважит потом.*

Так заканчивается «Песня, сочиненная господином Барановым (в 1799 году) на северо-западных берегах Америки». В ней – пафос его жизни. «Ум патриотов уважит» эту героическую жизнь.

1997 год

СЕМЬ ВЕРШИН ФЕДОРА КОНЮХОВА

Перед ним Одиссей меркнет...

Он ходил морем на яхте по маршруту Витуса Беринга. Потом: Владивосток - Сахалин - Камчатка - Командорские острова. Восхождение на вулкан Ключевской. Участвовал в «Кубке Балтики» - занял третье место. Новый поход - на собаках по Чукотке. И снова на яхте: Петропавловск-Камчатский - Командорские острова - Усть-Камчатск - Владивосток. Что ни год - новый маршрут. Бухта Угольная - бухта Провидения - бухта Св.Гавриила - Петропавловск-Камчатский. Лыжная научно-спортивная экспедиция в море Лаптевых. Плавание на яхте: Ленинград - Архангельск - Мурманск. Сплавливал плоты по реке Лене. И снова - «Кубок Балтики». Ходил пешком через Уссурийскую тайгу по следам В.А. Арсеньева и Дерсу Узала. Участвовал в первой лыжной экспедиции «Комсомольская правда» в полярную ночь к полюсу относительной недоступности. С канадцами путешествовал по Баффиновой земле. Принимал участие в международном

арктическом лыжном переходе: СССР - Северный полюс - Канада. В первой автономной экспедиции "Арктика" к Северному полюсу. Крутил педали в первом совместном советско-американском трансконтинентальном велопробеге от города Находки до Ленинграда, - даже руководил этим пробегом.

Но лишь весной 1990 года, когда вышел не в команде, как прежде, а в одиночный поход к Северному полюсу, мир узнал его имя.

Федор Конюхов - человек-легенда, человек-миф, и миф этот складывается отчасти сознательно, отчасти бессознательно, им самим и людьми, его окружающими. О нем много пишут, часто повторяя уже сказанное, путая или искажая факты. С газетных страниц встает романтический образ волка-одиночки, монаха-отшельника, недоучившегося семинариста и бородатого художника, русского героя или супермена на все времена.

Все это так и не так. Все это правда и неправда, ибо лежащая на поверхности часть правды чаще всего оборачивается горькой ложью. Живой человек всегда сложнее, неожиданнее, противоречивее и приземленнее субъективных образов.

В это время усталости от политики и невыплаты зарплат само слово "путешественник" кажется далекой историей, забытой детской мечтой, взлелеянной страницами романов Майна Рида и Жюль Верна. В наши дни крушения идеалов и надежд, отсутствия нравственных ориентиров и положительных героев вдруг появляется человек, который позволяет себе то, на что в нашей стране могут решиться лишь единицы - посвятить свою жизнь путешествиям. Не спорту, не рекордам, не открытиям, а просто путешествиям как образу жизни.

Легко понять, что движет этим человеком. Трудно принять все, на что он идет ради достижения своих целей. У каждого свой ответ на вопрос Макиавелли, оправдывает ли цель средства.

Федор Конюхов живет в вечном конфликте с этим миром рутинного добывания денег, жестких правил игры, моральных обязательств. Ему нравится быть не таким, как все, во всем, даже в мелочах - манере говорить, одеваться, пренебрегать условностями. Устав от окружающего мира, он часто мечтает уехать на необитаемый остров, уйти на несколько лет в кругосветку или удалиться в монастырь, но пока что находит более интересную форму бегства из этого мира, являющуюся одновременно и способом самоутверждения. Он делает то, чего до сих пор никто не делал, вернее, то же самое, но по-другому, по-своему.

Сам Федор любит называть себя путешественником, пытаться утвердить право на существование этой профессии.

Федор Филиппович Конюхов постоянно проживал в поселке бухта Врангеля, г. Находка, Приморского края. Но постоянно проживает – в путешествиях.

Женат, имеет двоих детей. Но сколько он видит их, вечно мотаясь по свету?

Русский, православный. А какой путешественник не верующий?

Закончил две мореходки и художественное училище. Член Союза художников. Награжден орденом “Дружбы народов” и международным призом ЮНЕСКО “За честную игру”. Хотя честным не всегда получалось быть для достижения экстремальных целей. Тем не менее, за краткими анкетными данными - яркая, героическая, полезная миру и отечеству судьба российского путешественника.

По документам он альпинист, заслуженный мастер спорта и яхтенный капитан. Но считает, что он никакой не альпинист, не яхтмен, не полярник. Он ни с кем не соревнуется. Просто с детства мечтал увидеть всю Землю, побывать на всех полюсах.

Захотел - сделал. И нет сегодня в мире другого человека, который успел бы за одну жизнь дойти до Северного и до Южного полюса, обогнуть Землю в одиночку на яхте без захода в порты, подняться на высочайшие вершины шести континентов.

Он немного лукавит, говоря, что ни с кем не соревнуется. Пусть нет спортивной борьбы на каждом конкретном отрезке жизни - в кругосветке или на пути к Эвересту. Но по всему комплексу достижений в самых разноплановых путешествиях Конюхову нет равных в мире, чем законно гордится он сам и Россия.

Будучи глубоко верующим человеком, Федор Конюхов с детства верил в свое предназначение.

Он родился в 1951 году 12 декабря под созвездием Стрельца. Уже этим было предсказано, что станет путешественником, так как все знают, что "стрельцы" - это авантюристы, художники, ученые. Его род идет от поморов с Белого моря. Многие поколения его прародителей были рыбаками. Но Федор появился на свет далеко от Севера, на теплом берегу Азовского моря. Когда он в своей автобиографии указывает, что родился на берегу Азовского моря, чиновники, читающие его документы, спрашивали в недоумении: "Как это так, ты появился на свет не в родильном доме, а на берегу моря?"

Дело в том, что его бабушка по отцу и мать ходили на берег моря ловить рачков, чтобы накормить ими ненасытных утят и гусят, истошно кричавших по утрам от голода. Утром 12 декабря гуси и утки, как всегда, просили есть. Им не было дела до того, что скоро должен был появиться на

свет Федор Конюхов. Мать и бабушка взяли ведра, сачок и пошли по пыльной дороге к морю, а оттуда вернулись не только с полными ведрами рачков, но и с новорожденным младенцем. В дальнейшем, когда Федор спрашивал мать, откуда он появился, она говорила, что нашла его на берегу моря.

Мать родила Федора под шум прибоя, и его грудь сразу наполнилась чистым солоноватым воздухом. А его чуть приоткрытые глаза увидели восходящее из морской пучины солнце. Вот почему он так любит встречать рассвет. Он напоминает ему детство.

Дед Федора, бывший офицер царской армии, был знаком со знаменитым русским полярным исследователем Георгием Седовым, погибшим на пути к Северному полюсу. Он часто рассказывал о нем внуку, будя воображение мальчика. Когда Федору исполнилось шесть лет, дед одел ему на шею серебряный крестик и благословил его на великое дело, которое не удалось завершить Седову - дойти до Северного полюса и установить на нем флаг России. Так уже с раннего детства Федор знал, что дойдет до полюса, а затем увидит и весь мир.

Семилетним мальчишкой мечтал он о кругосветном плавании и готовился к нему. Изучал лоцию, купался зимой в море, совершал марафонские пробеги. В 15 лет в одиночку пересек на весельной шлюпке Азовское море. С кровавыми мозолями на руках. Это с годами пришел опыт учитывать не только сам факт покорения вершин и расстояний, но и степень сложности достижений, рифы нравственной разборчивости в отношениях с покровителями и друзьями.

Конюхов считает, что главным в его экспедициях является духовное измерение. Его не интересуют просто физические усилия, которые необходимо приложить на пути к полюсу, при восхождении на Эверест, при плавании вокруг мыса Горн. Он испытывает истинное наслаждение, когда к нему приходят духовные силы. Преодолевают тот или иной путь сначала духом, а потом уже телом. Как сказано в святом писании: если ты находишься здесь телом, а не находишься духом, сие бесполезно.

В первую очередь надо преодолеть самого себя и углубиться в самоизучение. Только тогда лежащая впереди дорога или подъем к вершине превратятся в символ, в инструмент связи с внешним миром и познания предела человеческих возможностей.

Трижды побывал Федор конюхов на Северном полюсе, а действительно покорил - когда в одиночку прошел от Северной земли 72 дня. Шел и думал, что третий год подряд идти к Северному полюсу - это безумие. Но безумству храбрых продолжают петь песни. Подгоняло вперед и тщеславие. Нет, от него Конюхов не отмахивается. Было и

патриотическое желание принести родине победу (пусть звучит громко), и спортивный азарт вечной мечты “Sitius, altius, fortius”.

Конюхов знал, что японец Наоми Уэмура в 1978 году впервые в одиночку достиг Северного полюса на собачьих упряжках. Прошел 750 километров. Четырежды прилетал самолет с провизией, на пятый - снял путешественника с полюса. Француз Жак Луи Этьен в 1986 году повторил подвиг Уэмуры. Тоже прошел эти суровые 750. Шесть раз прилетал к нему самолет, на седьмой - забрал его домой.

А чем хуже российский путешественник? Только бедней. В 1990 году Федор Конюхов прошел на лыжах 1000 километров стужи. К нему трижды (по-православному) прилетал самолет - и на том спасибо! На четвертый раз (аминь!) снял его с покоренного полюса.

Этьен уходит на яхте с командой в плавание вокруг света - Конюхов в одиночку совершает осенью 1990 - весной 1991 года кругосветной плавание “нон-стопом” (без захода в порты). На яхте “Караана” 224 дня плыл он по самому сложному пути между ревущими сороковыми и неистовыми пятидесятыми широтами, став первым русским в одиночном, безостановочном кругосветном путешествии. А может быть, отсиделся в какой-нибудь тихой райской пристани, не подавая миру вестей? - злословили штатные путешественники. - Попробуй, проверь! Кто может, а кто - и нет. Конюхов чудом остался жив, когда его смыло за борт штормовой волной, а яхту продолжало нести вперед.

О чем он думал в этом экстремальном путешествии?

Что за романтика гонит его в плавание? Разве нельзя прожить без этого?! Наверное, нельзя, если он здесь... Мыс Горн... Он видел свою мечту детства, тот кусочек скал, который не давал ему покоя все эти годы... С проходом мыса Горн минул целый этап его плавания... Его больше не пугает то, что он слишком далеко от людей, и то, что под ним бездна и над ним бездна. Господи! Как далеко ты позволил зайти!..

Это не фраза. Конюхов, помимо всего, учился в духовной семинарии. Не случайны в его дневниках духовные монологи, размышления над библейскими притчами. Ассоциирует ли он себя с пророком Ионей, тщетно дерзнувшем бежать от Бога на край света, а попавшим в чрево кита? У света нет края. В конюховском переложении этой притчи - может быть, ключ к разгадке судьбы любого путешественника? Понятно, почему Конюхов вложил средства в строительство православной церкви и часовни у себя на малой родине?

Но правда и в жарком азарте соперничества, природного инстинкта самоутверждения. Этьен участвует в гонке Париж - Дакар - Конюхов летом - осенью 1991 года испытывает “Мицубиси-Паджеро” на маршруте Находка (Азия) - Брест (Европа) в составе австралийской

команды (как руководитель). Этьен восходит на Эверест до 8000 метров - Конюхов весной 1992 года в составе российской экспедиции собирается покорить большую высоту Эвереста - 8848 метров.

Когда Хиллари задавали вопрос, зачем он идет на Эверест, он отвечал: «Иду, потому что он есть». Так настроен и Федор Конюхов, которого всегда манил Эверест как непокоренный полюс высоты. Гималаи - священное место. А Эверест - святая из святынь. Каждый альпинист стремится попасть сюда хоть раз в жизни, как христианин мечтает о святых местах в Иерусалиме, мусульманин о Мекке, а буддист о Лхасе. Если ты не видел Эвереста, твоя жизнь на Земле ничего не стоит, - считает Конюхов.

После одиночного достижения Северного полюса и кругосветного плавания нон-стоп у Конюхова вполне естественно возникло стремление первым подняться на самую высокую точку Земли. Да, он не первым поднялся на Эверест, но он первый, кто побывал и на полюсе холода, и в одиночной кругосветке, и на вершине мира. А восхождение на Эльбрус (высотой 5642 метра) в феврале 1992 года стало своего рода тренировкой перед последующей экспедицией на Эверест.

Восхождение на Эверест (высотой 8848 метров) в Непале проходило с нарушением всех правил, вполне в духе философии Федора Конюхова, человека неоднозначного и противоречивого, не останавливающегося ни перед чем для достижения своих целей. Он легко соглашается с упреками альпинистов в непрофессионализме и выборе самого несложного маршрута к вершине. Он же не спортсмен, он путешественник. У него нет даже значка альпиниста, он не был в Федерации альпинизма и не выполнял их требования.

Он поднимался на Эверест в мае 1992 года по пути его первого покорителя Хиллари. А лицензию на восхождение пришлось купить на более сложный американский маршрут, ибо разрешения на обычный были уже распроданы вперед на весь сезон, а ждать - не в правилах Федора Конюхова.

Но и простой путь на Эверест - не для всех.

Ночь была холодная, ветер не стихал. Палатка трещала от его напора, а грохот частых лавин, сходящих со склонов горы Лходзе, не давал уснуть. Но все же усталость, скопившаяся за день, брала свое. И в полузабытьи Федор уходил в другой мир, мир грез и снов. Он видел Арктику и Георгия Седова. Идущие к полюсу белые поля снега сменялись болотами Амазонки... Но сны прервались воем ветра и кашлем друга по связке Евгения Виноградского...

...На подходе к южному седлу Эвереста на высоте 8 тысяч метров на веревочных перилах висит мертвый индийский альпинист. Он погиб несколько дней назад от сорвавшегося камня. Его труп мешает проходу. Но

никто не решается отстегнуть его страховочный карабин, чтобы он улетел вниз до самого ледника Кхумбо.

«Он умер на пути к вершине Эвереста», - прошептал Конюхов, и так же, как и все, не захотел брать на себя грех сбросить труп вниз.

...И вот он на вершине Эвереста. Слезы такие горячие, что не успевают замерзнуть на ресницах и скатываются под кислородную маску. В этих слезах одновременно и печаль, и радость, и благодарность.

...Он поймал себя на том, что больше нет не только физических, но и душевных сил. Весь мир стал бессмысленным. Появилось ощущение огромной бездны между жизнью и смертью. Неужели он не спустится с Эвереста, когда вершина уже позади?..

И вдруг где-то в далеком уголке мозга кроме пустоты появилось животное ощущение жизни, напомнило, что он еще живой и его еще ждут впереди земные радости и новые путешествия.

После благополучного восхождения, продлившегося около двух месяцев, обман с лицензией был раскрыт, и Федор стал перед выбором: заплатить штраф 20 тысяч долларов, побывать в непальской тюрьме или лишиться права восхождения на Эверест на пять лет. Стоит ли говорить, что путешественник предпочел последнее.

Один из местных непальских чиновников, тоже подзарабатывающих взятками, предложил вычеркнуть Конюхова из списка нарушителей за две тысячи долларов, но и таких денег уже не оставалось...

После возвращения с Эвереста возникла идея нового кругосветного путешествия на яхте с заходами в порты всех континентов и подъемом на высочайшие вершины мира.

Море зовет тех, кто побывал в его чарующих объятиях. Как исповедался Артюр Рембо в “Пьяном корабле”:

Я знавал небеса - гальванической мглы,
Случку моря и туч, и буранов кипенье,
И я слышал, как солнцу возносит хвалы
Вспокоенной зари среброкрылое пенье...

Ох уж это пение сладкоголосых Сирен!

В 1992 году на двухмачтовой яхте “Формоза” Федор Конюхов отправляется во вторую кругосветку по линии экватора, намереваясь побывать на всех континентах, подняться на высочайшие вершины и провести серию научных исследований. Теперь он вынуждено не терялся из поля придирчивого зрения оппонентов. Экспедиция успешно выполнена за 508 дней. Были и штормы, и пираты, и...

В одиночном плавании самое страшное, что приходится пережить, - это само одиночество. Не чувствуя себя в гармонии с миром, с Богом, - преодолеть этого никогда не сможешь, - считает Конюхов. Есть классический совет Сенеки в письмах Луцинию: чтобы не чувствовать одиночества стань себе другом. Вот какой тренинг - в программе обучения нужен Конюхову в основанной им в Находке школе путешественников "Полюс". Такую же школу он хотел открыть и в Москве. Только где взять Сенеку?

Одновременно со школой Конюхов учредил газету "Русский путешественник" и альманах, где публиковал свои дневники и рисунки. Дневниковые записи становятся увлекательными книгами, такими, как "И увидел я новое небо и новую землю". А путевые зарисовки - миражными картинками, лучшие из которых отмечены на художественных выставках не только в России, но в Польше и Дании, Канаде и Сирии, Марокко и Югославии, Австралии и Японии, и приобретены некоторыми музеями мира и частными коллекционерами.

Все Конюхов делает ради главного - очередного путешествия.

Взаимоотношения с почитателями и спонсорами играют в жизни высокопрофессионального путешественника очень большую роль. Играть приходится самозабвенно, до самоуничужения. Легче подняться на Эверест, чем найти миллионы для этого восхождения. Долги преследуют на всех широтах. Кредиторы так же прилипчивы, как и менеджеры. А каково семье, жене? Всем Пенелопам не сладко...

Плавание, которое стало второй одиночной кругосветкой Конюхова, затянулось почти на два года.

А Этьен прошел уже Антарктиду и побывал на Южном полюсе в составе команды, в которой был и наш соотечественник. Ход - за Конюховым.

После одиночного похода на Северный полюс, плавания вокруг света, восхождения на Эверест он сказал себе, что достиг в путешествиях больше, чем мог желать. Но его самолюбие не давало покоя. Ведь он не осуществил еще самого опасного из всех путешествий - одиночного похода до Южного полюса. Такого еще в жизни никто не совершил.

Это сродни поэтическому вдохновению. Закончил одно путешествие, как одно произведение - и сразу думаешь о следующем, мечтаешь о нем, оно становится твоей жизнью. Исходившему весь свет трудно не стать писателем. Жанр его произведений - путешествие, источники, светский и духовный, - вахтенный журнал и Библия ...

Вернувшись из плавания, Федор потратил почти год на подготовку одиночной экспедиции к Южному полюсу. Свою главную экспедицию "Один к Южному полюсу" Федор Конюхов посвятил 300-летию

Российского Флота и 175-летию открытия Антарктиды мореплавателями Ф.Ф.Беллинсгаузенем и М.П.Лазаревым.

7 ноября 1995 года он пошел по маршруту, разработанному и вымечтанному еще японским путешественником Наоми Уэмурой. Подхватил его мечту, как знамя. Через многое перешагнул он ради этого рекорда - Бог ему судья. Но прошел дистанцию 1500 километров на лыжах по самому холодному в мире материку, где мороз в это время до 40 градусов, а ветер до 30 метров в секунду.

Только в день рождения Федора Конюхова его друзья в Москве “наколдовали” вместе с экстрасенсами ему хорошую погоду - до 25 градусов. Хочешь верь, хочешь нет, но 12 декабря над именинником в Антарктиде именно так “потеплело”. А 5 января 1996 года в южном центре планеты на площади Наций, по поручению правительства, Федор Конюхов водрузил Российский флаг. А так же - флаги и вымпелы расщедрившихся на эту программу спонсоров.

Но кроме макушки планеты в Антарктиде была еще одна вершина, давно манившая Конюхова, - самая высокая точка ледового континента массив Винсон (высотой 5140 метров). Ни один человек из России еще не поднимался на эту вершину.

Вначале у Федора была идея подняться на Винсон, после чего отправиться в поход к Южному полюсу. Но знатоки Антарктиды отсоветовали: любая небольшая травма при восхождении сделает невозможным дальнейший путь к полюсу, а это было для Конюхова главным.

Винсон было решено отложить напотом. Организатор антарктических экспедиций англичанка Анна Кершау только посмеялась: многие покорители Южного полюса хотели затем взойти на высочайшую вершину ледового континента, но после возвращения с полюса их единственным желанием был скорейший отлет из Антарктиды.

Отдыхая несколько дней в антарктическом базовом лагере после возвращения с полюса и ожидая самолет, Федор размышлял, хватит ли у него сил подняться на Винсон. Последней каплей, которая отмела все сомнения, стала мысль о том, сколько придется снова бегать по спонсорам в поисках денег для новой поездки в Антарктиду - и всего-то ради нескольких дней подъема на горную вершину.

И Конюхов начал восхождение на суровый массив “Винсон” и в рекордное время покорил его. Только тогда записал в дневнике: “Я сделал то, что должен сделать каждый - продвинул предел возможностей человека”. Это и есть главная цель его жизни. Это - и цель цивилизации.

Так Федор стал единственным на сегодня человеком в мире, который смог подняться на массив Винсон сразу после возвращения с Южного

полюса. Это сразу сделало Конюхова известным среди знатоков Антарктики. Причем дальше всего по континентам разнеслась слава о том, что поднимался на гору он без специального горного снаряжения. Сопровождавший Федора канадский инструктор, увидев на подходе к вершине, как тот прикрепляет кошки к обычным лыжным ботинкам (тяжелые горные остались в Сантьяго во избежание оплаты перевеса), поклялся больше не выходить в горы с этими сумасшедшими русскими без предварительной проверки их снаряжения.

Большая часть подготовки к антарктической экспедиции Конюхова проходила в Чили, поэтому само собой возникло искушение подняться на самую высокую точку Южной Америки - гору Аконкагуа (высотой 6960 метров), находящуюся на территории Аргентины недалеко от чилийской границы.

В то лето погода не баловала восходителей, внезапные снежные бури часто ломали их планы, шесть человек за сезон погибло на пути к вершине. Последний из них - польский альпинист - сорвался с южной трехкилометровой отвесной стены в тот момент, когда Федор поднимался на вершину с северной стороны. Встретившие Федора друзья поляка попросили того посмотреть вниз с высоты вершины - красная куртка на белом снегу должна быть заметна издалека. Но когда Федор Конюхов стоял на вершине Аконкагуа, шел сильный снег, и видимость была в пределах нескольких метров.

Итак, в марте 1996 года взята четвертая вершина, пройдено больше половины пути. Потом опять перерыв почти на год, прошедший в попытках организовать третью кругосветную экспедицию. И, пока плавание в который раз откладывается, Конюхов решает взойти на оставшиеся три вершины.

В феврале 1997 года он улетает в Танзанию, где его ждет, известная всем по рассказу Хэмингуэя "Снега Килиманджаро", самая высокая гора Африки (высотой 5895 метров), находящаяся в национальном парке недалеко от границы с Кенией. Красивая, романтическая гора, не то, что голые мрачные скалы Аконкагуа с сыпавшимися из-под ног камнями. Даже красивее, чем Федор себе представлял.

Природа часто оказывается богаче любого воображения художника - а Федор Конюхов в то время был занят работой над циклом картин "Семь вершин мира". Одну из самых желанных вершин - массив Винсон - он рисовал еще до восхождения, такой, какой он ее себе представлял. А после возвращения из Антарктиды накладывал новые краски на тот же холст, меняя тона, светотени, очертания...

Когда-то, мечтая пройти мыс Горн, Федор Конюхов запечатлел его в графической картине: маленькая яхта на гребне волны, гнущаяся под

ураганным ветром мачта, человека почти не видно среди разбушевавшейся стихии. И когда, несколько лет спустя, он проходил мыс Горн во время своей первой кругосветки, у него было странное ощущение: как будто он здесь уже когда-то был...

И пусть Килиманджаро, как и пик Косцюшко, не представляет собой большой сложности в спортивном плане, Конюхова здесь волнует другое. Он тоже человек, и имеет право не всегда идти на максимальный риск. А при подъеме на Килиманджаро можно идти спокойно, без напряжения, любоваться экзотическим африканским пейзажем. Побывав в Африке, он сможет рисовать черных женщин. Или это были простые оправдания поблажки себе?..

Через месяц после возвращения из Африки Конюхов вылетел в хорошо известную ему по первой кругосветке Австралию для подъема на пик Косцюшко (высотой 2230 метров). Несмотря на относительно небольшую высоту, южный склон горы всегда покрыт снегом, а с вершины и других склонов его сдувают холодные ветры высоких широт южного полушария. Конюхов побывал в Гималайском клубе Австралии, где его еще ждало занесение в список всех поднявшихся на семь вершин шести континентов. А таких смельчаков в мире чуть больше 20 человек.

Через две недели после возвращения в Москву Конюхов отправился на Аляску, где намечалась последняя и психологически самая трудная для Федора вершина. Именно здесь погиб его друг японский путешественник Наоми Уэмура, пытавшийся подняться на Мак-Кинли (высотой 6193 метра) зимой. Если честно признаться, Федору было просто страшно отправляться туда одному, и он взял в напарники альпиниста В. Яночкина. Разговаривая с ним о подготовке экспедиции, Федор заканчивал свой новый холст - покрытая снегом вершина Мак-Кинли, которой он еще не видел.

У Конюхова своя философия путешественника - горы ради гор, ради того, чтобы написать картины по возвращении, вернуться к творчеству и строить планы новых восхождений. Легкими движениями кисти Федор сгущает снежные тени на Мак-Кинли и мечтает о тех вершинах, которые он еще не покорил - это 14 восьмитысячников в Гималаях, отвесные скалы Фицрой в Патагонии, ледовые вершины Антарктиды, по которым еще не ступала нога человека...

В планах Федора Конюхова - совершить новое одиночное кругосветное плавание с целью установления рекорда скорости, пересечь Аравийскую пустыню на верблюдах - своего рода полюс жары, облететь вокруг света на маленьком самолете, а если найдет спонсоров, то спуститься на дно Марианской впадины, а также слетать в космос - если выпустят без долгой подготовки, ибо на Земле уже трудно придумать что-то новое после всего, что успел сделать Федор.

Он многое еще осуществит из этих планов. А пока...

Зачем ему это все-таки нужно? Пусть каждый ответит по-своему. По-разному отвечает на него и сам путешественник в зависимости от настроения, общего состояния дел и стадии подготовки экспедиции.

Он бесконечно одинок, как все неординарные творческие личности, в толпе поклонников и поклонниц, засыпая их неиссякаемым потоком воспоминаний и все более сумасшедшими идеями новых путешествий. Он притягивает, как магнит, легко раскрывается перед людьми и столь же легко и внезапно отталкивает, перешагивая через человека во имя своего очередного полюса.

В своих странствиях, оставшись наедине с природой, Федор становится самим собой - сильным, великодушным, все умеющим и всемогущим, каким и подобает быть Человеку, отрешенным от грешного мира и просветленным перед предстоящим испытанием, несущим ему очищение. Но сохранить эту чистоту, вернувшись в наш бранный мир, удастся ненадолго, и потому - новые странствия, пусть по третьему кругу - полюса, вершины, кругосветки, снова вершины... маршруты к новым пределам.

Есть высшее предназначенье - продвинуть предел возможностей человека.

1997 год

АВТОГРАФ МИРЕЙ МАТЬЕ

В Москву на гастроли приехала Мирей Матье. Певица моей юности. Сын попросил достать билеты на ее концерт. Я думал, что это... «не про нас», но достал.

- Я в тебе не сомневался! - обрадовался сын.

Фотокор Леонид Шиманович попросил вручить Мирей Матье его фотографию на память – Илья Глазунов рисует Мирей Матье.

- А на второй фотке пусть что-нибудь напишет, – распорядился он. Легко сказать!

Мы с сыном пришли в Кремлевский дворец на первый концерт Мирей Матье. Стали искать, как пройти за кулисы. Наивная простота! Дежурная поняла нас с полуслова.

- У вас неудобные места, - сконфузила она меня перед сыном. (Это за восемьдесят тысяч!) - Если будет возможность, я посажу вас у себя – здесь билет стоит миллион, - завистливо рассматривала она нашу фотографию.

И мы сели сбоку, почти у сцены. А маленькая Мирей Матье металась горячей свечкой в темноте огромного зала. Но прорваться к нам, зрителям, ей не давала цепь усиленной охраны.

В перерыве мы решили, что за автографом надо идти с букетом. Хорошо, что он в фойе не стоил миллион. Дежурная нам показала, как пройти за сцену, - и мы, трепеща, ринулись к непроницаемому посту охраны. Долго объясняли разным командирам, что хотим подарить фото певице и получить автограф. Наконец, пришел тот, кто, глянув на фото, повел нас за сцену.

Шаг влево или вправо – равносильен провалу. Едва провожатый отрывался от меня – перед лицом вставал вопрос: «Вы куда?» Я успел с трепетом окинуть взглядом просторы дворца, однако не заметил, что сына охранники не пустили.

Наконец, в маленькой приемной за букетами и спинами я увидел погасшую Матье. Мой переводчик сказал ей несколько слов, протягивая фото и вырвав у меня букет.

- О, Илья! - озарилась она улыбкой, едва отыскав меня взглядом. - Мерси!

Я протянул второе фото и напомнил об автографе. Переводчик швырнул мои цветы на гору букетов и попросил ее написать пару слов.

О чем они говорили?

- Как он? - передал переводчик грустный вопрос. И я понял, что превращен по охранной цепочке в безымянного посланника Ильи Глазунова. Объясняться было бесполезно.

- Пока плохо, - ответил я, зная, как и все, о болезни художника.

Все участливо покивали. Певица подписала фотографию – и меня вытолкали из тесной приемной.

- Что она написала? – дерзко шепнул я.

- «Милый Илья! Спасибо за цветы и фотографию. Думаю о тебе, твоя Мирей Матье», что-то в этом роде, - прочитал он мне.

И я пошел невольным самозванцем на выход. Но выхода не нашел, охранники стали меня пристрастно допытывать, пока не выручил все тот же переводчик.

- Отведи его в «мышеловку», - приказал он молодому командору.

И тот меня вывел... прямо к левой кулисе, на сцену, перед заполнившей зал публикой. Не хватало мне только раскланяться!

В отличие от меня, фотокорреспондент Леонид Шиманович не сомневался, что я выполню его тщеславную просьбу подарить его фотографию Мирей Матье. И в благодарность оставил автограф в мое распоряжение.

И лишь позже я решил: может, снять самозванный грех с души и отдать автограф адресату?

Что я и сделал.

1997 год

«ДУША, НЕ ВОСПЫЛАВ, СВОЙ ПЛАМЕНЬ УГАСИЛА...»

Тургеневский кружок

Известна надпись В. А. Жуковского на своем портрете, подаренном им А. С. Пушкину в 1820 году, в день окончания «Руслана и Людмилы»: «Победителю ученику от побежденного учителя». Но редко кто знает, что за пятнадцать лет до этого, в 1805 году, Василий Жуковский столь же высоко оценил другого молодого поэта, Андрея Тургенева: «Он был бы моим руководцем, которому бы я готов был даже *покориться*; он бы оживлял меня своим энтузиазмом».

Андрей Тургенев родился 1 (12) октября 1781 года в Москве. В Симбирске провел свое детство. Из симбирского имения Тургенево семья вернулась в Москву и поселилась на Моховой улице.

«Это семейство не раз служило предметом литературных и критических изысканий,— вспоминал о своих дальних родственниках Иван Сергеевич Тургенев.— Можно без преувеличения сказать, что они сами принадлежали к числу лучших людей и тесно соприкасались с другими лучшими людьми того времени. Их деятельность оставила заметный и не бесполезный, не бесславный след»¹.

Отец Андрея — Иван Петрович был симбирским помещиком и владел несколькими деревнями, из которых лишь Тургенево было родовым поместьем. В свое время он служил генерал-адъютантом у фельдмаршала графа З. Т. Чернышева. А когда граф скончался, Тургенев именованным указом был пожалован в полковники, определен в Ярославский пехотный полк и служил там честно и исправно, пока не вышел в отставку в 1789 году.

Мать Андрея — Катерина Семеновна, урожденная Качалова, была помещицей простого нрава.

«Характер матушки,— признавался Андрей Тургенев,— много имел влияния на мой характер, на мою нравственность — и на мое счастье. Она стесняет душу мою. Как часто не позволяла она развиваться в ней какому-нибудь радостному, возвышающему чувству! Как часто потушала то, что уже было! Если бы не она, то душа моя была бы вольнее, радостнее, смелее и, следовательно, и добрее и благороднее».

К счастью, эта досада преувеличена, в чем убеждает вся жизнь

Андрея.

Тургеневские старшие дети — Андрей и Александр — учились в Симбирске. Они слыли в городе первыми шалунами, может быть, потому, что однажды выехали на тройке отца и неожиданно для себя, развеселившись, сбили с ног городского.

Но была и другая жизнь.

Вот сложенные в форме учебной тетради листы. Две страницы исписаны четко, крупным каллиграфическим почерком. Характерные для того времени нравов: «Употребляй праздные твои часы к служению и к научению чего-нибудь разумного, через сие ты легко выучишь то, чему другие с трудом обучаются»; «Обучай тело свое к работе, но душу всегда возбуждай к мудрости; через труды получишь ты то, что ты пожелаешь; через мудрость же научишься узнавать наперед все то, что тебе сходственно»... А на второй странице — собственные сочинения юного стихотворца.

В двенадцать лет Андрей, как утверждал позже его брат Александр, написал такое стихотворение:

*Надежда кроткими лучами освещает
Нам мрачный путь в печальной жизни сей.—
Тебя несчастье угнетает,
Томишься, страждешь ты, и в горести своей
Ты слезы льешь, несчастный! ободрись!
Зри духом в вечность, что твой взор встречает?
Там лучший мир, там Бог-Страдалец, улыбнись.*

Андрей и Александр проводили каникулы в Тургеневе, вместе со своими младшими братьями Николаем и Сергеем, любили играть в родном саду. И в радости и веселии никто из них не подозревал, что отец жил в своем родовом имении в ссылке.

Иван Петрович дружил с издателем Николаем Ивановичем Новиковым, который в 1779 году образовал в Москве Дружеское ученое общество, позже переименованное в Типографическую компанию. Это общество ставило перед его членами задачи помощи в воспитании детей, издания полезных в нравственном отношении книг, поощрения и образования молодых людей. Но их заблуждения зашли далеко.

В 1792 году по приказу императрицы Екатерины II Новикова заключили в Шлиссельбургскую крепость. А Тургенева по подозрению в участии в деле общества мартинистов сослали в Симбирскую губернию.

Когда Екатерина II скончалась, молодой император Павел I освободил Новикова из Шлиссельбургской крепости и в 1796 году вернул Тургенева из ссылки в Москву, предложив ему высокий пост директора Московского университета.

Накануне отъезда из Тургенева, в воскресенье, «сделали помочь»,

созвали всех мужиков, и они, сжав на поле 19 десятин в одно утро, пришли тотчас после обеда на барский двор. Им выставили несколько бочек пива, поднесли по стакану зелена вина, и праздник деревенский для всех начался и кончился очень весело.

Андрею Тургеневу было пятнадцать лет, когда он вместе с семьей приехал в Москву. Поселились на Моховой улице, в профессорской квартире университета, где стал работать отец, в двух шагах от Московского университетского благородного пансиона, куда Андрей поступил учиться.

Пансион был учрежден в 1779 году куратором университета писателем Михаилом Матвеевичем Херасковым. Инспектор пансиона профессор Антон Антонович Прокопович-Антонский, сын бедного малороссийского дворянина, учился в свое время в Московском университете на средства новиковского общества.

В шести классах пансиона учились около 400 мальчиков от девяти до пятнадцати лет. Одеты они были в синие форменные фраки. Жили на казарменном положении — с понедельника до субботы. Как сын директора университета, Андрей был полупансионером, поэтому после занятий уходил домой.

На «публичных актах» — экзаменах при стечении приглашенных гостей пансионеры говорили речи на заранее заданные темы.

Одобряться и всячески поощряться и литературное творчество пансионеров. К шестнадцати годам Андрей кое-что сочинил, перевел и даже опубликовал.

Обстановка, в которой он рос, во многом способствовала развитию его художественных наклонностей. Иван Петрович Тургенев знался с Державиным, Фонвизиним, Радищевым, Карамзиным, Дмитриевым. В доме отца, в среде родных и друзей, в пансионате, среди своих сверстников, — везде Андрей сталкивался постоянно с лицами, которые или сами были литераторами, или горячо любили литературу, интересовались ею очень серьезно, а главное — плодотворно. С чуткостью, далеко не детской, он быстро усваивал все мотивы и направления, которые царили или рождались вокруг. В его ранних стихотворениях еще чувствуется стремление петь с чужого голоса, заметно влияние Державина, но уже намечаются более мягкие тона сентименталистов начала XIX века.

Андрей Тургенев в раннем возрасте познакомился с Карамзиным как читатель журнала «Детское чтение для сердца и разума». Н. М. Карамзин вел этот журнал вместе со своим другом А. А. Петровым.

Прочитав «Письма русского путешественника» еще в Симбирске, Андрей написал восторженное послание Карамзину, но постеснялся отправить. В этом письме он размышлял о том, что по большей части вещи кажутся нам хорошими или худыми не потому, что они таковы на самом деле, но по расположению души нашей. Под влиянием Карамзина

написаны и его рассуждения о бесполезности любых попыток общественного переустройства. Андрей считал, что в мире есть два рода людей, которые наслаждаются равно здоровьем, богатством, но одни счастливы, другие несчастны. Это происходит большей частью оттого, что они под различными точками зрения смотрят на вещи, на людей, на обстоятельства, и от действия, произведенного таким различием на их душу.

Андрей Тургенев написал в 1796 году «Стихи, сочиненные дорогой из Москвы в Петербург», проникнутые верой в исключительно великое значение Карамзина для русской литературы.

*Сердца чувствительны ты будешь век пленять
И славы можешь ли ты сам другой желать.*

.....
*Тебе сердца пленять дар милый небом дан,
Пой к удовольствию, пой к славе Россиян.*

Запали в душу Андрея и рассуждения Карамзина в опубликованной в 1797 году статье «Несколько слов о русской литературе». «Есть у нас эпические поэмы, обладающие красотами Гомера, Вергилия, Тасса; есть у нас трагедии, исторгающие слезы, комедии, вызывающие смех; романы, которые порою можно прочесть без зевоты, остроумные сказки, написанные с выдумкой, и т. д. и т. д. У нас нет недостатка в чувствительности, воображении, наконец — в талантах; но храм вкуса, но святилище искусства редко открываются перед нашими авторами. Ибо пишем мы по внезапной прихоти; ибо слабое ободрение не побуждает нас к усидчивому труду; ибо, в силу тех же причин, справедливые критики редки на Руси; ибо в стране, где все определяется рангами, слава имеет мало притягательного».

Зимой 1797 года Андрей Тургенев уже стал студентом Московского университета. Он бывал в зеленом доме на Никольской улице, в нижнем этаже которого Карамзин нанимал квартиру. Одну из таких встреч описал В. Г. Белинский.

Молодой купец Г. П. Каменев сочинил балладу «Громвал» и приехал в Москву, чтобы показать ее Карамзину. Через знаменитого писателя он надеялся познакомиться с московскими литературными кругами. И это в то время, уточняет Белинский, когда купцы хаживали только в передние дворянских домов, и то по делам, с товарами или за должком.

Тургенев и Каменев в половине двенадцатого поехали на Никольскую улицу. Далее Белинский передает рассказ Каменева: «Мы застали его с Дмитриевым, читающего 5-ю и 6-ю части его путешествия... Увидевши нас, Карамзин встал из вольтеровских кресел, обитых алым сафьяном, подошел ко мне, взял за руки и сказал, что Иван Владимирович (Лопухин.— *Б. Р.*) давно ему обо мне говорил, что он любит знакомиться с

молодыми людьми, любящими литературу... Карамзин спросил Тургенева, перевел ли он переписку Юнга с Фонтенелем из «Философии природы», и начал говорить о сей книге, которой сочинителя он не любит. Вот слова его: «Этот автор может только нравиться тому, кто имеет темную любовь к литературе. Опровергая мнение других, сам не говорит ничего сносного; ожидаешь многого, приготовишься,— и выйдет вздор. Нет плавности в штиле, нет *зернистых* мыслей, много слабо, иное *плоско*, и он ничем не бриллирует». Карамзин употребляет французских слов очень много...»

Андрей Тургенев не мог не признаться Карамзину, что ему было тошно, скучно работать над переводом. Переписку Юнга с Фонтенелем поручил Андрею перевести его отец. Иван Петрович нередко просил сына переводить работы западных философов. На собственные средства он издавал эти произведения небольшими брошюрами для студенческого чтения.

Молодые литераторы смотрели на знаменитого писателя с обожанием. «Он росту более, нежели среднего, черноглаз, нос довольно велик, румянец неровный, бакенбард густой. Говорит скоро, с жаром, а перебивает всех строго, сожалеет, что не умел воспользоваться от своих сочинений, и называет их своею *деревенькою*»,— записал Белинский впечатление Каменева о Карамзине.

Вызывал почтение у начинающих литераторов и собеседник Карамзина поэт Иван Иванович Дмитриев, высокий, сильно облысевший, с холодно-насмешливыми, чуть косящими глазами, автор прославившей его песни «Стонет сизый голубочек» и сказки «Модная жена».

Как личное оскорбление воспринял Андрей Тургенев нападки на Карамзина реакционера П. И. Голенищева-Кутузова. Бездарный стихотворец был одним из кураторов Московского университета. Понятно, у директора университета И. П. Тургенева были трения с этим «гасильником русского просвещения». Будучи потом сенатором в Москве, Голенищев-Кутузов прославился своими доносами вообще и на Карамзина в частности. Андрей Тургенев с возмущением писал в своем дневнике о его лести и пресмыкательстве перед императором Павлом I. В 1799 году в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» (т. IV, с. 17—31) Голенищев-Кутузов опубликовал стихотворение-донос, намекая на Карамзина. И это в то время, когда правительство осуждало сочувствие Карамзина Великой французской революции. Андрей Тургенев откликнулся на донос экспромтом:

*О сколь священная религия страдает,
Вольтер ее бранит — Кутузов защищает.*

Ирония была в характере Андрея Тургенева. Иронически он относился и к самому себе, в таких тонах он и нарисовал автопортрет в письме к своей тетушке под пасху этого же 1799 года.

«Милостивая государыня тетушка! Христос воскрес!»

Представьте себе малого лет 18. Губастого, широконосого, у которого от одного уха до другого распухло на вершок, который подвязан платком, покрыт колпаком и который колпак еще подвязан платком, в шлафроке, в туфлях, сидящего на стуле на антресолях у окошка и пишущего к вам письмо,— вот вам точь-в-точь, точнехоненько мое изображение!..»

Внешний вид Андрея Тургенева уже говорил о его многообещающем таланте. Худой, крепкий, подтянутый юноша в студенческом сюртуке с малиновым воротником, коротко острижен, с рыжеватыми бачками на широких скулах. Немного грустный взгляд больших и умных глаз. Решительность характера сквозила в чертах его лица — тонкий, чуть вздернутый нос, четкий очерк рта, круглый волевой подбородок. Лицо светилось добротой.

В студенческие годы судьба свела Андрея Тургенева с Алексеем Мерзляковым, Василием Жуковским, Андреем Кайсаровым, Александром Воейковым.

Алексей Мерзляков, университетский товарищ Андрея, давал уроки русского языка и древней классической литературы Николаю Тургеневу. Будущему декабристу было еще девять лет; а Мерзлякову 19 лет, и он уже был бакалавром. Даже не верилось, что этот заикающийся от волнения плотный юноша, с широким, по-мужицки простоватым, краснощеким лицом, освещенный детской радостной улыбкой, знал греческий и латинский, французский, немецкий и итальянский языки. И все же при всей своей эрудиции Мерзляков считал Андрея Тургенева главным в их компании авторитетом в литературных вопросах.

Зимой 1798 года Александр Тургенев привел в дом на Моховую своего товарища по пансиону Василия Жуковского. Может быть, они бы никогда друг о друге не узнали, если бы пансионное товарищество не свело Александра с Жуковским. Андрей Тургенев и Василий Жуковский полюбили друг друга.

Жуковский стал своим в семье Тургеневых еще и потому, что Иван Петрович был хорошо знаком с его отцом Афанасием Ивановичем Буниным. Этот смуглый, черноволосый, высокий, сутуловатый и неуклюжий пятнадцатилетний юноша выделялся в пансионе тем, что рисовал, писал картины маслом, пел, играл на фортепьяно, сочинял стихи. Он вышел в первые ученики и получил золотую медаль с одобрительным листом после того, как на публичном акте в пансионе сказал Речь о добродетели. И еще он стал постоянным председателем собрания воспитанников Университетского благородного пансиона.

Это собрание учредил в начале 1799 года А. А. Прокопович-Антонский. Когда-то, будучи студентом университета, Прокопович-Антонский был председателем в собрании университетских питомцев — литературном обществе, труды членов которого печатал Новиков. По

такому же образцу было создано общество юных литераторов и в пансионе. Членами его могли стать только те воспитанники, которые отличались примерным поведением, тихостью нрава, послушанием, прилежностью к наукам и вообще доказали свои литературные способности и любовь к отечественному языку.

Василий Жуковский проводил заседания этого общества по средам. Он назначал ораторов, наблюдал за порядком, отвечал за организацию всего дела.

Однажды на заседание пришел и сам Карамзин. Жуковский сказал похвальное слово Карамзину, но гость воспринял речь юноши холодно-вежливо.

Жуковский и Мерзляков стали самыми близкими друзьями Андрея Тургенева. Вокруг них образовался литературный кружок. В него вошли брат Андрея — Александр Тургенев, братья Андрей и Михаил Кайсаровы, Александр Воейков, Семен Родзянко и другие.

Александр Воейков — бравый конногвардеец, бывший воспитанник университетского пансиона. На мясистом лице его углями горели калмыцкие глаза. Характер его был открытым, манеры размашисты, любил выпить, отчего становился говорлив, ополчался на тиранов, шумно спорил о политике. Он сочинял стихи, переводил с французского, играл на гитаре, пел.

Василий Жуковский привел в компанию своего пансионного товарища Семена Родзянко, который тоже сочинял стихи. Как-то Иван Петрович Тургенев отобрал лучшие произведения Жуковского и Родзянко и послал в Петербург Державину. Поэт ответил длинным письмом, поблагодарил за посылку и перевод Жуковского и Родзянко на французский язык его оды «Бог».

Александр Тургенев — русоволосый, небольшого роста, сонливый и тем не менее веселый юноша — был самым молодым из друзей. Склонность к натуральным наукам уживалась в нем с увлечением русской историей.

Андрей Тургенев и вся компания через Александра познакомились с семьей Соковниных. Александр часто навещал своего пансионского товарища Сергея Соковнина. Первым вошел в этот дом, на углу Пречистенки и Девичьего Поля, и был принят ласково.

В семье Соковниных было четыре брата и три сестры. К красавице Анне питал платонические чувства Александр Тургенев, к Варваре — Жуковский, посвятив ей стихотворение «К Нине». Однако Варвара ушла из родительского дома, захотела жить в крестьянской избе, но и там не нашла душевного покоя и поступила в монастырь. Это поразило впечатлительного Андрея Тургенева, о чем он поведал в своем стихотворении. Но сам он увлекся Катериной Соковниной.

Александр Тургенев привез к Соковниным брата Андрея, когда еще

его никто не знал. Но вскоре все привязались к Андрею. Братья Тургеневы так любили ездить к Соковниным, что наконец стали считать за пожертвование, когда один другому уступал свою очередь, если по каким-то причинам двоим было ехать неудобно. И они поняли цену братства, узнали, что готовы друг для друга на жертву. Что других могло разлучить навеки, Андрея и Александра только теснее связывало и приближало...

Отношения Андрея Тургенева и Катерины Михайловны Соковниной развивались неброско. Никто не знает о перипетиях этой любви. Лишь ясно было близким, что она любила его больше, нежели он ее.

* * *

Поскольку дом И. П. Тургенева был одним из центров, куда сходилось московское литературное общество, постольку Андрей Тургенев стал центром молодого кружка. Но не фамильные достоинства были тому причиной, а собственные таланты молодого поэта. Андрей буквально руководил всеми своими друзьями, верховодил в своей компании, все они обращались к нему за советами, за помощью, всем он подсказывал, что читать, что переводить. И друзья его почитали, любили, следовали его советам.

Молодых единомышленников объединяла крепкая и активная дружба. Они виделись ежедневно, кроме того, обменивались еще несколькими записками на день. А когда отлучался кто-нибудь из Москвы, с ним завязывалась регулярная переписка. Дружеские споры, конечно, носили бурный характер, как и подобает юным талантливым творческим людям.

Проведенные вместе вечера были незабываемыми. Собравшись вместе, они, в сюртуках и шляпах а-ля Нельсон (больших треуголках с позументом), бродили по московским улицам. Бывали у Симонова монастыря, непременно останавливаясь у пруда, где утонула карамзинская бедная Лиза, гуляли по Марьиной роще, по Ильинке, заглядывали в кофейную Муранта, где собирались актеры, студенты и профессора университета. Потом все шли на Моховую, в дом Тургеневых. Тучный, добродушный, в широком синем сюртуке, Иван Петрович встречал молодежь приветливо. В общей комнате пили чай, курили трубки, читали книги, разговаривали о литературе и философии, истории и политике. Василий Жуковский и Андрей Тургенев на время затихали у окна, каждый со своими мыслями, глядя на вечерние красоты осени, которые всегда изумляют отзывчивую на прекрасное душу. Мерзляков говорил об истории, о русских героях. Андрей перебивал его иногда каким-нибудь бонмо, если не острым, то по крайней мере смешливым. Все смеялись розыгрышу, и первым смеялся сам Мерзляков. Пора юности замечательна таким дружеским, искренним общением. Это лучшие годы жизни, когда и грусть и смех рождаются как бы беспричинно, а потому только, что у молодых

людей этих живые, светлые и чистые души. А впереди — неоглядные дали жизни.

Как они славно пожил! Общество друзей, добрых, соединенных одними склонностями, одними упражнениями, и в то же время разнообразных по своим склонностям и упражнениям. В спорах и сомнениях формировались эстетические взгляды членов тургеневского кружка.

* * *

Андрей Тургенев не принимал Вольтера. Дерзость, ругательство, эгоизм — так он определял главные черты его философии. Чтение лучших песен Оссиана больше услаждало его душу. Андрей считал, что Вольтеру не нужно было унижать Оссиана и Гомера, чтобы возвысить Вергилия.

Они увлекались немецким романистом и драматургом Августом Коцебу. Вместе с университетским товарищем Журавлевым Андрей Тургенев начал переводить драмы Коцебу, мечтал перевести и издать его повести.

На одной из встреч кружковцев Андрей Тургенев прочитал переведенную им драму Коцебу «Негры в неволе».

Антифеодальные, демократические идеи XVIII века, Пугачевское восстание, Великая французская революция воспринимались Андреем Тургеневым еще в форме бунтарства и свободомыслия молодых Гёте и Шиллера.

В его семье очень увлекались немецкими поэтами. Автор «Разбойников», «Коварства и любви» стал идеалом Андрея Тургенева. Он так и говорил — «мой Шиллер». Перевел его «Гимн радости».

В 1799 году Андрей Тургенев вместе с Алексеем Мерзляковым начали переводить драмы Шиллера «Коварство и любовь», «Разбойники» и «Дон Карлос». К переводу «Дона Карлоса» они привлекли и Василия Жуковского.

Быстро растущее увлечение Андрея Тургенева поэзией «Бури и натиска», Шиллера и Гёте оказывало влияние на его отношение к сентиментализму.

Уже в качестве критика он пытается защитить Шиллера от упреков современников в том, что образ Карла Моора получился натянутым. «То, что может нас тронуть, интересовать, произвести в нас ужас или сожаление, может ли быть отвергнуто как никуда негодное? — недоумевал Тургенев. — И на что ограничивать область изящных наук? А какой сюжет интереснее, обильнее этой трагедии? Молодой человек, пылкий, волнуемый сильными чувствами, во всем жару негодования на несправедливость людей, польщенный примером, увещаниями своих товарищей, дает безумную клятву быть их атаманом, но при всем том он никогда не унижается до подлых, варварских чувств обыкновенного разбойника». Таким духовным «атаманом» был для своих вольнолюбивых

друзей-литераторов и сам Андрей Тургенев. Бунтарский дух, гражданская активность, страстная защита прав униженных и угнетенных — эти качества Карла Моора вдохновляли Тургенева. Ему легче было разобраться в образе Карла Моора потому, что он сам тоже был типичным представителем нового поколения. Не случайно признание Андрея: «Я чувствую в нем совершенно себя!»

Увлечение Карлом Моором привело его к молодому Вертеру. Весной и летом 1799 года Андрей вместе с Мерзляковым переводил с наслаждением «Страдания молодого Вертера». Позже к друзьям присоединился и Василий Жуковский. Переведенные Тургеневым письма Вертера свидетельствуют о том, что его увлекли напряженность и страстность переживаний героя, величие и трагизм его конфликта со средой.

В связи с этим Тургенев упрекал Карамзина в том, что он пишет не оттого, что смотрит на предмет, но смотрит для того, чтобы написать о нем, а ничего нет хуже. Отсутствие условностей и салонных благопристойностей в гётевском романе выгодно отличало его от произведений сентиментализма. Тургенева восхищали жар, сила, чувство природы у Гёте. Андрею был близок характер «бурного гения».

Известный филолог В. М. Жирмунский высоко оценил новые творческие принципы перевода писем Вертера: «В таких отрывках перевод Тургенева достигает необычайной лирической напряженности, превосходящей не только второстепенных подражателей «Вертера», но часто и самого Карамзина, родоначальника нового направления, обычно сохраняющего салонную благопристойность и в самых проявлениях своей чувствительности».

Андрей Тургенев мог так переводить потому, что понимал великого Гёте, творчество которого отразило важнейшие противоречия и тенденции эпохи. Для такого поэта, считал Тургенев, нет законов, кроме его духа и «резвой» крылатой фантазии, все у него легко, живо, натурально, сильно, величественно, все непринужденно и не подвержено никаким законам. Этот принцип всех гениев литературы. Вот — осмысление личностью самое себя, своей правды, а не условий, в котором «я» должно помещаться как в прокрустовом ложе.

Весной 1799 года Андрей Тургенев закончил курс в Московском университете. Отец и мать радовались безмерно, когда он получил академический градус и поступил в Главный архив Коллегии иностранных дел, находившейся на Маросейке. На службу Андрей являлся редко, не ходил недели по две, но продолжал посещать университетские лекции.

Когда Андрей вступил в самостоятельную жизнь, у него стали открываться глаза на то, чем и как живут люди других, не литературных, слоев общества.

11 ноября 1799 года он записывает в своем дневнике: «...Идучи в архив, попалась мне крестьянка на извозчике. Ее окружала толпа народу. Она была по обыкновению крестьянских баб. Ее спросили, и она с воем же сказала, что у ней отдают в солдаты мужа и что остается трое детей. Я был очень тронут. Царь народа русского! Сколько горьких слез, сколько крови на душе твоей». И это о царе, который вернул его отца из ссылки.

По словам В. Ф. Раевского, университет приготавливал юношей, которые развивали новые понятия, высокие идеи о своем отечестве, понимали свое унижение, угнетение народное.

Под впечатлением от подобных встреч, как с этой многолетней солдаткой, Андрей Тургенев написал стихотворение, в котором были такие жаркие строки:

*...Но счастья не ищи — его здесь нет для нас,
В сем мире, где злодей, страх божий забывая,
Во злодеяниях найти блаженство мнит,
Рукою дерзкою сирот и вдов теснит,
Слезам, отчаянью, проклятьям не внимая.*

Подобные столкновения с мрачной действительностью освобождали Тургенева от узости взглядов. Он стал постигать многоплановость и драматизм конкретной, реальной жизни.

Более страстно передает Тургенев случай, рассказанный ему Андреем Кайсаровым, об издевательствах офицера над унтер-офицером, вынужденным молча смотреть на бесчестие своей жены. В дневниковой записи Андрея Тургенева от 4 декабря 1799 года уже звучит буря возмущения, это обвинительный акт молодого свободолюбца против всего общественного строя России: «И если бы он в этом терзательном, снедающем, адском молчании заколол его! Мог ли бы кто-нибудь, мог ли сам Бог обвинить его? Молчать! Запереть весь пламень клокочущей геенны в своем сердце, скрежетать зубами, как в аду, смотреть, видеть все и — молчать. Быть мучиму побоями, быть разжаловану по оклеветаниям этого же офицера! Дух Карла Моора! И в этом состоянии *раба, раба*, удрученного под тяжестью рабства,— какое сердце, какая нежность, какие чувства!.. Это огненное, нежное сердце, давимое, терзаемое рукою деспотизма,— лишенное всех прав любезнейших и священнейших человечества, — деспотизм пугается *бессильной его ярости* и отнимает у него, отрывает все то, с чем Бог соединил его».

Андрей Тургенев стал понимать, что наступает для него время переоценки ценностей, и уже не мог верить чужим, да и своим, сказанным когда-то высоким словам, пока не прочувствовал, не проверил умом и сердцем их истинность и значимость.

Горькое разочарование пережил Андрей, узнав, что Прокопович-Антонский продал своего слугу Сергея — как обыкновенный крепостник.

Честный примиритель семейств, утешитель страждущих оказался благообразным фарисеем.

Представляя перед мысленным взором невысокого, худощавого, немного сгорбленного человека лет тридцати, с добрым выражением выпуклых глаз водянисто-голубого цвета, немного заикающегося, с благородными манерами, Андрей недоумевал: «Неужели я еще слишком хорошо думал о фарисее... А, горемычная чувствительность! Как я рад, что могу, если судьбе будет угодно, облегчить, может быть, осчастливить некогда судьбу бедных жертв холодности и проклятой сентиментальности».

Сентиментализм уже не мог полностью удовлетворить деятельного, пылкого юношу, остро чувствующего социальные контрасты. С иронией записал Андрей в дневнике 28 августа 1799 года мнение о бывшем подражателе Карамзину — князе Федоре Сибирском: «Прежде он почти каждый листочек так называемого «Приятного и полезного препровождения времени» наполнял томными жалобами и орошал унылыми слезами, а теперь я увидел его таким веселым, слава богу, что он, по-видимому, утешился и что мы на несколько времени будем избавлены от его томно-горестных сочинений. Пусть лучше теперь он подражает Оссиану, этому делу он мастер».

И все же мечтательный, тонко чувствующий красоту молодой литератор становился волевой, сильной личностью. Только у патриота могли выплеснуться из души кипящие слова: «Россия, Россия, дражайшее мое отечество, слезами кровавыми оплакиваю тебя; тридцать миллионов по тебе рыдают! — записал он в дневнике 3 октября 1801 года.— Но пусть они рыдают и терзаются! От этого улаждаются два человека, их утучняет кровавый пот их; их утучняют горькие слезы их; они улаждаются; но что им заботиться!»

Но если этот бесчисленный угнетенный народ, над которым вы так дерзко, так бесстыдно, так бесчеловечно ругаетесь, если он будет действовать так, как он мыслит и чувствует, Вы, ты и бесчеловечная, сладострастная жена твоя, вы будете первыми жертвами!».

Андрей Тургенев увлекся Руссо. Прежде его интересовало освободительное начало идей французского философа. Андрей собирался переводить «Новую Элоизу». Сколько в молодости замыслов и надежд на их осуществление! Он считал, что «Новая Элоиза» будет его моральным кодексом во всем: в любви, в добродетелях, в должностях общественной и частной жизни. Но и Руссо стал только одним из этапов в развитии эстетических взглядов Тургенева.

В июне 1800 года Александр Тургенев окончил пансион и вступил юнкером в Главный архив Коллегии иностранных дел, где служил его брат Андрей. В это привилегированное место попасть было не так-то просто,

служба там, можно было стать дипломатом, поехать в чужие страны. Александр сызмальства питал страсть к путешествиям.

В это же время и Василий Жуковский сдал выпускной экзамен в пансионе и получил серебряную медаль. Но у него не было влиятельной протекции, и ему пришлось довольствоваться местом приказного в бухгалтерском столе Главной Соляной конторы. «Что ж, надобно где-нибудь служить и быть полезным отечеству»,— успокаивал себя Жуковский, хотя мечтал бросить контору и стать литератором, издавать журнал, как Карамзин, поехать учиться в чужие края, увидеть свет, города и страны. Вместо этого с семнадцати лет он ходил каждый день в присутствии в мелком чине малозначащего секретаря.

В 1800 году Василий Жуковский перевел роман Августа Коцебу «Мальчик у ручья, или Постоянная любовь». В этом же году дирекция московских театров приняла переведенную Жуковским комедию Коцебу «Ложный стыд». Андрей Тургенев перевел и напечатал в журнале отрывки из приобретенного Жуковским пятитомника французского философа Шарля Баттё «Принципы литературы».

Надо учиться делать добро, считал Мерзляков, добро людям, добро обществу, добро друг другу. А для этого надо много знать, вместе с друзьями совершенствовать себя.

Прямой дорогой к счастью Жуковский считал такую: быть друзьями, друзьями людей и муз, учиться для того, чтобы знать цену дружбы и добродетели, чтобы делать общими силами добро.

Цели друзей в юности были настолько близки, что в октябре 1800 года три поэта замыслили издать свои произведения общим сборником за подписью: М.Ж.Т. (Мерзляков, Жуковский, Тургенев). Андрей Тургенев предложил из своих произведений включить послание к Карамзину, «Надпись к портрету Гёте», эпиграммы и другие произведения; Жуковский — «Майское утро», «Две добродетели», оду «Могущество, слава и благоденствие росса», «Стихи на Новый 1800 год»; Мерзляков — «Истинность героя», «Ночь», «Ратное поле», «Росса», «К Уралу», а главное — «Славу» (в которой он подражал оде Шиллера «Песнь радости») и «Гения дружества». Но сборник так и не был составлен.

По мнению академика В. М. Истрина, жизнь молодого тургеневского кружка, с одной стороны, примыкает к новиковскому кружку, к Дружескому ученому обществу, а с другой — связывается с последующими литературно-общественными кружками.

Дружеское литературное общество

12 января 1801 года тургеневский кружок оформился в Дружеское литературное общество.

Академик А. Н. Веселовский охарактеризовал рождение этого общества так: была группа молодых людей, объединенных дружбою,

общими литературными интересами и примером старшего поколения. Они сходились и беседовали о дружбе и литературе. В один прекрасный день они основали общество, то есть записали на бумаге то, что ими руководило в действительности. Новых членов они привлечь не успели, а сами разъехались. Но дружба между ними продолжалась.

Но это лишь аннотация, лишь внешняя канва явления.

Учредители этого общества Андрей Тургенев, Алексей Мерзляков, Василий Жуковский и их единомышленники создали свой собственный новый мир общественной деятельности, умственных и нравственных интересов. Молодые считались с новыми веяниями времени. У них были разнообразные наклонности — к литературе, естественным наукам, философии, экономике, медицине. У них были разные характеры, разные условия жизни и деятельности. Но все это не мешало расцвету той общности, которая соединяет молодых людей, увлеченных одним большим делом.

В уставе Дружеского литературного общества было записано: «Нас объединяет то, что до сих пор составляло радость и счастье нашей молодости: это дух благой дружества, сердечная привязанность к своему брату, нежное доброжелательство к пользам другого. Дружество — это божество, подлетающее с небесной улыбкой на глазах, с животворною фиалкою в руке, единым взором озаряющее сию мрачную юдоль скорби и печали, бедства и отчаяния. Будем иметь доверенность к другу. Сладостные узы связали нас издавна. Не станем надеяться на эти законы. Один энтузиазм к доброму, одна истинная любовь к своим сочленам — вот все, что может вдохнуть душу в наши законы и заставить говорить не в журналах, а в нашей совести».

Идеал дружбы, закрепленный в законах Дружеского литературного общества, светил русскому обществу в продолжение десятилетий XIX века, является примером и поныне.

Дружеское литературное общество собиралось по субботам в шесть часов вечера в доме Тургеневых или в Поддевической слободе в ветхом деревянном особняке Воейкова. Внутренняя жизнь общества предусматривала чтение речей, дискуссии на литературные, философские и политические темы, обсуждение сочинений и переводов самих его членов.

XIX пункт их устава — о порядке заседаний — гласил:

«1-е. Как скоро соберутся члены в назначенный час, то секретарь должен спросить у всякого из них, какую пиесу будет читать, и расположить их чтение по ниже написанному порядку.

2-е. Секретарь прочтет протокол, и члены подпишут его.

3-е. Очередной оратор прочтет речь.

4-е. Философские и политические сочинения.

5-е. Философские и политические переводы.

6-е. Беллетристические сочинения.
7-е. Беллетристические переводы.
8-е. Критика и опровержение философских пиес.
9-е. Критика и опровержение беллетристических пиес.
10-е. Предложения.
11-е. Чтение лучших иностранных и национальных авторов.
12-е. Президент назначает место, куда собираться для будущего заседания».

Критика и опровержение должны представляться членам общества непременно и без всяких оговорок.

Вот какие высокие рубежи намечали они себе. Это ведь действительно юность нации, так непосредственно и значительно служение мысли, искусству, а значит — и будущему отечества.

На двух первых заседаниях выступил с речами по старшинству Алексей Мерзляков.

— Мы начали, может быть, главнейшее дело в нашей жизни,— говорил Мерзляков своим друзьям.— Каждый из нас есть питомец муз, каждый из нас — человек-гражданин, каждый из нас — сын отечества... Общество наше есть скромная жертва отечеству! Всякий миг, всякое дело наше посвящено ему!

Главное содержание его речей — проповедь гражданского служения литератора отечеству. Оратор стремился возжечь в слушателях «энтузиазм патриотизма». Мерзляков призывал не ограничиваться рамками чисто литературных споров и придать полемике общественный характер. И убеждал:

— Мал тот, кто хочет быть только оратором, стихотворцем, сочинения его холодны, если не воспламеняет их любовь сердечная, советы его не отрут слез угнетенной невинности, прекрасные мысли его не утолят голода нищему.

Обращаясь к историческим событиям, Мерзляков спрашивал друзей:
— Где и как воспитывались Эпаминонды*, Тимолеоны**, Периклы***? Где почерпнули они эту всепобеждающую силу любви к отечеству, которая не погасла среди бурь, несчастья, в ссылках, на эшафотах, которая, кажется, и после смерти их не умерла? В дружеских беседах Сократа и Платона! В тех беседах, предметом которых было

* Эпаминонд (ок. 418—362 г. до н. э.) — фиванский полководец, вождь демократической группировки, победитель спартанцев при Левктрах, где применил впервые косоульный строй.

** Тимолеон (VI в. до н. э.) — македонский полководец, при Филиппе — отце Александра Македонского — освобождал Сиракузы от Дионисия II, победил карфагенян при Кримисе, заключил мир с Карфагеном в 339 г. до н. э.

*** Перикл (ок. 490 — 429 г. до н. э.) — афинский стратег (главнокомандующий), вождь демократической группировки, его законодательные меры способствовали расцвету афинской рабовладельческой демократии.

познание человека и его нравственности.

Мерзляков поверял друзьям надежду на то, что «эта и твердость и смелость в изъявлении своих чувств и мыслей родит в нас со временем оное великодушие, оную благоразумную гордость, которая возвращает престолом изгнанную правду и презирает угрозы тиранов, которая не боится смерти...— Мерзляков восклицал: — Так, друзья! Мы будем честными гражданами. Так точно в матернем недре мужественной Спарты рождались герои».

С этих выступлений Алексея Мерзлякова в Дружеском литературном обществе литературные вопросы рассматривались с позиций самовоспитания в духе гражданственности и патриотизма.

Этим духом проникнуты и первые выступления Воейкова. В речи о Петре III он прославлял мужа Екатерины II за уничтожение Тайной канцелярии — тиранского трибунала, в тысячу раз всякой инквизиции ужаснейшего, назвав этот трибунал судилищем, обагрившим Россию реками крови.

Не все в распаленном ораторстве Воейкова могли взять на веру собравшиеся в Дружеском литературном обществе. Чтобы понять незрелость политических суждений Воейкова, обратим внимание на фигуру Петра III. Это был немецкий принц Карл Петр Ульрих, сын герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, внук Петра I. Он приехал в Россию в 1742 году. В 1761 году стал русским императором. Вопреки национальным интересам России в свое время заключил мир с милой его сердцу Пруссией, что свело на нет результаты побед русских войск в Семилетней войне. В армии ввел немецкие порядки. Был свергнут и убит в результате переворота, организованного его женой Екатериной.

Воейков призывал своих слушателей бросить патриотический взор на Россию до Петра III, обрисовал картину, вызывающую в эпоху Павла I ассоциации с современностью.

— Мы увидим,— говорил с жаром оратор,— ее обремененную цепями, рабствующую, не смеющую произнести ни одного слова, ни одного вопля против своих мучителей; она принуждена соплетать им лживые хвалы тогда, когда всеобщее проклятие возгреметь готово... Коварство и деспотизм, вооруженные сим варварским словом, острили косу смерти, чтобы еще посекаль цвет сынов России, еще продолжить царствование свое на престоле, из героев и костей невинных россиян воздвигнутом.

К заслугам Петра III отнес Воейков дарование вольности дворянам, которые попирались Павлом, и по-своему трактовал отношение Петра III к крепостному праву. Российский император этот отнял землю у монастырей, что вызвало такую интерпретацию Воейкова: «Петр III, оживленный великими предприятиями, снял с них (имеются в виду монастырские крестьяне.— *Б. Р.*) оковы — рек им: вы свободны».

На самом же деле в 1762 году Петром III была произведена первая проба фактической секуляризации. Советский историк Н. М. Никольский в своей книге «История русской церкви» (М., 1983, с. 200) писал о Петре III: «Он вообще не стеснялся с церковью: издал приказ об удалении из церкви всех икон, кроме Христа и богородицы, и предписал всем священникам обрить бороды и носить штатское платье. В вопросе о церковных имуществвах он действовал столь же решительно. Ссылаясь на волнения крестьян в церковных вотчинах, он учредил в Москве новую коллегию экономии для управления церковным имуществом, подведомственную сенату. Вместо «духовных персон» в церковные вотчины были назначены офицеры для управления и «защиты крестьян от всяких обид...».

И вот о таком «демократе» и «патриоте» свою речь Воейков заканчивает призывом встретить в случае надобности за отечество смерть на эшафоте:

— Возри на собравшихся здесь юных россиян,— обращается он запальчиво к тени Петра III,— оживленных пламенной любовью к отечеству! И если нужна кровавая жертва для его счастья, вот сердца наши! Они не боятся кинжалов! Они гордятся такою смертью. Сам эшафот есть престол славы, когда должно умирать на нем за отечество!

Правда, следует сказать, что фигура правящего в то время российского императора Павла I (сына Петра III и Екатерины II) была еще более мрачной. Он ввел в государстве военно-полицейский режим, в армии — прусские порядки, а епископат окончательно превратил из князей церкви в государственных должностных лиц, награждая их за верную службу светскими орденами.

8 марта 1801 года Воейков произнес речь «О героизме», в которой идеалу мирного философа противопоставлял образ гражданина, жертвующего жизнью ради освобождения отечества. По сути дела, Воейков выражал мнение дворян, сочувствующих заговорщикам против императора.

11 марта 1801 года Павел I был убит.

Вскоре после этого события на мартовском заседании Дружеского литературного общества Алексей Мерзляков прочитал «Оду на разрушение Вавилона», в которой были смелые строчки: «Тиран погиб тиранства жертвой», исчез «Своей земли опустошитель, народа своего гонитель».

А Александр Воейков в речи от 11 мая 1801 года «О предприимчивости» доказывал, что предприимчивость свергает с престола тиранов, освобождает народы от рабства, обнажает хитрости обманщиков, открывает ослепленным народам в жрецах — их коварных тунеядцев, в богах — истуканов.

Но эти высокопарные слова в пользу революционности зарождающейся в России буржуазии с годами поблекли, как мишура. Видимо, не случайно Андрей Тургенев, сам настроенный вольнолюбиво,

слушая Воейкова, напоминал об осторожности своим единомышленникам.

— Отчего говорим мы так часто о вольности, о рабстве,— спрашивал он у присутствующих на заседании,— как будто собрались здесь для того только, чтобы разбирать права человека?

И в то же время Андрей Тургенев призывал друзей по обществу готовить себя к тому времени, когда отечество, когда страждущая, притесненная бедность будет требовать помощи.

Влияло Дружеское литературное общество и на развитие мировоззрения Андрея Кайсарова, на его оценку исторических событий. На заседаниях общества он произнес речи «О самолюбии», «О кротости», «О том, что мизантропов несправедливо почитают бесчеловечными». Первая его речь 9 февраля 1801 года хотя и содержала призыв и готовность «умереть за добродетель», но не вышла за рамки рассуждений на моралистическую тему. 29 марта 1801 года в речи «О том, что мнение о славе зависит от образа воспитания» Кайсаров был смелее и последовательнее. «Если развернуть, любезные друзья, книгу бытия мира, — говорил он, — если прочесть имена всех тех, кого свет признает великими, то едва ли не найдем в том числе десятую часть, по справедливости заслуживающих такое имя, едва ли история прочих не будет написана кровию тысяч несчастных жертв, подпавших безумному их честолюбию. И сии-то, кровожаждущие тигры почитаются великими». Желание славы, направляющее, по мнению Кайсарова, стремления таких людей, имело бы иной характер, если бы поэты не употребляли во зло дара своего, если бы они не прославляли плачевного разорения целых империй, не прославляли бы того пламени, которым пожжены несчастные жители мирных деревень...

На заседаниях Дружеского литературного общества восемнадцатилетний Василий Жуковский произнес речи: «О дружбе», «О счастье», «О страстях».

— Мы живем в печальном мире и должны — всякий в свою очередь — искать горести, назначенные нам судьбой,— говорил он своим друзьям.

С карамзинских позиций Жуковский пытался доказать субъективность представлений о счастье, а следовательно, и общественных перемен:

— Действительность — одни фантомы, страшный образ которых приводил меня в трепет и ужасал мое воображение, человек должен искать свое счастье во внутреннем расположении своей души.

Такая постановка вопроса объяснялась, видимо, религиозными соображениями.

- Кто препятствует мне сделать себя независимым от людей, посреди которых рождаются беды и горести? — спрашивал запальчиво молодой Жуковский,— кто препятствует мне, не отделяясь совершенно от мира, отделить от него свое счастье, очертить около себя круг, который бы

житейские беды преступить не дерзали? Мое счастье во мне, пускай оно во мне и останется, и оно будет едино — несмотря на все превратности, которые принужден буду я испытывать.

Как это все похоже на прежние настроения Андрея Тургенева!

Александр Тургенев поддержал Жуковского в своей речи «О том, что люди по большей части сами виновники своих несчастий и неудовольствий, случающихся в жизни».

Жуковский утверждал:

— Человек, ежели ты несчастлив, обвиняй самого себя.

Александр Тургенев спрашивал:

— Кто источник зла, разлитого во вселенной?

И отвечал:

— Ты сам, в тебе источник зла, испорченная воля твоя, твое воображение.

Но иное мнение было у других членов общества. Алексей Мерзляков сказал одну из самых острых своих речей, в которой открыто полемизировал с Жуковским и Александром Тургеневым, доказывая, что для бесправного и оскорбленного человека необходимым условием счастья является изменение реального характера его существования. В речи «О трудностях учения» Мерзляков высказался о препятствиях, стоящих на пути стремящихся к знанию разночинцев, галломании, презрении дворянства к России вообще и русской науке в частности.

- Величайшие гении умирают при самом своем рождении, — с жаром говорил Мерзляков. — Бедность, зависть, образ правления — все вооружается против него — нельзя вместе думать о науках и насущном хлебе; молодой человек берется за книгу и видит подле себя голодную мать и умирающих братьев на руках ее... Здесь видите вы молодого художника; он не имеет покровителей; блистательные ранние успехи его возбуждают внимание! Зависть от него требует всего того, чего сама не имеет; своенравный вельможа делает раба из его гения... Скажут мне, что он может находить сам в себе утешение. Бедное утешение пресмыкаться между тысячью сомнений, находить везде мертвую ужасную толпу, которая убивает душу, видеть, повсюду предрассудки... Бедное утешение знать свою цену и унижаться перед нестоящими.

Полемика в Дружеском литературном обществе, при всей ее исторической незрелости, вырабатывала характер отношения начинающих писателей к действительности. Определялись основные тенденции их мировоззрения, шла учеба у талантливых отечественных и зарубежных мыслителей и писателей, приобщение к мировому культурному процессу, решалась судьба отечественной литературы и политической мысли. И в этих спорах по-прежнему был ведущим Андрей Тургенев. Он умел соединять разнородные элементы, входящие в состав этого общества. Удавалось это еще и потому, что он сам был богато одаренной натурой — свободно

владел стихом, был остроумен, а иногда и остер на язык, искренне предан своим делам и своим друзьям. Все это значительно увеличивает авторитет и влияние личности во всякой общественной организации, тем более — в творческой.

Свои взгляды на русскую литературу Андрей Тургенев подробно изложил в трех речах в Дружеском литературном обществе. Только вместе взятые, эти речи могут дать полное представление о мировоззрении молодого поэта и критика. В своей речи «О поэзии и злоупотреблении оной», произнесенной на собрании Дружеского литературного общества 16 февраля 1801 года, Андрей Тургенев высказался против заказных конъюнктурных восторгов одических поэтов, против лести и похвал по адресу тиранов-монархов, сильных мира сего. Тургенев дерзнул упрекнуть и Ломоносова, обвиненного еще Радищевым за то, что тот «льстил похвалою в стихах Елизавете», например, в «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Запальчиво звучали слова Тургенева:

- Смею сказать, что великий Ломоносов, творец Российской поэзии, истощая все свои дарования на похвалы монархам, много потерял для славы своей. Бессмертная муза его должна была избрать и предметы столь же бессмертные, как она сама, в глазах беспристрастного потомства...

Андрей Тургенев упрекал не менее принципиально за разменивание поэтического дарования на лесть к тирану Павлу I первых стихотворцев XVIII века — Г. Р. Державина и особенно М. М. Хераскова.

В последние годы своей жизни Херасков занимал пост одного из кураторов (попечителей) Московского университета. Еще студентом Андрей Тургенев называл высшее начальство «забавным старичком». Но в своем дневнике он более откровенен. «Вышел Царь, поэма М. М. («Царь, или Освобожденный Новгород», 1800 год.— *Б. Р.*),— записал Андрей 31 марта 1800 года.— Седой старик не постыдился посрамить седины своей подлейшими ласкательствами, а притом без всякой нужды. Какое предисловие. Какой надобно иметь дух, чтобы так нагло, подло, бесстыдно писать, и от лица истины какая мораль: Законов выше княжьи троны! — и ему семьдесят лет; и его никто ни в чем не подозревает; и он же после будет говорить, что проповедовал истину, исправлял людей, был гоним за правду! Они и не чувствуют, как унижают и посрамляют поэзию!»

Слушая резкие высказывания Андрея Тургенева об одах Хераскова, Василий Жуковский не мог не вспомнить, что в четырнадцать лет по предложению Прокоповича-Антонского написал оду «Благоденствие России, устрояемое великим ее самодержцем Павлом Первым», называя его милостивым, мудрым и просвещенным монархом. Эту оду Жуковский читал на публичном акте в присутствии Хераскова. От старости высокий

гость дремал, и, видя это, юный поэт от смущения и досады читал оду невнятно, без подъема.

Пародируя оды на царей, Андрей Тургенев написал «Оду на день моего рождения»; не одобренный московской цензурой текст затерялся.

Надо отдать должное Андрею Тургеневу в том, что, сурово осуждая в своей речи содержание льстивых царям од, он, однако, призывал к возрождению высоких одических традиций, но при условии соединения в них, одах, патриотической важности и свободолюбия.

Особенно волновало Андрея Тургенева состояние русской драматургии. Понимая, что драматургия по своему характеру должна быть тесно связана с общественным сознанием и обязана влиять на воспитание чувств и воззрения людей, он видел пути ее развития в национальном, народном духе. Разговор на эту тему с Мерзляковым и Жуковским записан Тургеневым 20—21 декабря 1800 года. Театр, по мнению Тургенева, испортил Сумароков, заставляя говорить Олегов, Святополков и прочих героев русских низменным языком Расиновых галло-греческих героев. Но плохо не только отсутствие самобытности, считает Тургенев. С требованием отражать народный дух и характер в произведении неразрывно связан и долг писателя и поэта служить своим трудом интересам своего народа.

Изменилось отношение Андрея Тургенева и к немецкой литературе. Решительно осудив влияние французского театра на русскую драматургию XVIII века, в тех же записках Тургенев предостерегает: «Удариться в подражание немецкому театру не значит это исправить. Зло все то же, только с другой стороны: это две кривые дороги; средняя — прямая, настоящая не пробита». Эти высказывания содержат ключ к пониманию конечной цели сложных исканий литературного критика.

В конце марта 1801 года двадцатилетний Андрей Тургенев произнес на заседании Дружеского литературного общества дерзкую речь «О русской литературе».

- О русской литературе! — начал страстно говорить оратор.— Можем ли мы употреблять это слово? Не одно ли это пустое название, тогда когда вещи в самом деле не существуют? Есть литература Французская, Немецкая, Английская, но есть ли русская? Читай английских поэтов — ты увидишь дух англичан; то же и с французскими и немецкими; по произведениям их можно судить о характере их наций, но что можешь ты узнать о русском народе, читая Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Карамзина, в одном только Державине найдешь малые оттенки русского, в прекрасной Повести Карамзина «Илья Муромец» также увидишь русское название, русские стопы и больше ничего. Театральные наши писатели вместо того, чтобы вникать в характер Российского народа, в дух российской древности и потом в частные характеры наших древних Героев, вместо того, чтобы показывать нам, по крайней мере на театре, что-

нибудь великое, важное и притом истинно русское, нашли, что гораздо легче, изобразив на декорациях вид Москвы и Кремля, заставить действовать каких-то нежных, красноречивых французов, назвав их Синавами, Труворами и даже Миниными и Пожарскими и пр. Если бы во время представления «Димитрия Самозванца» восстал бы из гроба сам Димитрий, думаю, он долго бы забавлялся сим зрелищем, не отгадывая, что оно значит, если бы не услышал наконец своего имени и набатного колокола. Вам самим отдаю на суд, любезные друзья! Могли бы только быть у нас, если бы мы воспользовались во всем пространстве нашу древностию, древними характерами российских Князей, нашими древними происшествиями? Мы подражаем французским; но французы так оригинальны в своих трагедиях, что и самых греков и римлян превратили во французов, а мы, напротив, утратили всю оригинальность, всю силу русского духа. При сем случае осмелюсь сделать одно замечание. Если уж непременно должно было нам подражать, то кажется, гораздо сроднее было с духом нашего народа подражать в театре английском, а не французском.

- Теперь только в одних сказках и песнях находим мы остатки русской литературы, - продолжал Андрей Тургенев, - в сих-то драгоценных остатках, а особливо в песнях, находим мы и чувствуем еще характер нашего народа. Они так сильны, так выразительны, в веселом ли то или в печальном роде, что над всяким непременно должны произвести свое действие. В большей части из них, особливо в печальных, встречается такая пленяющая унылость, такая красоты чувства, которых тщетно стали бы искать мы в новейших подражательных произведениях нашей литературы. Но трудно уже переменить то, чего, кажется, никто и не подозревает. По крайней мере, теперь нет никакой надежды, чтобы когда-нибудь процветала у нас истинно русская литература. Для сего нужно, чтобы мы и в обычаях, и в образе жизни, и в характере обратились к русской оригинальности, от которой мы удаляемся ежедневно. Посмотрим теперь на состояние нашей литературы. Какова она есть, позвольте мне, любезные друзья, сообщить вам о сем некоторые мысли. Может быть, вы их найдете странными, но я полагаюсь на ваше дружеское снисхождение и требую искренних ваших советов и наставлений...

Вот так прозвучала в речи Андрея Тургенева критика Карамзина: «Он более вреден, нежели полезен нашей литературе...» И это о человеке, который в момент произнесения обвинения был в апогее своей славы!

- Он вреден потому еще более, что пишет в своем роде прекрасно, - запальчиво говорил Тургенев, - пусть бы русские продолжали писать хуже и не так интересно, только бы занимались они важнейшими предметами, писали бы оригинальнее, важнее, не столько применялись бы к мелочным родам...

Но именно в эти годы А. М. Карамзин вступал в главный этап своей жизни, решив заняться только историей Русского государства.

Андрей Тургенев ждал, он требовал появления в русской литературе гения, еще не зная, конечно, его имени, не подозревая, что этот гений родился и уже слушает русские песни и сказки — Пушкину шел второй год. Призыв Тургенева звучал, высоко, а главное, пророчески:

- Мы сами имели Петра Великого, но такой человек для русской Литературы должен быть теперь второй Ломоносов, а не Карамзин. Напитанный русскою оригинальностью, одаренный творческим даром, должен он дать другой оборот нашей Литературе; иначе дерево увянет, покрывшись приятными цветами, но не показав ни широких листьев, ни сочных, питательных плодов.

Эта речь вызывает удивление дерзостью молодого критика, настойчиво предъявляющего к русской художественной литературе патриотические требования — истинного реализма и народности. С исторической точки зрения, речь Андрея Тургенева «О русской литературе» ценна как проявление такой веры, такой гражданской смелости литератора-патриота, какие, встречаются нечасто. Но встречаются!

Пункт III законов Дружеского литературного общества предусматривал, что «всякие три месяца должны быть экстраординарные собрания или торжества. Каждый из сих праздников может носить на себе особенное имя — иной посвящается отечеству, другой — которой-нибудь из добродетелей, третий, например, поэзии...».

Как ни важно было слово «О русской литературе», наибольшее значение Андрей Тургенев придавал своей речи «О любви к отечеству», с которой он выступил на собрании Дружеского литературного общества 7 апреля 1801 года.

Празднество членов общества, посвященное отечеству, началось, как и все заседания молодых единомышленников, исполнением гимна кружковцев, которым стало стихотворение Мерзлякова «Гений дружества»:

...Да будет дружество священо!

И, добродетели лучом

Небесным, чистым озаренно,

Да будет славно в мире сём!

Потом выступали Алексей Мерзляков, Андрей Кайсаров и Андрей Тургенев.

Мерзляков прочитал стихотворение «Слава», что было хорошей увертюрой к речи Тургенева и определило восторженную гражданско-патриотическую атмосферу всего праздника.

Патриотизм Андрея Тургенева окрашен в свободолюбивые тона:

- Не им ли одушевлены были величайшие герои древности, которых память, и по ныне для нас священная, подобно чистому пламени

воспламеняет нас к великим делам, заставляет презирать смерть, дабы или же здесь же сделать отечество свое благополучным, или в небесах найти другое отечество, — говорил Андрей Тургенев.

Служение родине он не смешивал, а даже противопоставлял служению царю. Обращаясь к отечеству, он продолжал:

- О ты, пред которым в сии минуты благоговеют сердца наши в восторге радости! Цари хотят, чтоб перед ними пресмыкались во прахе рабы, пусть ползают пред ними льстецы с мертвою душою, здесь пред тобою стоят сыны твои! Благослови все предприятия их! Внимай нашим священным клятвам! Мы будем жить для твоего блага; ты, может быть, забудешь, оставишь детей, но дети твои никогда, нигде тебя не забудут. - Андрей Тургенев призывал вставших от торжественного волнения единомышленников: - Но, друзья! Какая бы ни была судьба наша — будем тверды!

Эта речь перекликается с наиболее известным стихотворением Андрея Тургенева «К отечеству»:

*Сыны отечества клянутся,
И небо слышит клятвы их!
О как сердца в них сильно бьются!
Не кровь течет, но пламя в них.
Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебе служить —
Вот наше звание прямое!
Мы жизнь свою купить
Твое готовы благоденство;
Погибель за тебя — блаженство;
И смерть — бессмертие для нас!
Не содрогнемся в страшный час
Среди мечей на ратном поле;
Тебя, как Бога, призовем,
И враг не узрит солнца боле —
Иль мы, сраженные, падем —
И наша смерть благословится! —
Сон вечности покроет нас;
Когда вздохнем в последний час,
Сей вздох тебе же посвятится!*

Ранняя редакция этого стихотворения была опубликована без подписи в сборнике сочинений учащихся университетского пансиона «Разговоры о физических и нравственных предметах» в Москве в 1800 году.

В этом произведении молодой автор попытался практически соединить торжественность формы с гражданственностью содержания.

Речь «О любви к отечеству» можно считать идейным основанием эстетических взглядов Тургенева, изложенных в его речах «О поэзии и злоупотреблении оной» и «О русской литературе». Все три речи Тургенева — явления далеко не заурядные, доказывающие значительный литературный талант истинного патриота своего отечества.

Долго, а может быть, всю жизнь вспоминали друзья расставание в тот холодный, еще по-зимнему сумрачный, но праздничный для них апрельский день, и свою необычную молодую компанию в развалившемся от времени доме, окруженном садом и прудами. Вспоминали прощальные звуки гимна, проникновенные стихи Алексея Мерзлякова, задушевное исполнение Василием Жуковским любимой в то время в Москве песни Карамзина «Прости».

Вспоминали и себя, молодыми, горячими, готовыми на высокие клятвы и пожертвования своей жизнью ради возрождения отечества. Вспоминали и произнесенную главную клятву любви к ожидающей воли России вслед за своим председателем и учителем, таким же юным и дерзким Андреем Тургеневым.

Позже Василий Жуковский в элегии «Вечер» выразил эти воспоминания с щемящей душу тоской:

О братья! о друзья! где наш священный круг?

Где песни пламенны и музам и свободе?

Где Вахвовы пиры при шуме зимних вьюг?

Где клятвы, данные природе?

Хранить с огнем души нетленность братских уз?

Андрей Тургенев всю свою жизнь стремился к активной деятельности и менее всего хотел заниматься литературой как частным делом. Слово поэта для него означало общественную деятельность, государственный поступок. Выступив организатором Дружеского литературного общества, он стремился оказать практическое воздействие на современный литературный процесс.

В двадцатилетнем возрасте он дерзнул на первые общественные поступки. В его речах на собраниях общества была изложена определенная литературная и общественно-эстетическая программа.

Итак, главные требования Андрея Тургенева к русской литературе, правильному пути ее развития следующие: оригинальность и самобытность, непринужденность, живость, естественность. Отражение в произведениях русского характера и духа русской нации; выбор важных и великих сюжетов, способных беречь и потрясать душу, уход от «мелочных родов»; выражение значительных предметов в важнейших, эпических формах. Независимость литературы от власти, защита интересов отечества и народа, отстаивание чаяний людей неимущих,

законно и невинно притесняемых, лишенных всех своих человеческих прав.

Программа Тургенева была оригинальной программой критика нового типа. Понимал ли он несовершенство своего манифеста? Может быть. Но важно то, что Тургенев считал необходимым ставить перед литературой большие идейно-эстетические задачи, опираясь при этом на охват и осмысление как русской, так и западноевропейской литературы. Андрей Тургенев пытался понять развитие литературы в системе развития народной жизни. Ему чужда была национальная ограниченность, но более вредным он считал подражательность отечественной литературы инородным образцам. Самое ценное достижение критика и поэта Андрея Тургенева в том, что он первым из современников остро поставил вопрос о народности русской литературы.

Первые же заседания общества обнаружили принципиальные расхождения его членов в понимании задач и характера деятельности создаваемого литературного объединения. С сердечным сожалением видел Андрей Тургенев, что общество разделено на две части.

Это признавал и Василий Жуковский в письме Андрею Тургеневу: «...Мне кажется, что Мерзляков (хотя с ним мне всегда было весело быть вместе, потому что он человек необыкновенный) не был со мною таков, каким бы я желал его видеть; например, между нами не было искренности; если мы и говорили друг с другом, то вообще всегда говорили о посторонних материях; одним словом, мне всегда казалось, что я мало для него значу, и от этого он мало на меня имел влияния...».

Андрей Тургенев, Алексей Мерзляков, Андрей Кайсаров рассматривали литературу как средство выражения гражданственных, патриотических идей. Поэтому и сама цель объединения была для них не только литературной, но и общественно-воспитательной.

Василий Жуковский, Михаил Кайсаров, Александр Тургенев и позднее — Семен Родзянко проповедовали интимно-лирическую тематику в поэзии.

Дружеское литературное общество ярко отразило основные тенденции литературного процесса тех лет.

Уже в начале заседаний общества Андрей Тургенев видел, что многие члены никогда не думали быть между собою друзьями.

Споры вызывало даже понимание первого слова в названии общества — *дружеское*. Жуковский считал жертву основой морали, отказывался признать дружбой союз, не основанный на безропотном самопожертвовании, отказе от собственных эгоистических интересов. Мерзляков же считал, что польза — тот магнит, который собрал с концов мира рассеянное человечество. Польза — то существо, которое соединило

членов общества, и надо раскрыть пользу, которую каждый из его членов надеется получить от собрания.

Что же, выходит, Дружеское литературное общество, оказалось, не было дружеским?

Ответить однозначно на этот вопрос трудно. Один из ответов дает Гегель в своей «Эстетике»:

«Лишь юность, когда индивиды живут еще в общей неопределенности их действительных отношений, есть то время, когда они соединяются и так тесно связываются друг с другом в *едином* умонастроении, единой воле и единой деятельности, что дело одного тотчас же становится делом другого.

Этого уже нет больше в дружбе мужчин. Обстоятельства жизни мужчины идут своим чередом и не допускают осуществления его целей в таком прочном единении с другим, чтобы один не мог ничто совершить без другого. В зрелом возрасте люди встречаются друг с другом и снова расстаются, их интересы и дела то расходятся, то объединяются. Дружба, тесная связь помыслов, принципов, общая направленность остаются, но это не дружба юношей, в которой никто не решает и не приводит в исполнение того, что не становилось бы непосредственным делом другого».

Александр Тургенев боялся, что каждый из друзей общества, какими были милые его сердцу Мерзляков и Жуковский, когда покорооче узнают свет и людей, ослабят дружеские связи с ним. Он хотел верить в обратное.

«Тем с большим рассудком полюбим друг друга, удостоверюсь в нашей взаимной привязанности,— следствие товарищества, благодетельное следствие нашей молодости. По крайней мере, я Мерзлякова и Жуковского никогда, никогда не забуду, никогда не истребится во мне к ним то, что я теперь чувствую,— записывал девятнадцатилетний юноша Александр Тургенев в своем дневнике.— Пусть разборчивая холодность займет места разгоряченного воображения и юной пылкости; но она тем больше удостоверит меня, и холодный рассудок сожмет, может быть, мое сердце для друга, но — не для них; и согревающее дружество оттаит и в старости оледенелое, опытное, бедное сердце... Теплота дружбы будет действительна на грудь мою; дай Бог... чтобы эти простые сердечные ощущения не затмились, дай Бог, чтобы не переменились они. На Мерзлякова грудь я надеюсь, как на вечную гранитную скалу. Жуковский добр, очень добр; лишь бы только мрачная злоба людей не впечатлела, не врезала в мягкое сердце недоверчивости, ненависти к людям».

Мог ли записывающий эти строки юноша знать, сколько участия в его судьбе и судьбе его брата, декабриста Николая Ивановича Тургенева, примет Жуковский после разгрома восстания на Сенатской площади, что оба будут обязаны ему чуть ли не своей жизнью?!

Дружеское литературное общество — союз добрых, здоровых, веселых молодых людей, по характеристике Тургенева, чувствующих цену жизни, наслаждающихся жизнью,— просуществовало недолго. Речь, произнесенная на первом собрании, помечена в его протоколах 12 января 1801 года, на последнем — стоит дата 1 июня 1801 года. Тетрадь из Тургеневского архива (№ 618) содержит полностью «Речи, говоренные в собрании Общества»; всего было произнесено 23 речи.

На заключительном заседании общества, подводя итоги его деятельности, Андрей Тургенев спросил своих друзей:

- Неужели когда-нибудь забудем мы тот радостный день, в который детскими руками сыпали мы на алтарь отечества нежные цветы усердия, любви и преданности?!

На этот вопрос Жуковский ответил в стихотворном послании Александру Тургеневу позже, в сентябре 1813 года:

*О! не бывать минувшему назад!
Сколь весело промчались те годы,
Когда все мы, товарищи-друзья,
Делили жизнь на ложе у Свободы!
Беспечные, мы в чувстве бытия,
Что было, есть и будет, заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостным оно являлось нам!
Где время то, когда по вечерам
В веселый круг нас музы собирали?
Нет и следов; исчезло все — и сад,
И ветхий дом, где мы в осенний хлад
Святой союз любви торжествовали
И звоном чаши шум ветров заглушали!*

(Тургеневу в ответ на его письмо).*

В ноябре 1801 года Андрея Тургенева перевели по службе в Петербург. Первый раз выезжал он из Москвы один, без семьи. 12 ноября все Тургеневы и друзья провожали Андрея от Триумфальных ворот за 26 верст до станции Черная Грязь. Расставание было грустным. Потом уехали в Петербург и братья Кайсаровы. Алексей Мерзляков пробовал привлечь в Дружеское литературное общество новых людей. Но споры на заседаниях еще больше обострились. Жуковский перестал участвовать в этих заседаниях и сообщил об этом Андрею Тургеневу.

* Сие послание посвящено воспоминаниям молодости, двух друзей, украшавших ее, нет уже на свете. (Примеч. Жуковского.)

Но никто из членов Дружеского литературного общества не сомневался в пользе дела, которое начал Андрей Тургенев.

Василий Жуковский считал, что весь энтузиазм к доброму, все благородное, что он имел, все лучшее в его душе принадлежало Андрею Тургеневу.

Алексей Мерзляков признавался, что ему многое дали «правила, которые приобрел в незабвенном, может быть, уже невозвратимом для нас любознательном обществе словесности, где мы, поистине управляемы благороднейшею целию, все в цвете юности, в жару пылких лет, одушевленные единым благодетельным чувством дружбы, не отравляемые частными выгодами самолюбия, учили и судили друг друга в первых наших занятиях...».

Только Александр Воейков посмел посмеяться над членами Дружеского литературного общества в нашумевшем памфлете «Дом сумасшедших», который он писал почти до конца своей жизни.

Дружеские связи между членами общества не прерывались до конца жизни. Андрей Тургенев писал Василию Жуковскому: «Вот еще одно прошу тебя, как друга, чтобы ты всем сообщил. Я и, может быть, еще некоторые очень привязаны к нашему собранию. Вот предложение мое всем членам. Я бы желал, чтобы в дни двух торжеств наших — 1-е или 7-е апреля, другого не помню — каждый из нас их праздновал, где бы он ни был. Это многим из нас будет очень приятно; другие сделают, по крайней мере, из снисхождения. Вообрази, что один, например, будет в Париже, другой — в Лондоне, третий — в Швеции, четвертый — в Москве, пятый — в Петербурге, и что все они в эти дни духом своим будут вместе. Каждый будет знать, что все, не говорю члены собрания, но душевные друзья его о нем думают. Эта мысль стоит чего-нибудь. Скажи искренно, нравится ли это тебе? Но это должно нравиться, если бы и собрание не нравилось; а оно, право, много, много имело бы приятного».

Не эти ли чувства подвигнули А. С. Пушкина и его друзей ежегодно праздновать день торжественного открытия Лицея? И вторят Андрею Тургеневу чувства и мысли Пушкина в его стихотворении «19 октября»:

*Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...*

Дружеское литературное общество породило творчески-духовную атмосферу общности служителей муз. Это преддекабристское поколение передовых молодых людей, переживающих глубокую эволюцию и несущих эстафету к новым общественно-литературным поколениям.

Невинность сердца

В Петербурге Андрей Тургенев служил в Коллегии при Министерстве иностранных дел. Но служба поэту приносит мало удовлетворения. «Все эти дни,— писал он в Москву,— был я занят и теперь еще занят претруднейшим переводом из Коллегии, которого и теперь еще не кончил, а торопят непременно; вчера писал до того, спина и глаза заболели».

В феврале 1802 года Иван Петрович Тургенев со всей семьей прибыл в Петербург добиваться разрешения для Александра Тургенева учиться за границей в Париже или Геттингене. Андрей был рад встрече с родными, был счастлив, что Александру разрешили учиться в знаменитом Геттингенском университете.

В 1802 году было учреждено Министерство народного просвещения. Должность директора университета упразднили и назначали ректора, избираемого из профессоров. Занимающий пост директора Московского университета Иван Петрович Тургенев был сильно огорчен, ему важно было уйти в отставку достойно, с пенсией, но куратор университета написал на него донос в Петербург. Иван Петрович обратился к друзьям и сыну за помощью, написал письмо Г. Р. Державину, с которым переписывался изредка и раньше. Все хлопоты закончились тем, что он при отставке получил пенсию в жалованье и орден. Выйдя в отставку, Иван Петрович купил дом на Маросейке и поселился там.

Поработав недолго в Петербурге, Андрей Тургенев был направлен курьером в Вену, а в конце мая 1802 года начал служить в Венской комиссии в должности императорского секретаря.

Из Вены Андрей Тургенев выезжал в июле 1802 года в Карлсбад и побывал в Праге.

В Карлсбаде он задумал журнал в виде писем к Жуковскому и Мерзлякову. Начал он так: «Любезнейшие друзья, Василий Андреевич и Алексей Федорович! Ни с кем мне так не приятно говорить о себе и о вас, и о чем бы то ни было, как с вами, а я сам удивляюсь, отчего я так редко пользуюсь этим удовольствием. Я же уверен, что и вам приятно читать мои письма».

На журнал Андрея Тургенева оказали влияние «Письма русского путешественника» Карамзина. Он описывал и природу, и свое времяпрепровождение. Вот, например, его отчет-размышление о Дице: «Вчера был в концерте... Видел сумасшедшего Дица! Сумасшедшего! Что такое сумасшествие! Может быть, сумасшествие *человека* делает торжество *артиста*. Что же это? Разберите, психологи! Это достойно, очень достойно внимания! Нет, можно ли сметь называть это сумасшествием, когда от тех же причин, вероятно, он величайший человек в музыке. Его сумасшествие есть созерцание совершенства гармонии, его сумасшествие выше ума умных, рассудительных людей!». Узнается автор переводов писем Вертера.

Многое можно узнать о жизни Андрея Тургенева за рубежом из этого журнала. Он мечтал съездить в Веймар и узреть лицом к лицу Шиллера, Гёте, Гердера, Коцебу... Но это, увы, не осуществилось. Только портреты Шиллера и Шекспира удалось Андрею прислать своим друзьям.

В Вене ему посчастливилось видеть Гайдна, который дирижировал в концерте своим произведением. Андрей с величайшим наслаждением слушал, чувствуя и понимая все, что выражала музыка Гайдна. В Дружеском литературном обществе горячо любили этого композитора. Жуковский перевел либретто немецкого писателя Ван-Свитена для оратории Гайдна, сделанной по мотивам поэмы Томсона «Времена года».

В Праге Андрей Тургенев познакомился с Августом Мейснером, произведения которого воспитанники университетского пансиона, в том числе и братья Тургеневы, переводили и публиковали.

Андрею Тургеневу пришлось выполнять необычную услугу. В 1802 году в Геттингене вышли первые две части «Нестора» — труда по всеобщей истории, источниковедению, истории *русского* летописания. Автор этого труда — Август Людвиг Шлецер, немецкий историк, филолог, приглашавшийся в свое время на русскую службу в качестве адъютанта Петербургской Академии наук. Посвятив «Нестора» императору Александру I, профессор русской истории Геттингенского университета Шлецер послал ему 1 мая 1802 года экземпляр с письмом через немецкое посольство к знакомому из Министерства иностранных дел в Петербурге. Вместе с «Нестором» профессор послал для поднесения императрице картину, вышитую его женой на шелке. Но посылка затерялась в пути. Александр Тургенев просил брата Андрея разыскать пропажу. И поиски увенчались успехом. Шлецер просил императора принять благосклонно в подарок «Нестора», что может побудить ученый мир к серьезному изучению русской истории.

Но не шлецеры были «серьезными» летописцами Русского государства, а М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, который в эти годы уже работал над «Историей Государства Российского».

В своем венском дневнике 3 ноября 1802 года Андрей записал: «Вчера пришла ко мне прекрасная мысль. Не надобно, чтобы греки и римляне (говорю о трагедиях, и не одних трагедиях) давали вес словам: гражданин, права гражданина, отечество, свобода и пр. Надобно, чтобы это было для них нечто обыкновенное, чтобы они думали, что иначе и быть не может. Оттого и редко бы поминали о них; но весь ход их действий, всякая их мысль, каждый поступок показывал бы ясно, что они такое, и отливало бы, так сказать, их стиль жизни в полную силу чувств».

Такой стиль жизни был у Андрея Тургенева и у его друзей.

Когда Карамзин стал выпускать журнал «Вестник Европы», он просил и молодых литераторов — Андрея Тургенева, Алексея Мерзлякова,

Василия Жуковского и других — доставлять ему сочинения. В июле 1802 года в «Вестнике Европы» напечатана «Элегия» Андрея Тургенева с примечанием Карамзина: «Это сочинение молодого человека с удовольствием помещаю в «Вестнике». Он имеет вкус и знает, что такое пиитический слог». И это оценка мастера, который сам был первым, кто стал прививать литературный вкус в России. И не тени обиды за острую критику в его адрес молодого автора, слухи о которой, конечно, дошли до Карамзина. И при том, что в этом стихотворении отзвуки этой критики:

*Напрасно хочешь ты, о добрый друг людей,
Найти спокойствие внутри души твоей...*

Стихотворение это — веха в русской поэзии. Элегия начиналась строками:

*Угрюмой осени мертвящая рука
Уныние и мрак повсюду разливают...*

Пушкин в своем стихотворении «Осеннее утро» перефразировал тургеневскую строфу: «Уж осени холодной рукой...»

Друзья Тургенева, особенно Василий Жуковский и Андрей Кайсаров, нередко в разговоре о своем «предводителе» любили процитировать некоторые афористические строчки из его элегии:

*И в самых горестях нас может утешать
Воспоминание минувших дней блаженных!*

Или:

*На камне гробовом печальный, тихий гений
Сидит в молчании с поникшей головой...*

И вспоминали часто повторяемые Андреем Тургеновым фрагменты из стихотворений сентиментального английского поэта Томаса Грея, оказавшего влияние на это настроение автора.

В декабре 1802 года в «Вестнике Европы» опубликована переведенная Василием Жуковским «Греева элегия» «Сельское кладбище» с подзаголовком «Переводчик посвящает А. И. Т-у». Она начиналась:

*Уже бледнеет день, скрываясь за горою.
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалааш спокойный свой...*

Сам Жуковский считал начальной вехой своего творческого пути вольный перевод этой элегии. В то время молодой поэт уже вырвался из Соляной конторы и жил в селе Мишенском, откуда и послал в Вену Андрею Тургеневу посвященную ему элегию.

В Вене Андрей Тургенев решил переводить «Макбета», заново, с подлинника, сравнивая его с французским переводом Дюсиса. Напомним, что увлечение Шекспиром шло у Тургенева параллельно с изменением взгляда на мировую литературу. Если прежде его интересовал герой как рупор свободлюбивых идей автора, то теперь стоял вопрос о важности психологического правдоподобия. То есть гражданин становился еще и художником, мастером. Поиски народности определили эволюцию литературных вкусов Тургенева. Он искал объективности характеров, психологической выверенности поступков героев, отражения в произведении народно-поэтических представлений. Этим требованиям, по мнению Андрея Тургенева, и отвечал Шекспир. С одной стороны, у него сильные характеры, с другой — фантастика, содержащая народные представления.

В своих письмах друзьям из-за рубежа Андрей Тургенев присылал и новые стихи, которые становились все значительней и совершенней.

«Делать общими силами добро»...— вспоминал Жуковский слова своей клятвы, читая присланные в Мишенское стихи Андрея Тургенева:

*Ты добр! Но пред тобой несчастный, угнетенный,
Невинный к небесам возносит тяжкий стон.
Злодей, и в почести, и в знатность облеченный,
Сияющий в крестах, и веру и закон
В орудие злодейств своих преобращает.
Нет правосудия, защиты нет нигде...*

Но какой же выход из этой вопиющей несправедливости? Андрей Тургенев, увы, этого пока не знал. Он только видел, что его благие дела и намерения вызывают злобную реакцию непросвещенного света. Оттого и такая горечь в его стихах:

*Всех добрых дел твоих в заплату
Злодеи очернят тебя.
Врагу ты ввершишься, как брату,
И в пропасть ввергнешь сам себя.
Восстонешь, роком пораженный,
Но слез не будешь проливать;
Безмолвной скорбьюотягченный,
Судьбу ты будешь проклинать.*

Василий Жуковский считал, что Андрей Тургенев станет великим поэтом.

Вернувшись из Вены в начале 1803 года, бывший императорский секретарь никак не мог получить определенного места службы.

Его мать, всегда заботливо относящаяся к карьере своих сыновей, была недовольна медленным продвижением по служебной лестнице ее старшего сына. Это сокрушало его, хотя сам по себе он и не торопился с карьерой. 27 февраля 1803 года он писал Андрею Кайсарову: «Матушка все беспокоится о нашей судьбе; но ее вечно ничто успокоить не может. Одно исполнится, другого будет недоставать. Правда, но отчего же это и происходит, как не от излишней нежности и заботливости о нас и от ее также немного беспокойного характера, склонного к меланхолии».

У Андрея Тургенева обострился интерес к истории. «Двадцать лет жизни моей не стало! — выражал он свое отчаяние в дневниковой записи. — Где искать мне их в истории моей жизни. Двадцать лет я душевно проспал. В последние два года написал элегию; деятельнее ничего не было для моего разума. Что я читал, Коцебу и Шиллера! — когда буду читать историю».

В феврале 1803 года Василий Жуковский предложил Андрею Тургеневу вместе с ним для издателя Бекетова перевести с французского «Дух истории» или «Письма отца к сыну о политике и морали» Антуана Феррана, четырехтомник которого был издан в Париже в 1802 году.

Но уже в это время в письме Василию Жуковскому в Мишенское он признался, что занемог лихорадкой не на шутку и намерен лечиться у одной природы, соблюдая диету по руссовскому предписанию. И все же друзья не подозревали приближения беды. Зато ее чувствовал сам Андрей Тургенев и стал задумываться об итогах. «Что наша жизнь? — Море горестных и лужа радостных слез! И вы, и я это знаете. Простите!» — эта грустная ирония была, увы, в его последнем письме к Мерзлякову.

Андрей Тургенев писал из Петербурга своей родне 3 июля 1803 года: «С живейшей радостью увидел... что матушка опять здорова. Я тоже, благодаря Бога, здоров».

Здоров! 8 июля 1803 года он уже умирал. Умирал в Петербурге, вдали от родных и близких людей. Отец в Москве, матушка с младшими братьями Николаем и Сергеем в Тургеневе, Александр в Геттингене, Жуковский в Мишенском...

Иван Владимирович Лопухин не отходил от его постели. Брат Андрея Кайсарова — Паисий Сергеевич по просьбе умирающего даже пытался согреть его своим телом от жуткого озноба.

Он умер в двадцать два года. С последним вздохом на его устах замерли слова: «Друзья мои!..»

Лопухину пришлось первому в письме рассказать отцу о смерти любимого сына. Трагическое известие сразило безутешного отца, Иван Петрович заболел, был при смерти.

Василий Жуковский в Мишенском получил письмо от Ивана Петровича: «Он был утешение мое в мире горестном, был отрадою духа

моего... Андрей был добр... Пятна пороков еще не внедрили, не проникли существа души его...».

Жуковский ответил Ивану Петровичу: «Не думал и не хочу утешать вас. Я слишком чувствую и свою и вашу потерю... Что делать! Мое сердце разрывается... Он так был достоин жизни! За что мы наказаны его потерю? Теперь, признаюсь, жизнь для меня утратила большую часть своей прелести; большая часть надежд моих исчезла. Мысль об нем была соединена в душе моей со всеми понятиями о счастии!». А вместе с письмом Жуковский послал Ивану Петровичу элегию «На смерть Андрея Тургенева».

Жуковский написал Мерзлякову в деревню. Тот примчался в Москву к Ивану Петровичу и сообщил Жуковскому подробности о последних минутах жизни их лучшего друга: «Ах, умер очень тяжело. Природа долго боролась с болезнью; крепкое сложение причинило ему конвульсии; в четыре дни все свершилось. Он первоначально простудился, был вымочен дождем... Этого мало: в полдень ел он мороженое и вдобавок не позвал к себе хорошего доктора; после это было уже поздно; горячка с пятнами окончила жизнь такого человека, который должен был пережить всех нас».

Александр Тургенев, ошеломленный вестью, понял, что 1803 год унес лучшую половину его самого с собою. В письме к Кайсарову Андрею он писал: «Его не стало в самую ту эпоху жизни нашей, в которую мы перестаем восхищаться, наслаждаться жизнью и подходим к той пустоте, которая неминуемо должна наполнять вторую половину жизни нашей».

Андрей Кайсаров, пытаясь утешить скорбящих Тургеневых, клялся, что не пощадит собственного здоровья для брата Андрея Ивановича, и уверял, что одна память о нем может произвести в его друзьях все возможные добрые последствия.

Мерзляков, обращаясь к Александру Тургеневу в Геттинген, просил его заменить Андрея собою и тем принести ему лучшую жертву, какую только нежные друзья принести могут.

Василий Жуковский закончил писать для «Вестника Европы» по заказу Карамзина повесть «Вадим Новгородский». К этой повести он прибавил вступление — поэму в прозе в память скончавшегося друга Андрея Тургенева: «О ты, незабвенный! Ты, увядший в цвете лет, как увядает лилия, прелестная, благовонная! Где следы твои в сем мире? Жизнь твоя улетела, как туман утренний, озлащенный сиянием солнца... Где мой товарищ на пути неизвестном? Где друг мой, с которым я шел рука в руку, без робости, без трепета... Все исчезло! Никогда, никогда не встретимся в сем мире... Я, несчастный, я, разлученный с тобою в решительный час сей, не слышал твоих стонов, не облегчил борения твоего с смертию; не зрел, как посыпалась земля на безвременный гроб твой и навеки тебя сокрыла!»

Н. М. Карамзин сопроводил этот рекем примечанием: «Сия трогательная дань горестной Дружбы принесена автором памяти Андрея Ивановича Тургенева, недавно умершего молодого человека редких достоинств».

Похоронили Андрея Тургенева в Невском монастыре. И на могиле его возлюбленная Катерина Михайловна Соковнина посадила два дерева. Она лишь немногим дольше своего возлюбленного задержалась в этой жизни.

Андрея Тургенева друзья его помнили всю жизнь, и всегда это было для них лучшим воспоминанием о днях молодости, о высоких мечтах и страстных порывах, которые он зажигал в их сердцах.

«Друзья мои!..» — слышали они последний привет Андрея Тургенева и откликались душой на этот зов.

Василий Жуковский в письме к своему единомышленнику, уже по обществу «Арзамас», Александру Тургеневу в сентябре 1805 года признавался: «Никого из вас, это разумеется, я не любил с такою *привязанностью*, как брата (имеется в виду Андрей Тургенев.— *Б. Р.*), то есть, не будучи с ним вместе, я его воображал с сладким чувством, был к нему ближе; ему подавал руку с особенным, приятным чувством, я не знаю, как-то отменно весело было чувствовать его руку в моей руке; между нами было более сродства, по крайней мере с моей стороны. Но что делать! Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; в то время, когда он был со мною, в нас было больше (то есть во мне) ребяческого энтузиазма; потом мы расстались, потом все кончилось; одним словом, моя с ним дружба была только зародыш, но я потерял в ней то, чего незамимо или чего не возвращу никогда...»

В стихах обращался Василий Жуковский к памяти Андрея Тургенева:

*Где время то, когда наш милый брат
Был с нами, был всех радостей душою?
Не он ли нас приятной остротою
И нежностью сердечной привлекал?
Не он ли нас тесней соединял?
Сколь был он прост, не скрытен в разговоре!
Как для друзей всю душу обнажал!
Как взор его во глубь сердец вникал!
Высокий дух пылал в сем быстром взоре.*

Друзья порывались издать оставшиеся бумаги Андрея Тургенева, по крайней мере, хоть избранные его произведения.

Готовясь редактировать «Вестник Европы», Жуковский просил Александра Тургенева посмотреть, нет ли чего для опубликования в бумагах Андрея для издания в журнале. Но издать так ничего и не удалось. В. А. Жуковскому, если можно так сказать, везло на такие обязанности — он

занимался и посмертными публикациями другого пламенного поэта — А. С. Пушкина.

Андрей Тургенев весь остался в своих дневниках и письмах к друзьям, напечатанных набросках стихотворений и переводов, хранящихся пока в запасниках отечественного храма культуры. Литературное его наследие, небольшое по объему, но значительное и важное по содержанию, к сожалению, не стало фактом литературной жизни России 1800-х годов. Как впоследствии сказал о нем Жуковский в элегическом послании «К Филалету»: «Душа, не воспылав, свой пламень угасила...» Однако, бесспорно, Андрей Тургенев сыграл далеко не последнюю роль в ряду других писателей на рубеже XVIII—XIX веков. Это время считалось переходным и подготовительным для золотой эпохи великих реформ русской литературы. А ведь именно тогда подготавливалась почва для появления таких гигантов художественной мысли, как Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Белинский.

В лице Андрея Ивановича Тургенева русская словесность имела яркого и одаренного литературного деятеля того периода, когда начали оформляться политические и литературные идеалы декабристов. Но и то, что сделал он для русской литературы, уже значительно и не должно быть забыто.

1987 год

ОДНО ЛИШЬ УТРО

Она жила в Петербурге на Васильевском острове. Ее семья давно обрусела. Пращуры выехали из Эльзаса в Московию еще в царствование Михаила Федоровича и вступили в военную службу. Отец служил корнетом у Суворова и погиб в бою. Мать была поденщицей. Стирала, гладила, шила на богатых. Семья большая. Дети самые обыкновенные. А она — необычная.

Она говорила, пела и смеялась во сне. И боялась большой бараньей шапки. У нее был свой, сказочный мир. Снег ей представлялся просыпанными звездами. Лунный свет — серебряной пылью. Бабушек она считала волшебницами. А красивых девушек — феями.

Она не училась в школе — не было денег. Учителем ее был Гросс-Гейнрих, друг отца. Выручали усидчивость, память, наблюдательность. В десять лет она знала — помимо родного русского — немецкий и французский языки. В одиннадцать овладела в совершенстве итальянским. Читала наизусть Тассо. Писала поэтические произведения. Теперь она знала больше Гросс-Гейнриха. И он перестал быть ее учителем, но

оставался большим другом. Языки она запоминала, как музыку. Латинский, греческий, церковнославянский. Английский, новогреческий, испанский, португальский. Весь многоязыкий мир зазвучал в ее сердце. Песни Анакреона в ее переводе на пять языков стали ее дебютом в поэзии. Она хорошо рисовала и играла на фортепьяно. Эти уроки ей давали из милости в Горном Корпусе. В ее душу природа заронила горсть талантов. Но она скромно относилась к своим способностям:

*Один мне дар из многих
Природа уделила:
Высоким стихотворца
Напевом наслаждаться
И чувствовать глубоко
И радости, и скорби,
Им в песнях излиянны.*

Для всех время бежало, а для нее замедляло бег. Потому она так много успевала делать. Она и выросла быстрее сверстниц. Девочка в четырнадцать лет превратилась в стройную девушку. Красивое лицо обрамлялось волнами каштановых волос. Всегда лучились ее большие темно-голубые глаза. Чистое, доброе сердце еще более облагораживалось общением с миром прекрасного.

Но все это погибло бы от нужды и лишений. Ее преследовал постоянный голод. С квартиры прогнали – нечем было платить. Перо не слушалось окоченевших от холода рук. От слабости она засыпала, укутавшись в лохмотья.

Гросс-Гейнрих приходил в отчаяние, но не мог помочь. Сам был беднее церковной мыши. Все его богатство составляла переписка с великим Гете. Гросс-Гейнрих послал ему стихи своей бывшей ученицы. И вот что ответил поэт: «Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гете, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков ни вздумала писать». От этих слов юная поэтесса разрыдалась. Обидно, что нужда губит ее талант...

Но вот однажды в дверь громко постучали. На пороге появился царский курьер:

«Ее императорскому величеству государыне императрице благоугодно было обратить внимание на поэтическое дарование девицы Кульман, поднесшей ее величеству свой перевод стихотворений Анакреона, в доказательство чего императрица пожаловала ей подарок и назначила ежегодное пособие в 200 рублей из дворцовой конторы».

В черной бархатной коробке был бриллиантовый фермуар.

Нужда отступила в угол, но из дома не ушла.

Как-то Гросс-Гейнрих рассказал о Коринне. Она жила в Древней Греции одновременно с Пиндаром. Вместе с ним занималась у

учительницы Мирто. Одерживала над ним победы на Олимпийских играх. Но ее стихи пропали в глубине веков. И Елизавета Кульман заново написала песни Коринны. Стала достойной соперницей Пиндара. «... Постигла мир греческой красоты и наслаждалась его сокровищами в божественных звуках его собственного языка, - какое редкое, какое дивное явление нравственного мира!». Так писал о ней Белинский.

Таким образом, она второй раз победила время. Смогла вернуться в прошлое и жить той жизнью. Но давалось это нелегко. Была распределена каждая минута. Нужен регулярный отдых. Но вместо отдыха на нее обрушилось новое испытание.

7 ноября 1724 года ночью поднялся страшный ветер. Сорвало мосты. В воздухе кружились листы кровельного железа. Хлынул ливень. Нева закипела и пошла вспять. Началось наводнение. Люди лезли на окна, на фонари, на деревья. А у нее в это время жар от воспаления легких. Простыла, потому что не имела пальто. С узлами она побежала с матерью в Горный Корпус. Холод и ветер ударили в грудь.

Началась чахотка. Больная, она была прекрасней прежнего. Обострились черты светящегося лица. Казались огромными блестящие глаза. Но прозрачная рука выронила перо. Гросс-Гейнрих стал ее секретарем. Год, смертельно больная, она писала жизнерадостные стихи. Ведь истинная поэзия – это мечта. Однажды она попросила почитать ей любимого Тассо. И во время чтения ушла в прошлое. Ей исполнилось семнадцать лет.

Елизавету Кульман похоронили на Смоленском кладбище. По повелению императрицы поставили памятник из белого мрамора со спящей музой. «Роза, она прожила, сколько живут розы, - одно лишь утро». Эти слова написали на четырнадцати языках, которые она знала.

Академия наук выпустила академическое собрание ее сочинений – стихи, переводы, сказки. На всех языках. Прочитав их, Карамзин воскликнул: «Что за необыкновенное восхитительное существо! Стихи ее лучше всех дамских стихов, какие мне случалось читать на русском языке, но сама она еще не в пример лучше своих стихов... не оставляю и я без приношения священной, девственной тени Элизы! Как жаль что я ее не знал! Нет сомнения, что я в нее бы влюбился...» Автор «Бедной Лизы» и не подозревал о существовании оригинала своей героини. Декабрист Кюхельбекер в сибирской ссылке написал в ее честь оду. Он представил ее на Парнасе среди поэтов всех времен:

Бард Фелицы провещал:

«Сын, ты прав: земная риза

Облачила идеал –

И явилась Элиза;

Но прекрасной (я горжусь)

Не далекое светило

*Колыбелию служило.
Нет! Моя родная Русь!*

1981 год

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ИМПЕРАТОР ИВАН

*Историческая хроника в стихах.
В двух действиях, шести картинах.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван VI Антонович, *император*

Анна Леопольдовна, *мать Ивана VI, герцогиня Мекленбургская*

Антон Ульрих, *отец Ивана VI, герцог Брауншвейг-Люнебургский*

Екатерина II Алексеевна, *императрица*

Елизавета Петровна, *императрица*

Петр III Федорович, *император*

Бередников, *комендант Шлиссельбургской крепости*

Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, *граф, великий канцлер*
Бирон Эрнст Иоанн, *герцог курляндский*
Власьев Данила Петрович, *капитан, охранник Ивана VI*
Воронцов Михаил Илларионович, *граф, канцлер*
Дашкова Екатерина Романовна, *княгиня*
Корф Николай Фридрих, *барон, действительный камергер*
Лесток Иоганн Герман, *граф, лейб-медик Елизаветы*
Миних Бурхард Кристоф, *граф, генерал-фельдмаршал*
Мирович Василий Яковлевич, *подпоручик*
Орлов Григорий Григорьевич, *граф, фаворит Екатерины II*
Орлов Алексей Григорьевич, *граф*
Панин Никита Иванович, *граф, воспитатель Павла I Петровича*
Потемкин Григорий Александрович, *князь, помощник обер-прокурора*
Разумовский Алексей Григорьевич, *граф, фаворит Елизаветы*
Разумовский Кирилл Григорьевич, *граф, гетман Украины*
Теплов Григорий Николаевич, *адъютант академии*
Ушаков Аполлон Ильич, *поручик*
Чекин Лука Матвеевич, *поручик, охранник Ивана VI*
Шувалов Иван Иванович, *граф, фаворит Елизаветы*
Черный офицер
Маленький принц, *видение*
Аксинья, *блаженная*
Мужик
Баба
Великан, канонир, капрал, палач. Ангелы, бандуристы, барабанщики, гвардейцы, голштинцы, гренадеры, заговорщики, казаки, курляндские придворные и купцы, мальчишки, маски, «живая география», офицеры, охранники, придворные, ряженые, священники, скоморохи, слуги, солдаты, народ.

Действие происходит в 1741–1764 годах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

1741 – 1761 годы

Санкт-Петербург. Шлиссельбургская крепость. Мрачный каземат. В углу – икона Христа Спасителя. В центре - узкое с решеткой окно. Под окном – стол и табурет. На столе – миски с едой и бутылки, горящая коптилка и Библия. Сбоку - черная окованная дверь с «глазком» в сени. Рядом – кафельная печь, с топкой из сеней. В глубине – люк в полу, уборная. За тесовой ширмой – аккуратно застланная постель.

Иван сидит за столом перед раскрытой Библией.
И перед ним оживает картина из Откровения Иоанна Богослова.

Иван (читает)

**«Первый Ангел вострубил,
и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю;
и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела...»**

Свет гаснет.

В свете луны проступают очертания Зимнего дворца.
Вдали видна Светличная башня Шлиссельбургской крепости.
Над галереей башни чуть светится окно за решеткой.

Снег. Мороз. Солдаты стоят в карауле перед дворцом.

1-й солдат

Зачем нам странная война со шведом?
Мы при Дворе обязаны служить!..

2-й солдат (пьет из бутылки)

Нас неспроста французы напоили...
Приводит в азитацию вино!

3-й солдат (пьет из бутылки)

А немцев карауль – не карауль,
Не угостят!.. А взыщут!.. Вон, Бирон
Сенаторами выложить мосты
Грозил!.. Они и пикнуть не посмели!

Барабанищик

*А нам не все равно – в какой узде?
Немецкая истерлась – заменяй
Французской... В ней - свобода для народа.*

1-й солдат

*Не надо было в древности варягов
Нам приглашать. «Придите и владейте!..»
И до сих пор приходят и владеют!
Посыпались на нас, как крысы, немцы.
И запрудили Двор, престол обсели.*

2-й солдат

*Так много их, что стали жрать друг друга!
Надысь, когда свергал Бирона Миних,
Мы шли за ним помочь Елизавете,
А власть взяла правительница Анна –
Тьфу! – Леопольдовна. Немчинский корень!*

3-й солдат

*Потише! Рядом немцы-офицеры...
Мать императора не любит русских.
Зато слюбилась с фрейлиной Менгден.
И своего любовника Линара
Любовнице сосватала своей.*

Барабанищик (смеется)

*Во, страсти власти!... И за раз – два раз!..
А тот Линар – зверей Бирона будет!..*

3-й солдат (смеется)

*Елизавета - то ж любвеобильна!
Чтоб от престола удалить ее,
Каких только не сватали ей принцев –
Французский, Мейнингенский, Брауншвейгский...
Вон, перс привез четырнадцать слонов,
И яйцами слоновыми трясет!
Смех.*

*Барабанщик (смеется)
Умора!.. Расхватили - не берут!
Милей пастух ей – хахаль Разумовский!..*

Слышен скрип кареты, топот лошадей.

*Гренадеры
Подняли на руки!.. Не то увязнет
В снегу!.. Или сбежит – не хватит духу!..*

*Елизавета
Я – дочь Петра!.. И дух его – во мне!..*

Гренадеры вносят на руках Елизавету, в кирасе поверх теплого платья. С ними входят Разумовский, с розгой в руке, и Лесток.

Барабанщик намеревается бить тревогу, Разумовский вспарывает ножом барабан.

*Разумовский (барабанщику)
Вершатся тихо добрые дела.
Не бей тревогу!..*

*Елизавета (солдатам)
Знаете, кто я?*

1-й солдат

*Елизавета, матушка!.. Решилась?..
А мы уже не чаяли!.. Братайся!..*

Солдаты обнимаются с гренадерами.

Елизавета

*А знаете ль, в каком я утесненье
И страхе, как в тюрьме?*

Солдаты

Да, как не знать?..

Елизавета

Все время жду иль яда, иль насилья.

Разумовский

*Престол принадлежит Елизавете.
Но дальняя родня ее обходит.
А нынешний младенец-император
Иван – Петру Великому – и вовсе
Десятая вода на киселе.*

1-й гренадер

*Летал орел, да соблюдал все детям
Своим. А дочь оставлена была.*

2-й солдат

*Лежит младенец поперек престола!..
Немчины взяли над Россией власть.*

Елизавета

А я решила власть у них забрать.
И я, и вы от немцев натерпелись.
Так сбросим же мучителей своих!
Готовы ль послужить мне, как отцу
Служить умели?

Солдаты

Матушка, готовы!..
Лишь повели - всех немцев перебьем!..

Елизавета

Правительница Анна в день рожденья
Императрицею себя объявит!
Меня ж сошлет насильно в монастырь.

1-й солдат (возмущенно)

Не быть тому!.. Во, мать? Свергает сына!..

Лесток (показывает две картинки)

Я цесаревне показал две карты.
Что выбрать ей – монахиней стать,
Или монархиней?.. И выбор сделан!..

1-й солдат

Неужто русским доведется править?

Разумовский

Нам промедление подобно смерти!
Великое смятение начнется
В России, а потом и в мире всем.
Отечество мы можем потерять!

Елизавета

Готовы ль защитить меня?

Солдаты

Готовы!..

Все сделаем, что скажешь!.. Повели!..

Елизавета (падает на колени, подняв крест)

Взыграла кровь отцовская во мне!

Клянусь, что я умру за вас! Клянитесь,

Что за меня умрете! Крест целуйте!

Целует крест.

Солдаты (целуют крест)

Клянемся!.. Жизнь не пощадим!.. Клянемся!..

Елизавета (встает, опираясь на Разумовского)

Так, свергнем императора Ивана!

А с ним - всю Брауншвейгскую семью!

1-й гренадер

Вперед!.. За матушку Елизавету!..

Законную императрицу нашу!..

Елизавета

Поможет Бог, я вас озолочу!

Все устремляются за Елизаветой во дворец.

Выходят два офицера-немца и преграждают им дорогу.

1-й офицер

Стой!.. Не пущу!..

1-й гренадер (толкает его)

*Дорогу - гренадерам
Преображенского полка! Дорогу
Ее высочеству Елизавете
Петровне!*

1-й солдат (наводит на офицера ружье со штыком)
Заколю!

2-й офицер
*Кто командир?
Кто? Медик и артист, и адъютант?*

Елизавета (солдату)
*Без крови!.. Я пред Богом поклялась -
Не допущу в России смертной казни.*

2-й гренадер (недовольно)
Нас губят - нам же вражьей крови жалко!..

1-й офицер (идет на штык)
*Умрем за императора Ивана!
Обманом вас, за чарку, взбунтовали!
На трон Елизавету ставят шведы!..
А кто стоит за Швецией? Король
Французский! Он потребовал вернуть
Карелию, Кексгольм и Выборг шведам.*

Елизавета

Отдать завоевания Петра?

1-й гренадер

Устанут землю рыть и пыль глотать!..

1-й солдат

*Да наш фельдмаршал Ласси Выборг срыл.
С победою дошел до Гельсинфорса.*

2-й офицер

*Вы спьяну навредите государству -
И жить начнете на французский лад.*

Разумовский

Согласны. Нехай гирише, абы инше!

2-й офицер

*Вы ж императору все присягали!
Или присяга - хуже табаку?
Не пропуцу!.. (обнажает шпагу)*

Елизавета

Арестовать злодеев!

1-й офицер (кричит)

Охрана изменила государю!..

Гренадеры арестовывают и уводят офицеров.

Елизавета (поднимает крест)

*Пойдемте же за мною! С нами Бог!
«Да расточатся все врази* его!..»*

* *Врази – враги* (церк.-слав.)

Все устремляются за Елизаветой во дворец.

Перед дворцом собирается народ. Среди них – мужик, баба и блаженная Аксинья.

Аксинья (в рваном мужском мундире)

Начало Конца Света!.. По писанью

Святого Иоанна Богослова. (Крестится)

Баба (отдает ей кожух)

Блаженная Аксинья, помолись

За нас! Возьми кожух мой. Чай, мороз!

Что ж ты в мундире мужнином все ходишь?

Аксинья (прячет кожух в котомку)

Я – дух супруга моего, а плоть

Скончалась... Смерть мороза не боится...

Мужик

Младенца императора Ивана

Свергает дочь Петра – Елизавета...

Штурм Зимнего - из Смольного! Дела-а!..

Аксинья (крестится)

С Петра – у них нет ничего святого...

Гоморра и Содом – столицы наши...

Горе, земля, когда твой царь – дитя.

О том еще Екклесиаст пророчил.

Тому ж царю-дитю – и вовсе горе...

Мужик

*Дожили, швед освобождает русских
От ига иноземного! Дела-а!..*

Баба

*Верховные дерутся за богатство.
А смертным - только крошки со стола.*

Свет гаснет.

Со свечей в покои правительницы Анны входят гренадеры.

Анна (в испуге прикрывается одеялом)

Как вы посмели?!.. Караул!.. Спасите!..

1-й гренадер

Здесь караула – триста гренадеров!

2-й гренадер

*Ваше высочество принцесса Анна!
Свергает вас царевна, дочь Петра,
Елизавета... Собирайтесь!*

Анна

Мразь!..

Менгден!.. Одень меня!

2-й гренадер

Арестовали

*Вашу Менгден. Поправили – и будя!
Теперь, принцесса, сами одевайтесь.*

Анна

Так отвернись!..

2-й гренадер

Чай, вам не привыкать

Ходить нечесаной и неодетой.

Анна (начинает одеваться)

Вчера лишь на куртаге цесаревна

Клялась в слезах, что заговора нет.

И на арест Лестока согласилась...

Я как предчувствовала – быть беде.

Но чем судьбу мы можем отворотить?..

Увижу ль тетушку Елисавет?

Могу я с ней поговорить?..

(Пауза).

Молчите?..

Я не ее, а чертушку Петра

Голищинского соперником считала...

Где император?! Где мой сын Иван?..

2-й гренадер

Велели ждать, пока он не проснется.

Анна (продолжая одеваться)

Я за своих детей не отрекусь

От права на престол российский!..

1-й гренадер _

Живо!..

Анна

*Я не хотела зла Елисавет...
Прошу, не делайте нам зла! Младенцев
Ивана с Катериной не душите!..
Варфоломеевская ночь!.. Где капор?..
Не отнимайте у меня Менгден!..
Mein Gott*! Я это не перенесу!..*

Гренадеры выносят из соседней комнаты в одеяле Антона Ульриха, с мундиром в руках.

3-й гренадер

...Как регент пал – так пал и император.

4-й гренадер

Бирон хоть дрался – Ульрих сразу сдался.

Анна (глядя на Ульриха)

*Генералиссимус!.. Не мог меня
И сына-императора спасти!*

Ульрих

*Вы и Бирон меня чинов лишили...
А где мой паж Мюнхгаузен?*

3-й гренадер (вываливает его из одеяла)

*Наверно,
Врет где-нибудь, как он служил России!..*

Анна

*Уж лучше б я за Фридриха Второго.
Или бироновского сына вышла...*

Ульрих (встает и одевается)

Уж лучше бы - за фрейлину Менгден...

Гренадеры смеются.

Анна

Молчать!

** Mein Gott! - Мой Бог! (нем.)*

Ульрих (кричит)

Мол-чать!.. Я – герцог Брауншвейгский!

В родстве я с императорами – Римским,

Австрийским, также с королем Английским

И Прусским! А в России все – не в счет.

И зависть частных лиц, и дух народа

Здесь позволяют низкой солдатне

Вершить великие перевороты!

4-й гренадер

Хвост распушил! Исподнее прикрой!

Ульрих (Анне)

Я говорил, что у Елисавет

В полку Преображенском ассамблеи?

А с армией заигрывать - не шутка!..

Анна (находит и надевает капор)

Не говорить – а действовать умей!

Ульрих (надевает мундир)

*И действовать!.. В тюрьму – Елисавет!..
Арестовать – Лестока!.. Запретили?..
Ведь вас просил, молил весь двор, весь мир:
«Ваше высочество, вы - на краю
У бездны! Императора спасите!»
А вы свое: «Елисавет невинна!»*

Анна (надевает шубу)

*Зачем дала я Миниху отставку?!..
Боялась делателя королей...
Считала, ковы тайные кует –
Ивана свергнуть... Хотя можно было
Для пользы Миниха употребить,
Чтоб всех держать в покорности и страхе...
Я ж все меняла спальни каждой ночью!..*

Ульрих

*На черт нам сдался этот трон российский!
Не дали даже русским к нам привыкнуть.*

Анна

*В России ничего я не ждала,
Кроме несчастья!.. Мы бежать хотели.
И сам Бирон грозил домой отправить.
Зачем остались?..*

1-й гренадер

Следуйте за мной!

Анна (задержавшись в дверях)

*А ждали фейерверк в честь именин!..
Идет Минерва с царствующим сыном*

*В порфире к Храму Счастья и Славы...
Увы, Иван, тебе расчислил Эйлер
Ужасный гороскоп!.. А сам сбежал.*

Анну и Ульриха уводят гренадеры.

Из-за ширмы выходят Елизавета, Разумовский, Лесток и гренадеры.

Елизавета

*Гулит, гулит несчастное дитя!
Не знает, что его лишают трона.
Не виновен он, родители виновны!..*

5-й гренадер

Вот сердобольная!

6-й гренадер (в сторону)

Как кошка - с мышкой.

Елизавета (гренадерам)

*Кормилицу с Иваном посадите
В карету. Берегите, пуще глаза!*

Гренадеры уходят за ширму за Иваном.

Лесток (Разумовскому)

*Он все равно умрет. Родился хилым...
Сослать Ивана бы в такую глушь,
Где бы о нем и память умерла!*

Разумовский

«Природы царской ветвь прекрасна,

*Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней Аврора ясна.
Монарх-младенец, райский цвет!..»
Так Ломоносов в оде ликовал...*

Елизавета

*Иван стал царствовать чуть не в утробе
А кончил – не успев заговорить.*

Лесток (Елизавете)

*Ваше величество – он вам опасен!
Вам «недоразуменье» это надо
Изъять из дел, синодиков, указов,
Из од... Из памяти людей!.. Стереть!*

Слышен отдаленный шум приближающихся полков.

Разумовский (глядит в окно)

*Ваше величество. Уже светает.
Граф Воронцов, граф Панин, посмотрите,
Из первых - прибежали на поклон...
Все будут перед вами на коленях.
И те, кто видеть не хотел вчера.*

Елизавета

Мне тайно Миних предлагал корону.

Разумовский (целует ей руку)

*Ее и без него вы получили.
А дар изменника – не много чести.
Вчера сверг одного, а завтра может
Другого свергнуть этот честолубец.*

Елизавета

*Изменники пройдут все круги ада!
А после... я помилую их... ссылкой.*

Входит черный офицер.

Черный офицер

*Ваше величество, полки подходят,
Вам присягнуть на верность. А министры,
Пособники империи немецкой –
И Остерман, и Миних, и Менгден,
И Ливенвольд, с клевретами своими, –
Все взяты под арест.*

Елизавета

А что – посольства?

Лесток

*Посольства одобряют перемены!..
Со шведами договоренность в силе?*

Елизавета (удивленно)

О чем?.. Меня народ уже призвал.

Лесток (испуганно)

*Иначе - отдадут они престол
Петру Голицинскому!*

Елизавета

Пусть подрастет!..

А я его наследником назначу.

Лесток (в отчаянии)

Французскому посланнику что скажем?

Елизавета (берет розгу у Разумовского)

Маркизу Шетарди пошлите розгу -

За дерзости! (Отдает ему.)

Лесток (в сторону)

Переиграла, стерва!

Поклонившись, уходит.

Черный офицер

Ваше величество, Лесток приставлен

К вам - не лечить, а доносить.

Поклонившись, уходит.

Елизавета

Не предал!..

Хотя в посольствах взятки получает...

Разумовский

Крестьян бы привести к присяге надо.

Елизавета

Еще скажи, рабочий скот!.. Отныне

Крестьяне нам не будут присягать.

Перед дворцом строятся солдаты, собираются придворные (среди них – Воронцов, Панин, черный офицер), священники, народ.

Шум, ликование, факелы, костры.

Елизавета выходит к ликующему народу. Ей целуют руки, ноги, платье.

Воронцов

*Елизавете, дочери Петра,
Vivat!.. Императрице нашей, слава!..*

Елизавета (обращается к народу)

*Народ российский, Бог Россию спас!
И злополучный принц Иван низвергнут
Со всею брауншвейгскою семьей!..*

Шум одобрения, ликование, возгласы.

Все

Ура-а!.. Вон чужеземцев из России!..

Елизавета

*По завещанию Екатерины,
После Петра Второго я осталась
Законною наследницей престола.
Но, происками немца Остермана
Духовная Екатерины скрыта,
Ради курляндской Анны Иоанны,
Ради немецких принцев Брауншвейгских.
И вместо одного – уже толпа
У трона государей собралась!..
А в государственных делах - застой...*

1-й гренадер (выкрикивает)

*Давно приучен русский человек
К слепому послушанью и не видит,
Кто управляет, свой или чужой...*

Елизавета

Куда ни погляди – повсюду немцы.
Куда же русские девались? Где
Птенцы Петровы? Немцы их оттерли
И овладели судьбами страны...
Оракул Остерман аж при пяти
Российских самодержцах тайно правил,
Не почитая Бога и народ.
Смердящий филин в сокола рядился,
На службу брал за взятки чужестранцев,
А русских, как Вольнского, губил.
Как хром ногами, так душою хром.
А Миних под Очаковым солдат
Российских уйму погубил напрасно.
И рвался стать молдавским господарем
И украинским гетманом.

1-й солдат (выкрикивает)

Канальи!..
Срубить!.. Нам это – не Очаков брать!..

Елизавета

Те оборотни, Остерман и Миних,
Лишали нас Отечества и веры.
Служили не стране, а сатане.
Неправедно нажитые богатства
Они за море слали, клали в банки.
Лишь тень их здесь, душа их – вне России.

2-й солдат (выкрикивает)

Россию растащили – шиковать.

А подлый люд и голоден, и гол.

Все

*Всех нынче перебьем немчин!.. Собакам -
Собачья смерть!..*

Елизавета

*И Остерман, и Миних,
И Левенвольд, - все взяты под арест!..*

1-й священник

*Как Диш, Еремиш во языцех,
Кумиров златче сделали они.
Но вот, и жертвенники, и жрецы
Вааловы, как идолы скудельны,
Сокрушены самим Христом. Аминь!*

Выходит Бестужев, запыхавшись, подает Елизавете бумагу.

Бестужев (Елизавете)

Ваше величество, вот - манифест.

Елизавета (подглядывая в манифест)

*Все верноподданные государства,
Духовные, мирские все чины,
Особо лейб-гвардейские полки,
Для пресечения происходящих
И опасных впредь беспокойств,
Просили нас, яко по крови ближе,
Чтоб мы отеческий престол российский
Изволили немедля воспринять...*

Все

Vivat, Елизавете!.. Слава!.. Слава!..

Шум пред дворцом нарастает. Мародеры несут из дворца золотые часы и шандалы. Кто-то из гренадеров пьет вино. Кто-то из солдат спьяну заснул у костра.

Разумовский (кричит)

Куда шандалы и часы несете?

Под караул взять мародеров! Ти-ихо-о!

Гренадеры наводят порядок. Шум затихает.

Елизавета (поднимает крест)

...Всех верноподданных благодарю.

От Бога с Богом надо начинать.

Клянесь ли мне в верности?

Все

Клянемся!

Все подходят к Елизавете и целуют крест.

Елизавета (священникам)

А вас, отцы святыя, приглашаю

Стать членами Священного Синода...

1-й священник

Я с клятвой исповедую тебя,

Заступницу, императрицу нашу,

И крайнюю судью духовной сей

Коллегии.

2-й священник

Нет!.. Крайний судия

И глава церкви – Иисус Христос!

С песней появляются пьяные гренадеры.

Пьяные гренадеры (хором)

Любит нас Елизавета,

Любим мы ее за это.

Возведем ее на трон,

Чтоб трещал от страсти он!

А-ах! Елизавета,

Сладкая конфета!

Целой ротой гренадеры

Ей в бока вонзали шпоры.

Всех объездила сама

Наша сладкая кума.

А-ах! Елизавета,

Сладкая конфета!

Смех.

Елизавета (Разумовскому)

Ребята перегрелись – прогони!

Разумовский пытается прогнать пьяных гренадеров, они сопротивляются.

1-й пьяный гренадер

Венчался Петр с гулящею крестьянкой,

А дочь его – гуляет с пастухом.

Пьяных гренадеров прогоняют.

2-й священник (в сторону)

*Одна и та же вещь кому – во грех,
Кому в успех. Разврат низвергнул Анну,
А на престол вознес Елизавету!..*

Елизавета

*...И мы отечеству служить клянемся!
Вернем из ссылки всех, кто пострадал.
И первенство в правительстве займут
Те люди, кто, во имя оскорбленных
Национальных чувств, рискуя жизнью,
Режим немецкий свергнуть помогли.
Возобновим петровские законы
И наградим сподвижников.*

Все

*Vivat,
Елизавете!.. Слава!.. Слава!.. Слава!..*

Бестужев (Елизавете)

Поди, лет тридцать так не ликовали!..

Елизавета

*И Брауншвейгская семья сегодня
Нам присягнула в верности. За это
Мы, в силу их родства по матерям,
Простим, с монаршей милостью природной,
Предосудительные их поступки.*

*Не причиним не коих огорчений
И утеснений. С честью надлежащей,
Отправим всех в отечество свое,
В их Брауншвейг...*

Лесток (выкрикивает)

Вернутся – отомстят!..

Поднимается шум недовольства.

Вперед с поднятым крестом выходит 1-й священник.

1-й священник (громко)

Собрать шеренги. Грудью наступать

На неприятелей. С гнезда Петрова

Нетопырей и сов ночных спугнуть.

Коварных разорителей страны

Связать. Из рук чужих бесстрашно вырвать

Наследие Петра. Из-под неволи

Освободить сынов российских... Что

Есть удивительней еще на свете?!

Прииде, о, Россия, твоего

Благополучья твердая основа

И окончанье жутких перемен!

Прииде, тишина твоя, надежда

На благосостояние твое!

Осняет Екатерину крестом.

Елизавета целует крест, кланяется народу и уходит во дворец.

Воронцов

Да здоровствует императрица наша

Елизавета!..

Все

Слава!.. Слава!.. Слава!..

Солдаты уходят строем. Придворные расходятся, продолжая спорить.

1-й священник

...Беда, что все немчины - римской веры!

И стало в православном государстве

О вере отворять уста опасно.

И вот, на радость Православной Церкви,

Пришла заступница - Елизавета!

2-й священник

Молчит, что раньше брака рождена?

Что в православии еще презренней!

Как станет грех – помазанником божьим?!..

Нет! Незаконная императрица!

Черный офицер

А кто тогда законный? Тот мальчишка

Иван... от немца немкою рожденный?

Панин

Ивана Пятого – законный внук!

Или теперь родиться в браке – ниже,

Раз первенство - внебрачному рождению?

Ублюдки – у престола! На престоле!..

Черный офицер

Такую правду можно и забыть.

Когда она не лечит, а калечит.

2-й священник

Не затихает спор Петра с Иваном.
Петр у Ивана русский трон отнял.
И, правдами-неправдами, а глушат
Нас сорняки от семени Петра.
Никак Иванам править не дают.

Бестужев

...Предшественники все перемутили.
В чем долг, чему служить и с чем бороться?
Пора вернуться на стезю Петра
Великого. Он строг, но знал порядок.
Ждем от прекрасной отрасли его
И мудрого, и твердого правленья.
Грядет Петра пришествие второе!..

Панин

Хлеб не родится, когда баба правит.
Хорошего не жди. Один разврат.
И править нами будут фавориты -
Под юбкой государыни, как раньше.
Как Меншиков был при Екатерине,
При Анне Иоанновне – Бирон,
При Анне Леопольдовне – Линар.
А при Елизавете – Разумовский?..

Воронцов

Ему пасти стада, а не людей...

Народ перед дворцом расходится.

В покои дворца выходят Елизавета с черным офицером.

Черный офицер

Вся Брауншвейгская семья готова
К отправке под охраной за границу.

Елизавета

Не надо понимать все так буквально!..
Не подписала Анна отречение?

Черный офицер

И не подпишет.

Елизавета

В Соловках сгниют!
Нельзя их за границу отпускать.
Австрийский двор, и спит и видит, трон
Вернуть Ивану, чтоб Россией править.
Пусть генерал граф Салтыков везет их
До Риги, не спеша, и ждет указу...
Ивана, лично, ты вези отдельно.
Сначала в Ригу, после - в Соловки...
Иван не должен знать, кто он, откуда,
Куда приехал, сколько ему лет,
Какого роду, имени и веры.

Черный офицер (в сторону)

Иван, не помнящий родства?

Елизавета

Он будет
Один в тюрьме. Под именем... Григорий.
Под наблюдением пристава, с охраной.

Кормить без прихотей – лишь сыту быть.

И не учить, и не лечить. Стеречь,

Под смертной казнью! Понял все?

Черный офицер

Так точно!

Свет гаснет.

Слышны мерный скрип кареты, топот лошадей.

Высвечивается маленький принц, с деревянной саблей, и баба.

Баба

Как вырастишь, кому башку отрубишь?

Маленький принц (рубит саблей)

Василью Федорычу Салтыкову!

Баба

А-а, батюшки!.. Чай, он тебе – родня!..

Видение пропадает.

В темноте слышны дальние голоса охранников.

Под мерный скрип колес и топот лошадей приближаются и исчезают во тьме, как верстовые столбы, дыбы с заговорщиками.

Черный офицер и палач ведут дознание. Заговорщики кричат и стонут от пыток.

Голос охранника

Тпру-у!.. Рига!.. Вот указ императрицы!..

Первая дыба.

Черный офицер

*...Ты беглецам крестьянское дал платье?..
Ты на корабль повел их?.. Отвечай!*

1-й заговорщик (на дыбе)

*Не я один... И граф Бестужев... Весь
Народ спасти Иванушку хотел!..*

Черный офицер

*Какой народ? ... Ты, что ль, - народ, раскольник?
А граф Бестужев сам дождется дыбы!...*

Голос охранника

Сто-ой!.. Крепость Дюнамюнде, генерал!..

Вторая дыба

2-й заговорщик

*...Россию обманула Лизавета!..
Ивана отправляла в Брауншвейг,
А держит в Риге всю семью, в тюрьме!..*

Черный офицер

*Ты, Турчанинов, кто? Камер-лакей!..
Знал, что хотят убить императрицу
С ее наследником Петром?.. Смолчал!?..*

2-й заговорщик

Она, прижитая, – прав не имеет!..

За чарку винную престол купила!..

Черный офицер (бьет его в лицо)

Не суй свой нос!.. Палач! Рви ноздри гаду!..

Палач рвет заговорщику ноздри, он кричит.

Голос охранника

Ораненбург!.. Чуть в Оренбург не двинул!.. (Смех.)

Третья дыба.

Палач бьет женщину плетью.

Черный офицер (пишет)

«...Лопухина в расспросе показала.

Она, и муж ее, и иже с ними,

Страх Божий позабыв, императрицу

Лишить престола замыслили, в пользу

Младенца Брауншвейгского – Ивана...

По злобе, из-за сосланного брата...

1-я заговорщица (кричит)

...И, незаконная, - императрица!..

И напивается английским пивом,

И с непотребными людьми гуляет!..

Черный офицер

Клятвопреступница!.. Чью помощь ждали?..

1-я заговорщица

Прусский король с австрийской королевой

Маркизу Ботте обещали помощь...

Великий инквизитор - ты!..

Черный офицер

Палач!..

Язык отрежь ей, чтобы не брехала!..

Россия смаялась от революций!..

Палач отрезает заговорщице язык, она кричит.

Голос охранника

Тпру-у!.. Холмогоры!.. В Соловки нет ходу!..

Четвертая дыба.

2-я заговорщица (стонет)

...Авдотья Кирова не будет врать!..

Чай для царей продукты закупаю!..

Безвестные страдают арестанты...

Наги, босы, голодны... Потолки

В темнице ветхи – рухнут и задавят.

Как в доме Разумовского, чуть крыша

Не хлопнула наследника Петра

С супругою Екатериной...

Черный офицер

Цыц!..

Пятая дыба.

Черный офицер

...Ты не крути, прусский шпион!.. Фальшивой

Рудой императрицу обманул?..

3-й заговорщик

*А образцы мои сибирских руд
На серебро проверил Ломоносов!*

Черный офицер

*Поди, поил, поэта, до усеру?..
Я Ломоносова бы распросил,
Да у него заступник – граф Шувалов...
Зачем ты, Зубарев, к нему пристал?..
Молчишь?.. Палач! Поджарь, для разговору!..*

Палач прижигает пятки заговорщику, он кричит.

3-й заговорщик

*А-а!.. Чтoб я сдох! Проклятьe!.. Слово - дело!..
Жолнерами на службу завербован
В Германию. Меня Фридрих Второй
Брату Антона Ульриха представил.
Полковника пожаловал. Дал денег.
Послал на Вятку, здешних староверов
Забунтовать, чтоб воцарить Ивана.
Мол, он к старообрядцам очень склонен.
Тогда епископа им Фридрих даст...
А к Ломоносову, как холмогорцу,
Пришел, чтоб он назвал людей надежных.
Хотел в Архангельске я торговать
И ждать корабль от Фридриха весной.
И подкупить солдат иль портомойку,
Чтоб выкрасть императора Ивана
И принца Ульриха из Холмогор
И увезти на корабле в Берлин.
А как взбунтуют староверы, Фридрих*

*Войну начнет с Россией. И посадит
На троне императора Ивана...*

Черный офицер

*Все, неспроста, в одну дуду дудят!..
Как из Сыскного ты сбежал приказа?..
Не подослал тебя Бестужев, чтобы
Втянуть Россию с Пруссией в войну?..*

Слышен плеск волн и скрип уключин.

Близкий голос

Сержант!.. По курсу – крепость Шлиссельбург.

Дальний голос

Сто-ой!.. Кто на шлюпке-е?..

Близкий голос

*По указу
Ее величества императрицы!..*

Дальний голос

Открыть ворота-а!.. Пропустить гребцо-ов!..

Близкий голос

Вот склеп - для царских свергнутых венцов.

Занавес.

Картина вторая

1761 год

*Шлиссельбургская крепость. Каземат.
При свете коптилки Иван сидит за столом перед раскрытой Библией.
И перед ним оживает картина из Откровения Иоанна Богослова.*

Иван (читает)

*«Второй Ангел вострубил,
и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море;
и третья часть моря сделалась кровью...»*

Видение пропадает.

Каземат. За тесовой ширмой на постели спит Иван. На ширме повешена крыса.

Иван (кричит во сне)

За что-о?

Слышны глухие голоса за дверью.

1-й голос

... Императрица – на траве...

Кровь - изо рта!.. У храма – все в испуге!..

Иван (за ширмой)

Бухтят, бухтят!.. Меня шептаньем портят...

2-й голос (громче)

... Умрет – опять престол захватят немцы!..

1-й голос

Вы, подпоручик, вновь с утра пьяны!

Кричите так, что арестант услышит.

Иван, с длинными светлыми волосами, в матросской долгополой рубашке и стоптанных башмаках, выходит из-за ширмы.

Голоса стихают.

Иван

Все тот же сон преследует меня!..

Уж двадцать лет один я, в сучьей будке*.

Без воздуха, без жизни и без воли.
Один!.. И не с кем даже помолчать...
С рожденья света белого не видел.
Мой мир – вот этот мрачный каземат,
Где смрад и каменная тишина,
На моровой земле под мертвым небом.
Меня с престола свергли, и забыли!
Хотели, чтоб и я себя забыл,
И отучился говорить и мыслить...
Пустынник в одиночестве – блажен,
А узник в одиночке – как на пытке.

Иван садится за стол, жадно торопливо ест и пьет пиво.

Слышен перезвон на колокольне.

Двенадцать! Вот и новый день настал...
Пять блюд положено, а дали – три...
И шесть полпива – дали три... Воруяют!..
Как псу, еду швыряют, чтоб не сдох.
Да без конца коптилку жгут – следить,
Как я дичаю и схожу с ума.

Поворачивается к двери, корчит рожи и показывает язык.

Юродствовать – меня подвигнул Бог.
И, может быть, поэтому я жив? (*Хохочет*).

Открывает Библию.

Благо, тайком читать я научился.
Меня спасло Священное писанье.
Оно мне – и учение, и свет...
Все было раньше – прошлое с грядущим.
Не обо мне ль стенания Иова? (*Читает.*)
«Зачем не умер я и не скончался,
Когда из чрева выходил на свет?
Покоем наслаждался б среди мертвых,
Не слыша грубых криков приставов...
От господина там свободен раб...»
В тюрьме ж – и от раба царь не свободен!

Крестится перед иконой.

* Сучья будка – камера-одиночка (*тюремн. жарг.*)

Ты видишь мое сердце, Боже! Что же
Я сделал? В чем младенец согрешил?
Неисцелима рана без вины!
Услыше меня, Боже правый! Ты
Давал простор мне в темноте моей.
О, Боже, заступись! И поручись
Сам за меня перед собой. Иначе
Кто за меня поручится?.. Никто!

Греется около печки, расчесывая волосы длинными ногтями.

Правленья срок стал сроком заключенья.

Мне приговор давно произнесен,
Лишь медлят с казнью, чтоб подольше мучить...
Вот так возвышенный опущен будет...
Как проклятый! И прошлое погибло,
И будущее в мрак заключено.
Но царский сан велит – не пригибайся!..

Раздается лязг запоров, резкий скрип двери. Входит поручик Чекин с кувшином воды и чистой матросской рубашкой. Иван направляется за ширму.

Чекин

За ширму, арестант!.. Кошмары снились?

Иван (*за ширмой*)

А смеешь ты со мною говорить?..
Во сне шел по прекрасному лучу
В хрустальный замок. Там - какой-то пир.
Хотел туда войти – да не пустили.
«Через три года, - говорят, - придешь».

Чекин (*закуривает трубку*)

Опять повесил крысу?

Иван (смеется)

Лезет в миску!..

Чекин

Блажишь?.. Пойди, спусти ее в «очко».

*Иван выходит из-за ширмы, быстро снимает крысу и выбрасывает в люк.
Чекин нарочно дует ему в лицо табачным дымом.*

Иван (закашлялся)

Опять наводишь порчу воскуреньем
Бесовским? Не уймешься – буду бить!

Чекин

Попробуй!.. Стой!.. Что прячешь под рубашкой?

Хватает его между ног. Иван с визгом прячется за ширму.

Иван

Прелюбодей!..

Чекин (смеясь, заходит за ширму с кувшином)

Григорий, бабу хочешь?..

Снимай рубаху, будем... мыться.

Иван (отбивается)

Не-ет!..

Не дамся!.. Я умру!.. Изыди, бес!..

Чекин вытягивает его из-за ширмы, снимает с него рубаху и дает чистую.

Чекин

И черт с тобой! Ходи немый, чуня!

Иван (надевает рубаху)

Прости мне, Господи, нет сил терпеть!

Чекин (*собирает посуду*)

Смешал все, кисло с пресным, насвинячил.

Жри, Гришка-поросенок!.. Хрю-хрю!..

Протягивает миску.

Иван (*выбивает миску ему в лицо*)

Тварь!

Чекин (*вытираясь, наступает на него*)

Ну, сучий потрох! Пришибу на месте!..

Дверь распахивается, входит черный офицер, в овчинном тулупе, и капитан Власьев.

Власьев

Отставить!.. Арестант, за ширму! Живо!..

Чекин выбегает, захлопнув дверь. Иван прячется за ширму.

Иван (*за ширмой*)

Бог предал беззаконникам меня

И бросил в руки тварей нечестивых...

Черный офицер (*садится на табурет*)

Ты что, молчал-молчал – и стал буянить?

Иван

А смеешь ты со мною говорить?

Черный офицер

Кто ж ты такой?

Иван

Великий человек!..
Хотя все отнял подлый офицер...
И даже имя мне переменил...

Черный офицер

Вновь заговариваться стал, Григорий?
Той пустоты и слушать не хочу.
И впредь того не ври. За то – сидишь!..

Иван (*выходит из-за ширмы*)

Что устремляешь дух твой против Бога?
Такую ложь дерзишь произносить!..
Уйми, вон, лучше тварей-приставов!
Шептанием колдуют... Изо рта
Огонь и дым в лицо пускают... Портят!..
Хватают, дразнят!.. Если не уймешь –
Я буду бить!

Власьев

Не смей!.. За ширму, живо!..

Черный офицер

Отставить!.. Это - правда, капитан?..

Власьев (*не успокоившись*)

Нам не положено с ним говорить...
Лишили чая и чулок?.. Я быстро
Уйму?

Иван

А смеешь ли ты унимать?..
Я сам тебя уйму!.. Я – принц по крови!..

Черный офицер (*достает черную повязку*)

Ты прекрати врать пустоту свою!
И драться с офицерами... Иначе
Все платье отберут твое... И пища
Другая будет... И на цепь посадят!

Иван

Кто так сказал?

Черный офицер (отдает повязку Власьеву)

Кто... командир над всеми.

Иван (подходит к нему)

И слушаться не буду! Разве скажет

Императрица... Посмотри в лицо

Примерно!..

Черный офицер (встает)

Ну, пойдём со мной - узнаешь!..

Иван (дергает его за рукав)

Куда?.. Сто лет не звали!.. Не пойду!..

Черный офицер (ощупывает рукав)

Порвал овчину!?!.. Сила так и прет!..

Разъелся на харчах!.. Надеть повязку!..

Власьев силой надевает на глаза Ивана черную повязку.

Свет гаснет.

Высвечиваются Елизавета и маленький принц в ошейнике на цепи.

Маленький принц (из-за ширмы)

Что посадили вы меня на цепь?

Что, я – собака, что ль?.. Я – человек!

Готовы на куски меня порвать!..

Плачет.

Елизавета (крестится)

Чур!.. Чур, меня!.. Преследует виденье.

Не сплю, меняю спальни каждой ночью,

Как Анна Леопольдовна меняла.

Боюсь, с престола сбросят, как его...

Маленький принц

Лишили трона, имени и воли.

Но все равно я принцем остаюсь...

А вы чулок бумажных не даете.

Мне, как собаке, босиком ходить?

Приподнимает по-собачьи босую ногу.

Елизавета (*крестится*)

Изыди, наважденье!.. Чур, меня!..

Видение исчезает.

Зажигается свет.

Императорский дворец.

За ним видна Светличная башня Шлиссельбургской крепости, над ее галереей чуть светится окно за решеткой.

Из-за ширмы Елизавета выводит Разумовского.

Елизавета (*машет веером перед его лицом*)

Опять чуть в обморок ты не упал!

Пропала с голосом мужская сила.

Лишь раздражил!.. Лечила зря тебя!

Пить надо меньше! Отдохни, расслабься!..

Вновь Панина бил на охоте спьяну?

Садится с ним в кресла.

Разумовский

Пусть не ведет себя, как самодержец.

Уж все бразды правленья захватил.

Елизавета (*целует его*)

Ты мог бы заменить его – не хочешь,

Мой генерал-фельдмаршал, мой сенатор,

Мой граф, весь в орденах и бриллиантах...

Разумовский (*целует ее*)
Как хочешь, называйте – я останусь
Не выше малоросса-пастуха.

Елизавета (*смеется*)
А помнишь, на коленях, мать твоя
Упала перед зеркалом, приняв
Себя, в нарядах, за императрицу?

Разумовский
Вы подняли ее, поцеловали,
Сказав: «Блажен плод чрева твоего!»

Елизавета
Не только ты - в блаженстве, и твой брат,
И вся родня...

Разумовский (*целует ее*)
По милости монаршей!

Елизавета
Возьму и объявлю всему народу,
Что мы давно повенчаны с тобой, -
И разделю престол с супругом....

Разумовский
Нет!..
И так был заговор – чуть жив остался...
Кто подтвердить осмелится наш брак?
Шувалова – скорей язык проглотит,
Продажного Лестока вы сослали...
И что нам брак, когда в любви не пылки?!

Елизавета (*прохладно*)
Подите, граф! Я важной встречи жду.
Уходят в разные стороны.

*Перед дворцом собираются люди, среди них - мужик, баба, блаженная
Аксинья, в ветхом мужском мундире.*

Аксинья

*Возвысятся ничтожные – и сразу
Из них самих восстанут люди мрака,
Превратными словами увлечь...*

Мужик

*Избалован богатством Разумовский.
С командою своих черкас в столице
Устраивает пьяные дебоши.
И много русского народа губит
До смерти... Все им сходит с рук!.. Дела-а!..*

Баба

*А нашего наследника престола
Петра шесть раз он к смерти приводил...
И волшебством прельстил императрицу!
У малороссов - много колдунов!..*

Выбегают мальчишки, смеются над Аксиной.

Мальчишки

*Аксинька – синька!.. Сто-ой!.. Продай мундир!..
Эй, Александра Федорыч!.. Лови!..
Бросают в нее комья грязи.*

Баба (прогоняет их)

Ух! Расстрели горой!.. Вот сорванцы!..

*Смеяться над юродивою – грех!
Ступай, Аксиная!.. На, тебе на чай!*

Подает Аксиной монеты. Она оставляет одну монету, остальные - бросает мальчишкам, те хватают монеты и убегают.

Аксинья (крестится)

*Спаси, Бог!.. На блины... Блины пеките!..
Все завтра будут печь блины!.. Помин
Новопреставленной Елизаветы...
Уходит.*

*Баба (крестится от испуга)
Чай, не представилась – уже поминки!..
А все - от запоздалых удовольствий...
Балы закатывают каждый день.
Все только расшумаркивать привыкли!..*

*Мужик (кивает в сторону башни)
Чай, смертник – палача переживет!..
А что жалеть? При нем – Бирон зверел!
Стук палок, звон цепей, стон бедняков.
По голову живыми зарывали...
Бирон три раза обошел закон:
Казнить, сослать, помиловать! Дела-а!..*

*Баба
Дите безвинно. Даже Бог прощает.
Мужик и баба уходят.*

Выходит подпоручик Василий Минович, хочет пройти во дворец.
Караульные офицеры не пускают его.

*Мирович
Как смеете!? Я – дворянин!..*

*Офицер (смеется)
Бездворый!..*

Из дворца выходит Разумовский.

*Разумовский
Уважьте, он – ко мне... Здоров, друзяк!*

Обнимает Мировича. Офицеры недовольно отходят.

Мирович (*торопливо*)

Граф Алексей Григорьич! Как здоров?..

Я с Паниным с войны вернулся нынче.

И сразу – к благодетелю, тебе.

Ты ж спас меня, отдав в кадетский корпус...

Уж сколько лет мое в Сенате дело

О возвращенье отнятых имений?

Привез прошение императрице.

Речь не о деньгах, а сословной чести.

Я – дворянин потомственный? Теперь же,

Указом о недвижимых имениях,

Поступки шляхетные все теряю.

Права дают - земля и крепостные.

Мне ж не вернуть и не купить имений,

Чтоб в новой родословной книге быть.

И я, и брат, и две сестры – без прав,

Без средств... К тебе, вон, не пускают...

Я этим униженьем возмущен!..

Ну, разве внук за деда отвечает?

Неволей он с Мазепой изменил.

А я же с честью с пруссаками бьюсь.

И в битве под Цорндорфом отличился!..

Шепни Елизавете, благодетель,

Пожаловать... (*смеется*) Неужто, при фаворе,

Императрицу не уговоришь?

Подает ему прошение.

Разумовский (*просматривает прошение*)

Найгоршой смертью лучше мне умерти,

Як дивиться на беды земляков...

Был фаворит, да кончился кредит.

Мой брат Кирилл тебе, верней, поможет.

С ним можно среди равных власти стать,

Вельможных покровителей найти.

Прячет прошение Мировича за пазуху.

Мирович (*удивленно*)

Он за отцовскими ходил волами?

Разумовский

Я за границу посылал учиться!..
А нынче – Академии наук
Он президент и гетман Украины!..
Императрица гетманство вернула
И вольности казацкие, и земли.
И наши казаки вошли в Берлин...
Да времена для гетманства прошли.
Но все равно в фаворе он... Прощай!
Уходит во дворец.

Мирович (*вслед ему*)

Ты – наш патрон усердный и заступа!..
Невесело уходит от дворца.

В императорские покои входит Елизавета, в простом платье (инкогнито).

Елизавета

Уж двадцать лет я правлю. Силы тают.
Кому же передать престол? Петру-
Наследнику?.. Екатерине?.. Павлу?..
А, может быть, Ивану – сбросить грех?..
Хотят его!.. И Запад, и Россия...
Уж сколько заговоров было – сорок?..
Он стал орудием страстей опасных
Своих и зарубежных честолюбцев.
Прости им, Господи, корысть страданий!..
Крестится.

*Шувалов и черный офицер вводят Ивана, сажают на стул, снимают с
глаз повязку.*

Шувалов (*Ивану*)

Скажи-ка нам, что о себе ты знаешь?

Иван

Пророк Иов в Писании Священном

Сказал: совлек с меня славу мою,
И снял венец он с головы моей,
И близких от меня он удалил,
И пришлые в дому моем...

Черный офицер (*прерывает его*)
Григорий,
Почто себя Иваном называешь?

Елизавета рассматривает Ивана.

Иван
Ивана нет давно. Лишь дух святого
Григория - во мне... Открыл путь к свету...
Премудрости начало – Божий страх!..

Шувалов (*перебивает его*)
Чем ты живешь?

Иван
Я – в пустыне отшельник.
Там ангелы трубят!.. Хожу по небу...
Вы – ангелы?..

Елизавета отходит от Ивана.

Черный офицер
Ты не юродствуй здесь!..
А будешь императором Иваном
Ты звать себя - казним, как самозванца!

Иван (*вскакивает со стула*)
Зачем меня вы привели?.. Кривляки!..

Елизавета подает знак – и черный офицер надевает на глаза Ивана повязку
и уводит его.

Елизавета

Куда ему престол?.. Он – как христосик!..
Не управляемый – не может править.
Дерзнут отнять – живым не отдавать!
Зря Ломоносов в оде воспевал,
На день восшествия на трон, Ивана!..

Шувалов

Херасков мне признался: автор оды –

Тредиаковский. Приписал ее
Студенту Ломоносову – для славы...

Елизавета (*не слушая его*)

Уже – не человек, но и не стерт.
Напрасно за него хлопочет Запад.

Шувалов

И в русской партии – лишь иноземцы.
Фридрих Второй так щедро платит им!..

Елизавета

Кому ж наследовать престол российский?

Шувалов

Наставник Панин заговор плетет,
Чтобы наследником стал вашим – Павел.

Елизавета

Но всех достойнее – Екатерина!..

Шувалов

Вдруг эта Фигхен, в самом деле, дочь
Внебрачная от Фридриха Второго?..

Елизавета

Она, и спит и видит, воцариться!
Петруша – дурачок. Она убьет
Его или отправит в Шлиссельбург...
Две карты ей: тюрьма иль монастырь!..
Мне плохо! (*Хватается за грудь*).

Шувалов (*подносит ей понюхать флакон*)

Лизонька, вам лучше?.. Лучше...

Вытирает платком кровь с уголка ее рта и прячет платок.

Елизавета (*ласково*)

Проходит... Все прошло, мой граф Шувалов.

А ты имений и чинов не хочешь.

Шувалов (*обнимает ее*)

Мне хватит и того, что я в России

Создал Московский университет...

Ваша любовь – вся слава, все богатство!

Елизавета (*дает ему ключ*)

За ширмой подготовила сундук

С подарками тебе на день прощанья.

Шувалов (*прячет ключ*)

Ну, что вы, о прощанье – в час свиданья!?

Они обнимаются и целуются.

Елизавета

Еще миг счастья – с силой молодой!..

Расстегивает ему камзол и увлекает его за ширму.

Стук в дверь.

Елизавета быстро выходит из-за ширмы.

Входит Петр Федорович. Целует руку Елизавете, протягивает свою – для целования, но императрица демонстративно отворачивается.

Петр (*бегает по комнате*)

Ваше величество, а Катька, вправду,

Решила помирать. Сейчас духовник

Дубянский исповедует ее...

Позвольте мне венчаться с Воронцовой!..

Елизавета

Ах, Питер, как ты мог повесить крысу?

Петр

Она солдатика из хлеба съела!..

Елизавета

Солдатики, собаки, куклы... Стыд!

От инфантильности лечиться надо!

И псиной пахнешь... В баню – не затянешь!..

Петр (*упрямо*)

Я там умру – от копоти и пара!..

Елизавета

Любовниц – тьма: Теплова, Воронцова...

Одна другой страшнее...

Петр

Лучше Катьки!..

Елизавета

Ей в Шлиссельбурге строишь каземат?

Петр

И Петр Великий в Шлиссельбург упек

Свою жену - царицу Евдокию...

И вы Ивана упекли...

Елизавета (*раздраженно*)

Молчать!..

Петр (*упрямо*)

Ему бы службу при дворе найти...

Елизавета

А может, ты престол ему уступишь?..

Давно хотят и немцы, и австрийцы

Вернуть на трон Ивана-дурака!..

Но пострашней - другое!.. От тебя

О наших планах Фридрих узнает?

Петр (*в замешательстве*)

Ка-ак, от меня?.. Уже по горло сыты

Войною за австрийское наследство?

Мириться надо с Фридрихом!..

Елизавета (*перебивает его*)

Каков

Кумир!.. Он за обедом взмахом
Платка очередного адъютанта
Зовет к себе в постель.

Петр (*в сторону*)

А вы – иначе?

Елизавета

Стишки кропает, а Вольтер их правит...
А как сраженье проиграл – с собой
Чуть не покончил... Взяли мы Берлин!
И Пруссию губернией российской
Готовы сделать. Он и сеет смуту.
Торопится сменить меня на троне
Тобой, Екатериной, Павлом... даже
Иваном. Чтоб вернуть войска в Россию.
И полководцы наши побросали
Свои победы. Заговор плетут!..

Петр

Кто ж заговорщик?

Елизавета

Ты!.. Наследник мой!..
Все Тайной канцелярии известно!
Помощник твой, Батурин - в Шлиссельбурге.
К нему камердинера посылал?

Петр

Не знаю никакого я...

Елизавета

Не лги!..
Иль Тайной канцелярии отдать?

Петр (*опустив голову*)
Я отказался от его соблазна.

Елизавета
Торопитесь все захватить престол.
Не можете дождаться моей смерти!..
Вытирает глаза платком.

Петр (*бегает по комнате*)
Зачем не принял я короны шведской?
В России мне несдобровать!.. Запреты,
Запоры, надзиратели - тюрьма!..
Зачем мне трон российский? Отпустите!..
Хочу домой – в Голштинию мою!..

Стук в дверь.

*Петр ныряет за ширму и, с испугом, выскакивает, но Шувалов
затаскивает его обратно.*

Входит Екатерина и падает к ногам Елизаветы.

Екатерина (*целует руку Елизавете*)

Ваше величество, прошу, отправьте
Меня домой. Жизнь для меня здесь – пытка!

Елизавета (*поднимает ее*)
Занемогла, великая княжна?

Екатерина
Как исповедалась – мне стало легче...
Но легче жизнь здесь никогда не будет.
Я - в утеснении и под надзором,
И подозрением... Я - как в тюрьме!
И своему супругу не нужна.
И ваше недовольство вызываю...
Только не знаю, в чем я виновата.
Я выполнила свой священный долг –
Наследника престола родила.
И больше не нужна!.. Я здесь - чужая!..
Плачет.

Елизавета

А кто отец у Павла? Салтыков?..
Курносый – на красавца не похож,
Но сходства нету и с Петром... Чухонец?..

Екатерина

Отец у Павла – мой супруг... А вам
Порядочность мою угодно ранить...
По вашей воле Салтыков любезен?..

Елизавета

Ко всем, опричь Петра пылали страстью –
Чернов и Салтыков, и Понятовский,
Теперь Орлов...
(*Слышится возня за ширмой.*)

Екатерина (*смеется*)

Я нравлюсь – но и только!..
Но что же делать женщине в расцвете,
Когда супруг не исполняет долг?..
Передо мной – пример для подражания –
Бекетов, Разумовский и Шувалов,
И кто еще пылает от любви?..

Елизавета (*перебивает*)

Сопернице я пенсий не плачу,
Как ты - Елизавете Воронцовой!

Екатерина (*перетерпев обиду*)

Власть женщин над мужчинами огромна,
А власть монархинь вовсе безгранична...

Елизавета

Что-о?..

Екатерина

Умоляю вас, простить за дерзость!..
Отправьте в Цербст, в Германию, домой!

Елизавета

Я в этом не вольна...

Екатерина

Но приказали
Отправить брауншвейгскую семью
На родину... И это было б лучше
Для самого несчастного из всех
Монархов...

Елизавета

Сердобольная моя!
Тебя послушать – сердце разорвется!..
А план, как действовать Петру, на случай
Захвата власти, составляла ты?

Екатерина (*растерянно*)

Он сам просил... Да недосуг читать.

Елизавета (*наступая*)

А план твой, как сама престол захватишь,
Ты Тайной канцелярии расскажешь?

Екатерина (*в страхе пятится*)

Я заговоров, как огня, боюсь!..
Клянусь, Ваше величество, - невинна!

Елизавета (*в сторону*)

И я клялась правительнице Анне...

Екатерина (*опять падает на колени*)

Помилуйте!..

Елизавета

Успел канцлер Бестужев
Перед арестом написать тебе,
Что документы сжег, не беспокойся.

Екатерина

Все это – наговоры!.. Он – мой враг!

Елизавета

Ты стакнулась с врагом своим, чтоб только
Престол российский нагло захватить?
Фельдмаршалу Апраксину писала,

Что я больна?.. В политику – не лезь!..

Екатерина (*встает*)

Мою тревогу о болезни вашей
Я только сообщила... Отпустите
Меня домой! Я больше не могу! (*Плачет*).

Елизавета (*обнимает ее*)

И на чего ты будешь жить в своем
Имении немецком? Мать твоя,
Покойница, наделала долгов –
Никак не расплачусь... Сейчас расплачусь!
Плачет вместе с Екатериной.

Екатерина (*обнимает ее*)

Потребности придется ограничить...

Елизавета

Покаялась?.. Теперь ступай на бал!..
С проспекта Невского мы пригласили
«Живую географию» - развлечься...
И приласкай Петрушу, он хороший!..

Екатерина (*в сторону*)

Хороший для меня – российский трон!..

Елизавета (*в сторону*)

Да, ну их, к Богу в рай! Кому же трон?..
Все недостойны, хоть не умирай!
Уходит.

Во дворец врывается музыка. Выходят маски. Танцуют кадрили. Мужчины одеты в женские наряды, а женщины – в мужские. И путаются в непривычных одеждах.

Первая пара.

1-я маска

...Бунтарь для фарисеев – и Христос.

Новый завет его – любить друг друга –
Немало покори́л царей и царств.

2-я маска

Вон, Разумовский взял императрицу
Не силою, как Разин, а любовью.
И маетности казакам вернул,
И даже тайно с нею повенчался...

1-я маска

А маргинальный брак – престолу враг.
Как повенчался, так и распрощался.
Теперь Шувалов люб императрице.

2-я маска (*чуть не падая*)

При государыне – и царство – бабье!
Скоро мужчины женщинами будут...

Вторая и третья пары.

3-я маска

...Петр умер, но оставил завещанье.
И тем - правление свое продолжил!

4-я маска (*щупает ее грудь*)

Вы дама, Де Еон?.. Она иль он?

5-я маска

...Барон Мюнхгаузен. Я адъютантом
Генералиссимуса раньше был,
А нынче – при княжне Екатерине
Служу.

6-я маска (*толкает его на первую пару*)

Барон Мюнхгаузен? Вы – врун!

3-я маска падает под кринолин 5-й маски.

5-я маска

Еще кадрили́ немного попляшу –

И, кажется, кого-нибудь рожу.

Вытаскивает из-под кринолина за волосы 3-ю маску.

Смех.

Елизавета с Шуваловым выводят маски «Живой географии».

Маски «Пруссия» и «Англия».

«Пруссия»

...Дворцового переворота хватит –

Закончить Семилетнюю войну.

«Англия»

Не войны ослабляют Русь, а смуты!..

Пускай вернутся к старине, туземцы!

И не мешают нам в делах Европы...

Маски «Франция» и «Австрия».

«Франция»

Вольтер «Историю Петра» им пишет.

Да, мы Россию покорим - любовью

К французскому, от шляпок до Вольтера.

«Австрия»

Боюсь, Вольтер весь мир перевернет.

Елизавета (громко)

Все маски – в гости к нам! Со всех широт!

Гремит оркестр. Все танцуют кадрили.

Занавес.

Картина третья

1762 год

Шлиссельбургская крепость. Каземат.

*При свете коптилки Иван сидит за столом перед раскрытой Библией.
И перед ним оживает картина из Откровения Иоанна Богослова.*

Иван (*читает*)

***«Третий Ангел вострубил,
и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику,
и пала на третью часть рек и на источники вод».***

Видение пропадает.

В темноте при свете коптилки проступает каземат. Иван лежит на постели за ширмой.

Слышны глухие голоса за дверью.

1-й голос

Ее величество императрицу
Елизавету только схоронили –
Петр Третий с Пруссией мир заключил,
Убрать иконы из церквей велел
И дал указ о вольности дворянству...
Дворяне статую ему отлить

Хотят из золота за эту милость!..

2-й голос

И Тайной канцелярии не стало!
Кому же подчиняться нам?

1-й голос

Голштинцу!..

Раздается шум голосов, лязг запоров, резкий скрип двери.

Входят Петр III (инкогнито) в мундире офицера, офицер-голитинец, барон Корф, черный офицер, комендант крепости Бередников, Власьев и Чекин.

Власьев

Григорий! Арестант!.. Все спит?.. Вставай!..

Из-за ширмы выходит Иван. Он в чистой длинной рубахе, вымыт, рыжие волосы подстрижены, у него орлиный нос и большие глаза на неестественно белом лице.

Корф

Мы просим извиненья за вторжение!..
При смене государей повелось
Освобождать примерных арестантов,
По предварительной беседе с ними.

Иван

Я был в раю и ангелов там видел.

Петр (в сторону)

Бред!..

Черный офицер (Петру)

Вспоминает зал императрицы.

Петр

А где еще ты был?

Иван

Ходил я в пустынь.

И жил совсем один там двадцать лет.

Вдруг слышу голос свыше: «Встань, Григорий!

Пойди и посмотри!» Пошел. Смотрю.

Какой-то страшный, с головой до туч,

Хватает окрыленных, вниз бросает.

А смело улетевшим в небо – вслед

Зубами от бессилия скрежещет.

Кто?.. (Пауза) Дьявол!.. Души грешников ловил,

А души праведников – не осилил.

(Хохочет.)

Петр (*Бередикикову*)

Юродствует?.. Или хитрит?..

Бередикиков

Как знать?..

Для арестантов – сносные условия.

Десяток лет они вот так проводят –

И ухитряются в живых остаться.

Петр

Жилище-то меблировано скудно.

И арестант бедно одет. Примерь!

(Дает Ивану шелковый шлафрок.)

Иван (*повертев его в руках*)

Не знаю, как его носить. Не надо...

(*Осторожно кладет на стол.*)

Корф (*подносит платок к глазам*)

Они не могут в свете жить. С рожденья...

Петр (*перебивает его*)

Научится!.. А жалобы какие?

Иван (*глянув на Власьева*)

Я отдан в руки тварям самодержким!

И дразнят, и колдуют, и воруют...

Такие униженья и обиды

Не выдержит ни государь, ни смерд.

И тварь последняя – себя блюдет!..

Петр (*Власьеву*)

Что, правда, капитан?

Власьев

Да врет!..

Черный офицер
Отставить!

Петр
Чего ты хочешь?

Иван
Света!.. Больше света!..
Приблизьтесь к свету, чада света, чтобы
Не устыдились света ваши лица!

Корф (*подносит платок к носу*)
И больше воздуха! Открыть окно!

Власьев подает знак Чекину, тот выбегает на галерею и открывает окно.

Иван
Один лишь офицер хороший...

Петр (*показывает на Корфа*)
Корф?

Иван (*кивает*)
Он позволял прогулки иногда.
А пристава на двор не выпускают,
И никогда не говорят со мной.

Корф (*глядя на Петра*)
Мы разрешим прогулки, чтоб окреп,
И разговором развлекать позволим?..
Я заменял ему отца и мать.
(*Вытирает слезу платком.*)

Петр (*Ивану*)
Ты знаешь, как зовут тебя?

Иван
Иван.

Черный офицер
Опять пустое говоришь, Григорий!..

Не пользуется ни одной минуты
Он настоящим умопотребленьем.

Бередников

Какой бродяга имя хочет скрыть,
Такой зовет себя Иваном...

Петр (*кричит*)

Тихо!..

Ты что за человек, Иван?.. Молчишь?..

Иван

Я – принц Иван Антоныч Брауншвейгский!..

Петр

А кто отец и мать?

Иван

Принцесса Анна,
Принц Антон Ульрих, герцог Брауншвейг-
Люнебургский...

Петр

Ну... Коль ты принц Иван
Антонович, то новый император
Всемиловейше освободит
Тебя... И с честью, надлежащей принцу,
Возьмет на службу.

Иван

Ты откуда знаешь?..
А кем служить возьмет?.. Митрополитом?..

Петр

Или тебя он женит на принцессе
И за границу вас отправит жить...

(Комиссия заглядывает за ширму. А Петр и Иван, в каком-то наваждении, строят друг другу рожи, показывают язык и смеются.)

Петр

Похожи мы. Я тоже – рус и бледен,

Как ты. Одной мы крови, принцы-братья!..
Мы – дети Ульрихов германских, внуки
Российских двух царей, Петра с Иваном.

Иван

Тебя увидев, я затрепетал.
Во мне вскипела гордость царской крови.

Все возвращаются к Ивану.

Корф (Ивану)

Постель сам застилаешь?.. Аккуратно!..
За милость поклонись!

Иван (гордо)

Я – император
Иван! И кланяться не буду людям!

Черный офицер

Ну, разве это не злодей!.. Иного –
Нет императора, кроме Петра!
Казнят таких преступных самозванцев!

Иван (улыбаясь, грозит пальцем)

Помазанника Божия – нельзя!..

Петр (сердито)

Себя воображаешь государем?
И кто тебе внушил такие мысли?

Иван

Мои родители... до разлученья.
Не знаю, они живы или нет?

Петр

Ты можешь думать о судьбе страны,
О пользе, славе подданных своих?

Иван

Я и представить это не могу.
Ведь я же никогда не жил на воле...

Петр

От жажды царствовать ты трепетал?

Иван (*возбуждается*)

Нет, от гордыни сердце не надмилось.

Петр (*показывает на табурет*)

А это – трон твой, государь?.. Не низок?

Иван (*подбрасывает табурет*)

Он вознесется!

Петр отскакивает в сторону. Табурет падает рядом.

Голштинец (*прикрывает императора собой*)

Идиот!.. Веселый!..

Иван (*хохочет*)

Трон тронулся!

Черный офицер (*Бередникову*)

Все к полу приковать!

Петр (*сдерживая себя*)

Мы хорошо с тобой поговорили.

И с пользой встречу провели.

Иван

Старался.

Бередников (*черному офицеру*)

Прикажете с известною персоной

Из крепости в другое место ехать,

По высшему соизволе...

Черный офицер (*перебивает его*)

Отставить!..

Петр (*собираясь уходить*)

Что будешь делать, получив свободу?

Иван

Надеюсь, что верну престол российский.

Петр (*зло*)

Мерзавец!.. Он, и вправду, самозванец!..

Продолжит завирания - доложить!

Уходит со свитой.

Иван (*в сторону*)

Как бы тебе со мной не поменяться!

Хохочет.

Петр со свитой проходят перед казематом.

Черный офицер

А будет буйствовать?

Петр

Сажать на цепь!..

И палками!.. И плетью!.. И нещадно!..

И никого не допускать к нему,

Под смертной казнью!.. Никому - живым

Не отдавать!.. Эй, комендант!

Бередников

Я здесь!

Петр (*отходит с ним в сторону*)

Живей готовь для Катьки дом!

Бередников

Я духом!

А в это время в каземате Иван быстро приносит из-за ширмы миску, забирается на стол и выбрасывает ее в окно. Потом, задумавшись, садится на табурет.

Иван (*поет*)

Больше света! Больше света дайте мне!

Белый свет могу я видеть лишь во сне.

Разлучен навек я с матерью-отцом.

И с рождения в темницу заключен.

И твердят мне злые приставы одно:

Мать – неволя, срок – отец, дом – каземат.

В каземате моем холодно, темно
Я сижу не год, не два, а двадцать лет.
За дубовыми дверями под замком,
За железною решеткою в окне.

Лишь в окно толкнется птица иногда,
Лишь ружьем о стену звякнет часовой,
Так узнаю, безымянный арестант,
Что не сгинул неизвестный белый свет.

Белый свет могу я видеть лишь во сне.
Больше света! Больше света дайте мне!
Свет гаснет.

Высвечивается Маленький принц с пучком соломы в руках, стоящий на коленях, с повешенной на шею нарисованной ослиной головой. Из-за ширмы видны и слышны обедающие голштинцы.

1-й голштинец

Все Ульрихи, по-своему, несчастны.
Вон Карл-Петр-Ульрих – с детства сирота.
И при его крещении взорвался
У кирхи ящик с порохом... А сын
Антон Ульриха – гниет в тюрьме.

Маленький принц (*хнычет*)

Слуги едят!.. А принцу – не дают!

2-й голштинец

И этому ослу вдруг предложили
Два трона - шведский и российский! Думал,
Кем быть - Петром Великим или Карлом
Двенадцатым!.. Это не принц, а принцип!
Смех.

Маленький принц

Я – не осел!.. Я не хочу в Россию!..

Видение исчезает.

Свет зажигается.

Императорский дворец.

*Вдали видна Светличная башня Шлиссельбургской крепости, над ее галереей светится окно узника Ивана.
В царских покоях - императрица Екатерина и Григорий Орлов.*

Григорий (*читает бегло письмо*)
Прощение... Мировича... о землях...
Дед был полковником переяславским...
С Мазепой изменил... Служил в Варшаве...
Сын Яков приезжал к нему тайком,
За что с семьей и сослан был в Сибирь...
Но дед Федор Иванович Мирович
Добился царской милости – из ссылки
Мировичей освободили. Внук
Василий Яковлевич умоляет
Изъятые имения вернуть...
Отказ Елизаветы... и Сената.

Екатерина (*берет прошение, тишет*)
«Как прежде поступать. Екатерина»...
Теплова гетман попросил помочь
Мировичу. А тот узнал, что прадед
Иван был предводитель Запорожья,
Надумал отложиться, в Крым бежал.
Мирович – сын и внук бунтовщиков.

Григорий (*подхватывает*)
...И правнук бунтаря!.. А бьет на жалость!..
Тут – революция! А им – урвать!

Екатерина
Не верится, Григорий, что все вышло?
Одни же прочили на царство Павла,
А в соправители – меня с Петром,
Или в Голштинию Петра вернуть.

Григорий
Нам брауншвейгская семья – урок!..

Екатерина
У нас же план был - захватить Петра,
Как императора Ивана с Анной
И Ульрихом Елизавета свергла.

Григорий

А мы все партии объединили!

Екатерина

Как это чудо удалось свершить!
Но столько комбинаций не могли
Совпасть, когда б на то не Божий перст!
Четыре группы, сорок офицеров,
Гвардейцев десять тыщ! Никто не предал!

Григорий

Вдруг слух – откуда? – под арестом вы,
И Петр решил и вас убить, и Павла!..
И поднялись войска, сошлись все планы.
И сбросили мы прусские мундиры,
И свергли таракана-пруссака!
Из Монплезира до Санкт-Петербурга
Полки, вслед венценосицы, пошли
На Зимний с криками: «Ура!», «Vivat!»
И сломя голову бежал народ!
А во дворце сановники собрались,
Архиепископ с духовенством, хором,
И со святой водой, - благословить
На царство вас в дворцовой церкви...

Екатерина (*быстро шагает по комнате*)

Чудо!..
Солдаты стали обнимать меня
И целовать мне ноги, руки, платье!
Своею избавительницей звали.
И присягнули в верности своей...

Григорий

Но канцлер Воронцов и граф Шувалов,
И Трубецкой примчались вас убить!..

Екатерина

Узнав, что Петр отрекся от престола,
Они на верность присягнули мне.
Пока Петр в Ропше под рукой Орловых,
Ему готовят место в Шлиссельбурге.
Ивана же переведем в Кексгольм...
Я все дала Петру, что он просил:

Собаку, скрипку и арапа... Только
Не дам Елизавету Воронцову...

Григорий

Власть, как вино, - душу и сердце выдаст!..
Я вижу вас правительницей - равной
Не Третьему, а Первому Петру!
Целует ее.

Екатерина (*целует его*)

Сумею я порядок навести
Теперь в хозяйстве маленьком моем.

Григорий (*смеется*)

Эк, маленьком! Россия - треть земли!

Екатерина

Трон получить – полдела. Удержаться
На нем монарху – главная задача.
А сколько же опасных претендентов?
Петр Федорович в Ропше еще ропщет.
Иван врагов прельщает в Шлиссельбурге.
Его семья опасна в Холмогорах.
И Разумовский, на правах супруга
Елизаветы, хоть без прав, - а все же
Соперник...

Григорий

А не дать бы вам указ -
«Высочеством» его назвать? Но пусть
Представит вам свидетельство о браке
С Елизаветой. Будет прецедент -
Тогда мы сможем с вами повенчаться.

Екатерина

Григорий, графом сделаю тебя
За способ Разумовского проверить.

Григорий

А мужем?

Екатерина (*пьет залпом стакан воды*)

Соправителем ты стать

Решил или соперником моим?

*Орлов, недовольный, садится на диван, разбирает письма.
Входит княгиня Дашкова с платьем в руках, удивленно смотрит на Орлова, не заметив Екатерину.*

Дашкова

Что нужно гвардии в покоях царских?
Переворот закончился – свободны!

Григорий (*ухмыляясь*)

Доразбираю почту...

Дашкова (*топнув ножкой*)

Кто позволил?
Да вам ли разобраться в языках?

Екатерина (*Дашковой*)

Я в собственность вам дружбу не давала!..
Он знает языки не хуже нас.

Дашкова (*истуганно*)

Ох! Не заметила! Прошу прощенья,
Ваше величество! Я принесла вам
Костюм Минервы – скоро маскарад.
Угодно вам пойти переодеться?

Екатерина

Угодно!.. И Григорий мне поможет.
Все уходят.

В это время перед дворцом встречаются Мирович и Ушаков.

Ушаков (*раскрыв объятия*)

Ба! Вот так встреча! Как ты, брат Мирович?
Чай, друга-сослуживца не забыл?

Мирович (*обнимается с ним*)

Да я, брат, уж два года в Петербурге.
О землях отнятых все хлопочу.
Указ о вольности дворянства есть,
А все нет входа мне при высочайшем
Дворе - в присутствии императрицы.

Не раз я к Разумовским обращался...

Ушаков

Конец Елизаветы означает:

И случаяю конец, что их вознес...

Мирович

Да, благодетели сейчас корыстны,

Бесплатно не желают помогать.

Ушаков

Корыстолюбье превратилось в страсть.

Все потому, что деньги стали средством

К приобретению всего, что хочешь.

Лишь жажда почестей и грабежа

Теперь ведут на подвиг и геройство.

Мирович

Ты, Ушаков, все тот же философ.

Нет, я – не о корысти, я - о чести.

Я не из тех, кто, лежа на боку,

Дослуживается до бригадиров...

В кадетском корпусе сыграл вон в карты

С графом Юсуповым... И обыграл!..

Но деньги отобрали. И прогнали

Из корпуса кадетского – в солдаты,

В пехоту!..

Ушаков

Вот! С неравным - не играй!

Мирович

Но я могу на многое решиться!

В боях до подпоручика дошел!..

Боятся прусские гусары нас,

Казацких наших пик, турецких сабель.

Я был в сражении Гросс-Егерсдорфском.

Так наши казаки сманили лихо

У принца Брауншвейгского драгун -

В пасть ожидавших боя батальонов

И пушек. Вождеденнейший успех!

Ушаков

Петр Семилетнюю войну закончил,

А ты так и горишь сраженьем!.. Знаешь,
Принц Людвиг Брауншвевский – младший брат
Антон Ульриха, Елизаветы
Жених? Был выслан ею в день сверженья
Ивана. Служит Фридриху и жаждет
Вернуть Ивана на престол российский.

Мирович (*тихо*)
Верни, попробуй!..

Ушаков
Кто-нибудь найдется!..
Вон, как Екатерину возвели
Гвардейцы! Ничего никто не понял!
Наш Воронцов с Воейковым подняли
Преображенский полк спасать Петра.
«Мы за него умрем!» - клялись солдаты.
Вдруг Меньшиков, примкнув в конце колонны,
«Vivat, Екатерине!» - прокричал.
И все преображенцы подхватили...
С проклятьями Воейков бросил шпагу:
«Изменники! Канальи! К черту вас!»
И с Воронцовым поскакал от войска.

Мирович
А после присягнул Екатерине?..
Все вызывало ненависть к Петру.
Но лучше уж - с умом, без русской крови,
Чем, с русской кровью, без ума - монарх.

Ушаков (*вертит пальцем у виска*)
Сейчас три императора – на троне!..
С Петром был у России шанс свернуть
С тропы кнута и топора... А впрочем,
Пойдем, неприкасаемых поищем,
Они тебе вернут и честь, и земли...
Я при дворе со слугами знаком.

Мирович (*смеется*)
А слуги знают все и всех?..

Карательные офицеры преграждают им путь во дворец.

Ушаков (*отдает честь караульным*)

Со мной!

Уходит с Мировичем во дворец.

*Врывается музыка бал-маскарада. Маски танцуют менуэт. Все
острижены наголо.*

Первая пара.

1-я маска

...От всех переворотов нам не легче!..
Петр Третий – всюду насадил голштинцев.
Вернулись Миних, Остерман, Бирон,
Лесток из ссылки. И пришел конец
И православию, и русским людям.
Иконоборец! Ксендзами хотел
Переодеть священников. И земли
Монастырей отнять, чтобы пеклись
О пастве, а не о богатстве.

2-я маска

Немка
Скорей Петра их земли отберет!
Ее закону Божию учили
Служитель Папы, пастор лютеранский,
И кальвинистский, и архимандрит.
И к христианской истине вели
Упорно, каждый – в сторону свою...
Уходят.

Вторая пара.

3-я маска

...Петр заменить жену Екатерину –
Хотел Елизаветой Воронцовой...
Несчастливая страна! Где государь
Скотским страстям и пьянству предается.
И стали царствовать ублюдки!..

4-я маска

Павел -
От Салтыкова, умершая Анна -
От Понятовского, а Алексей –

От старшего Орлова... Потаскушка!

3-я маска

Престол российский осквернила похоть!
Вот нравы-то помазанников Божьих
На троне в православном государстве!
Не Петербург, а новый Вавилон!..
Уходят.

Третья пара.

5-я маска

...Один порок влечет другие. Нынче
Смеются над законом, над моралью,
Благопристойностью! В чести - не роды,
Но - выслуги, услуги и чины.
И фаворитом может сделать случай.

6-я маска

Теперь у нас Орловы – фавориты.
Шувалов передал в казну сундук
Елизаветы. В триста тыщ рублей!..
Уходят.

Четвертая пара.

Екатерина *(в костюме Минервы)*

Я, граф Кирилл Григорьевич, давно
Хочу тебя спросить, что ты так вьешься
Вокруг меня? Уже который год!..

Гетман *(в маске)*

Ваше величество, признаться страшно...
Я в вас влюбился!.. Только безуспешно.

Екатерина *(смеется)*

Как ты осмелился?.. Ах, пастушок!..
Игриво бьет его веером по носу.

Входят с шумом Алексей Орлов, Панин, Теплов и Потемкин.

Панин *(быстро)*

Не сразу!.. Надо подготовить!.. Тише!..

Ваше величество!.. Мы к вам с докладом!..
Все делали мы, как договорились.
Петр извещен о вашем обещанье
В Германию отправить. Он поверил.
«Жизнь философскую» решил вести...

Теплов (*выходит вперед*)

Не разводите сантименты!.. Ваше
Величество! Он заболел - с вина.
Врач предложил лекарство – отказался.
И стал кричать, что отравил Орлов!..

Входит княгиня Дашкова, прислушивается.

Алексей (*падает с криком на колени*)

А-ай, государыня!.. Помилуй, ваше
Величество!.. Готов идти на смерть!
Скончался Петр!.. Его на свете нет,
Сцепился он с Борятинским. Потемкин
И мы разнять хотели – а он умер.
Что делали, не помним сами. Все
Мы виноваты и достойны казни!
Прости иль накажи!.. Скорей окончи!..
Уж свет не мил! Прогневали тебя!..
И душу погубили!.. (*Крестится.*)

Все (*падают на колени*)

Все виновны!

Екатерина (*испуганно*)

Как?!.. Эта смерть наводит на меня
Невыразимый ужас! Нет же!.. Не-ет!..
Прочь!.. Неуклюжие холопы, прочь!..

*Дашкова подлетает и дает пощечину Алексею Орлову.
Царевубийцы уходят.*

Григорий (*Екатерине*)

А может, он от геморроидальных
Скончался колик?..

Екатерина (*подхватывает*)

Петр от них страдал!..

Иван (*кричит из окна башни*)
Они так и меня могут убить!?

Григорий (*Дашковой*)
Княгиня, я прошу, как друг, уйдите!

Дашкова
Избавьте от друзей-цареубийц!..
Петр янычарами прозвал гвардейцев!..

Екатерина (*сердито*)
Княгиня Дашкова, не забывайтесь!..
Елизавету в Зимний на руках
Вносили гренадеры. А Григорий
Орлов меня с коляской внес, один!

Дашкова
Один?.. А я? А мы?.. Осмелюсь вам
Напомнить: на руках несли меня...

Екатерина
На трон?

Дашкова (*растерянно*)
Нет!.. Но не я ли умоляла
Смелее действовать вас в миг, когда
Грозил вам тюрьма иль монастырь?..
Я поклялась быть верной до конца,
И на любые жертвы ради вас
Пойти!.. Вы ж отдались на Божью волю.

Екатерина (*смотрит на Григория Орлова*)
Я отдавалась... истинным друзьям.
А вы, княгиня, – крестница Петра,
Сестра его любовницы коварной!..
И ваши планы шли вразрез с моими...

Дашкова
И славно, что свершилось больше, чем
Хотелось!.. Только без дворян - гвардейцы
Распорядиться троном не смогли бы.
И до сих пор в народе говорят:
«Екатерина маленькая трон

Большой Екатерине отдала».
Но вам угодно дружбу позабыть?
Покойный Петр предупреждал меня:
«Она вас выжмет, как лимон, и бросит».
Уходит.

Григорий (ей вслед)
Она, вишь, революцию свершила!..

Екатерина
И беззаветная любовь бывает
Корыстной. Даже в восемнадцать лет...
Она ж портрет мой высекла кнутом!..
Сама же отдалилась, с быстротой
Истинно царской, от подруги лучшей...
Боюсь, и бунт против меня поднимет!..
А тут такая смерть!.. Столы накрыты!..
Уходит, за ней – все остальные.

Музыка стихает.
Перед дворцом собираются люди, среди них - Аксинья, мужик и баба.

Все
Убили!.. Петра Третьего!.. Он умер!..

Аксинья (крестится)
...Но претерпевший до конца - спасется!..
Он их пугнет!.. Пугач!.. Пугач!.. Пугач!..
Жуткий смех.

Баба
А может, неплохой был император
Петр Третий? Отменил «слово и дело».
Сечь батогами запретил и «кошкой».
Помещиков наказывал нещадно,
Кто мучил до смерти своих крестьян...

Мужик
Они кричат, что сумасшедший - Петр.
А в Петергофе толпами крестьяне,
Кто с вилами, кто с косами, поднялись
На узурпаторшу Екатерину.
Да гвардия шугнула их! Дела-а!..

Баба

У кривды – власть, зато у правды – жизнь.
Но тяжко людям правды жить под кривдой.

Аксинья (*подходит к бабе*)

Чево-о?.. Распят Иван с Петром и Павлом?..
Крестится.

Баба

А-а, батюшки! Совсем с ума свихнулась!

Мужик

Чужие нам – все наши государи.
И кто поймет, чего хотят? Дела-а!..
Мужик с бабой уходят.

Аксинья

Идут из ада цари-каннибалы
Помазанников Божьих поедать!...
Шепчет молитву и уходит.

*Снова врывается музыка. В Императорском дворце выходят пары масок,
среди них - маски «Живая география». Все танцуют менуэт.*

Маски «Австрия» и «Пруссия».

«Австрия»

...Фридрих Второй, прислав Екатерину,
Так же напал опасно на Россию,
Как до того на Австрию напал.

«Пруссия»

Стал первым другом первый враг России!..
Но Петр себя прогнать позволил, как
Отправленный ложиться спать мальчишка.

«Австрия»

Австрийцы стали из друзей – врагами.
Ваш Фридрих бил на сердобольность русских,
Их чувство справедливости, чтоб свергнуть
Петра и возвести Екатерину
На трон российский - и войну закончить.

«Пруссия»

Оставленные в Пруссии полки
Ушли домой форсированным темпом.
Губернией российской мы не станем!

Из боковой двери выходит прислуга, держа перед собой таз с водой, и наткнувшись на танцующих, обливает их.

Служанка

Прошу пардону!.. Как бы не облить!..

«Пруссия» (очищая «Австрию»)

Дворец, как скотный двор!

-

«Австрия» (отряхиваясь)

Блеск нищеты!..

Служанка уходит.

Маски «Англия» и «Франция»

«Франция»

...Вольтер поздравить поспешил... с намеком
О четырех столицах для России:
Санкт-Петербург, Москва, Константинополь
И Астрахань... Подумать обещала.
Смех.

Англия

Как мнит невежество себя кумиром!..
А внук Петра убит, а внук Ивана
В тюрьме, в цепях. А их короной немка,
Свершив цареубийство, завладела.
И села незаконно на престол...
Как немка русского Петра с престола
Смогла низвергнуть?

«Франция»

Гвардия решила.
Как при Елизавете – гренадеры.
Располагает гвардия престолом!..
Петр гвардию своей муштрой замучил
Да на войну с датчанами отправил,

За крохотный кусок болота – Шлезвиг.

«Англия»

Шлезвиг-Голштинским герцогством Россия
Владела – по старанию Петра
Великого. Ведь Шлезвиг – это ключ
И к Балтике, и к Северному морю,
К путям торговым Англии... За это
Петра Екатериной заменили.

«Франция»

Петра Екатерина заказала!
Ей заговорщик Пассек предлагал
Давно убить Петра своею волей...
Вот просвещения ее плоды!

«Англия»

Девять веков в России не дерзнул
Никто убить царя из-за короны.
Это в Европе королей казнят:
«Умер король – да здравствует король!»
Лишь просвещенная Екатерина
Ввела Россию в грех цареубийств.

Выходят Екатерина со свитой. Взмахом руки останавливает всех.

Екатерина

Всех верноподданных мы извещаем
С прискорбием, что прошлой ночью в Ропше
Петр Федорович...

Маски (сочувственно)

О-ох!..

Екатерина

...Скоропостижно
Скончался!.. Заключение врача –
Апоплексический удар случился
От геморроидальных колик.

Маски (с ужасом)

О-ох!..

Панин (*поднимает свиток*)
Всех верноподданных прошу сейчас
Прослушать «О молчании» указ!..

Все замирают.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

1762 год

*Шлиссельбургская крепость. Каземат.
При свете коптилки Иван сидит за столом перед раскрытой Библией.
И перед ним оживает картина из Откровения Иоанна Богослова.*

Иван (*читает*)

***«Четвертый Ангел вострубил,
и поражена была третья часть солнца и третья часть луны
и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их,
и третья часть дня не светла была – так, как и ночи».***

Видение пропадает.

*В темноте при свете коптилки проступает каземат.
Дверь бесшумно открывается.
Видение принца Антона Ульриха и принцессы Анны Леопольдовны. Из-за
ширмы выходит Иван, с цепями на ногах.*

Ульрих

Иван, мы с матерью пришли тебя
Проведать. Так скучаешь ты о нас!..

Анна

Сынок, я в Холмогорах умерла.
Меня в Санкт-Петербурге погребли,
С царями, в Александро-Невской лавре.
Жду, когда ты придешь ко мне. Молюсь
Здесь за тебя...

Иван

А можно - на том свете?

Анна

Умерший молит Бога - за живых,
Как молятся живые – за умерших.

Ульрих

Из-за правления ее худого
Расплачиваешься ты столько лет.

Анна

Но трудно управлять такой пространной
Страной. Ее престол тюрьмы не легче.

Ульрих

Как Анна умерла, один остался
Я с малолетними детьми в остроге.
Ты жил со мной за стенкой в Холмогорах
Двенадцать лет.

Оба

И я о том не знал!

Ульрих

Ты осознал себя уже в темнице.
И заточенье не могло влиять
Так разрушительно, как на меня.
Ведь я развился в свете, на свободе...

Иван

Но ты, отец, сидишь не в одиночке!..
Ты расскажи о сестрах и о братьях.

Ульрих

Екатерина – ты ее застал,
Елизавета, Петр и Алексей, -
Все – имена российских государей...
Тюрьма уничижает самодержцев.
Все сестры-братья выросли в неволе.
Осанисты, как принцы, только робки
И инфантильны – равны малым детям.
Власть не заботилась об их здоровье,
И все они припадками страдают.
Ты не катаешься по полу с криком?

Иван

Я все могу, иначе бы не выжил.

Ульрих

Мир человеческих радостей простых
Погиб для них навек.

Иван

Как вы живете?

Ульрих

Когда тепло – работаем в саду.
Со стражей мы катаемся в карете,
Церковные читаем книги, в карты
Играем. А принцессы шьют белье.

Иван

А я из каземата – ни на шаг.

Ульрих

Нет, милостива к нам императрица...
Прислала в Холмогоры графа Корфа.
Он – славный человек. Привез подарки
Императрицы – платья да корсеты...
Но дети стужевались - и не знают,
Как наряжаться в светские одежды.
Лишь позволенья просят, выезжать
На луг, где есть цветы...

Иван (*подхватывает*)

Где больше света!..

И я не знаю, как на воле жить!..

Ульрих

Все родственные нам дворы просили

Екатерину - отпустить меня.

Граф Корф мне предложение привез:

В Германию уехать одному.

Детей же отпустить она не может

Пока, из государственных резонов...

Но с возмущеньем я ему сказал:

«Не надо мне свободы, если дети

Мои в остроге!»

Иван

Ты – отец достойный!

Ради детей ты предпочел неволю.

Ульрих

А ты б хотел уехать в Брауншвейг?

Иван

Я здесь рожден. Здесь - родина моя.

Здесь я крещен, и здесь пришел я к вере.

А что преступно заключен в тюрьму –

За веру и отечество страдаю.

Ульрих

Не хочет и сестра Екатерина.

Нам родина – тюрьма. Здесь и помер.

Да, люди привыкают и к несчастью.

Страдальцам воля – даже ни к чему.

Иван

Но о каких резонах говорил ты?

Ульрих

Все дети брауншвейгские в черед –

Наследники российского престола.

А значит – претенденты... Неслучайно
Рождение Петра и Алексея
Сокрыто от народа... Дети знают
Тебя, Иван, жалеют за мученья.
И за себя боятся.

Иван

Пристава
Меня склоняет в монастырь постричься.

Ульрих

Врут. Даже сняли сан с митрополита
Ростовского Арсения, сослали
В Архангельск, к нам. При людях он кричал,
Что неприродная императрица.
Вот если б вышла замуж за Ивана
Антоновича или его брата –
Тогда бы право на престол имела...
Так что, невесту скоро жди, Иван!..

Иван

Я, было, успокоился, смирился.
Другой не будет жизни – хоть такая!
Но все перевернулось после встречи
С императрицею Елизаветой,
А пуще – с императором Петром.
И что им - безымянный арестант?..

Ульрих

Их совесть мучает и гложет страх.
Пока ты жив – все правят незаконно!

Иван

Мне дорог даже этот каземат!
На днях меня в Кексгольм перевозили.
Попали в шторм. Захлестывало судно.
Чуть не погибли!.. Но и не спаслись...
Так и вернули... Нет судьбы!.. Как проклят!..

Ульрих

Екатерина тоже часто плачет:
За что нам Бог послал то наказание?..
Где дальше нам придется жить?.. Не будем
Мы Холмогоры вспоминать, как рай?

Иван

Но Бог за что-то наказал? За что-о?!..

Анна (*очнулась*)

Двух дочерей царя Ивана дважды
Его жена Прасковья Салтыкова
Навеки прокляла с потомством их.
А дочь царя Ивана – мать моя...

Иван (*подхватывает*)

А ты – моя... Пстой! Но, если ты
Скончалась... Ты – не мать, а смерть?.. (*Крестит ее*) Во имя
Отца и Сына и Святого духа,
Ныне и присно и во ве... (*рука не поднимается*) во веки
Веков. Аминь!.. Чур!.. Чур, меня!..

Анна

Не бойся!..

Ульрих и Анна уходят. Иван давит на дверь, стараясь закрыть за ними, но она не поддается.

**Вдруг, с лязгом и скрипом, дверь распаивается, и в каземат
вваливаются Власьев и Чекин. Они начинают жестоко избивать
Ивана, он катается по полу с криком и плачем.**

Иван

Оте-ец!.. На помощь!.. Не отринь!..

Чекин

Какой
Отец?.. Ты миску выбросил в окно?..
Да я тебя прикончу, сучий потрох!..

Власьев

Ты написал на миске: «Император
Иван»?.. Прибью! Я все равно - в тюрьме!

Иван

Свет и во тьме должны вы уважать!
Я – принц, я – государь. А вы – холопы!..

Власьев *(со злобой)*

А Панин снова просит подождать?..
Ну, сколько можно ждать?..

Чекин *(со злобой)*

Да в рот его!..
О-о! Как я эту падлу ненавижу!..

Власьев *(бьет Ивана в лицо)*

Вот так, в оттяжку!

Иван *(визжит, держась за скулу)*

Челюсть повредил!..
Выплевывает кровь изо рта.
О, Господи, спаси и сохрани!
За что ты умножаешь мои раны
И горестями пресыщаешь дни?
И не даешь мне дух перевести.

Охранники прекращают бить Ивана.

Власьев

Вот гад, довел!

Чекин

Уж мы перекрестились,
Что не вернешься. Узнику другому
Почистили постель...

Власьев *(перебивает его)*

Молчать, поручик!..

Иван (*всхлипывая*)

Готовили здесь место для Петра?

Власьев (*осматривает его лицо*)

А проболтаешься – убью на месте!..
Теперь тебя здесь содержать опасно.
Ну, ничего. Отправят в монастырь.
Согласен ты монашество принять?

Иван

Уж лучше в монастырь, чем на тот свет!
В монастыре хоть нет еретиков.

Чекин (*сплевывает на пол*)

И там полно... Они смазливых любят!..
Власьев и Чекин уходят.

Иван (*крестится перед иконой и плачет*)

Твоей лишь, Боже, милостью я жив,
Лишь на твое надеюсь милосердье.
Я в горе испытал от жезла их.
Ввели меня во тьму, а не во свет.
И в темном месте держат, как умерших.
Стеною окружили, чтоб не вышел.
Пытают одиночеством и смрадом,
И обложили тяготой меня,
И преградили все стези мои.
И растерзали, привели в ничто.
И горечью пресытили полынной.
Погибла моя сила и надежда.
Мир удалился от души моей...
О, Боже мой! Дай сердцу моему,
Чтобы оно всегда тебя желало,

Искало, обретало и любило
И, очищаясь, без порока буду
И рай тобою обрету. Аминь!

Иван садится за стол, начинает есть и пить, морщится от боли.

Раздается лязг запоров, скрип открывающейся двери. В каземат входят граф Воронцов, граф Бестужев, Екатерина II (в мужском платье, инкогнито), черный офицер, комендант Бередников и Власьев.

Иван (придерживает скулу)

Коли в меня вселился дух святого
Григория, то, значит, я – святой?

Черный офицер

А челюсть держишь что?

Иван (глядит на Власьева)

Чтоб не упала...

Власьев

Ему здесь хорошо!.. Григорий, правда?

Иван

Мне хорошо... Я здесь хожу по небу!..

Воронцов подходит к столу, Иван закрывает от него миску рукавом.

Воронцов

Ты ешь, не торопись. Мы не отнимем.

Не бойся! Мы хотим тебе добра.

Ее величество императрица,

Со дня восшествия ее на трон,
Одним из первых дел своих считала
Смягчение несчастья твоего.
И возжелала жребий твой облегчить.

Иван

Пришло и ваше время, и власть тьмы...

Бестужев (*дает ему книгу*)

Вот эту книгу я составил сам.
В ней – изречения из разных книг
Священного Писанья, в утешенье
Невинно потерпевшим христианам...
Недавно напечатали. Прочти!

Воронцов

Граф в ссылке эту книгу написал.

Иван (*Бестужеву*)

Ты не евангелист, а еретик!
Сморкается на пол и вытирается рукавом.

Екатерина (*отворачивается*)

Постричься хочешь в монастырь?

Иван

Хочу!..

Екатерина

И Библию, смотрю, читать умеешь?

Иван

Я не умел читать и горько плакал.
Явилась Богородица во сне.
В руках держала книгу. И сказала:
«Открой уста!» Вложила книгу в рот
И повелела съесть ее. Я съел.
Подобно преподобному Роману...
Ведь я, по матери своей, Романов...
Евангелие знаю и Псалтырь,
Апостол, Маргариту, Мартиролог,
Четии-минеи и Жития ...

Екатерина

А, правда,
Ты людям поклоняться не желаешь?

Иван (*робко поднимает палец*)

Завет: не сотвори себе кумира!..
И как могу я людям поклоняться,
Когда они с младенчества меня
В тюрьме безвинно держат, на цепи?..
Оборачивается к Власьеву.
Дух огненный, нечистые слова
Вы изрыгаете, еретики!
Друг перед другом, как перед кумиром,
Вы поклоняетесь!..

Екатерина (*строго*)

Не-ет, в монастырь
Тебе нельзя, раз кланяться не хочешь!

Иван (*после паузы*)

Тогда у Господа я испрошу

Согласья людям кланяться... Давно
У Господа просил я разрешенья.
И мне позволено постричься, чтобы
В монастыре я мог общаться с Богом.
Молиться буду за императрицу
И за спасение души своей...
Крестится.

Екатерина

Императрица в монастырь отпустит.
И будут звать Гервасием тебя.

Иван

Только Гервасием не буду зваться,
А лишь Григорием. Еще страшусь
Святого духа. Я ж – бесплотный...

Екатерина (*в сторону*)

Бред!..

Воронцов

Юродивого примут в монастырь?

Екатерина

Заставь!.. Где меньше службы и монахов!..

Иван (*гордо*)

Я сам могу заставить и назвать!..

Я – император ваш Иван! Аз есмь!..

Екатерина (*шагая из стороны в сторону*)

Тебе в тюрьме никто не говорил.

Но знают во всем мире... Незаконно

Ты императором России стал!

И Божьим промыслом давно низложен!..

Иван (кричит)

Я – царь! Все остальные – незаконны!

И что вы ходите ко мне в темницу?

Я виноват лишь в том, что в моих жилах

Есть кровь Романовых?.. Отпей!.. Отпей!..

Подставляет горло к лицу Екатерины, она отскакивает от него.

Екатерина

Не подходи! Мы не равны с тобой!..

Canaille!* Bestie!** Вулкан мой ожил!..

Уходит со свитой.

Иван

И три царя пришли на поклоненье...

И злы волхвы, и страшны их дары...

Уходит за ширму.

*Canaille! – каналья! (фр.)

Bestie! - бестия! (нем.)

Екатерина со свитой проходят по внутреннему двору крепости.

Екатерина

Как царь Иван был скорбен головой,

Косноязычен, так его и правнук...

Несчастно рожденный, еще несчастней -

Взросший... Что нам сделать для него?..

Воронцов

Для удовольствия - чего-нибудь,

Что только человечески возможно...

Он лучшего не хочет и не ждет.

Екатерина *(отходит к Бестужеву)*

Он облик потерял! И неспособен
Не только к обладанию народом,
Но даже к образу простому жизни.
И ты такого прочишь мне в мужья?!

Бестужев

Как облик потерял, так и вернет!..
Можно заботою и воспитаньем
Смягчить Ивану одичалый нрав
И грубости судьбы. Чтоб привести
Его в разумный, человеческий вид.

Воронцов *(оттесняя Бестужеву)*

И что, вам скипетр уступить ему?
И дорого бы заплатил народ
За то великодушье!.. Разве можно,
Ваше величество, вам приносить,
Себя и ваши интересы в жертву
Чужих ошибок?.. И потом, он – младше!..

Бестужев *(оттесняя Воронцова)*

А самодержцам годы – не указ!
И младше он всего на десять лет.
Ведь сватали, при разнице такой,
Елизавету за Петра Второго.

Екатерина

Нет!.. Брак с ним оскорбителен и мерзок!

Бестужев

Еще позорней маргинальный брак
С Орловым, жеребцом и бузотером!
Сенат готов принять императрицу
Екатерину, но не госпожу
Орлову...

Екатерина (*сердито*)

Что-о?.. Оставить – в Шлиссельбурге?..

Черный офицер (*Власьеву*)

Ужесточить надзор над арестантом!
И никого к нему не допускать.
А если вдруг нелепа приключится,
Придут за ним два офицера, или
Даже один, чтоб силою отнять, -
Живым не отдавать! Под смертной казнью!

Власьев (*берет под козырек*)

Уж больно служба наша затянулась.
Сказали временно – прошло семь лет.
Мы здесь – безвылазно, как арестанты.

Черный офицер

Извольте потерпеть еще немного!..
Благонадежны будьте – ваша служба
Не будет позабыта... Эхо есть,
Все скоро кончится.

Екатерина (*намеренно громко*)

Я еду в Ригу!..

Свет гаснет.

Высвечиваются Маленький принц и Панин.

Маленький принц (*читает*)

«Нет ничего разумнее, когда
Распоряжается сам государь,
И управляет всем, что защищает
И подкрепляет, сохраняя цельность
Как собственно себя, так и страны,
Которой обладает безотменно...»

Панин

Петр до конца ребенком был. А ты
На маленького старичка похож...
Скорей бы возвести тебя на трон!..
Создать бы под эгидою России
Союз держав всей Северной Европы...

Маленький принц (*перебивает его*)

Мать объявить наследником не хочет!

Панин

О матери не говорят так плохо!..
Захочет, коль Сенат решит... Учись!

Маленький принц (*бросает книгу*)

Учись?.. Когда я вырасту большой
И стану императором, меня
Тоже убьют? (*плачет*).

Панин (*прижимает его к груди*)

Великий страх - великих!..

Свет гаснет.

В темноте высвечивается дворец Разумовского. Вдали видно Светличную башню Шлиссельбургской крепости, над ее галереей чуть светится окно узника Ивана.

В комнате, у горящего камина, Разумовский беседует с Воронцовым.

Воронцов

...А что такое - правда и что ложь
В странной комедии обычной жизни?

Какую маску на лицо надеть?
Обманываться, обманув других, -
Вот наше общее предназначенье...

Разумовский

Так - к делу, Михаил Илларионыч!

Воронцов

Ее величество императрица
Своим указом признает за благо
Вам гласно, всенародно, как законно
Повенчанному, тайно хоть, супругу
Монархини Елисаветы, дать
Титул «высочество» и...

Разумовский (*хлопает в ладоши*)

Браво, канцлер!
Коль умных не нашлось голов, я сам
Смогу предостеречь императрицу.

Воронцов

Что, испугались, граф?..

Разумовский (*помешивает огонь в камине*)

Все – пересуды...
И брак Нарышкина с Елизаветой
Был ведом канцеляриям Европы.

Однако документов не нашли!

Воронцов (*подает лист бумаги из папки*)

Светлейший граф, вот вам проект указа
Ее величества императрицы.
Она была б премного благодарна,
Когда б вы согласились называться
«Ваше высочество»...

Разумовский (*посмотрев, возвращает проект*)

А основанье?

Воронцов (*показывает за ширму*)

В шкатулке розовой есть документы
О тайном бракосочетанье вашем
С императрицею Елисаветой...
Ее величество просила – их
Отдать - для основания указа,
Ваше высочество...

Разумовский (*перебивает его*)

Довольно, канцлер!

Настолько гибельны мечты такие,
Что даже в помыслах я не дерзал
Сближаться с царственным ее величьем.
Уходит за ширму.

Воронцов (*в сторону*)

Попался!.. То не розгами махать...
Потирает руки.

Разумовский (*возвращается со шкатулкой*)

Любезный граф, я был всего лишь верным
Рабом ее величества, покойной
Императрицы.
Достает из шкатулки свиток, развязывает ленточку, читает.

Воронцов

Дайте посмотреть!

Разумовский (*промокнув глаза платком*)

И не был выше я - любимых ею

Рабов: Шуваловых и Воронцовых,
И Сиверса...

Воронцов (*протягивает руку за документами*)

А я-то здесь причем?

Разумовский

И - вас, граф Михаил Илларионыч!..

Протягивает ему документы и неожиданно бросает их в огонь камина.

Воронцов (*кидается к камину*)

Что вы наделали?!..

Разумовский (*сдерживает его*)

Присядьте, граф!

Елизавет-Петровна осыпала
Благоденствиями нас не зря.

Мы не должны причиной толков стать.

Воронцов

Теперь меня, не только граф Бестужев,
И граф Орлов третировать начнет!..

Разумовский

Вы сами видите, что у меня
Нет документов. Так и доложите.

Воронцов

Ее величество от вас другого
И не ждала. Вы поняли друг друга!..

Уходит.

Разумовский *(один)*

Ишь, захотели извести меня!

Из-за ширмы выходит гетман.

Гетман

Пусть на престол ты не имеешь прав,

Но и не дал примера выйти замуж

За приближенного - императрице.

Проект Бестужева – мы не допустим!

Другое время – и другая власть!

Разумовский *(открывает и подает шампанское)*

От Шетарди к шампанскому привыкли...

А ссыльный граф Бестужев снова нужен.

И все достоинства ему вернули.

Теперь он сватает императрицу?..

Гетман

Творят одно бесстыдство за другим.

И вызывают только возмущенье.

Ведь Хитрово, Лосунский, и Рославлев –

Сподвижники-друзья Екатерины

Подняли все дворянство против брака

Императрицы с бугаем Орловым.

Убить ее хотели и его.

Разумовский

А заговором кто руководил?

Граф Панин? Как он может оставаться

У Павла воспитателем?

Гетман

Монархи

Простить умеют, что не по зубам...

Орловские гвардейцы – тоже против.

В Москве сорвали с триумфальной арки

Средь бела дня портрет Екатерины...

Весь Запад, вслед Кастейре, упрекает

Екатерину за мужеубийство.

Разумовский

Последний из Романовых – в тюрьме.

Гетман

Вы все считаете Ивана – русским.

А немец - он, как и Екатерина.

Разумовский (*строго*)

И ты совсем стал немцем, малоросс?

И знать не хочешь мест больных отчизны.

Зря посылал тебя учиться!.. Брат -

Стал противоположностью моей.

Гетман

И ты против меня?

Разумовский

Отдал старшине

Права – они оставшиеся села

В потомственное заберут владенье.

И по твоей записке казаков,

Как и крестьян, теперь закабалят.

Да разве было так на Украине?..

Ты ж предал! Не меня – казачье дело!

Гетман (*озирается*)

Теплов императрице подал эту

Записку, став ее секретарем.

Повсюду, мол, бунты, и гайдамаки.

Разумовский (*хватает его за грудки*)
И булаву наследной вздумал сделать?
Так потеряем гетманство, Кирилл!..
Теплов и в Малороссии стал главным
И в Академии вместо тебя.
Гони взащей ты этого Теплова!

Гетман

Ты знаешь у него какие связи?!..

Входит Теплов.

Теплов

Вы говорите что-то обо мне?

Гетман (*смущенно*)

Что вы... такую книгу сочинили
По философии – куда французам!

Теплов

Мой скромный труд – для неофитов наших.

Гетман (*хохочет*)

Вольтеры, Даламберы, Монтескье –
Все шарлатаны Марсового поля...
Они смущают заговором буйства!
Но вольность даже казаков не кормит!..

Разумовский

Теперь и графы, и купцы - французят.
Вменяют даже в стыд не быть Вольтером.

Теплов (*озирается*)

Вы «О молчанье» манифест забыли?..
Ее величество Екатерина,
Послала мужу Дашковой записку
С предупреждением: «Не хочу предать
Забвению услуг супруги вашей,
Когда опять свободу языка
Позволит, опускаясь до угроз...»
И скрылась Дашкова в своем поместье.

Гетман

О вашей книге можно говорить?..
Что на земле является простым
Все разрушающим орудьем? Черви!
Общественного тела черви – есть
Философы, такие, как Вольтер.
Они несут смерть, беспорядок, хаос.
И вожделенно ждут рукоплесканий...

Теплов (*перебивает его*)

А после, - развращенных мыслей, люди
Всех заражают дерзким толкованьем
Правительственных и монарших прав...
Об этом чти в указе «О молчанье»!..

Гетман

Издвкой Сумароков нравы правит.
Считает он, что вымощены наши
Все улицы невежеством... Мольер!
А у меня был слабым адъютантом.

Теплов

Ваше сиятельство, не буду спорить...
У русского народа три инстинкта.
То - политический, религиозный,
Культурный. В преданности государству,
В привязанности к церкви и в заботе
О просвещении. Так нас учили?

Разумовский

«Привязанность!» А церкви разорились
От секуляризации земель.
Митрополит Арсений возмутился?
Лишить его монашеского чина!
Переименовать его Андреем-
Вралем, как лицемера и плута!
Сослать навечно в Ревель в клетке!.. Так
С царями за имущество борьба,
С пятнадцатого века, завершилась
В России полным пораженьем церкви...

Входит Мирович.

Мирович

Здорово вечеряли?

Разумовский

Слава Богу!

Мирович

Стоит наш полк Смоленский в Шлиссельбургском
Форштате*. По неделям – в карауле
Должны мы в этой крепости дежурить.

Гетман

Пристроились! Подальше от войны...

Мирович

После победы при Грос-Егерсдорфе
Апраксин доносил императрице,
Что Петр Иванович Панин может быть,
По смелости и храбрости его,
Великим генералом. Ну, а я
Считал за честь его быть адъютантом.

Теплов

Да честь - на вырост!

*Форштат - предместье.

Мирович (*обиженно*)

Вид не говорит!..
Фельдмаршал Петр Семеныч Салтыков,
Тщедушный, обходительный, предобрый,
И простенький, и седенький, ну точно,
Как маленькая курочка в кафтане.
И как такой незначущий назначен
Командовать столь армией великой?
Да против короля – грозы Европы!
Но, с мужеством и воинским искусством,
Разбил он пруссаков – и взял Берлин!

Теплов

У Салтыкова – царское родство...

Мирович

Позвольте, господин Теплов, узнать

На челобитную императрице,
Мою и дяди моего, ответ.

Теплов (*достает из папки лист и читает*)

«Апреля, девятнадцатого дня.
Как, по прописанному здесь, проситель
Сей никакого права не имеет,
То для того Сенату отказать.
И на письмо, что подано вторично,
В котором он просил о награждение,
Решением довольствоваться прежним.
Екатерина». А при том сказала:
«Отказано, как сыну и как внуку
Бунтовщиков-мазепинцев».

Мирович

Так, значит,
Я – тоже бунтовщик?

Теплов (*разводит руками*)

Пока что нет!..
Василий Яковлевич, я все сделал.

Мирович (*обращается к гетману*)

Светлейший гетман, заступись, пожалуйста!

Гетман

Петр Первый Скоропадскому писал
В указе о мазепинской старшине.
И обещал простить их, и вернуть
Им и именья, и чины – лишь пусть

Оставят шведов и к нему прибегнут.

Мирович

Указ Петра потомкам – не закон?

Теплов

Монархиня – превыше всех законов.

Разумовский

Екатерина раньше говорила:

«И по какому праву конфискуют
Имущество виновных? Кто посмел
Лишать детей и нисходящих всех
Наследства, им дарованного Богом?»»

Мирович

Плевать ей на меня и трех сестер –
Просковью, Аграфену, Александру,
Которые в девичестве в Москве
По людям странствуют и бедность сносят...
За то, что предок изменил с Мазепой,
В казну забрали земли – и сдыхай!

Теплов

Ее величество считать изволит:
Именье оставляется за теми,
За кем оно доньне состоит...

Мирович (*гетману*)

Вы ж обещали мне?..

Гетман

О невозможном

Меня ты просишь... Мертвого из гроба
Не ворочают!.. Ты же – молодой,
Мирович! Прыткий! Можешь сам себе
Прокладывать дорогу. Исхитрись!
И сам таким же паном сможешь стать.

Теплов (*Мировичу тихо*)

Не только лишь измена на тебе –
Клеймом. Но ты еще и малоросс...

Мирович (*обиженно*)

Я мало рос, да, может, много вырос!
Могу и на великое решиться!

Гетман (*смеется*)

Ай, да казак! Ну, сущий Стенька Разин!..

Теплов (*Мировичу*)

Награду просишь? Заслужи - получишь!

Мирович

И заслужу!.. Но только - как?

Теплов

Узнаешь!..

Разумовский

Все делается по предначертанью.
Поставлен в наилучшие условия
Любой из нас, и в каждую минуту.
И счастлив тот, кто понял и сумел
Воспользоваться этим так, как надо.

В том – самый ценный в жизни результат...

Я – голосом царицу покорил...

Мирович (*смеется*)

И кое-чем еще?..

Разумовский

Не зубоскаль!

Любовь – есть сила слабых, слабость сильных!

А с царственной особою любовь

Влияет и на судьбы государства.

Гетман

И я – не только случаем поднялся.

Ее величество Елизавета

Нам даровала все, что токмо в счастье

Род человеческий мог возжелать...

Мы услужили и Екатерине...

Не знаю, чем Теплов тебя прельстит.

Без подлости Теплова не бывает!

Теплов (*обнимает его*)

Ваше сиятельство, я ль вам не верен?

С первых азов – к вершинам всех наук...

Разумовский (*в сторону*)

Как в Библии: лобза, его ж предаде!..

Гетман (*Мировичу*)

Но ты, казак, не трусь! Хватай фортуны

За космы! Как учил нас Петр Великий.

Иль духу нет - фортуны поправлять?

Разумовский

Мовчит, бо благодінствує?..

Мирович (Теплову)

Хай буде!..

Готов рискнуть – хоть в темную игра!..

Разумовский

Мирович! Не играй с судьбою в карты!..

Один такой картежник, подпоручик

Иоасаф Батурин в Шлиссельбург

Посажен. Захотел императрицу

Елисавету свергнуть, а Петра

Поставить на престол.

Гетман

И против брата

Вдруг обвиненья стали распускать.

Мол, он добро царей отправил в Польшу.

И колдунов завел из малороссов –

Елизавету и Петра студить...

Настраивали против Разумовских

Даже скопцов и староверов... Всех

Зачинщиков поймали и сковали.

Теплов

А заговоры все плетут. Нейдется!

Опять недавно Гурьев и Хрущев

Собрали заговорщиков – вернуть

На царство императора Ивана...

Мирович

Сболтнул мне барабанщик: в Шлиссельбурге
Колодник безымянный номер первый –
И есть Иван, российский император.

Теплов

Из Холмогор доносят об Иване
Императрице под большим секретом.
Так, может быть, сидит там - настоящий
Иван, а в Шлиссельбурге – самозванец?

Мирович

Он написал на миске: «Император
Иван» - и выбросил ее в окно...

Теплов

Да, нужно встречу вам с императрицей
Устроить...

Мирович (*пожимает ему руку*)

Я премного благодарен!..

Входят казаки, обнимаются с Разумовскими и гостями.

1-й казак

Здорово вечеряли?

Разумовские

Слава Богу!

1-й казак

Сиятельнейший граф наш Алексей

Григорьевич, мы чтим твои заслуги.
Ты гетманство вернул на Украину.
Императрица под твою бандуру
Плясала. Наши вольности вернула.
И удостоилась старшина ручки
Ее величества и добрых слов.

2-й казак (подхватывает)

И подпивоком - развлечений всяких –
И оперы, где девки-итальянки
С кастратами и пенъем, и куртаги,
Балы и маскарады... Веселись!

1-й казак

Но депутатских дел не забывали.
Уверены, что ты замолвишь слово...

Разумовский

С Елисаветой все ушло в небытье...
Эй, слуги, угощенье подавайте!
Хлопает в ладоши.

Слуги расставляют на стол угощенье.

1-й казак (гетману)

Сбежали в Новороссию недавно
Крестьян несколько сотен. Можно ль быть
Неблагодарными! Вы, ваша светлость,
Для подданных, как истинный отец!

Гетман

Батька хорош, да матушка-свобода

Получше в тыщу раз!.. Снимай все на пол!

Расставляет тарелки с закусками на ковре, казаки и слуги ему помогают.

2-й казак.

Ясновельможный гетман не преминет
Устроить нам «хождение по мукам»!..

1-й казак

И гайдамаки нынче подбивают
И казаков, и запорожцев к бунту!..

Гетман (*отмахивается от него*)

Сыграем-ка «хождение по мукам»!
Не падать и не разбивать тарелки!
А то задаст нам Алексей Григорьич.
Гей, бандуристы, подыграйте нам!

Выходят домашние бандуристы, играют. Первый казак, выпив рог вина, осторожно идет между тарелок, стараясь держать равновесие.

Все (*болеют за него*)

Ну!.. Ну!..

Гетман

Ай, молодец!.. Ай, без огрехов
Прошел по мукам!..

Все (*шумно*)

Поднимай!.. Качай!..

Казака поднимают и подбрасывают. Слуги ставят тарелки с пола на стол.

1-й казак *(взлетая и хохоча)*

От, черти!.. Будто гарбуза качают!..

Разумовский *(прерывает игру)*

Ну, гости дорогие, угощайтесь!

Все подходят к столу, пьют и закусывают.

1-й казак *(гетману)*

Ясновельможный гетман, вся старшина

К императрице хочет обратиться

С нижайшей просьбою от малороссов,

Чтоб гетманство отныне и навеки

В потомственное вечное владенье

Передавалось роду Разумовских!

Теплов *(удивленно)*

Как трон Романовых - передается?

Разумовский *(гетману)*

И ты возьмешь?

Гетман *(Разумовскому)*

Коли дадут, возьму!..

Теплов *(в сторону)*

Екатерина это не простит!..

Разумовский

Ну, хватит - о делах!.. Сыграем песню!

Василия Миновича попросим.
В два года стал известным в Петербурге.
Им занимается императрица.
У Бецкого он выиграть сумел
На конкурсе перил мостов столичных.
Его стихи Михайло Ломоносов,
В пример, читает в университете...
Ему бы случай – чтоб войти в фавор!..
Сыграй-ка песню нам свою, Василий!

Минович (*берет бандуру, играет и поет*)

Проявился козырной голубь, длинноперистый.
Залетел, посреди моря, на странный остров,
Где сидит в белом камне, в темной клеточке,
Белый голубь, чернохохлистый...
Призывал на помощь Всевышнего Творца
И полетел искать себе товарища,
Выручать из клетки белого голубка;
Сыскал голубя долгоперистого
И полетел с ним на Каменный остров;
А, прилетевши к белому камню,
Они с разлета разбивали своими сердцами
Тот камень и темную клеточку...
Но, не имея сил, заплавав, улетели
Оттуда к корабельной пристани,
Где, сидя и думая, отложили,
Пока случится на остров от моря погода, -
Тогда лететь на выручку к голубку...
Оттуда, простившись, разлетелись –
Первый в Париж, а второй в Прагу...

Гетман

Что приуныли?.. Прочь, печаль-тоска!

Сюда, артисты!.. Спляшем гопака!

Бандуристы играют. Выходят домашние артисты, все пляшут вместе с ними гопака.

Занавес.

Картина пятая

1764 год

Шлиссельбургская крепость. Каземат.

При свете коптилки Иван сидит за столом перед раскрытой Библией.

И перед ним оживает картина из Откровения Иоанна Богослова.

Иван (читает)

*«Пятый Ангел вострубил,
и я увидел звезду, падающую с неба на землю,
и дан был ей ключ от кладезя бездны:
Она отворила кладезь бездны,
и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи;
и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя».*

Видение пропадает.

**В темноте при свете коптилки проступает каземат. Иван – за ширмой.
За дверью слышны голоса охранников.**

1-й голос (читает)

«...А ежели паче чаянья случится,
Чтоб кто придет с командой, без ее
Величества указа именного,
Два офицера или же один
Какой-то офицер, взять арестанта,
И если будет сильная рука,
Что опастись не можно будет вам,
То арестанта умертвить. И в руки
Живого никому не отдавать,
Под смертной казнью!..»

2-й голос

Что за офицер?..

1-й голос

До нас с Григорием был пристав Мюллер.

Так «тронулся» умом!.. И отпустили,
Но все же наградили – деревнями.
Мы тоже скопим тыщ по пятьдесят.

2-й голос

И тоже «тронемся», как наш Григорий?..

А и отпустят – будем под надзором.

Не помнить, не болтать... Не жить в столице...
И никуда на службу не возьмут.

Иван выходит из-за ширмы к столу. Садится есть и пить.

*Раздается лязг запоров, резкий скрип двери.
Власьев и Чекин вносят на шесте ушат горячей воды. В руках у них
черпак и чистая рубашка.*

Власьев

Проснулся?.. Мыться, арестант!..

Иван *(бежит за ширму)*

Не дамся!..

*Охранники сдирают с него рубаху, ставят его в ушат и моют. Иван
кричит, как резанный.*

Чекин *(неестественно ласково)*

Ну, что, ты?.. Успокойся!.. Год – без бани!..

Иван *(плачет)*

Вон, Никон патриарх всю жизнь не мылся...

Вылезает из ушата и надевает рубаху.

Власьев

Теперь ты приготовлен...

Иван

...В монастырь?

Власьев *(щупает Ивана)*

Из-за тебя семь лет жены не вижу...

Иван *(отбивается)*

Отстань!.. Тварь мужеложная!.. Спасите!..

О, Боже праведный, даруй мне силы -
Земное попить!..

Власьев

Ори, хоть лопни!..

Чекин (*щупает Ивана*)

Ты нас насилуешь, а нам нельзя?

Иван

Не тронь!.. Не то ударю промеж глаз!..

Бьет его в лицо.

Чекин (*кидается на него*)

Ну, падла!.. Нос разбил!.. Убью на месте!..

Власьев (*останавливает его*)

Отставить!.. Буйствует – сажай на цепь!..

Власьев и Чекин сажают Ивана на цепь.

Иван (*плачет*)

И почему Господь все это терпит?!

Власьев

Все – грешные! Всех накажи, попробуй –

И никого не станет на земле.

Иван

Скорее бы уйти мне в монастырь.

Чекин

В монастыре сломают целку сразу.

Власьев

Ты никуда отсюда не уйдешь!

Отказано тебе. Чтоб ты подох!..

Иван (*гордо*)

Как смеешь ты со мною говорить?

Чекин

Его величество Говно Собачье!..

Охранники уходят, забрав ушат и грязную рубаху.

Иван (*ходит в отчаянии по каземату*)

Хвалятся похотью души своей!

Хватают!.. Не боятся Бога!.. Дразнят!..

И бесы-императоры дразнили –

Женитьбой, службой и монастырем.

Сильнее пытки – искушать надеждой!

Все кончено!.. Отчаяние душит!..

Уж двадцать лет никак не дочитают

Мне смертный приговор!.. Все ждут, что я

От безысходности помру?.. Не выйдет!..

Что не преодолеть – перетерпи!..

Открывает Библию, читает.

«Псалом Давида пятьдесят восьмой...»

Избави, Боже, от врагов моих.

И от восставших на меня спаси.

Избавь от делающих беззаконье;

И защити меня от кровожадных.

Ибо они подстерегают душу;

И наступают на меня, сильны,

Но не за преступление мое

И не за грех мой. Без вины моей.

Вооружаются против меня,

Сбегаются и воют, аки псы...

Хула - на языке, в устах - мечи...

Господь – заступник мой. Не погуби!»

Свет гаснет.

Из темноты проступает предрассветный Санкт-Петербург. Вдали видна Светличная башня Шлиссельбургской крепости, в которой светится окно узника Ивана.

К Троицкой церкви подходят Минович и Ушаков.

Ушаков

Василий Яковлевич, что тебя
Толкает больше бунтовать – имения,
Или страдания Ивана?

Минович

Все!..
А что тебя-то, Аполлон Ильич?..
Молчишь?.. Смотри, себя перехитришь!..

Ушаков (обнимает его)

Я ради друга смерть принять готов!..

Минович

Когда потомственных дворян лишают
Не только куска хлеба, но и чести!
Когда пришло такое беззаконье,
Что императора - как зверя в клетке,
Содержат!.. Уже нету сил терпеть!

Ушаков

На мученичество он коронован!
При незаконных трех монархах – узник...
Но я спросил дворцового лакея:

«Что будет, если на престол Иван
Вернется?» Он даже присел от страха.
«При Петре Третьем серебром платили, -
Сказал, - а при Екатерине – медью.
Еще переворот – совсем не будут
Платить нам. Значит, будет еще хуже!»

Мирович

Императрица про меня сказала:
«Детям предателей отчизны – счастье
Не возвращается». Надежды нет!

Ушаков

Когда надежды нет – на все пойдешь!..

Мирович (*подозрительно ходит вокруг него*)

Им нужен бунтовщик? Мой род – бунташный!
Готов рискнуть!.. Ты знаешь, я умею
Врага заставить на себя работать!
И может быть, схвачу за чуб фортуна!..
За все Екатерина мне заплатит!
За то, что не свободен в высочайшем
Дворе, без допуска к императрице.
В полках штаб-офицеров – в непочтенье,
Как разночинец, а не дворянин.
И за отказ вернуть мои именья...
Достигнуть преимущества хочу
Я по своим желаньям и страстям!..
А ты зачем со мною, Аполлон?

Ушаков

Что переспрашиваешь? Аль не веришь?..

Я тоже - преимущества хочу.
Ведь так меня шельмуют, за спиной!
Мол, баб не щупает, опрятный, чистый,
И матом не ругается, как все,
Так значит – мужеложник! Как клеймо!..
В лицо не говорят, одни ухмылки...
А если кобелиться нет здоровья?
А если совесть есть, и честь, и такт?..
Немного надо замараться! – шутят...
Вот пристрастился к картам, коньяку...
Освободим Ивана – будет случай
Все получить – и славу и богатство...

Мирович (*обнимает его*)

Все! Верю, Ушаков, ты не предашь!..

Ушаков

Покуда в Академии решают,
Совместно с Ломоносовым, какой
Воздвигнуть памятник императрице,
Мы для нее... могилку приготовим!
Но как, Мирович, голыми руками
Низвергнуть? Без чинов, без сил, без денег?

Мирович

Легко же удалось Елизавете!
Что государственный переворот?
Веселый марш под барабанный бой.
Vivat! – И скипетр взяла Екатерина.

Ушаков

Пойми, ведь революцию свершила

Супруга императора. И ей
Содействовали гвардия, Орловы
И Панины, – все, кто в России правят!

Мирович

Есть и у нас гвардейцы в Шлиссельбурге...
Тьма недовольных воинских чинов!
Только начни переворот – поддержат.
Недаром же по всей столице в письмах
Подметных - о перевороте клич.

Ушаков

Кто эти письма разбросал?

Мирович

Неважно!..
Низвергнуть с трона немку – пустяки!
Мы Тамерланом по врагам пройдем.
Немного гренадеров и немного
Бочек вина и золота мешок –
И можно сделать все, чего угодно
В России.

Ушаков

Только золото кто даст?

Мирович

Неужто так никто не предложил?

Ушаков

Постой!.. Не может быть!.. Я не подумал...
Коллегия военная велела

Мне к генералу Вяземскому ехать
В Смоленск – с деньгами.

Мирович

Вот нам - и мешок!..
Уехал с ним - и сгинул... до июля.

Ушаков (*недовольно*)

Распоряжаешься моей судьбой?

Мирович

Ты что, боишься?

Ушаков

Что бояться мне?
Ты ж знаешь катехизис мой? За это
Одно мне уготован эшафот!

Мирович

Отчаяние делает героем!

Ушаков

Тебя фамилия твоя МИРович –
Предполагает гражданином МИРа!

Мирович

Хвали-хвали!.. Чтоб узника отдали,
Я написал Указ императрицы.
И манифест от имени Ивана
О возвращенье на престол российский.
С присягою на верность государю...
Все по твоим составил образцам...

Четвертого июля ровно в полночь
Ты подплывешь на шлюпке к Шлиссельбургу.
Я буду караульным офицером.
На оклик часового отвечай:
«Курьер от государыни!» - Пропустят.
Ты мне вручишь указ, а я прочту
Команде, чтоб к восстанью их поджечь.
У них под караулом император
Иван?.. И ничего они не знали?..
К ружью!.. Немедленно освободить!..
О государе манифест прочтём...

Ушаков

Ты знаешь точно, где сидит Иван?

Мирович

Его окно - над мостиком канала.
Шепнул мне подпоручик Чефаридзев...

Ушаков

А если пристава нас не допустят?

Мирович

Прогоним в шею иль убьем на месте!..
Освободим из крепости Ивана
И вывезем на шлюпке в Петербург...
И приведем войска, народ к присяге
На верность императору Ивану.
Екатерину же и Павла в крепость
Уединенью предадим...

Ушаков

Как раньше
Предали Брауншвейгскую семью?

Мирович

Пока же сохраняй обет молчанья!..

У церкви появляются первые прихожане.

Ушаков

Потише говори! Еще доложат!..

Мирович (*тише*)

Давай же поклянемся, Ушаков,
Пред этим храмом Троицы Святой,
Пред Божьей матерью и Николаем
Угодником! Все силы, разум, жизнь
Не пожалеть, чтоб вызволить Ивана
Из Шлиссельбурга, на престол российский
По праву возвести. На том...

Оба

Клянемся!

Мирович

А если заговор удастся наш,
Не нюхать табаку, не пить коньяк
И в карты не играть. На том...

Оба (*смеясь, обнимаются*)

Клянемся!

Ушаков

Ты думаешь, как Гурьевым с Хрущевым,
Задумавшим вернуть престол Ивану,
Императрица казнь заменит ссылкой?

Мирович

Цари умеют смертью подразнить,
А после милосердие покажут.

Ушаков

А не помилует?

Мирович

То я скажу
О преступлениях императрицы!
По расточительству, для генерала
Фридриха-Августа, родного брата,
На кораблях послала двадцать пять
Мильёнов золотом, чтоб Фридрих смерть
Кузена Петра Третьего забыл...
А чтоб без покаянья не погибнуть,
Впрок панихиду справим о себе.
За тем я к храму и позвал тебя.

Ушаков (*потрясенный*)

Ты что?!.. Ведь мы с тобой еще живые!

Мирович

На случай смерти, так перед сраженьем
Великим, ветераны поступают...
Вон мой священник, подойдем к нему.

Входит священник. Мирович увлекает к нему Ушакова.

Ушаков (*сопротивляется*)

Грех преступать божественный закон!..

Мирович

Святой отец, хотели б мы предать

Земле погибших сослуживцев наших.

И заказать сорокоуст по ним.

Подает ему деньги и записку.

Священник

Как звать новопреставленных?

Мирович

Василий

И Аполлон.

Священник (*приглашает их в церковь*)

Я приготовлю все.

А вам придется службу отстоять.

Мирович и Ушаков вместе со священником, перекрестившись, входят в церковь.

Выходят Аксинья, мужик и баба.

Аксинья (*сама с собой*)

...Из дыма выйдет саранча на землю,

Величиною с боевых коней,

И власть дана ей будет – грешных мучить.

Царем над ней поставлен Ангел бездны

По имени Аполлион – губитель.

И люди сами будут смерть искать

И не найдут, смерть убежит от них...

Крестится.

Баба (*поднимает бумагу*)

Что здесь написано – не разберу?

Мужик (*заглядывая в письмо, читает*)

«...И будет на престоле восстановлен
Невинно заточенный в Шлиссельбурге
Иван...» Опять подметное письмо?
Отдать бы генералу-прокурору.

Баба (*бросает листок*)

С ума сошел!.. Не видела, не знаю!..

Мужик

А говорят, Иван с отцом своим
Содержатся в одном секретном месте.
И, повеленьем царского двора,
Его воспитывают со стараньем...

Баба (*недоверчиво*)

Да будь брехать-то! Чай, того Ивана,
По разлучении с отцом своим,
Сослали в монастырь и заковали...

Из церкви слышно церковное пение.

Голос священника

Со духи праведных скончавшихся,
Душу раба Твоего, Спасе, упокой,
Сохраняя ю в блаженной жизни,
Я же у Тебе, Человеколюбче...

Хор

Со святыми упокой, Христе,
Душу раба Твоего...

Иван (*кричит из окна*)

А не меня ли это отпевают?

Свет гаснет.

Церковное пение переходит в звон колоколов, грохот пушек, звуки музыки.

В темноте высвечиваются торжественные врата перед замком в Митаве.

*Выходит Екатерина со свитой. Девушки устилают ее путь цветами.
Курляндские придворные, купечество ликуют.*

Бирон (*разбрасывает деньги в толпу*)

Ее величеству императрице
И самодержице всея России
И прочая Vivat!

Все

Vivat!.. Ура-а!..

Екатерина (*Бирону*)

Ну, ты, Эрнест Иванович, затмил
Примерное сражение полков
Румянцева и бой морской, что Миних
Представил нам вчера в порту Балтийском.

Миних (*подскакивает к Екатерине*)

О, Миротворица, Царица Знаний,

Наш Гений, Изумление Вселенной!
Какое прилежание в делах!
Я горячо желаю вам служить,
Петра Великого дела и славу
Приумножать и обессмертить ваше,
Уже божественное нынче, имя –
Екатерина!

Екатерина (*дает знак охране*)

Ну, и льстец, граф Миних!
Да, если б я вам верила, то каждый
Из вас заслуживал бы смертной казни!
Род человеческий – несправедлив
И не разумен. Было бы иначе –
В нас, государях, не было б нужды.
Охрана из гвардейцев оттесняет Миниха от Екатерины.

Миних (*за спинами охраны*)

Предпочитаете все Разумовских?
Тех патриотов четырьмя словами
Сумею я портрет нарисовать!
Нет, не завидую я их величью
И возвышению. Но не стерплю,
Чтоб ставили меня пониже их!..
Теряется в толпе.

Екатерина (*к народу*)

Мое хозяйство маленькое ныне
Идет довольно хорошо. К расцвету!
А просвещенные клеветники
Поддерживают мифы о России,
Как варварской стране, и об угрозе

Татарского нашествия от нас
На просвещенную Европу!.. Что же?
Не зря они боятся нашей мощи.
Мы варварские сбросили одежды.
Наши войска закалены в боях.
Торгуем в отдаленных точках мира.
И власть не ограничена ничем.
У нас – свой план. И будем выполнять
Его мы, как события позволят.

Бирон

О, ваши чувства столь благообразны,
Что памятник из золота отлить
Готово вам российское дворянство!

Екатерина *(смеется)*

Не надо памятник!.. Я – поживу.

Бирон

Ваше величество, что вас подвигло
Остзейские провинции проведать?

Екатерина

Что Петр Великий завещал? Расширить
Пределы наши к северу, вдоль моря
Балтийского. Одновременно – к югу,
Вдоль моря Черного... Моя мечта –
Вернуть Константинополь православью...
Но бессознательно, сравни инстинкту,
Преданье историческое правит.
И надо действовать, в конце концов,
Как требует сама, для выживанья

И своего развития, страна.
Каких племен бы ни был царь российский...
Так что, Курляндия для нас – форпост.
Оживление в толпе.

Бирон (*преклонив колено, целует ей руку*)

Ваше величество, благодарю
За благоденствие и милость вашу!
За то, что, побывав в остзейских землях,
Курляндию изволили проведать!..
Прошу покорно в зал аудиенций!
Уводит Екатерину со свитой во дворец.

Придворные расходятся, переговариваясь между собой.

1-й придворный

Отняв Курляндию у Польши, Петр
Великий наконец-то смог включить
Россию в общий европейский дом.

2-й придворный

Он даже подданным российским не был,
А в регенты попал, почти – в цари!

1-й придворный

За что?.. За то, что спал с императрицей?
Бесстыжее оружие фаворитов!..
Уходят.

3-й придворный

Бирон в Полым был сослан, где когда-то
Томились все виновные в убийстве

Царевича Димитрия.

4-й придворный

Бирон же

Ивана не губил, как Годунов?..

3-й придворный

Жестоко воровал, и без пощады!..

Через Доимочный приказ, собрал

Все недоимки податей... в карман.

По деревням – стук палок, вой голодных...

Развел лазутчиков. Родные дома

Боялись говорить, чтоб кто не выдал.

Прощались на ночь – утром пропадали.

4-й придворный

А в ссылке только у жены Бирона

На два миллиона бриллиантов было!

Бирон наворовался, отсидел –

И вновь у власти. Все ему простили.

Неприкасаемый - непогрешим!..

Уходят.

1-я придворная дама

Пока же эта умница реформы

Проводит в жизнь, какие сочинил

Петр Третий. А присвоила себе.

И секуляризацию земель...

2-я придворная дама (перебивает ее)

Лишь притворяется благочестивой –

На деле вовсе не религиозна...

Ой, мало сербов - немцев приглашает
В Поволжье и Причерноморье жить...

1-я придворная дама

Свод уложений создает – «Наказ»!
Ослабить знать, дать подданным свободу,
Создать третье сословие, поднять
Доход казны... Все - в духе Монтескье...
Вороной выглядит в павлиньих перьях!..
Но Монтескье простит за плагиат...

2-я придворная дама (*перебивает ее*)

И в пьесах – то шекспирит, то мольерит...
Так переимчива императрица...

Гости расходится.

В зал дворца входят Екатерина и Бирон.

Бирон (*подводит Екатерину к креслу*)

Располагайтесь!.. Скоро маскарад!..
В честь вашего приезда, во дворце
Митавском стол накрыт на сто персон!

Екатерина (*садится в кресло*)

Дворец – прекрасный!..

Бирон (*поклонившись*)

Но не Монплеzir!..
Ваше величество, спросить позвольте.
Иван Антонович все в Шлиссельбурге?

Екатерина

Сидит.

Бирон

Ну, что-то надо делать с ним?

Екатерина

А то не знаем без тебя?.. Решаем...

Бирон

Действительно, он разума лишился

И смысла человеческого?

Екатерина

Страшно!..

Бирон

И Петр Великий мог при Софье стать

Таким же – не устрой стрелецкой казни...

Екатерина (*перебивает его*)

Глаз неводи ты с Речи Посполитой!

Раскольники мутят и диссиденты...

Знай, я тебе Курляндию вернула,

Чтоб это ленное владенье Польши

Ты мне к России крепко приковал!

Бирон

Ваше величество, не подведу!..

Нет ли мечты - венчаться с Понятовским?..

Екатерина (*смеется*)

С ума сошел!.. Я – большего достойна!...
Я помогу ему стать королем.
Надеюсь, он на троне будет столь же
Покладистым, как при дворе российском.
А слушаться не будет – пожалеет!..
Ты понял? Я тебя предупреждаю!
Ты мной посажен герцогом курляндским...

Бирон

Ваше величество – ваш вечный раб!

Екатерина

Курляндский герцог – мало! Регент – мало!..
На трон позарился – попал в Полым!..

Бирон

Ваше величество, да, как вы правы!
Анна Иванна, регенство вручая,
Сказала мне: «А это тебе надо?..»
Тираном называли!.. Да не правда!..

Екатерина (*перебивает его*)

Нужна России жесткая рука!
Нужны нам - волчьи зубы, лисий хвост!

Бирон (*осмелев*)

Я знаю это русское каналье!
То скопище строптивых дикарей!
Любые им порядки ненавистны,
Любая власть! Они всегда готовят
Измену, заговор, переворот.
Здесь – государь в опасности, не будь

К услугам верных иностранцев. В наших
Руках – цивилизации победа
Над дикой русской нацией, которой
Иначе просвещение не привить.
Поэтому обречены мы править.
И никуда из власти не уйдем!

Екатерина

Не забывайся, герцог!

Голос за дверью

Граф Орлов!

Входит Григорий Орлов. Бирон, поклонившись, уходит.

Орлов (*целует руку Екатерине*)

Всех иноземных резидентов ваша
Повергла речь... Ну, и какой ваш план?..

Екатерина (*не поняв его намека*)

Я превращу Россию в государство
Морское, как задумал Петр Великий.
Чтоб перед ней Европа трепетала!..
Что? Нет? Испанские я строю замки?

Орлов

Нет, я спросил о планах на венчанье.
Я ж в трепете, копытами стучу!

Екатерина (*целует его*)

Надеялся здесь тайно повенчаться?..
Пока дворянство мне чинит препоны.
Мои ж друзья – теснят своим влияньем!..

Ну, ничего, я с ними разберусь!..

Орлов (*целует ее*)

И «О молчанье» не помог указ?

Екатерина.

И ты на троне видишь - человека,

А божьего помазанника – нет.

Хоть я мала, но как страна, - велика.

Уж я – не просто цербстская принцесса,

Мне Бог Россией дал повелевать.

Меня судить одно потомство может.

И отвечаю я лишь перед ним

За то, что здесь нашла и что оставлю,

За то, что я смогла соединить

Политику и просвещение и

Любовь... К тебе, Григорий!..

Обнимает Орлова.

Голос за дверью

Князь Потемкин!

Входит Потемкин.

Екатерина (*недовольно*)

Уехала за тыщу верст, развлекься!

И здесь мои дела меня догнали!..

Потемкин (*целует ей руку*)

Ваше величество, старшины просят,

Чтобы Кирилл Григорьич Разумовский,

По милости монаршей вашей, мог
Пожизненное гетманство иметь,
С правом его наследования детям...
Их у него с полдюжины сейчас.
Подает пакет.

Екатерина (*посмотрев, возвращает*)
Ишь, гетманство наследовать! Как царь?
Предательство Мазепы не дает
Покоя им... Да, со времен Богдана
Хмельницкого, и даже Скоропадский,
Все гетманы - изменники престолу!
Что, нынешний-то гетман Разумовский
Не изменил уже двум государям -
Елисавете и Петру?

Потемкин
Он болен...

Екатерина
Опять?.. Но я же – не Елисавета!..
И не обязана ему ничем.
Ему пространство многотрудных дел
Малороссийских, и, не меньше важных,
Научных в Академии – велико!..
А между тем бунтуют казаки.
Лишь верховодца только ждут. Когда
Движению не достает вождя -
Он сам придет. Таков закон природы...
Дошли уж до того, что обратились
С петицией о гетманстве наследном.

Потемкин

Но часть старшин и духовенства – против!..

Екатерина

Так мы, по милосердию, уволим
Его от чина гетманства, равно –
От всех малороссийских обязательств.
Пусть пишет мне прошение об отставке!
Пора и в Малороссии ввести
Общероссийские порядки, как
В губернии. И будут все равны.
Заместо гетманства мы учиним
Коллегию Малороссийских дел.
А президентом будет... граф Румянцев.
Готовь указ в Сенат!

Потемкин

Сейчас?

Орлов (*дружески выталкивает его*)

Не спешно!..

Свет гаснет.

В темноте – шум, ликование, треск фейерверков.

Врывается музыка. В сумятице быстро мелькающего света и тьмы танцуют маски «Живая география».

Маски «Англия» и «Франция».

«Англия»

... Она – орудие переворота!

Слаба и молода, и одинока.

Перед разводом, перед заточеньем,

Она на милость отдалась людям,
Спасти ее хотевших... Сев на трон,
Она ничем еще не управляет.
Великим происшествием Орловы
Воспользовались. С ними – русаки,
Невежественней прежних фаворитов...
Они же панибратски ей кричат:
«Мы возвели тебя на трон, ты - наша!»

«Франция»

Ей не отбиться от скандальных слухов
Про гибель императора Петра.
Париж писателю Кастейре верит:
Она – мужеубийца. И Орловых
Не наказала – даже вознесла!..

«Англия»

Ей надо репутацию спасать.

«Франция»

У Делаμβера, гордого, купила
Огромную библиотеку. Книги
Оставила ему и за работу
Библиотекаря ему же платит
По тыще франков в год! Вот это – взятка!
Она же не живет – а выступает!...
Смешно ее корыстное фиглярство
С французскими философами в письмах!..

«Англия»

Да, честолюбие и слава движут,
Как тайные пружины, государей.

«Франция»

А преподносит - как успех правленья:

«Елизавета украшала жизнь,
А мы решили украшать и ум,
Сносясь с литературными вождями –
Вольтером, Деламбером и Дидро».
Вольтер же, за глаза, ее назвал
Тартюфом в юбке и короне.

«Англия»

Браво!..
Минервой, Аонидой Сумароков
Зовет кривляку. А она – Тартюф!

Маски «Пруссия» и «Дания».

«Пруссия»

...У Фридриха в войсках – родня Ивана –
И герцог Брауншвейгский Фердинанд,
И Брауншвейгский принц наследный Карл.
Мы предлагаем членов Брауншвейгской
Семьи освободить. Из них кого-то
Преемником назначить, если Павел
Нечаянно умрет... А будет лучше
Вернуть домой, в их датские владенья.
Пусть им Россия платит пенсион,
Пожизненный, на царские расходы...

«Дания»

Согласна принцев Дания принять...
Пока их не убили, как Петра...

Маски «Польша» и «Турция».

«Польша»

...Князь Черторыйский служит ей открыто...
Ввела войска и подкупила Сейм,
Чтоб Понятовскому отдать корону.
Сама ж печется о разделе Польши.
Сильней войны - измена короля!
Но Польша никогда не станет русской!
А на Москве – поляк уже сидел.

«Турция»

Лжедмитрий - лжеполяк?.. На самозванцев
У русских Минин и Пожарский есть...
А Турция, когда с Россией бьется, –
Помощников - от Крыма до Урала!..

*Шум резко прерывается, зажигается свет.
Во дворце – Екатерина и Орлов.
Входят Бирон, Потемкин и черный офицер.*

Черный офицер (*целует руку императрице*)

Ваше величество, я вам привез
Из Тайной канцелярии письмо
О дивах в Шлиссельбурге.

Екатерина (*берет у него пакет*)

Что за вздор?!

Черный офицер

Теплов изустно Панину донес:

Не верится, что на проделки эти
Рискуют люди мелкие пойти.
В столь важном предприятии должны
Сообщники влиятельные быть.

Екатерина (*просматривает письма*)

Не надо заниматься ерундой!

Черный офицер

И генерал Волконский доложил:
С казной пропал поручик Ушаков.
Комиссия проверила – утоп.

Екатерина (*сердито*)

По пустякам, прошу вас, не тревожить!

Черный офицер

И, наконец, заметили - на лодке
Людей у Шлиссельбурга в черных масках.

Екатерина (*просматривает письма*)

Вот это уже что-то значит!.. Это
Мне провиденье ясный знак дает
О милости своей?.. Накажет Бог
Тех негодяев, написавших ложь
На счет мой в этих богомерзких письмах.
Что оные злодеи замышляют!?
Меня низвергнуть?.. Не меня, а Бога,
Который на престол меня возвел,
Дерзят прогневать. Видеть не хотят,
С каким я тщаньем должность исполняю,
Какой цены все это стоит мне!..

Выпивает залпом два стакана воды, поданных Потемкиным.

Черный офицер

Жаль, поручили Панину надзор!

Екатерина

Указывать нам будешь?.. А не скрыл
О безымянном арестанте тайну.
И вот теперь расхлебываем кашу!..
Что, думаете, предадимся страху?
Затея их – не больше авантюры!..
Но надо до фундамента дойти,
Чтоб знать, насколько то распространилось.
И разом все пресечь. И тем избавить
От шатости невинных простаков.
Бунтовщиков поймать и расспросить
С пристрастием!

Черный офицер

Пытать?

Екатерина

Нет! Увещать!..
Пусть генерал-поручик Веймарн будет
То следствие вести. Он понимает,
И не полезет дальше, чем велят...
Чтобы от зла и духу не осталось!...
Охранникам инструкция дана?

Черный офицер

Они простого нрава и поступят
Лишь строго по инструкции.

Екатерина (*грозит ему пальцем*)

Ступайте!..

Черный офицер, откланявшись, уходит.

Екатерина

Нелепа!.. Коль сокрыта искра в пепле,
Она – в столице, а не в Шлиссельбурге...
Мне надо поскорей в Санкт-Петербург!..

Бирон

А как же бал? Прервать такое действо?..

Екатерина (*берет под руку Потемкина*)

А вот помощник обер-прокурора
Синода князь Потемкин нам поможет.
Он - роста одного со мной. И голос

Мой и турнюры* он не раз удачно
Перебуффонивал – не отличишь.
Его я облачу в мои одежды.
С ним кончишь бал, никто и не заметит.
Екатерина с Потемкиным уходят.

Бирон

Граф Алексей Григорьевич, готов
Содействовать я вашему венчанью!..

Орлов

Вы верите молве, Эрнест Иванович?..
Мои мечты - скромнее: выводить

Свою породу рысаков орловских.

Бирон

Без лошадей и я не вижу жизни...

И царским фаворитам знаю срок!..

Входят Екатерина и Потемкин в одинаковых нарядах.

Екатерина (Бирону)

Григория Потемкина прошу

Любить и жаловать в высокой роли!..

Потемкин, подражая Екатерине, подает руку Бирону и ведет его на танец.

Потемкин (голосом Екатерины)

Бирон России нужен – для порядка!

Бирон (Потемкину, смеясь)

Ваше величество, но, как известно,

У вас одни советчики – вольтеры.

Потемкин

Я слушаю их - лишь из любопытства.

Чтобы развеялось высокомерье

Европы в отношении России.

Доверься им – вверх дном перевернешь

Империю... Их смелость – на бумаге,

Моя ж – на коже подданных... Пар-дон!..

Щиплет Бирона, он подскакивает.

*Турнюры – подушечки под зад в женском туалете.

Екатерина (*смеется*)

Надеюсь, я не потеряю трон?

Занавес.

Картина шестая

1764 год

*Шлиссельбургская крепость. Каземат.
При свете коптилки Иван сидит за столом перед раскрытой Библией.
И перед ним оживает картина из Откровения Иоанна Богослова.*

Иван (читает)

***«Шестый Ангел вострубил,
и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника,
стоящего перед Богом...
И освобождены были четыре Ангела,
приготовленные на час и день, и месяц и год,
для того чтобы умертвить третью часть людей».***

Видение пропадает.

*В темноте при свете коптилки проступает каземат. Иван - за ширмой.
В крепости слышны голоса.*

1-й голос

...Команда коменданта: пропустить
Гребцо-ов!..

2-й голос

Открыть ворота для гребцо-ов!..

1-й голос

Команда коменданта: выпустить
Из крепости гребцов с канцеляристо-ом!..

2-й голос

Канцеляриста выпустить с гребцами-и!..

Иван, в матросской рубашке, выходит из-за ширмы, гремя цепями на ногах.

Иван (поет)

Больше света! Больше света дайте мне!

Белый свет могу я видеть лишь во сне...*(вздыхает)*

Где ангелы-хранители мои?..

Садится за стол. Начинает торопливо есть и пить.

Дверь бесшумно отворяется. Появляется видение Мировича в черном плаще.

Мирович

Ваше величество, я – ваш спаситель...

Иван *(испуганно)*

Ты кто?

Мирович

Я возвращу вас на престол.

Иван *(вскакивает)*

А смеешь ли ты говорить со мной?

Мирович *(быстро)*

Я – караульный офицер. Я смею!

Я хитро все придумал – план, маневр!..

Освоил царские перевороты.

Лишь кажется, что власть необорима.

В ней корня нет, толкни – и упадет!

Освободим из Шлиссельбурга вас

И привезем на шлюпке в Петербург,

В Артиллерийский лагерь. Там – и пушки,

И барабаны! И Vivat!.. И снова

Иван Шестой, законный император,

Взойдет со славой на российский трон!

И возликует весь народ!..

Иван *(крестится)*

Святой

Григорий – я! Ивана нет давно...

Мирович *(отскакивает от него)*

Как – нет?.. Вы миску бросили в окошко?

На ней вы написали: «Император

Иван»)?

Иван

Менять судьбу меня прельщаешь?
Как дьявол соблазнял Христа?

Мирович

Христос
Нам - Царь небесный, вы же - царь земной!

Иван

Не искушай меня мирскою властью!..
Я в монастырь собрался... Разрешили!..

Мирович

Как в монастырь сошлют – там и сгноят!
В Архангельске митрополит Арсений
Гниет в монастыре, как Аввакум!..

Иван (*перебивает его*)

Стой!.. Вспомнил! «Если даже офицер
Один придет... живым не отдавать...»

Мирович

Кто не рискует, тот – не император!..
Все – трусы! От меня глаза отводят.
У них под караулом - царь! Не верят.
К восстанью их зову – они злословят:
«Вождь недоспелого переворота,
Без денег, чина, гвардии... - смешон!»
Лишь Аполлон мне сикурс* обещал.
И тот утоп... А может, изменил?..
Но я поклялся вас освободить!
И клятвы не нарушу. (*Обнимает его*)

Иван (*отталкивает его*)

Нет!.. Изыди!..

Ты сам боишься!

Мирович

Да!.. Но чувство чести

Сильнее страха смерти!.. И я тверд
В решении вас возвратить на трон.

Иван

Один?

Мирович

Нас – легион! В моей команде...

Иван (*перебивает его, крестясь*)

Вас – легион?.. О, Господи, спаси!..

*Сикурс – помощь.

Мирович (*отскакивает*)

...Солдат - полсотни, десять офицеров,
Пушкарь и барабанщик... Из охраны
За вас - князь Чефарыдзев, пристав Власьев...

Иван

Нет! Капитану Власьеву нет веры.

Мирович

А будет против - мы его уьем!..

Иван

Я, грешен, сам грозил его побить!
За то, что дразнят и наводят порчу...
А кто над всеми командир, – согласен?..

Мирович (*показывает ему бумаги*)

Ваше величество, прочесть извольте!..
Вот именной указ императрицы
О том, чтоб караульный офицер
Арестовал немедля коменданта,
А императора Ивана спешно
На шлюпке перевез в Санкт-Петербург.

Иван (*смотрит на указ*)

Это – ловушка!.. Чтоб меня убить!

Мирович

Не бойтесь! Я же – с вами, неотлучно,
Для сохраненья вашего здоровья
И целостности. Вплоть до воцаренья...
А что касается императрицы
С наследником, - то, при согласье вашем,
Мы заключим их в этот каземат,
Не причинив стеснения и вреда...

Иван (*оглядывает каземат*)

Не дай Бог никому такую пытку!..
Да я и не умею в свете жить!
Судьба дала мне право быть царем,
Но я не смог воспользоваться правом
Рожденья... Почему?.. Проклятье рода?..
И вот с младенчества томлюсь в темнице...
Сердит, свиреп, горяч!.. Как в клетке – зверь!..
Без склонностей, желаний и понятий...
И без малейшей памяти... Дикарь!
Как буду править я людьми?!..

Мирович

Поможем!..

Все лишь об императоре Иване
Шестом по Петербургу говорят,
Что он на днях вернется на престол.

Иван

Кто ж говорит?

Мирович

Да, хоть лакей придворный,
Или рейтар... иль гетман... да все люди.
А пьяный капитан один сказал мне:
«Что ты не весел? Знаю я, что ты
Задумал!.. А коль смерть - да к смерти?..»

Иван (*крестится*)

Боже!..

Бес беса соблазнял меня сгубить!..

Мирович (*опять отскакивает от него*)

Настал Иванов день! Восторжествуйте,
Над роком и над нами, и... над миром!

Иван

Во сне я видел лестницу крутую.
И голос повелел идти по ней.
Я слабости своей сперва боялся.
Но начал восходить. И люди рядом
Меня подсаживали... Выше, выше...
До неба...

Мирович (*кивает*)

Возводил на трон - народ.
Лишь надо доказать, что вы – монарх.

Иван быстро приносит из-за ширмы монету.

Иван (*показывает Мировичу*)

Я рубль представлю с профилем Ивана
Шестого. И народ меня признает.

Мирович

Монеты эти все давно изъяли.
А кто смел утаить - руки лишался.

Иван

Тогда положим восхождение в сердце,
И, поновив поля, посеяв правду,
Просветим мы свет виденья себе,
И возглаголим Божию премудрость,
И воссияем для других людей!..
О, Боже, сделай так, как ты хотел!
Прячет монету за ширму.

Мирович (*быстро*)

Прочтем им этот манифест и войско,
И весь народ к присяге приведем
На верность императору Ивану.
Артиллеристов часть пошлете вы
Взять крепость с Петербургской стороны
И бить со стен ее из всех орудий,
Чтоб в страхе трепетали все враги.
Другие обер-офицеры спешно

К присяге в Петербурге приведут
Гвардейские полки и полевые,
Расставят на мостах реки пикеты,
И манифесты развезут в Сенат,
Синод, коллегии... во все места...
И, осененные крестом Господним,
Взойдете вы на трон российский...

Иван

Хватит!..

Мирович

И патриотов, милостью монаршей
Своею, не оставите вовек!..
Вот манифест о вашем возвращенье
На трон, присяга подданных на верность...
Лишь подпишите собственной рукой.
Подает ему листы.

Иван

Мне нечем...

Мирович (*колет ему руку шпагой*)

Кровью!..

Иван (*кричит*)

Душу не отдам!...
Лукавый!.. Искушать пришел?.. Изыди!..

Мирович (*смеется*)

Но жребий брошен!.. То не я – к тебе,
А ты – ко мне пришел!.. Так сильно хочешь
Не согнуться безымянным арестантом?

Зовешься императором Иваном?
Святой! А сам мечтаешь о престоле?!

Иван (*крестит его, загоняя за ширму*)
Сгинь! Сгинь!.. Крест впереди, крест позади.
И что - кресту, то – нам!.. Чур!.. Чур, меня!..
Скрывается с Мировичем за ширму. Все стихает.

*Раздается лязг запоров, резкий скрип двери.
Входят Власьев и Чекин, при шпагах.*

Чекин (*тихо*)
Он спит.

Власьев (*тихо*)
Мне караульный офицер
Шепнул: «А не погубите меня
Вы, прежде предприятия моего?»
Я осадил его: «Коль предприятие
Ваше такое, что сулит гибель,
То слышать не хочу вас!»... Арестант!..

Слышится шум тревоги в крепости.

Иван (*выходит из-за ширмы*)
Приснился мне... красный дракон, с семью
Он головами, десятью рогами.
На головах его – семь диадем.
И Ангелы сразились с ним. И в бездну
Низвергли... Кровью Агнца победили!..

Чекин (*толкает его*)

Закрой скворечник, псих!

Власьев (*прислушивается*)

Неужто бунт?!..

Цепь, цепьними!.. Увидят – растерзают!..

Чекин (*снимает цепь с Ивана*)

Инструкция при вас?.. Нам не отбиться!..

Власьев

Закреть ворота!.. Гарнизон, к ружью!..

Охранники убегают.

Иван (*крестится на икону*)

Случилось что-то?.. Господи, спаси!..

Прячется за ширму.

Свет гаснет.

Шум нарастает. Перед казематом. Выходит Минович, с ружьем, за ним – младшие офицеры и солдаты караульной команды, с фонарем.

Мирович

...Сейчас – капрал, а будешь – подполковник!

Капрал

Я, что-о? Коль все согласны, то – и я...

Мирович

К ружью!.. Пу-ля-ми заряжай!.. Во фронт!..

Солдаты выполняют команды.

К ним выходит комендант Бередников.

Бередников

Во фронт – отставить!.. Почему тревога?..

Где караульный офицер Мирович?...

Мирович (*бьет его прикладом*)

И на тебя, злодей, у нас - указ!

Ты держишь императора Ивана

Здесь в заточении?.. Арестовать!..

Бередников (*падает*)

Какого императора?.. Не знаю!..

Солдаты уводят его.

Мирович

За мной!.. К Светличной башне!.. Ружья – к бою!..

Солдаты устремляются за Мировичем.

Голос часового (*с галереи башни*)

Куда идете?.. Сто-ой!..

Мирович (*кричит*)

Мы – к государю!..

Голос часового

Нет государя!.. Сто-ой!.. Будем стрелять!..

Раздаются выстрелы с башни.

Мирович

Мы умереть должны за государя!..
Палят?.. Всем фрунтом... по врагам... па-ли!..

Команда Мировича стреляет по башне.

1-й солдат

Стреляем по своим?.. Братоубийство!..

2-й солдат

Царя бы не убить!.. Ведь пуля – дура!..

Мирович (*снимает с себя белый шарф*)

Стой!.. Не стрелять!.. Капрал, пойдя к охране.

Потребуй, чтоб пустили к государю!

Не пусят... – мы подкатим пушку!

Отдает шарф капралу.

Капрал

Есть!

Уходит, подняв белый шарф.

Мирович (*достаёт из кармана ключи*)

Где канонир?.. Возьми ключи, ступай

На бастион за пушкой – живо!

Канонир (*берет ключи*)

Есть!

Канонир с солдатами уходит.

3-й солдат (*тихо*)

... Темнит наш караульный офицер.

4-й солдат (*громко*)

Пусть подпоручик нам представит вид!..

Мирович

Что?.. Манифеста государя - мало?

Я ж вам читал? (*Показывает бумагу.*)

3-й солдат

Невнятно!.. В суматохе!..

Мирович

Иван Антонович указ отправил

К полковнику, чтоб он привел наш полк

К присяге императору на верность.

Шум недовольства.

4-й солдат

И все мы - под присягой?..

Входит капрал с шарфом.

Капрал

Господин

Поручик, разрешите доложить?..

У них нет государя. Не пускают.

И смертной казнью нам грозят за бунт.

Мирович

Уже повысил чин? Я - подпоручик...

Грозят?.. За мной!.. Ударим по воротам

Из пушки!

Уходит, увлекая за собой солдат.

1-й солдат

И взлетит все - с государем!..

Уходит.

Шум в крепости.

Из-за ширмы выбегает Иван и мечется по каземату.

Иван

Все ближе топот смерти!.. Час пришел!..

Сейчас весь мир мне кажется одной

Зияющею раной!.. Бежать!..

(Стучит кулаками в дверь.)

Откройте двери!.. Расступись, гора!..

(Сползает на пол.)

От вопля изнемог, гортань засохла.

Враги мои преследуют меня.

Мне сердце сокрушают поношеньем.

Я изнемог и состраданья жду,

И утешителей не нахожу.

Чего не отнимал, велят отдать.

Теперь хотят и жизнь отнять мою.

О, Боже, есть предел моим страданьям?

Приблизься, Господи, к душе моей!

Услышь меня во истине спасенья!..

(Крестится.)

Раздается лязг запоров, резкий скрип двери.

Входят Власьев и Чекин.

Иван отскакивает от двери.

Власьев

Ты что стучишься в двери, арестант?

Иван (*пятаится от них*)

Черные ангелы за мной пришли!..

Чекин

Что будем делать со «святым»!

Власьев

Отставить!..

Теперь не сдайся – смерть, и сдайся – смерть!..

Успеет к острову приплыть подмога?..

Чекин

Не выстоим! Они пошли за пушкой...

И что, нам погибать за арестанта?..

Замочим – и на волю?

Власьев

Как сказать?..

Иван (*мечется по каземату*)

Не смейте убивать!.. Я – государь!..

Власьев и Чекин медленно теснят Ивана к печке.

Власьев (*обнажив шпагу*)

Ну, что ты мечешься?.. Не убежишь!..

Иван

Я - тяжкий грех трех государей ваших.

И то убить меня они не смели!

А кровь на ваши головы падет!..

Власьев делает выпад шпагой, попав в печку. Иван отскакивает, шпага ломается.

Чекин (отдает Власьеву свою шпагу)

Стой, поросенок Гришка!.. Хрю! Хрю! Хрю!..

Усилился шум солдат в крепости.

Голос Мировича

Ставь пушку!.. На ворота направляй!..

Власьев (Чекину)

Встречай гостей!

Чекин (пятится к двери)

Я их не удержу!..

Я ничего не видел и не знаю!..

Власьев

Скажи, что мы сдаемся!.. Нас запри!..

Чекин выскакивает за дверь. Слышен лязг запоров.

Иван (бегает от Власьева)

Крещенье и водой, и покаяньем,

И духом, и мученичеством кровно

И слезно – мне принять привел Господь...

Власьев (*колет его в руку*)

Молись, Григорий!.. Не отдам живым!..

Иван кричит от боли.

Дверь бесшумно открывается. В дверях появляется видение Анны Леопольдовны.

Анна

Иди ко мне, сынок! Не бойся!..

Иван (*поворачивается к ней*)

Ма-ма!..

Власьев (*закалывает Ивана*)

Все!.. Приговор исполнен!.. Все свободны!..

Бросает шпагу.

Иван (*держась за рану*)

Проклятие Романовскому дому

За гибель императора Ивана!..

Падает посреди каземата.

Власьев идет за ширму.

Анна исчезает. Дверь неслышно закрывается.

Власьев (*с бараньим тулупом в руках*)

И что не кончили его младенцем?

Царят надо топить, пока слепые!..

Отмучился, Григорий?..

Прикрывает тело Ивана тулупом.

Голос Мировича

Заряжай...

Ядром!.. Фитиль...

Голос Чекина (*прерывает его*)

Сто-ой!.. Не стреляй!.. Сдаемся!..

Голос Мировича

Отставить!.. Все – за мной!.. За государем!..

Слышится шум и топот бегущих солдат.

Иван (*умирая*)

Блажен, кто свой обожил ум!.. Блажен,

Кто, воспаря очищенным умом,

Сияние небесных светов видит!..

К Богу слезят глаза мои!.. Летам

Моим конец приходит... Отхожу

В путь невозвратный... Все!.. Конец мученьям!..

Свет исходит от лица скончавшегося Ивана.

Голос Мировича (*за дверью*)

Где государь?

Голос Чекина

У нас нет государя.

Есть государыня - в Санкт-Петербурге...

Раздается лязг запоров и резкий скрежет двери.

Вбегают солдаты с ружьями и фонарем.

Мирович (*за шиворот вталкивает Чекина*)

Другой бы заколол тебя! Ух, боров!..

1-й солдат (*бросившись к Ивану*)

Убили императора!..

Мирович (*трогает Ивана*)

Как смели?!..

Ваше величество!.. Еще он теплый!..

Ах, сволочи!.. Бойтесь ли вы Бога?..

За что невинную пролили кровь

Такого человека?..

Наступает на Власьева и Чекина.

Власьев

А какого?..

Для нас он – безымянный арестант...

Вы начали стрельбу! Опасный бунт!

А вот инструкция – чтоб арестанта

Живым не отдавать!

Протягивает бумагу.

Мирович (*толкает его*)

Цареубийцы!..

Целует Ивану руку и ногу.

Шум недовольства солдат.

1-й солдат

Освободили!.. Что же теперь делать?..

2-й солдат

Прости, что не успели, государь!..

Мирович разжимает кулак Ивана и достает из него серебряный рубль.

Мирович

Вот рубль с изображением младенца
Ивана, императора России.

Власьев (Чекину)

И как он убережешь от шмонов мог?

Мирович

Помазаннику Божию, в несчастье,
Должны б еще усердней послужить.
Вы представляли для него – народ!
И знатное его происхождение,
И право на корону вызывать
Должно у вас почтение и трепет!..
А юный агнец, с полным к вам доверьем,
Имея для охраны только вас,
Не мог и допустить, что вы войдете
И варварски заколете его!..
Швырнув освободителям к ногам...

Капрал (наставив штык на Власьева)

Еще грозил!.. Сколоть злодея!..

Мирович (отводит его ружье)

Нет!..

Не троньте их!.. Нет помощи теперь!..

Они – правы, а мы – во всем виновны...

Не знал я об инструкции секретной!..

Шум недовольства солдат.

1-й солдат

И что, отпустим их?

Мирович

Арестовать!..

Солдаты арестовывают Власьева и Чекина.

Власьев

Мы сделали по должности присяжной!..

Мирович

Кладите государя на постель

И выносите из тюрьмы – на волю!

Последний долг монарху отдадим!

Свет гаснет.

В темноте слышно, как барабанищик бьет «утреннюю зарю», потом – «полный поход». Выстрелы траурного салюта.

Рассветает. На фрунтовом месте в Шлиссельбургской крепости лежит на постели Иван в матросском платье, прикрытый бараньим тулупом. Перед ним – строй солдат на карауле. В стороне – Власьев и Чекин, под арестом.

Мирович

Солдаты! Гляньте, вот – наш император

Иван. Его скрывали четверть века.

И даже имя предали забвенью.

Теперь – он с нами... Мы ж не столь счастливы,

Сколько несчастны!.. Я же – больше всех!..

Я так хотел вернуть его на трон!..

Но я не жалею на провиденье

О злополучной участи моей...

Оплакиваю только государя
Несчастливого!.. Он стал невинной жертвой
В нескладном предприятии моем...
Себе составить счастье я хотел
При государе... И низвергнут в бездну!
И все готов за то перетерпеть!..
А вы – не виноваты! Вы не знали...
Один я согрешил!.. Простите, братья!..

Мирович проходит вдоль строя и целует солдат.

Капрал заходит за спину Мировича и выхватывает у него шпагу из ножен.

Капрал

Вот так!.. Героем стать хотел, подлец?..

Мирович (*оборачивается к нему*)

Не тронь! Я сам отдам...

*Выходят комендант Бередников, с перевязанной головой, и черный офицер.
С ними - солдаты гарнизона.*

Бередников

Арестовать!..

Клятвопреступник!.. Бунтовщик!.. Злодей!..

Ты руку поднял на императрицу!..

Да за такое преступление – смерть!..

Срывает с него офицерские знаки.

Солдаты гарнизона арестовывают Мировича.

Мирович (*насмешливо*)

Вы, может быть, не видели Ивана

Шестого? Гляньте! Но теперь он – мертвый...

Нам, по инструкции императрицы,

Его живым не дали.

Власьев (*осмелев*)

Никакой

Инструкции не знаю и не видел.

Мирович

Совал при всех?

Власьев (*показывает бумагу*)

Да это - чистый лист!

От страха на инструкцию сослался...

Черный офицер (*Мировичу*)

А кто сказал, что этот арестант –

Был раньше императором Иваном?

Вы его видели когда?..

Мирович (*опустив голову*)

Не видел...

Бередников (*обращается к строю*)

И вы, кто за Мировичем пошел, -

Клятвопреступники!.. Вы все давали

Присягу верой-правдой послужить

Императрице!.. Все под суд пойдете!

Оружье – наземь! Всех – арестовать!

Солдаты команды Мировича бросают оружие на землю.

Солдаты гарнизона окружают их и берут под ружье.

Строй арестованных заволновался.

1-й солдат (*возмущенно*)

Солдаты-то причем?.. Он – командир!..

А наше дело – выполнять команды...

Мирович (*кричит*)

Вам бы казнить действительных убийц!..

Взываю к Богу и царям земным –

К отмщенью за убийство государя!

Свет гаснет.

В темноте лицо Ивана светится. Постепенно его окружают люди. Они высвечиваются - по кругу.

Екатерина и черный офицер.

Екатерина

Мертвое тело арестанта тайно

Предать земле иль во дворе, иль в церкви,

Где б солнца не было, в закрытом месте.

Нести же тело в самой тишине...

Черный офицер

Никто не будет знать его могилы.

Екатерина (*передает ему пакет*)

Ты графу Панину отдай пакет...

Чтобы в раскаяние привести

Зачинщиков нелепы Шлиссельбургской,

Пусть сделают увещеванье им.

Расследовать в секрете... без утайки.

Чай, двести человек к тому причастны...

Черный офицер

Арсений в письмах требует пытать
Мировича... Чтоб снять все подозренья
В причастности императрицы к бунту.

Екатерина

А кто такой Арсений?.. Андрей Враль?..
Плут и великий лицемер?.. Расстрига?..
Какой-то ссыльный лжец нам указывает!

Черный офицер

И князь Черкасский требует – пытать!

Екатерина

Мирович – тоже плут!.. Пытать не будем!..
Мы, чтоб не беспокоить арестанта,
И в обществе мятеж не допустить,
Поставили двух честных офицеров,
Дабы призреть и соблюдать его.
Но не могли они избегнуть зла
Чудовища такого, как Мирович...
Который, от отчаяния жизни,
Ужасным преступленьем всех смутил.

Черный офицер

А им за долговременную службу,
По неимуществу, ради здоровья,
Назначить пропитанье и покой?

Екатерина

Назначить... И - подальше от столиц...

Скачи в Санкт-Петербург. А мне – нет ходу.

Пески великие... как все в России.

Власьев и Чекин.

Чекин

Солдат забил до смерти - дали срок.

А императора убил – и воля?..

Власьев

А что нам было делать? Или смерть

Помешанного, или море крови

И государственный переворот!

Чекин

Неужто нам отвалят по семь тысяч?

Власьев

Ты тридцать три серебряника ждал?..

Смеется.

Гетман и Мирович.

Гетман

На кой мне лях, тебя увещевать?..

И для чего предпринял ты такой

Злодейский умысел?

Мирович (связанный)

А для того,

Чтобы и мне быть тем, чем стали вы.
Я не из тех, кто из-за страха смерти
Всю жизнь подвержен рабству!..

Гетман

Не дерзи!..
Эк, сколько незазорства, превосходства!..
Еще участник заговора кто?

Мирович

Хотите вы, чтобы я вас назвал?
Чай, ваш совет: «Хватай за чуб форту!»

Гетман (*оглядывается*)

Так это ж Петр Великий говорил!..
Терпи, казак!.. Но гетманом не станешь...

Мирович

А может, булаву мне обещали,
Коль вывезу из крепости Ивана?

Гетман

Так ты – не бунтовщик, а провокатор?..

Мирович

Все ж в предприятии моем есть толк:
Открыл я императора Ивана!
Не тело воскресил его, так – имя.
Гетман уводит Мировича.

Два казака.

1-й казак

...Ее величество императрица
На гетмана, ой, дюже, зла теперь!..
Видать, не только гетманство отнимет,
Но и малороссийские именья.

2-й казак

Да, бунт Мировича – серьезный повод
Нас, казаков, от гетмана избавить
И наши привилегии отнять.

1-й казак

Хотел Мирович к трону нас приблизить,
Как Алексей Григорьич Разумовский...
Кишка тонка!.. Приблизил наш конец.

Екатерина и черный офицер.

Екатерина (возмущенно)

...Нет никакой инструкции секретной!..
И от увещаний мало проку.
Мировича велю пытать!.. Пристрастно!

Черный офицер

Иные судьи на своем стоят:
Не мог Мирович действовать один!
Есть брат его, и сестры... Ушаков
Имеет брата... Надо всех проверить.

Екатерина

Хвалю, что за Мировичами смотришь!..
Коль дело не дойдет до них, не надо
Арестов. Знаешь: брат – мой, а ум – свой.

Чтобы невинные - не пострадали.
Да, я бы и Мировича простила,
Когда бы оскорбил он лишь меня.
Но он на государство замахнулся!...

Черный офицер

Сомнение слышно – правы ль офицеры,
Убившие поспешно арестанта?..
Часть судей не хотят уподобляться
Машинам, движущимся вдохновеньем
Сторонним, или же комедиантам.

Екатерина (*засучивает рукава*)

Ах, дело-то пустяшное!.. Они же
Галиматъей и вздором занялись!

Черный офицер

Члены Синода подписать не могут,
По сану, смертный приговор...

Екатерина (*отмахивается*)

Не надо!..

Черный офицер

Орловы проследили – приходил
Мирович часто к Дашковой...

Екатерина (*перебивает его*)

Пустое!
У ней гостил там Петр Иваныч Панин.
Мирович посещал его по службе.
Сам Панин мне писал: «Мирович – лжец,

Бесстыдный человек и трус великий!»

Черный офицер

Да трусы – не бунтуют!..

Екатерина (*перебивает его*)

Не перечь!..

Когда бы Дашкова накоротке

Мировича узнала, приняла бы

За дурака!... Ну, Дашкова – дождется!..

Наверное, Мирович – сам хозяин-

Разбойник!.. Не лакей какой-нибудь

Живой души или другой державы.

В сем предприятии – заговора нет

Пространного. Союзников – нет тоже...

Скачи в Санкт-Петербург. Пусть граф Никита

Иваныч Панин поторопит суд.

Отдает ему пакет.

Бестужев и Дашкова.

Дашкова

...Я верю, что Мирович поступил

Без ведома императрицы.

Бестужев (*многозначительно кивает*)

Да-а!..

Все выгораживаете подругу?..

С ней в революцию мечтали править?..

Она ж вас бросила и охладела...

Дашкова

Друзей своих я часто оскорбляла
Горячей ревностью им помогать.
И рвения мои не удавались
От страха их – обязанными быть.

Бестужев

Да-а!.. Мир таков! Ободрят ваши планы,
Но постараются их уронить,
Чтобы лишить вас чести начинанья...
И я... был канцлером при трех монархах.
А вот отставлен и оставлен всеми...
Да, роковая женщина – опасна!
То муж скончался, то жених убит...
А править будет еще тридцать лет!..

Дашкова

Но я навек верна императрице!..
Бестужев и Дашкова уходят.

Разумовский и священник.

Разумовский

Весь бунт Мировича – какой-то фарс,
Разыгранный для гибели Ивана.
Но брат мой, гетман, не причем...

Священник

А вдруг?...

Разумовский

Ей мало, что убила мужа!.. Боже!
Да не сожги я брачных документов...

Священник (*перебивает его*)

Грешна Россия! Ей не искупиться,
Пока великомученик с рожденья,
Невинно убиенный император
Иван не будет приобщен собором
К лику святых...

Разумовский

А может быть, и будет...

Екатерина и Панин.

Екатерина

...Я колебалась кровь пролить сначала,
Но правосудие - превозмогло.
Бунтовщика Мировича – казнить!
А тело на позорище оставить
И после сжечь прилюдно с эшафотом!
Капралов трех, трех рядовых солдат
Шпицрутенами наказать, прогнать
Сквозь строй из тыщи человек... раз десять,
Потом сослать на каторгу навечно.
А шестьдесят изменников солдат
Прогнать сквозь строй, и всех сослать в Сибирь!

Панин

Но судьи требуют – четвертованья!..

Екатерина (*раздраженно*)

Ох, не люблю тебя за то, Никита
Иванович, что вечно ты перечишь!

Моих прав – не касаться! Никому!
По милости моей, четвертованье
Меняю отсечением головы...
Что дали обыски? О голубках
Стихи Мировича растолковали?..

Панин

Ваше величество, есть крепость Прага
В Варшаве!

Екатерина

Голубок туда собрался?..
Отец его там был – за что наказан.
Возможно, нити тянутся в Варшаву...
Не отрыгнулось бы нам новым бунтом?

Панин

По завещанью Анны Иоанны,
С кончиной императора Ивана
Престол наследуется его братом...

Екатерина (*перебивает его*)

Теперь всю Брауншвейгскую семью
Готовь отправить в датские владенья,
В согласье с королевою Марией...
Пришла пора кончать эксперимент
С проклятой Брауншвейгскою семьей!..
Построено ли судно им?

Панин

Готово!
Ваше величество, погоды ждем.

Екатерина (многозначительно)

А не потонет вместе с ними в бурю?

Панин (оторопев)

Смотря, какой случится капитан...

Екатерина (строго)

Случится?.. Подходящего найди!..

Екатерина и Панин уходят.

Маленький принц и великан в плаще.

Маленький принц (смотрит на Ивана)

И по какому праву офицеры

Помазанников божьих убивают?..

Отца убили, а теперь – Ивана...

Кто, кроме Бога, - над царями?

Великан

Рок!

Маленький принц (испуганно оглядывается)

Кто ты?.. Чего желаешь?..

Великан (смотрит на Ивана)

Ах ты, бедный!..

Кто я?.. Тот, кто участие принимает.

Чего хочу?.. Чтоб ты не обольщался

Привязываться к миру. Потому что

Ты не останешься в сем мире долго.

Живи, как следует – умрешь спокойно.

Укоров совести не презирай –
Великой муки для души великой.

Уходит

Маленький принц *(плачет)*

Зачем меня назначил ты на царство?

Уходит.

Мужик, баба и блаженная Аксинья.

Мужик

...Народ молчит, как Бог!.. Знать, не согласен.

Баба

А православный государь Иван
Все б наши беды понял и отвел.

Мужик

Да только править не дали Ивану.
И не дают, и сами не умеют!

Аксинья *(глядит на Ивана)*

...Безумье мира обличивший – мнимым
Безумьем!.. Восприявший силу Божью
Смиреньем крестным и терпеньем кротким...
(Крестится и что-то шепчет.)

Мужик *(показывает на Ивана)*

А в Шлиссельбурге, мож, Иван подменный
Убит, а настоящий император
Так в Холмогорах и сидит?.. Дела-а!

Аксинья (*кричит*)

...И покати́лась с плахи голова!..
И отшатну́лись люди!.. Вздо́гнул мост!..
И рухну́ли пере́ла!.. Крик!.. Кро́вь!.. Крест!..

Общий крик боли.

Высвечивается священник.

Священник (*смотрит на Ивана*)

Грехи всех верноподданных свалились
Горою на него – и задавили!..
Он жил – безвинно страждущим, и умер –
Великомучеником деспотизма!
Чреда его пожизненных страданий
И унижений – это путь к Голгофе!
Царевича Димитрия убийство
Померкло перед гибелью Ивана!
Да потрясет крик ужаса весь мир!

Общий крик ужаса.

Да отольются праведные слезы
Неправедным сердцам!.. Настанет срок!

Свет зажигается.

*Шум, музыка, песни, пляски, хороводы, качели, карусели, потешные огни,
бочки вина и пива. Празднично разодетый народ, скоморохи, петрушки,
циркачи на ходулях, ряженые медведи и козлы, маски придворных и «живая
география».*

1-й скоморох (*объявляет*)

Сегодня праздник!.. Игры и веселье!..

И... великолепные карусели!..

И... фейерверки!.. Пей, гуляй, народ!..

2-й скоморох (*с балалайкой*)

Хорошо живем – лебеду жуем!

Полны шесты – босоты, наготы!

А холод да голод – в амбар заперты!..

Вдруг налетает ураган. Тучи, громы и молнии.

Всех размело, повалило.

Общий крик отчаяния.

Аксинья (*падает на колени*)

Не-ет!.. Не труби, Ангел седьмой!.. Во имя

Отца и Сына и Святаго Духа!..

Все наши преступленья и обман

Своею кровью искупил Иван!..

Крестится.

Все замерли.

Занавес.

2004 г.

ОБ АВТОРЕ

Рябухин Борис Константинович, русский поэт, драматург. Родился в 1941 г. в с. Зимник, Фрунзенского района, Волгоградской области.

Окончил Астрыбвтуз и ВГИК.

Работал инженером на Алтае, в Астрахани и Москве. С 1969 г. работал журналистом и редактором – в «Стройиздате», «Молодой гвардии», «Смене», «Москве», «Литературной газете», «Современнике», «Мир книги», «Мир транспорта», в настоящее время – в «Юности». Около восьми лет был на государственной службе в Миннаце России.

Печатается в центральных изданиях.

С 1973 г. - член Союза журналистов. Автор восьми очерковых книг.

С 1986 г. – член Союза писателей. Автор 13 поэтических книг: «Полынь» (М., «Современник», 1983); «Степан Разин» (М., «Молодая гвардия», 1983 - журнальный вариант); «Даль отчего света» (М., «Современник», 1986); «Перелетные годы» (М., 1990); «Степная воля» (М., РБП, 1993); «Кондрат Булавин» (М., 1993); «Степан Разин» (полный вариант, Ростов-на-Дону, 1994); «Мятежный круг» (М., журнала «Юность», 1998), «Избранное. Драмы в стихах, стихотворения, переводы» (М., «Воскресение», 2002),; «Император Иван» (М., «Московский Парнас» 2005); «Выход в небо» (М., «Алгоритм», 2005).

Много творческих сил Борис Рябухин отдал переводам произведений поэтов и прозаиков как России, так ближнего и дальнего зарубежья.

Особое место в творчестве Бориса Рябухина занимает трилогия драматических поэм «Степан Разин», «Кондрат Булавин» и «Император Иван», над которыми он работал более 30 лет. «Можно даже в некотором смысле сказать, что автор осуществил давний замысел, который вынашивала наша литература, помня завет Пушкина, считавшего Разина самым поэтичным лицом русской истории», - написал в своей книге «Голоса поэтов. Этюды о русской лирике» (1990 г.) известный критик Е. Осетров, назвавший Бориса Рябухина «певцом народной Руси».

В 2001 году Государственный Донской казачий театр (г. Волгоград) поставил пьесу по мотивам исторической хроники Бориса Рябухина «Кондрат Булавин». Международное Сообщество Писательских Союзов присудило Борису Рябухину за исторические хроники в стихах «Кондрат Булавин», «Степан Разин» и сборник стихов «Мятежный круг» Международную Литературную премию имени Николая Тихонова за 1999 г. За историческую хронику «Император Иван» Борису Рябухину в 2005

году журнал «Юность» присудил литературную премию имени Владимира Максимова. В 2008 году - лауреат Литературной премии имени Бориса Шаховского (Астрахань) за книги стихов «Избранное» (2002) и «Силы весенние» (2007).

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы

Доброе имя	
В глиняном городе	
Выход в небо.	
Бойкот.	
«Notebook».	

Очерки

Крестьянский атаман Алена	
Ракеты Константинова.	
Архитектор Зотов	
«Бодрствуйте, друзья, Отечеству в честь!..»	
Семь вершин Федора Конюхова	
Автограф Мирей Матье	
«Душа, не воспылав, свой пламень угасила...»	
Одно лишь утро	

Драматическая поэма

Император Иван (<i>историческая хроника в стихах</i>)	
---	--

<i>Об авторе</i>	
----------------------------	--

Рябухин Борис Константинович

ВЫХОД В НЕБО

Рассказы. Очерки. Драматическая поэма.

Издание в редакции автора

Технический редактор

Корректор

Сдано в набор Подписано в печать

Формат Гарнитура Бумага

Печать офсетная. Заказ № Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии №

г. Москва,